СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

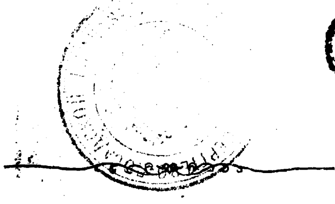
ПО

КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

для учениковъ гимназій Кіевскимъ Отдѣленіемъ Общества классической филологіи и педагогики.

ВЫПУСКЪ I-й.

КІЕВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1884.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 13 декабря 1883 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОГРѢШНОСТИ.

(Въ статьѣ Турцевича: Водоснабженіе древняго Рима).

Стр.	Стр.	Опустить
22,	18	(древн. Самніумъ)
92,	10	кирпича

Напечатано:		Читай:
62,	6 Джоррджерета	Джирдженти
63,	прим. ὕδωφ	ὕδωρ
68,	12 на $^1/_9$	на $^8/_9$
80,	30 подпочвенный	надпочвенный
85,	3 что вполнѣ	что это дѣло вполнѣ
95,	5 вершка	дюйма
117,	пр. 3 pedem	pedum
119,	пр. (стр. 140)	(стр. 190)
134,	22 quaque	quoque
145,	пр. Какъ	Такъ какъ
Тамъ же:	новаго времени	новаго времени интересно, то

ИЛІАДА ГОМЕРА

РАПСОДІЯ I-ая

Моръ. Гнѣвъ.

Гнѣвъ воспой, богиня, Пелеева сына Ахила
Пагубный гнѣвъ, Ахейцамъ тьмы скорбей причинившій.
Много онъ въ область Аида душъ могучихъ отправилъ
Витязей; ихъ же самихъ добычею сдѣлалъ собакамъ
5. И птицамъ—хищникамъ всякимъ; (Діева воля свершалась)
Съ той поры, какъ только, другъ съ другомъ повздоривъ, разстались
Царь мужей Атреевичъ и Ахилей-свѣтъ-Пелеевичъ!
Кто жъ изъ боговъ столкнулъ ихъ обоихъ на ссору и распрю?
Леты и Дія сынъ; ибо онъ, на царя разсерженный,
10. Злую болѣзнь по войску возбудилъ, и гибнули люди.
И все за то, что Хрису жрецу нанесъ оскорбленье
Царь Атрейчъ. Жрецъ же пришелъ къ кораблямъ быстроходнымъ Ахеянъ,
Чтобы изъ плѣна взять дочь, неся безчисленный выкупъ,
Аполлона вѣнокъ въ рукахъ держа, дальнеержца,
15. На жезлѣ золоченномъ, всѣхъ молилъ онъ Ахеянъ;
Двухъ же найбольше Атреевичей, народоправителей:

17. „О Атрейчи и всѣ обутые пышно Ахейцы!
„Вамъ пусть боги дадутъ, въ Олимпійскихъ чертогахъ живущіе,
„Городъ разрушить Пріама, счастливо въ домы вернуться.
20. „Дочь же мнѣ милую вы отпустите и выкупъ примите,
„Чтя дальневержца, сына Діева Аполлона."
Прочіе въ благоговѣньи всѣ смолкли Ахейцы, желая,
Чтобы жрецъ былъ почтенъ и принятъ выкупъ блестящій.
Но Агамемнону то не по сердцу было Атрейчу.
25. Злобно жреца онъ отвергъ и прибавилъ грозное слово:
„Чтобы тебя старикъ не засталъ при полыхъ судахъ я,
„Ни-коль замедлишь,—теперь, ни послѣ, коль снова придешь ты,
„И ужь тебѣ не помогутъ ни жезлъ, ни вѣнокъ Аполлона!
„Дѣвы же не отпущу, и она состарится прежде
30. „Въ Аргѣ, въ нашемъ дому, далеко отъ сторонки родимой,
„Кросны въ трудѣ обходя или ложе со мной раздѣляя.
„Ты же ступай и меня не гнѣви, чтобъ уйти по здорову!"
Такъ онъ сказалъ. Устрашился старикъ и послушался слова;
Рта не раскрывъ, пошелъ вдоль брега волнъ моря, плещущихъ шумно.
35. Много потомъ идучи въ сторонкѣ старецъ молился
Аполлону царю, сыну Леты пышноволосой:
„Мнѣ внемли, сребролукій, который хранишь городъ Хрису,
„Киллу священную также, и мощно владѣешь Тенедомъ,
„Мышегубъ! Если я твой храмъ пріятный украсилъ,
40. „Иль если въ жертву тебѣ сжигалъ я тучныя бедра
„Козъ и быковъ, и мнѣ ты исполни нынѣ желанье:
„Пусть за слезы мои Данайцамъ отмстятъ твои стрѣлы!"
Такъ говорилъ онъ молясь, и услышалъ его Аполлонъ Фэбъ.
Внизъ по Олимпа вершинамъ пошелъ онъ, гнѣваясь въ сердцѣ,
45. Лукъ держа на плечахъ и колчанъ обоюду-закрытый.
За плечьми зазвенѣли стрѣлы у гнѣвнаго бога,
Въ быстромъ движеньи его, а онъ шелъ ночи подобный.
Отъ кораблей въ сторонѣ онъ садился, выпустилъ стрѣлу;
Страшный звонъ зазвенѣлъ изъ посеребреннаго лука.
50. Прежде на вьючный скотъ онъ напалъ и на псовъ легконогихъ,
Но потомъ на людей самихъ, стрѣлу жесткую выславъ,
Грянулъ. И частые труповъ горѣли костры безпрерывно.

Девять дней на войско падали божіи стрѣлы,
А на десятый созвалъ Ахилей народное вѣче.
55. То внушила ему бѣлорукая Гера богиня,
За Данайцевъ тревожась и гибель ихъ частую видя.
Вотъ когда всѣ они собрались и къ сбору явились,
Вставши предъ ними, держать началъ рѣчь Ахилей быстроногій:
„Думаю я, Атреевичъ, что, ничего не достигнувъ,
60. „Мы вернемся обратно, хотябы и смерти избѣгли,
„Такъ какъ моръ и война за одно доканаютъ Ахеянъ;
„Но лучше мы гадателя спросимъ или жреца хоть,
„Или сновидца, ибо и сонъ отъ Дія бываетъ,
„Пусть онъ скажетъ, чего такъ разгнѣвался богъ Апполонъ Фэбъ?
65. „За стотельчую-ль жертву или за обѣтъ несвершенный?
„Можетъ быть, агнцевъ жертвенный дымъ принявъ и козъ чистыхъ,
„Язву отъ насъ моровую онъ отразить пожелаетъ."
Такъ сказавъ, онъ тотчасъ садился и всталъ передъ ними
Калхантъ Ѳесторовъ сынъ, всѣхъ птицегадателей лучшій:
70. Зналъ онъ все, что есть, и что будетъ, и что прежде было.
И корабли Ахейскіе онъ же довелъ къ Иліону
Тѣмъ искусствомъ гаданья, что далъ ему Аполлонъ Фэбъ.
Мужъ сей, разумное мыслящій, рѣчь сталъ держать и сказалъ имъ:
„О Ахилей, Дію милый, мнѣ объяснить велишь ты
75. „Гнѣвъ Аполлона царя, далеко разящаго бога.
„Я конечно скажу, ты же выслушай и поклянись мнѣ,
„Что мнѣ со всею готовностью словомъ и дѣломъ поможешь,
„Ибо, какъ думаю, я разсержу человѣка, который
„Выше всѣхъ Аргивянъ, и кому подвластны Ахейцы.
80. „Князь сильнѣе всегда, коль сердитъ на низшаго мужа;
„Хоть въ день тотъ самый гнѣвъ въ душѣ своей и подавитъ,
„Держитъ потомъ онъ злобу, пока не свершитъ отомщенья,
„Въ сердцѣ своемъ. Въ тотъ часъ ты меня спасешь ли, подумай?"
Отвѣчая ему, сказалъ Ахилей быстроногій:
85. „Можешь смѣло сказать прорицанье, которое знаешь!
„Ибо клянусь Аполлономъ, Дію любезнымъ, кому ты,
„Калхантъ, молясь, Данайцамъ прорицанья вѣщаешь:
„Изъ всѣхъ Данайцевъ никто, пока я живу и свѣтъ вижу,

„На тебя при судахъ полыхъ тяжкихъ рукъ не наложитъ;
90. „Даже если и на Агамемнона скажешь, который
„Нынѣ хвалясь себя ставитъ гораздо всѣхъ выше Ахеянъ."
Вотъ тогда ободрясь, возгласилъ непорочный гадатель:
„Не за обѣтъ несвершенный и не за стотельчую жертву—
„Богъ сердитъ за то, что жреца оскорбилъ Агамемнонъ:
95. „Дочери не отпустилъ на свободу и выкупа не взялъ.
„Вотъ отъ чего скорби намъ. Ихъ еще дальневержецъ прибавитъ
„И онъ Данайцевъ не прежде отъ гнусной язвы избавитъ,
„Чѣмъ отдадутъ отцу милому дѣву со взоромъ блестящимъ
„Даромъ, безъ выкупа, и отвезутъ стотельчую жертву
100. „Въ Хрису. Тогда, можетъ, мы его на милость преклонимъ."
Такъ сказавъ, онъ тотчасъ садился, и всталъ передъ ними
Витязь Атреевъ сынъ, Агамемнонъ пространно-державный,
Въ негодованьи; яростью сильной наполнилось сердце
Мрачное, очи блескомъ пламени стали подобны.
105. Къ Калханту прежде, злобно глядя, обратился онъ съ рѣчью:
„Золъ провѣщатель, желаннаго ты никогда не сказалъ мнѣ,
Злое всегда душѣ твоей мило; его лишь вѣщаешь,
„Добраго ты ничего еще не сказалъ и не сдѣлалъ,
„Вотъ и теперь, прорицая, Данайцамъ ты возвѣщаешь,
110. „Будто-де изъ за того скорби имъ дальневержецъ готовитъ,
„Что я за дѣву, Хриса дочь, блестящаго выкупа
„Взять не хотѣлъ; тогда какъ ее я сильно желаю
„Дома имѣть, ибо и Клитемнестрѣ предпочитаю,
„Мнѣ съ юныхъ лѣтъ супругѣ; она ей ни въ чемъ не уступитъ:
115. „Ни въ осанкѣ, ни въ ростѣ, ни въ разумѣ, ни въ рукодѣльи,
„Но такъ и быть! обратно отдамъ ее, ибо такъ лучше:
„Людямъ скорѣе спастися желаю, чѣмъ погибать имъ.
„Но изъ добычи тотчасъ приготовьте мнѣ долю другую,
„Чтобъ обездоленъ я не былъ одинъ изъ Аргивянъ позорно.
120. „Видите всѣ: изъ рукъ у меня какой кусъ уплываетъ!
И ему отвѣчалъ потомъ крѣпконогій Ахилъ—свѣтъ:
„О преславный Атреевичъ и прекорыстолюбивый!
„Гордые духомъ тебѣ какъ вернутъ твою долю Ахейцы?

„Общихъ запасовъ, въ обильи лежащихъ, нигдѣ мы не знаемъ;
125. „Но что изъ городовъ мы награбили, раздѣлено ужъ,
„Отъ людей же отнявъ, вновь собирать не годится,
„Но ты ее теперь для бога пусти, мы-жъ, Ахейцы,
„Втрое и вчетверо больше дадимъ тебѣ, если хоть гдѣ Дій
„Дастъ намъ городъ укрѣпленный Троянскій разрушить.“
130. Отвѣчая ему сказалъ Агамемнонъ державный:
„Такъ не хитри, хоть и доблестенъ ты Ахилъ богоподобный,
„Вѣдь меня не обойдешь, на твои убѣжденья не сдамся.
„Или желаешь лишь самъ свою долю имѣть, а мнѣ такъ ужъ,
„Дара лишившись, сидѣть и ее отдать ты прикажешь?
135. „Да, если гордые духомъ Ахейцы сами дадутъ мнѣ
„Выбравши даръ по душѣ, чтобъ могъ служить воздаяньемъ;
„Если же не дадутъ, то и самъ придя отниму я
„Долю твою, иль Эанта, или же у Одиссея
„Взявъ уведу. О, какъ тотъ разъярится, къ кому я приближусь!
140. „Впрочемъ все это, конечно, снова въ другой разъ обсудимъ,
„А теперь черный корабль на соленыя ясныя волны
„Спустимъ, гребцовъ довольно сберемъ и стотельчую жертву
„Нагрузимъ и Хриса дочь, румяную дѣву
„Мы посадимъ туда, одинъ мужъ будетъ главою:
145. „Или Эантъ, иль Идоменей, или Одиссей—свѣтъ,
„Или ты Пелеевичъ, изъ всѣхъ мужей найстрашнѣйшій.
„О когда бъ дальневержца жертвой склонилъ ты на милость!“

Косо взглянувъ на него, сказалъ Ахилей быстроногій:
„Ахъ ты, броней облеченный безстыдства любостяжатель!
160. „Какъ можетъ кто изъ Ахейцевъ словамъ твоимъ повиноваться,
„Или чтобъ путь совершить, иль съ мужами мощно сражаться?
„Я вѣдь не ради Троянъ сюда пришелъ копьеборцевъ
„Въ битвахъ сражаться; они предо мною ни въ чемъ неповинны,
„Ибо не разу ни стадъ моихъ, ни коней не угнали
155. „И въ Фѳіѣ никогда плодоносной, мужей возращающей
„Не истребляли плодовъ, такъ какъ много насъ горъ раздѣляетъ,
„Тѣнь подающихъ, даже и сильно шумящее море.
„Но за тобой всѣ, тебя, безстыднѣйшій, радуя, шли мы,
„Честь чтобъ добыть Менелаю, тебѣ тожъ, собачіи очи!

160. „Отъ Троянъ—о томъ ты и думать забылъ, вѣроятно.
„Долю мою-же вотъ у меня отнять угрожаешь,
„Что снискалъ я трудами, сыны же мнѣ дали Ахеянъ.
„Доли равной съ тобой никогда я не получаю,
„Если городъ Троянъ разорятъ населенный Ахейцы.
165. „Но что только тяжеле въ войны бурныхъ схваткахъ бываетъ,
„Руки мои побораютъ; когда же настанетъ дѣлежка,
„Много большая доля тебѣ. Я жъ и малымъ довольный
„Ухожу къ кораблямъ, хотя изнуренный войною.
„А теперь пойду въ Фѳію, да и лучше гораздо
170. „Въ домъ на судахъ крючковатыхъ вернуться, вѣдь я не согласенъ,
«Чести лишенный, копить для тебя добро и богатство."
И ему отвѣчалъ потомъ царь мужей Агамемнонъ:
„О, пожалуй, бѣги, если духъ твой стремится; тебя я
„Ради меня не прошу оставаться: здѣсь есть и другіе
175. „Что почтятъ меня, наибольше же Дій промыслитель.
„Ты для меня ненавистнѣе всѣхъ князей, Дія питомцевъ,
„Ибо всегда тебѣ милы ссоры и войны и распри,
„А что ты силенъ въ борьбѣ, то это тебѣ даровалъ богъ.
„На корабляхъ домой возвратясь со своею дружиной,
180. „Надъ Мирмидонами царствуй. А я о тебѣ не забочусь,
„Что мнѣ до твоей злобы? Тебѣ же такъ грозить стану:
„Ужь когда у меня беретъ Хрисову дочь Аполлонъ Фэбъ,
„То ее на своемъ кораблѣ и съ дружиной моею
„Я отошлю; но за то уведу дочь румяную Бриса,
185. „Долю твою, самъ въ палатку пришедши, чтобы ты понялъ,
„Сколь я могуче тебя, и было бъ другимъ неповадно
„Ставить на ровную ногу себя и со мною равняться."
Такъ онъ сказалъ. И больно то было Пелеичу. Сердце
Въ груди косматой его межъ двухъ волновалось рѣшеній:
190. Или чтобы, при бедрѣ мечъ острый изъ ноженъ извлекши,
Всѣхъ другихъ разогнать и убить Атреева сына,
Или же злобный гнѣвъ сдержать и духъ укротить свой.
Такъ пока думалъ умомъ и сердцемъ рѣшалъ онъ,
195. Мечъ же изъ ноженъ извлекалъ, явилась Аѳина
Съ неба. Ее бѣлорукая Гера богиня послала,
Равно обоихъ любя ихъ, въ душѣ за обоихъ тревожась.

Стала сзади она, волосъ русыхъ Ахила коснулась.
Затрепеталъ Ахилей, обернулся; тотчасъ узналъ онъ
200. Дѣву Аѳину Палладу; ея очи страшно блеснули!
Къ ней возгласивши, онъ вѣщалъ крылатыя рѣчи:
„Ты для чего же пришла, чадо Дія эгидодержца
„Или чтобы Агамемнона наглость увидѣть Атрейча?
„Но я тебѣ скажу, и думаю то совершится:
205. „Дерзостью онъ своею когда-нибудь душу погубитъ."
Но въ отвѣтъ свѣтлоокая молвитъ богиня Аѳина:
„Съ неба пришла я, чтобъ гнѣвъ твой сдержать, коли ты послушенъ,
„А послала меня бѣлорукая Гера богиня,
„Равно обоихъ любя васъ, въ душѣ за обоихъ тревожась:
210. „Ну же, драку оставь и за мечъ не хватайся рукою,
„Но на словахъ его выбрани, душенькѣ сколько угодно.
„А я скажу тебѣ такъ, и то навѣрно свершится:
„Нѣкогда въ три раза больше блестящихъ даровъ ты получишь
„За эту наглость его, удержись же и намъ повинуйся."
215. Ей отвѣчая на то, сказалъ Ахилей быстроногій:
„Долженъ исполнить я ваше велѣнье, богиня,
„Хоть я и сильно въ душѣ разъярился; такъ будетъ лучше:
„Кто послушенъ богамъ, охотно они тому внемлютъ."
Молвилъ, сдержавъ руку тяжкую на рукояти сребренной.
200. Въ ножны обратно толкнулъ мечъ могучій и покорился
Слову Аѳины; быстро она на Олимпъ вознеслася
Въ Дія щитодержца чертоги, въ среду боговъ прочихъ.
Ахилей же Пелеичъ съ жестокими снова словами
Такъ Атреичу молвилъ, злиться не переставая:
225. „Пьяница ты, съ очами собачьими, сердцемъ оленьимъ!
„О, никогда еще ни съ людьми на войну снарядиться,
„Ни въ засаду идти съ храбрѣйшими ты изъ Ахеянъ
„Не рѣшился въ душѣ: то тебѣ все кажется смертью.
„Да, гораздо милѣй по пространному стану Ахеянъ
230. „Долю того отнимать, кто супротивъ тебя скажетъ!
„Князь міроѣдъ! Ибо надъ ничтожными царь ты мужами,
„А то бъ теперь былъ конецъ твоему нечестивству, Атреичъ!
„Но говорю тебѣ такъ и великую клятву прибавлю;

„Да, клянусь симъ жезломъ, что ужь больше ни листьевъ, ни вѣ-
токъ

235. „Не родитъ, на горѣ свой пень родимый покинувъ,
„И больше не зацвѣтетъ, такъ какъ мѣдь у него ободрала
„Листья и кору, теперь сыны его носятъ Ахеянъ,
„Судьи, въ дланяхъ своихъ, всякій разъ какъ отъ Дія рѣшенья
„Исполняютъ они; тебѣ будетъ великой онъ клятвой;
240. „Нѣкогда всѣ объ Ахилѣ сыны пожалѣютъ Ахеянъ!
„Имъ тогда, хоть тоскуя въ душѣ, помочь ты не сможешь
„Въ тотъ разъ, какъ отъ рукъ мужеубійцы Гектора много
„Мертвыхъ падетъ; и будешь терзать свое сердце въ досадѣ,
„Что такъ мало почтилъ наилучшаго изъ всѣхъ Ахеянъ."
245. Такъ говорилъ Пелеичъ, и жезлъ онъ бросилъ на землю
Золотыми гвоздями украшенный, самъ же садился;
А въ сторонѣ Атреевичъ злобствовалъ. Несторъ предъ ними
Сладкорѣчивый поднялся, звучный витія Пилійцевъ,
Съ языка котораго рѣчь текла слаще меда.
250. Два передъ нимъ поколѣнья людей, говорящихъ раздѣльно,
Вымерли, кои прежде съ нимъ взросли и родились
Въ Пилѣ священномъ; теперь среди третьяго онъ ужь царемъ былъ.
Мужъ сей, разумное мыслящій, рѣчь сталъ держать и сказалъ имъ:
„Охъ! большая бѣда пришла точно на землю Ахеянъ;
255. „О, какъ возликовалъ бы Пріамъ и дѣти Пріама,
„Да и другіе Троянцы возвеселились бы духомъ,
„Еслибъ все это узнали, что вы такъ ссоритесь оба,
„Кои въ совѣтѣ, а также и въ битвахъ всѣхъ выше Данайцевъ!
„Но мнѣ будьте послушны, меня же вы оба моложе.
260 „Было время когда то и съ лучшими, чѣмъ вы мужами,
„Рѣчь я велъ, и они никогда мной не пренебрегали.
„Да, такихъ не видалъ я мужей другихъ—и не увижу,
„Какъ былъ Перивой тогда и Дріантъ, пастырь народовъ,
„И Кеней, и Ексадій, и Полифемъ богоравный,
265. „И Ѳесей Эгея сынъ, безсмертнымъ подобный.
„Были они на землѣ всѣхъ живущихъ гораздо сильнѣе.
„Да, сильнѣе всѣхъ были, съ сильнѣйшими въ битву вступали,
„Съ дикими горъ жильцами и страшно ихъ поразили.
„Такъ и съ ними бесѣдовалъ я, изъ Пила пришедши,

270. „Издалека, изъ приморской страны; они сами призвали.
„Хоть и самъ по себѣ я сражался, но съ ними сразиться
„Нынѣ ни одинъ не могъ бы изъ смертныхъ на свѣтѣ.
„Все же и мой совѣтъ принимали они и слушались слова.
„Слушайтесь также и вы меня, ибо слушаться лучше:
275. „Дѣвы себѣ у него, мужъ хоть доблестный, не отнимай ты,
„Но оставь ему даръ, что сперва сыны дали Ахеянъ;
„И ты, Пелеевичъ, силою съ княземъ спорить не мысли!
„Вѣдь никогда еще чести подобной не доставалось
„Князю жезлодержцу, славу которому далъ Дій.
280. „Ты хотя и сильнѣй и родила тебя мать богиня,
„Но онъ могуче за то, ибо больше имѣетъ подвластныхъ.
„Гнѣвъ свой сдержи Атреевичъ; самъ я тебя умоляю
„Злобу оставить свою на Ахила, который бываетъ
„Сильнымъ для всѣхъ Ахеянъ оплотомъ противъ войны лютой.“
285. Отвѣчая ему, сказалъ Агамемнонъ державный:
„Подлинно, это все говорилъ ты старецъ, какъ должно,
„Но человѣкъ сей всегда всѣхъ выше другихъ быть желаетъ,
„Властвовать всѣми онъ хочетъ и надъ всѣми царемъ быть,
„Всѣмъ указывать, хоть не всякъ, думаю, слушаться станетъ.
290. „Если жъ бойцомъ его создали вѣчносущіе боги,
„То неужель оттого лишь ругательства съ устъ его льются?“
Рѣчь прерывая, ему возразилъ Ахилей свѣтъ Пелеичъ:
„Да, конечно, ничтожнымъ и трусомъ назвать меня можно,
„Если тебѣ я во всемъ уступлю, что бы ни приказалъ ты.
295. „Всѣмъ другимъ, если хочешь повелѣвай, одному лишь
„Мнѣ не указывай! Вѣдь тебя слушаться я и не мыслю.
„Я другое скажу тебѣ, ты же въ своемъ сложи сердцѣ:
„Рукъ своихъ въ дѣло я не намѣренъ пускать ради дѣвы,
„Ни съ тобой, ни съ другимъ, такъ какъ отняли то вы, что дали,
300. „А изъ другого же, что на черномъ суднѣ быстроходномъ
„Есть у меня, ничего отнявъ не унесешь противъ воли!
„А не то, ну попробуй, чтобы и они здѣсь всѣ знали:
„Быстро черная кровь твоя о копью потечетъ вмигъ!
Такъ они на словахъ жестоко другъ съ другомъ повздоривъ,
305. Поднялись съ мѣстъ; вѣче при судахъ распустили Ахеянъ.
Князь Пелеичъ къ палаткамъ и къ судамъ пошелъ ровнымъ

Вмѣстѣ съ Менойтія сыномъ и со своею дружиной.
На соленыя волны спустилъ корабль быстрый Атреичъ,
Двадцать назначилъ туда гребцовъ и стотельчую жертву
310. Богу онъ нагрузилъ и дочь румяную Хриса
Самъ на судно посадилъ, главнымъ сѣлъ Одисей многодумный.
Сѣвъ на корабль поплыли они по влажной дорогѣ.
Людямъ Атреевичъ всѣмъ отъ заразы велѣлъ очищаться;
И очищались, въ пучину соленую нечисть бросали,
315. Аполлону частыя жертвы стотельчьи свершали
Козъ и быковъ вдоль брега соленой шумящей пучины.
Жирный жертвенный паръ шелъ къ небу, віясь вокругъ дыма.
Тѣмъ они занимались по войску, но Агамемнонъ
Не оставилъ вражды, коей прежде грозилъ Ахилею;
320. Вотъ какъ приказывалъ онъ Талѳибію и Эврибату,
Что глашатаи были ему и ретивые слуги:
„Вы ступайте въ палатку Пелеева сына Ахила,
„За руку взявши ведите дочь Бриса, румяную дѣву.
„Если же не отдастъ, то и самъ отниму я пришедши
325. „Съ большимъ числомъ; тогда нагоню ему холоду, страхъ какъ!“
Такъ сказавъ, ихъ отсылаетъ, грозное слово прибавивъ.
Нехотя шли они вдоль брега безплоднаго моря.
Вотъ наконецъ пришли къ Мирмидонскимъ судамъ и палаткамъ
И его при черномъ суднѣ у палатки застали.
330. Тамъ сидѣлъ онъ. Ихъ увидя Ахилъ обрадованъ не былъ.
Оба они оробѣвъ и въ благоговѣньи предъ княземъ
Стали: ни звука къ нему и ни единаго слова.
Самъ все понялъ Ахилъ въ душѣ своей и воскликнулъ:
„Мой вамъ привѣтъ, послы, Дія вѣстники и человѣковъ!
335. „Смѣло приблизьтесь, не вы въ томъ виновны, но Агамемнонъ,
„Что васъ обоихъ послалъ за дѣвой, дочерью Бриса.
„Ну, Патроклъ богородный, имъ скорѣй веди дѣву,
„Имъ отдай, пусть берутъ! Они оба въ свидѣтеляхъ будутъ
„Предъ богами блаженными и людьми смертными также
340. „И передъ княземъ тѣмъ жестокосердымъ на тотъ случай, если
„Будетъ нужда во мнѣ, чтобъ избавить отъ смерти позорной
„Прочихъ. Подлинно, бѣсится онъ въ своемъ жалкомъ безумьи;
„Ни что прошло не умѣетъ обдумать ни выгадать раньше,

„Чтобы его при судахъ невредимы сражались Ахейцы."
345. Такъ говорилъ онъ. Патроклъ послушался милаго друга,
Вывелъ изъ палатки дочь Бриса и румяную дѣву
Отдалъ имъ. Вдоль кораблей Ахейскихъ пошли они снова;
И неохотно жена пошла съ ними вмѣстѣ. Ахилъ же
Весь въ слезахъ, отъ друзей удалившись въ сторонкѣ садился
350. У брега волнъ сѣдыхъ, глядя на безграничное море.
Много онъ матери милой молился, руки простерши:
„Матушка, ужь когда сына ты кратковѣчнымъ родила,
„Честью его одѣлить за то Олимпіецъ бы долженъ,
„Дій гремящій высоко; меня жъ не почтилъ онъ ни крошки,
355. „Подлинно, вѣдь, Атрейчъ Агамемнонъ пространно-державный
„Чести лишилъ меня: даръ мой насильно отнявъ, самъ владѣетъ!"
Такъ говорилъ, лія слезы. Услышала властная матерь,
У отца старца сидѣвшая въ глубинѣ водъ соленыхъ.
Быстро она изъ пучины сѣдой поднялася туманомъ,
360. Передъ сыномъ садилась она, проливающимъ слезы,
И поласкавши рукой, окликнула, слово сказала:
„Что плачешь, дитятко? Горе какое пришло въ твое сердце?
„Выскажи все, въ душѣ не таи; пусть знаемъ мы оба."
Ей со стономъ тяжелымъ сказалъ Ахилей быстроногій:
365. „Знаешь сама. Зачѣмъ говорить тебѣ, знающей то все?
„Мы на Ѳебу пошли, градъ могучій Эѳтіона,
„Городъ разграбили мы и сюда привезли всю добычу;
„Все межъ собой, какъ должно, сыны раздѣлили Ахеянъ.
„Выбрали для Атрейча дочь Хриса, румяную дѣву.
370. „Хрисъ же, жрецъ Аполлона, далеко разящаго бога,
„Къ быстрымъ пришелъ кораблямъ Ахейцевъ мѣднокольчужныхъ,
„Чтобы выручить дочь, неся безчисленный выкупъ;
„Аполлона вѣнокъ въ рукахъ держа, дальневержца,
„На жезлѣ золоченомъ; всѣхъ молилъ онъ Ахеянъ,
375. „Двухъ же найбольше Атреевичей, народоправителей.
„Прочіе въ благоговѣньи всѣ смолкли Ахейцы, желая,
„Чтобы жрецъ былъ почтенъ и принятъ выкупъ блестящій;
„Но Агамемнону то не по сердцу было Атрейчу,
„Онъ съ позоромъ отвергъ жреца, грозное слово прибавивъ.
380. „Въ гнѣвѣ старикъ удалился обратно; и Аполлонъ Фѳбъ,

„Внявъ мольбамъ жреца, который былъ ему дорогъ,
„Злую стрѣлу на Аргивянъ пустилъ, и начали люди
„Гибнуть толпами. И всюду боговы падали стрѣлы
„По широкому стану Ахеянъ; намъ же гадатель,
385. „Свѣдущій мужъ прорицанья вѣщалъ разящаго бога.
„Фэба немедля на милость склонить—я потребовалъ первый.
„Злоба потомъ обуяла Атреича и, вставши съ мѣста,
„Погрозилъ онъ словомъ, которое ужъ и исполнилъ.
„На суднѣ быстромъ ее Ахейцы—со взоромъ блестящимъ
390. „Въ Хрису шлютъ и везутъ дары царю Аполлону.
„Только что изъ палатки моей глашатаи вышли,
„Съ дочерью Бриса, которую дали сыны мнѣ Ахеянъ,
„Но, если можешь ты, заступись за славнаго сына!
„На Олимпъ вознесясь, умоли Дія, если когда ты
395. „Словомъ или же дѣломъ была сердцу Дія угодна.
„Часто, вѣдь, отъ тебя въ чертогахь отцовскихъ я слышалъ,
„Какъ ты хвалилась, что тучъ мрачныхъ жителя, Кронова сына,
„Ты одна средь безмертныхъ спасла отъ гибели гнусной
„Въ часъ тотъ, когда его связать Олимпійцы хотѣли:
400. „Гера и Поссейдонъ и съ ними Паллада Аѳина.
„Но ты, богиня, пришедши его отъ узъ освободила,
„Быстро сторукаго на Олимпъ высокій приведши,
„Что Бріареемъ слыветъ у боговъ, а всѣ зовутъ люди
„Эгеономъ его—силой онъ и отца превосходитъ.
405. „Онъ подлѣ Кронова сына садился, мощью гордяся;
„Устрашились блаженные боги и не связали.
„Все то припомни ему, возлѣ сядь, схвати за колѣни,
„Можетъ быть, онъ и захочетъ Троянцамъ послать свою помощь
„И у кормъ корабельныхъ стѣснитъ возлѣ моря Ахеянъ
410. „На убой; пусть тогда они съ своимъ возятся княземъ!
„И узнаетъ Атрейчъ Агамемнонъ пространно-державный
„Ту бѣду, что не почтилъ наилучшаго изъ всѣхъ Ахеянъ.“
Слезы лія, ему на то отвѣчала Ѳетида:
„Ахъ, дитя! Зачѣмъ только тебя я на горе родила?
415. „О, когда бъ ты при судахъ безъ слезъ и безъ бѣдствій сидѣть могъ!
„Мало вѣдь жить суждено тебѣ, и вѣкъ твой не дологъ,

„Разомъ теперь ты всѣхъ кратковѣчнѣй и горемычнѣй!
„Тѣмъ то тебя я на злую долю въ чертогахъ родила.
„Слово жъ твое сказать полечу къ Дію, молній любителю,
420. „Я сама на Олимпъ многоснѣжный: авось онъ исполнитъ.
„Ты же, сидя теперь на своихъ судахъ быстро-ходныхъ,
„На Ахейцевъ сердись, отъ войны удерживайсь вовсе.
„Дій вѣдь на Океанъ къ Эѳіопамъ, людямъ непорочнымъ,
„На пированье пошелъ вчера, съ нимъ всѣ отправились боги;
425. „Но въ двѣнадцатый день онъ опять на Олимпъ возвратится.
„Вотъ тогда пойду я въ домъ Дія мѣднопорожный
„И къ колѣнамъ его упаду, и меня онъ услышитъ."
Такъ возгласивши, она удалилась, его тамъ оставивъ,
Гнѣвнаго въ сердцѣ изъ-за жены, опоясанной пышно,
430. Что у него, противъ воли, насильно отняли. А въ Хрису
Одиссей съ священною жертвой стотельчею прибылъ.
Вотъ когда ужъ они вошли въ глубокую гавань,
Паруса убравъ, на суднѣ ихъ черномъ сложили,
Мачту къ гнѣзду наклонили, ее опустивъ на канатахъ;
435. Веслами быстро судно они къ причалу пригнали,
Выкинувъ изъ судна камни, канаты кормы привязали;
Выходили и сами у брега въ волны морскія,
Вывели жертву стотельчью далеко разящему Фэбу,
Вышла изъ судна мореходнаго также дочь Хриса.
440. Къ алтарю ведя дѣву, Одиссей многодумный
Милому въ руки отцу отдавалъ и ему говорилъ такъ:
„Хрисъ, меня послалъ властитель мужей Агамемнонъ,
„Дочь тебѣ отвезти и Фэбу стотельчую жертву
„За Данайцевъ свершить, да умилостивимъ тѣмъ владыку,
445. „Что на Аргивянъ наслалъ теперь многостонныя бѣды."
Такъ говоря, онъ дѣву сдалъ на руки. Радостно принялъ
Старецъ милую дочь! И священную жертву проворно
Вкругъ алтаря поставили великолѣпнаго рядомъ,
Руки омыли потомъ всѣ и ячменю взяли съ солью.
450. Хрисъ предъ ними громко молился, руки поднявъ вверхъ:
„Мнѣ внемли, сребролукій, который хранишь городъ Хрису,
„Киллу священную также, и мощно владѣешь Тенедомъ.
„Въ тотъ разъ ты внялъ мнѣ, когда я къ тебѣ прибѣгнулъ съ мольбою;

„Въ честь мою народъ поразилъ ты тяжко Ахеянъ.
455. „И еще мое ты исполни такое желанье:
„Отрази теперь отъ Данайцевъ гнусную язву!"
Такъ говорилъ онъ, молясь, и услышалъ его Аполлонъ Фэбъ.
Но, когда, помолившись, на жертвы ячмень побросали,
Головы прежде загнувъ имъ, ихъ закалавъ, ободрали,
460. Бедра отрѣзали, жиромъ покрыли, сложивъ его вдвое,
Мяса сыраго куски на нихъ потомъ положили—
На дровахъ жегъ старикъ, и вино искрометное лилъ онъ;
Юноши возлѣ него въ рукахъ пятизубцы держали.
Послѣ жъ, какъ бедра сожгли, потроховъ по немногу вкусили,
465. Прочее все раздробивъ на куски, вертелами пронзили;
Сжаривъ очень искусно, потомъ съ вертеловъ поснимали.
Но, когда, трудъ окончивъ, устроили пиръ межъ собою,
Всѣ пировали, части пріятной никто не лишенъ былъ.
Послѣ, когда къ питью и ѣдѣ утолили желанье,
470. Отроки до верху всѣ кратеры напиткомъ наполнивъ,
Всѣмъ вино раздѣлили, въ кубкахъ начавъ возліянье.
Пѣніемъ бога своимъ они весь день ублажали.
Чудно пѣли Ахейцы младые хвалебную пѣсню
Въ честь Дальнеержца; слушая, онъ душей веселился.
475. Но, когда закатилося солнце и наступилъ мракъ,
Возлѣ судна у канатовъ кормовыхъ они улеглись спать.
Ранняя розовоперстая чуть заря показалась,
Въ путь отплывали уже къ широкому стану Ахейцы;
Вѣтеръ попутный имъ посылалъ Аполлонъ дальнеержецъ.
480. Мачту подняли и парусъ бѣлый на ней натянули.
Парусъ въ срединѣ вздымался отъ вѣтра; пурпурныя волны
Шумно шипѣли вкругъ киля судна, летѣвшаго быстро;
По волнамъ бѣжало оно, свой путь совершая.
Но когда Ахеянъ широкаго стана достигли,
485. То корабль черный они на берегъ высоко встащили,
Длинныя на пескѣ къ нему прикрѣпили подпорки.
Сами же по судамъ и палаткамъ всѣ разбрелися.
Сидя межъ тѣмъ при судахъ своихъ быстроходныхъ, сердился
Богоподобный сынъ Пелея, Ахилъ быстроногій.
490. Ни на вѣче ходить не хотѣлъ, гдѣ славятся мужи,

Ни на войну. Все милымъ сердцемъ своимъ изнывалъ онъ,
Тамъ оставаясь; душей же къ войнѣ и битвамъ стремился.
Но когда ужь двѣнадцатая заря наступила,
На Олимпъ возвращались вѣчносущіе боги
495. Вмѣстѣ всѣ, Дій во главѣ. Не забыла Ѳетида велѣній
Сына роднаго, но изъ волны морской поднялася;
Съ утра туманомъ взнеслась на великое небо къ Олимпу;
Кроновича нашла; сидѣлъ отдѣльно отъ прочихъ
На многоглаваго высшей вершинѣ Олимпа громовъ царь.
500. Возлѣ него впереди садилась она и къ колѣнамъ
Лѣвой коснулась рукой, а правой взяла подбородокъ.
Дія, Кронова сына, моля, говорила владыкѣ:
„Дій отецъ, если тебѣ средь безсмертныхъ когда помогла я
„Словомъ иль дѣломъ, мое ты нынѣ исполни желанье:
505. „Сыну ты честь возврати; ему вѣкъ кратчайшій назначенъ!
„Нынѣ его оскорбилъ властитель мужей Агамемнонъ.
„Даръ у него онъ отнялъ и имъ насильно владѣетъ.
„Но за него отомсти, Олимпіецъ, Дій промыслитель!
„Силъ прибавляй ты Троянцамъ до тѣхъ поръ, покуда Ахейцы
510. „Сына не вознаградятъ и чести его не умножатъ."
Такъ говорила. Ни слова въ отвѣтъ Дій, тучъ собиратель.
Долго онъ молча сидѣлъ; къ колѣнамъ его какъ коснулась,
Такъ и приникла Ѳетида и снова ему говорила:
„Подлинно мнѣ обѣщай и главою кивни въ знакъ согласья,
515. „Иль откажи; чего бояться тебѣ? Пусть я знаю,
„Что изъ безсмертныхъ богинь передъ тобою всѣхъ я презрѣннѣй."
Ей съ большимъ недовольствомъ сказалъ Дій, тучъ собиратель:
„Да ужь скверное дѣло, что съ Герой повздорить придется
„Черезъ тебя, коль разсердитъ меня она бранью своею.
520. „Ужь и такъ она средь безсмертныхъ мнѣ все перечитъ
„И говоритъ, что въ битвахъ я помогаю Троянцамъ.
„Но ты теперь уходи, чтобъ тебя не замѣтила Гера:
„Я обо всемъ позабочусь, желанье твое чтобъ исполнить.
„Ну, вотъ тебя чтобъ увѣрить, главою кивну въ знакъ согласья;
525. „Это вѣдь между безсмертными знакъ отъ меня величайшій:
„Безъ обмана и неуклонно должно то свершиться,
„Въ знакъ согласья на что, я своею кивну головою."

Такъ сказалъ Кроновъ сынъ и брови темныя сдвинулъ.
И власы нетлѣнные бога-владыки ниспали
530. Внизъ съ безсмертной главы; великій Олимпъ содрогнулся.
Такъ бесѣду окончивъ, они разошлися. Ѳетида
Въ море глубокое съ свѣтлаго прыгнула тотчасъ Олимпа;
Дій же пошелъ въ свой домъ, всѣ боги съ мѣстъ поднялися
Передъ отцомъ своимъ; никто не рѣшился на мѣстѣ
535. Оставаться при входѣ его, но всѣ предъ нимъ встали.
Такъ тамъ на тронъ онъ садился. На него взглянувъ, Гера
Тотчасъ узнала, что съ нимъ совѣщалася вмѣстѣ богиня,
Среброногая дочь морскаго старца, Ѳетида.
Дію Кронову сыну сварливо она говорила:
540. „Кто изъ боговъ раздѣлялъ съ тобой твои мысли, коварный?
„Любо тебѣ всегда, въ сторонѣ отъ меня находяся,
„Козни свои самому обсуждать, и мнѣ никогда ты
„То, что задумалъ, отъ сердца сказать еще не рѣшался.“
Ей на то отвѣчалъ боговъ отецъ и человѣковъ:
545. „Гера, на то не надѣйся напрасно, что всѣ мои мысли
„Можешь узнать: то тебѣ не подъ силу, хоть ты мнѣ супруга.
„Но вѣдать, что подобаетъ, того никто тебя раньше
„Ни изъ боговъ не узнаетъ безсмертныхъ, ни изъ человѣковъ.
„Что жъ безъ боговъ я самъ захочу съ собою обдумать,
550. „Ты о томъ не выпытывай, знать того не добивайся.“
Властная Гера въ отвѣтъ ему бѣлорукая молвитъ:
„О, сынъ Крона ужаснѣйшій, слово какое сказалъ ты!
„Спрашивать я не дерзаю тебя и знать не добиваюсь;
„Ты безъ стѣсненія все обсуждаешь самъ, что захочешь.
555. „Сильно того страшусь въ сердцѣ, тебя чтобъ не убѣдила
„Среброногая дочь морскаго старца, Ѳетида.
„Чуть свѣтъ она предъ тобою садилась, къ ногамъ припадала.
„Подлинно, думаю я, ты ей далъ согласье—Ахилу
„Честь оказать, многихъ при судахъ погубивъ изъ Ахейцевъ.“
560. Ей отвѣчая на то, сказалъ Дій, тучъ собиратель:
„Странная! Какъ подозрительна! я отъ тебя и не скроюсь.
„Этимъ ты ничего не достигнешь, только лишь дальше
„Отъ моего будешь сердца, тебѣ не теплѣе то будетъ.
„Если же это такъ, то такъ мнѣ, значитъ угодно!
565. „Ты же молча сиди и моимъ повинуйся велѣньямъ.

„Всѣ Олимпійскіе боги, возставъ, тебѣ не помогутъ,
„Коль наложу на тебя неприкосновенныя руки."
Молвилъ и въ страхъ повергъ волоокую мощную Геру.
Молча сидѣла она, укротивъ свое милое сердце,
570. Стали печальны въ чертогахъ всѣ небесные боги.
Началъ рѣчь передъ ними держать Гефестъ славный мастеръ
Бѣлорукой Герѣ, матери милой, въ угоду:
„Да, для всѣхъ то пагубно будетъ и невыносимо,
„Ежели изъ-за смертныхъ вы такъ поссоритесь оба.
575. „И средь боговъ вы такъ громко бранитесь! не будетъ пріятно
„Честное намъ пированье, коль царствуетъ злое межъ вами.
„Матери мой совѣтъ, хоть она и сама понимаетъ,
„Милому Дію отцу во всемъ покориться, чтобъ снова
„Не разсердился и пира намъ не разстроилъ родитель.
580. „Ибо когда Олимпіецъ молній метатель захочетъ
„Съ мѣста сбросить кого, то вѣдь онъ всѣхъ гораздо сильнѣе.
„Но ты къ нему обратися сама съ ласкающей рѣчью:
„Тотчасъ богъ Олимпіецъ милостивъ снова къ намъ будетъ."
Такъ сказалъ и, съ мѣста вскочивши, кубокъ двойной онъ
585. Матери милой въ руки давалъ и ей говорилъ такъ:
„Матушка, потерпи и снеси, хоть съ болью на сердцѣ,
„Чтобъ тебя милую мнѣ не пришлося своими очами
„Битой увидѣть, тогда не смогу я, хоть мучиться буду,
„Помощь подать; съ Олимпійцемъ въ бой вступать не легко вѣдь.
590. „Ужъ разъ меня, когда я тебя защищать устремился,
„Бросилъ онъ, за ногу схвативъ, отъ божья порога;
„Цѣлый день я летѣлъ и только съ солнца заходомъ
„Палъ на островѣ Лемнѣ; едва духъ въ тѣлѣ держался.
„Приняли тамъ меня мужи Синтійскіе послѣ паденья."
595. Такъ онъ сказалъ. Улыбнулась на то бѣлорукая Гера.
Улыбнувшись, она взяла изъ рукъ кубокъ у сына.
Онъ же и прочимъ богамъ всѣмъ безсмертнымъ, справа начавши,
Наливалъ сладкій нектаръ, изъ кратеры черпая.
Смѣхъ среди блаженныхъ боговъ неумолчный поднялся,
600. Лишь увидали они, какъ Гефестъ пыхтя суетился.
Такъ день цѣлый до солнца захода они пировали.
Въ пирѣ равно участвовалъ каждый, въ душѣ наслаждаясь

Звуками струнъ киөары прекрасной въ рукахъ Аполлона
И музъ голосомъ чуднымъ, чтò пѣли одна за другою.
605. Но когда уже солнца свѣтъ блестящій сокрылся,
Изъ боговъ туда каждый въ свой домъ почивать отправлялся,
Гдѣ Гефестъ ему славный хромоногій художникъ
Разумомъ дивнымъ своимъ прекрасные создалъ чертоги.
Дій же на ложе пошелъ Олимпіецъ, молній любитель,
610. Гдѣ онъ всегда почивалъ, когда сладкій его посѣщалъ сонъ.
Тамъ онъ, легши, заснулъ, и съ нимъ златотронная Гера

Т. Тихомировъ.

Водоснабженіе древняго Рима.

Ἄριστον μὲν ὕδωρ.

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены разсмотрѣть исторически способы водоснабженія города Рима въ древности, познакомить читателя съ практическою мудростью древнихъ Римлянъ въ этой столь важной части культуры, и главнымъ образомъ съ римскими водопроводами, т. е., какъ увидимъ, съ одною изъ самыхъ блистательныхъ сторонъ древнеримской культуры. О великомъ значеніи воды нѣтъ надобности распространяться. Вода драгоцѣнное богатство человѣка, необходимое условіе существованія и всякой культуры, и вмѣстѣ отрада.

Недостатокъ ея еще болѣе чувствителенъ, обиліе является еще большею милостью неба въ странахъ южныхъ; Арабъ ждетъ въ раю Магомета источниковъ холодной воды; для древняго Грека было и для современнаго остается „ἄριστον μὲν ὕδωρ"; одинъ новый путешественникъ разсказываетъ, что ему приходилось на греческихъ островахъ слышать столько разговоровъ о качествѣ воды для питья, какъ у насъ можно слышать развѣ о достоинствахъ винъ, и что по отношенію къ чему либо особенно хорошему современный грекъ употребляетъ сравненіе: „какъ холодная вода". Очень важна также вода въ южныхъ странахъ, болѣе, чѣмъ въ умѣренныхъ, и для очищенія, оздоровленія городовъ, такъ какъ тамъ морозъ не сковываетъ природы, какъ на долгое время у насъ. Важность воды для жизни человѣка и тягостныя послѣдствія недостатка въ ней, а также цѣлебная сила водъ и вообще своеобразная природа этой стихіи, которая по выраженію Плинія (Старшаго), ceteris

omnibus imperat, сдѣлали то, что она играетъ очень важную роль въ вѣрованіяхъ и культахъ языческихъ народовъ. Если вообще интересно знать, что каждый народъ дѣлалъ для водоснабженія, то какой особенный интересъ должно имѣть для насъ водоснабженіе Римлянъ, народа, составляющаго существенное звено въ цѣпи историческаго развитія человѣчества, и такого города, какъ Римъ! Изученіе Рима важно уже, какъ всякаго города древняго міра, особенно большаго, какъ одного изъ центровъ древней жизни; далѣе оно важно и вслѣдствіе того великаго значенія, которое имѣлъ городъ въ государствахъ классическихъ народовъ, вслѣдствіе сосредоточенія государственной жизни въ городѣ. Но Римъ кромѣ того, благодаря великой энергіи и желѣзной волѣ своихъ сыновъ, подчинилъ себѣ міръ, armorum legumque parens сталъ міровой столицей, усвоивъ себѣ греческую культуру и пріумноживъ ее благодаря своему практическому уму, сталъ фокусомъ и разсадникомъ древней культуры, разнося ее по всему міру и обнаруживая при этомъ необыкновенную ассимилирующую силу; къ Риму обращало взоры столько народовъ, Риму старались подражать во всемъ города имперіи, Римъ былъ чудомъ земли, золотой (aurea), вѣчный (aeterna); человѣчество, изумляясь и преклоняясь предъ его величіемъ, силой, судьбой, воздвигало храмы его генію Главное основаніе его величія и правъ на вѣчность положено въ древности. Затѣмъ этотъ „колоссъ законовъ, установленій и сооруженій“ былъ постепенно разрушенъ, на что потребовалось столько-же вѣковъ, сколько и для того, чтобы воздвигнуть его. Но и въ средніе вѣка обновленный Петромъ и Павломъ, святой (sacra), Римъ выдавался какъ Араратъ культуры среди потопившаго все варварства, былъ Дельфами и новымъ Іерусалимомъ для Европы. Далѣе онъ опять сталъ великимъ центромъ возрожденія классической древности и возрожденія европейской мысли и искусства, когда между прочимъ съ жаромъ принялись изучать и его классическіе остатки.

Вслѣдствіе такихъ великихъ судебъ его почва и всѣ его остатки древности для новыхъ народовъ священны; даже то, что въ другихъ мѣстахъ не имѣло-бы значенія, здѣсь получаетъ большое значеніе, какъ причастное великимъ судьбамъ мѣста; поэтому великіе умы посвящали много времени и труда на изученіе какъ судебъ его, такъ и почвы, остатковъ его. Говоря о водахъ и водоснабженіи Рима, мы будемъ говорить слѣдовательно объ условіяхъ жизни въ этомъ единственномъ городѣ, „самомъ замѣчательномъ изъ всѣхъ городовъ человѣчества“, по словамъ

одного изъ его историковъ (Грегоровіусъ),—притомъ условіяхъ жизни, одинаково важныхъ для всего народа, такъ какъ водоснабженіе удовлетворяло и прихотямъ богачей и насущной потребности послѣдняго бѣдняка.

И къ счастію, мы имѣемъ еще достаточно средствъ, чтобы составить себѣ вѣрное и болѣе или менѣе полное понятіе объ этомъ важномъ предметѣ.

У насъ есть сочиненія Римлянъ, трактующія спеціально о водоснабженіи, есть случайныя замѣчанія и свѣдѣнія у другихъ писателей, римскихъ и греческихъ, есть много надписей, касающихся этого предмета, и наконецъ сохранилось много архитектурныхъ и вообще матеріальныхъ остатковъ, сооруженій и под., служившихъ цѣли водоснабженія. Это наши источники. Два писателя, спеціально трактующіе о водѣ и водоснабженіи, суть: 1) Витрувій (Полліонъ), архитекторъ времени Цезаря и Августа, говорящій о водоснабженіи и гидротехникѣ въ 8 книгѣ своего курса архитектуры (De architectura libri decem), и 2) Секстъ Юлій Фронтинъ, жившій прибл. 40—103 г. по Р. Х., бывшій при Веспасіанѣ генералъ-губернаторомъ Британніи, а при Нервѣ, въ 97 году, назначенный главнымъ управляющимъ водоснабженіемъ столицы, curator aquarum; отъ него сохранился въ высшей степени важный для нашего вопроса трактатъ De aquis urbis Romae.

Вопросъ о водѣ и водоснабженіи древняго Рима естественно вызвалъ немало изслѣдованій новыхъ европейскихъ ученыхъ; между прочимъ и въ послѣднее время появились большія и важныя сочиненія по этому предмету подъ вліяніемъ съ большимъ оживленіемъ въ послѣднее время производившихся раскопокъ и изслѣдованій остатковъ древнеримской старины. Эти сочиненія наши пособія.

Мы не будемъ въ нашей статьѣ ограничиваться строго одной эпохой, называемой классической по преимуществу, а будемъ касаться всего времени до паденія западной имперіи, даже отчасти и судьбы водоснабженія послѣ паденія имперіи; мы коснемся и водоснабженія другихъ городовъ имперіи, насколько оно было римскимъ, нѣсколько словъ въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано о водоснабженіи у другихъ культурныхъ народовъ древности, а также въ главнѣйшихъ пунктахъ мы будемъ сопоставлять древнеримское водоснабженіе съ водоснабженіемъ новаго времени, преимущественно современнымъ.

Если кое-что изъ ниже сообщаемаго прямо и не относится къ главному предмету, насъ интересующему, т. е. водоснабженію Рима, то эти свѣдѣнія о столь замѣчательныхъ классическихъ мѣстахъ, какъ Лаціумъ и Римъ могутъ оказаться новыми и во всякомъ случаѣ не безполезными для юныхъ читателей, которые при этомъ имѣются въ виду [1].)

Такъ какъ мы будемъ вести рѣчь о водѣ, которую Римляне доставали въ Римѣ на мѣстѣ, и о проведеніи ими воды посредствомъ водопроводовъ изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстъ въ городъ, то намъ, нужно сначала сказать нѣсколько словъ о характерѣ почвы Лаціума и Рима, и объ относительной высотѣ частей Рима, и окружающихъ его возвышенностей.

Мѣстность, въ которой лежитъ Римъ, въ древности называлась Latium, „равнина", какою она представляется взору съ окружающихъ ее горъ. (Теперь вся мѣстность, по которой протекаютъ Тибръ и Аніенъ, ограниченная на сѣверѣ линіею отъ Соракте до Чивита-Веккіи, на югѣ Албанскими горами и Палестриною (Praeneste), на западѣ моремъ, называется Римскою Кампаніею (Campagna [2]) di Roma), въ противоположность горной области Абруццовъ (древн. Самніумъ). Въ болѣе широкомъ смыслѣ Campagna di Roma обнимаетъ и равнину между Албанскими горами, горами Вольскомъ и моремъ до Террачины). Собственно Лаціумъ (L. antiquum) заключался между Тибромъ, предгорьями Апеннинъ (Сабинскими горами), Албанскими горами и моремъ, составляя среднюю часть обширной подъапеннинской равнины, простирающейся отъ Апеннинъ до Тирренскаго моря и отъ Террачины (древ. Анксура) до возвышенностей, лежащихъ къ сѣверу отъ Чивита-Веккіи.

Вся эта мѣстность, полагаютъ геологи, обязана своимъ возникновеніемъ сравнительно позднему вулканическому поднятію почвы, бывъ до того времени дномъ моря, и, тогда какъ Апеннины и ихъ предгорья состоятъ изъ известковыхъ образованій, эта равнина въ своихъ верхнихъ слояхъ состоитъ главнымъ образомъ изъ вулканическаго туфа. Этотъ туфъ, представляющій нѣсколько разновидностей, не представляетъ, какъ лава, однообразнаго каменнаго состава, а есть

---

[1]) Имъ я рекомендую при чтеніи моей статьи для болѣе яснаго пониманія читаемаго справляться съ картой древняго Лаціума и планомъ древ. Рима, напримѣръ въ Atlas antiquus Киперта.

[2]) Поле, открытая равнинная мѣстность.

аггрегатъ вулканическихъ шлаковъ. Часть вулканическихъ продуктовъ, составляющихъ верхніе слои почвы упомянутой равнины, а именно древнѣйшіе изъ нихъ, принадлежатъ изверженіямъ вулкановъ, дѣйствовавшихъ еще подъ моремъ; эти древнѣйшіе продукты очень распространены; неизвѣстно положительно, какіе кратеры (и сохранились ли они) дали ихъ; нѣкоторые приписываютъ часть ихъ циминскимъ вулканическимъ кратерамъ сѣвернѣе Рима. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Кампаніи на слояхъ продуктовъ древнѣйшаго образованія лежатъ продукты изверженій атмосферическихъ вулкановъ Лаціума (а на нихъ уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прѣсноводныя образованія). Уже послѣ отступленія моря, поднятія подъапеннинской равнины, вулканическія силы прорвали слой туфа у южной ея границы и образовали громадный кратеръ, котораго стороны образуютъ внѣшнее кольцо Албанскихъ горъ. Въ разныя стороны отъ него направляются потоки застывшей лавы (lava basaltina); самый длинный и болѣе другихъ замѣтный идетъ вдоль Аппіевой дороги и подходитъ очень близко къ Риму, до надгробнаго памятника Цециліи Метеллы (эту лаву Римляне употребляли для мощенія улицъ и дорогъ). Изверженія изъ Албанскихъ кратеровъ заканчиваютъ собою геологическія явленія, давшія своеобразный характеръ почвѣ Лаціума.

Албанскія горы лежатъ ближе всѣхъ другихъ возвышенностей къ Риму; онѣ со всѣхъ сторонъ изолированы и представляютъ образованіе кратеровъ однородное съ образованіемъ кратеровъ Везувія. Сѣверовосточную сторону составляютъ горы Тускуланскія, поднимающіяся до 600 метровъ надъ ур. м). Въ пространствѣ, окаймленномъ внѣшнимъ кольцомъ, образовался новый внутренній кратеръ (нынѣ Campo di Annibale), на краю котораго возвышается самая высокая вершина этихъ горъ, (954 метра надъ ур. м.), Monte Cavo, знаменитый въ древности Mons Albanus, гора, на которой въ древности находился храмъ Юпитера Latiaris (residens celsa Latiaris Jupiter Alba), религіозный центръ Латинянъ; на этомъ, надъ всѣмъ Лаціумомъ господствовавшемъ, мѣстѣ праздновались feriae Latinae. Съ этой вершины отлично видна долина Тибра съ Римомъ, море, даже высшія вершины Сардиніи, горы Сабинскія и Этруріи, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь. Боковые кратеры образуютъ теперь озера, Lago di Albano (306 метр. надъ у. м.) и L. di Nemi (Lacus Nemorensis, Speculum Dianae). Вдоль Албанскаго озера, на сторонѣ, обращенной къ Албанской горѣ, лежала древняя Альба Лонга. Область Албанскихъ горъ богата родниковой водою, такъ даже

изъ каменной массы, образующей стороны главнаго внутренняго кратера, выходятъ ключи чистѣйшей воды; съ Албанскихъ же горъ течетъ нѣсколько небольшихъ притоковъ въ Аніенъ и Тибръ.

По другую сторону Рима, къ сѣверу, находится сѣверная группа давно угасшихъ вулканическихъ кратеровъ, представляющихъ теперь озера. Дальше всѣхъ лежитъ (въ Этруріи) и самое большое изъ нихъ Lago di Bolsena (L. Volsiniensis), окруженное кольцомъ горъ. Затѣмъ дальше по направленію къ Риму слѣдуетъ кратеръ Lago di Vico; наконецъ ближе всѣхъ находятся Lago di Bracciano (Lacus Sabatinus), большой кратеръ, окруженный вулканическимъ туфомъ, и Lago di Martignano (L. Alsietinus). Lago di Bracciano лежитъ выше уровня моря на 160 метровъ. Съ краевъ одного небольшаго кратера близъ озера Мартиньяно и съ этой стороны хорошо видна равнина Лаціума и Албанская гора. Между этими двумя вулканическими группами лежитъ долина Тибра. Когда подъапеннинская равнина поднялась, воды съ Апеннинъ должны были пролагать себѣ пути къ морю; онѣ прорѣзывали ея туфъ не особенно глубоко, отлагая у береговъ тѣ продукты, которые приносили съ собой изъ области Апеннинъ. Главное русло этихъ водъ Тибръ, „горная рѣка", [1]) беретъ начало на высотѣ 1167 метровъ надъ моремъ (на Monte Coronaro), выходитъ изъ горной области Апеннинъ близъ города) Орвіетто, далѣе течетъ вдоль вулканической равнины, поворачиваетъ близъ горы Соракте на югъ и прорѣзываетъ ту равнину, принимая въ ней Кремеру, Аллію, Аніенъ и другіе притоки.—На востокѣ Лаціумъ замыкаютъ Сабинскія горы. Въ самомъ началѣ ихъ лежитъ городъ Тиволи, знаменитый древній, прославленный Гораціемъ, Тибуръ со своими всесвѣтно извѣстными водопадами. Водопады эти образуетъ здѣсь Аніенъ (Anio, нынѣ Teverone), рѣка, часто упоминаемая у древнихъ писателей и играющая большую роль въ водоснабженіи Рима. Начинается онъ изъ двухъ источниковъ далеко за Тиволи, въ горахъ древнихъ Герниковъ, стремительно несется въ горныхъ ущельяхъ, протекаетъ мимо города

---

[1]) (Какъ древнѣйшее названіе Тибра Albula, такъ и самое слово Tiberis по мнѣнію ученыхъ этимологовъ значитъ: горная рѣка, именно: слово Albula сопоставляютъ съ Alpes, Alba (горный городъ), а Tiberis производятъ отъ слова teba, означавшаго въ Сабинскомъ нарѣчіи *холмъ*, (ср. Tibur, Tifernum). Нѣкоторые согласны съ древнимъ толкователемъ, по которому Aebula Tiberis dictus ab aquae colore.

Subiaco (др. Sublaqueum), водопады въ Тиволи образуетъ (praeceps) на высотѣ 240 метровъ надъ у. м., затѣмъ спускается въ равнину Лаціума и впадаетъ въ Тибръ немного выше Рима.

Съ высотъ Тиволи тоже представляется взору равнина древняго Лаціума, нынѣшняя унылая Кампанія съ куполомъ св. Петра на горизонтѣ.

Итакъ мы видѣли съ трехъ сторонъ Лаціума возвышенныя мѣстности, смотрѣли съ нихъ на „равнину“. Но высокій Юпитеръ Latiaris уступилъ первенство гораздо ниже находившемуся Капитолійскому, Альба Лонга—Риму, и Тибуръ, не смотря на свое великолѣпное положеніе, не могъ спорить съ городомъ на Тибрѣ, лежавшемъ гораздо ниже и даже въ нездоровой мѣстности; этому царю-городу посылали съ трехъ сторонъ тѣ возвышенности или ихъ склоны свои воды, которыхъ ему потребовалось очень много. Вернемся къ Campagna di Roma.

Прилегающая къ морю полоса ея наиболѣе равнинна; но она для насъ не имѣетъ значенія; остальная же часть, хотя и представляется вообще ровною съ окружающихъ ее возвышенныхъ мѣстъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ него оказывается далеко не ровной, напротивъ, поверхность ея представляется волнообразною, ровныя площади прерываются умѣренной высоты (туфовыми) холмами, глубокими оврагами, рвами часто съ обрывистыми краями. Извѣстно, что земля состоитъ изъ пластовъ двухъ родовъ: одни пропускаютъ воду, водопроницаемы, другіе непроницаемы для воды. Тамъ, гдѣ водоносные пласты лежатъ на непроницаемыхъ, вода проникаетъ чрезъ эти верхніе, достигаетъ до нижнихъ и по нимъ, какъ по дну, направляется къ наиболѣе низкимъ мѣстамъ; если въ болѣе низкомъ мѣстѣ она найдетъ отверстіе вверху, то поднимается по немъ гидростатически, или, если отверстіе ниже, выступаетъ изъ края горы, оврага и т. п.; скопляясь въ извѣстномъ мѣстѣ и не имѣя стока, она застаивается. Рѣчныя долины Тибра, Аніена и меньшихъ рѣчекъ, прорытыя водой между стѣнами вулканическаго туфа, покрыты наносами съ возвышенностей, известковыми или туфовыми, образующими землистый, песчаный слой, представляющій неправильное напластованіе и пропускающій воду. Также и небольшія долины, овраги, рвы, рытвины, изрѣзывающіе Кампанію, имѣютъ на своемъ каменномъ слоѣ сверху наносный слой, пропускной, образовавшійся отъ разложенія поверхности высшихъ мѣстъ.

Наконецъ даже на вершинахъ холмовъ вулканическая сердцевина покрыта слоемъ чернозема, болѣе или менѣе толстымъ, образовавшимся отъ постепеннаго разложенія первой и подъ вліяніемъ воздѣйствія человѣка. Такой характеръ почвы обусловливаетъ громадное количество почвенной воды на небольшой глубинѣ, особенно въ болѣе низкихъ мѣстахъ. Вода атмосферы, проникая скоро сквозь верхній слой почвы, вдругъ задерживается водонепроницаемымъ каменнымъ (туфовымъ) слоемъ, и во впадинахъ безъ стока остается и гніетъ съ попадающими въ нее органическими субстанціями, а въ лѣтніе жары заражаетъ воздухъ вредными испареніями; оттого равнина Лаціума была и въ древности, даже при высокой культурѣ, не совсѣмъ здоровая мѣстность. (Римъ основанъ Ромуломъ по словамъ Цицерона in regione pestilenti), и теперь извѣстна своей лихорадкою (malaria). Если же низменное мѣсто не представляетъ условій для скопленія воды въ одномъ мѣстѣ, то почва бываетъ такъ насыщена ею, что достаточно сдѣлать въ ней незначительное углубленіе, чтобы найти чистую, свѣжую, неизсякаемую воду. Холмы Рима, какъ и тѣ, на которыхъ лежали древніе города Фидены, Антемна, Ардея, поднимаются невысоко изъ волнообразной мѣстности. Самое высокое изъ возвышеній Рима, именно Mons Janiculus на правомъ берегу Тибра, высшей своей точкой поднимается на 90 метровъ надъ уровнемъ моря, значительно превышая холмы лѣваго берега, т. е. главные холмы города, составлявшіе знаменитое седьмихолміе (urbs septicollis). Холмы праваго берега отличаются отъ лѣвобережныхъ и своимъ геологическимъ строеніемъ; послѣдніе же состоятъ исключительно изъ вулканическаго туфа и главнымъ образомъ изъ желтоватаго или зеленовато-сѣраго, отчасти изъ бураго, такъ наз. каменнаго (lapis ruber, tofus lithoides). Противъ Яникула, на лѣвомъ берегу изолированно поднимаются: Авентинъ—сѣв. возвышенность 46 м., южн. 37., Палатинъ—самый высокій пунктъ 52 м., Капитолій—высшій пунктъ 49 метровъ [1]). Возвышенія восточной стороны города, Квириналъ, Виминалъ и Эсквилинъ, нѣсколько превышаютъ среднюю высоту названныхъ montes лѣваго берега, достигая въ высшихъ своихъ частяхъ 60 метровъ. Collis Hortorum (Mons Pincius) такой же приблизительно высоты. Марсово Поле, между этимъ холмамъ и Тибромъ, также промежуточныя пространства

---

[1]) Такой-же высоты и высшее мѣсто Целія.

между холмами возвышаются среднимъ числомъ на 9—11 метровъ надъ уровнемъ моря.—

Теперь приступаемъ къ *водоснабженію* древняго Рима. Исторія водоснабженія Рима представляетъ два періода, первый отъ начала города до 312 года до Р. Х., времени устройства перваго водопровода, и второй, начинающійся съ 312 года. Итакъ разсмотримъ источники, откуда исключительно Римъ могъ получать необходимое ему количество воды до проведенія воды въ городъ посредствомъ водопроводовъ, и насколько онъ пользовался ими, имѣя уже водопроводы. Фронтинъ въ началѣ своего выше названнаго сочиненія говоритъ: Ab urbe condita per annos quadringentos quadraginta unum contenti fuerunt Romani usu aquarum, quas aut ex Tiberi aut ex puteis aut ex fontibus hauriebant. Мы будемъ говорить сначала о водѣ Тибра, о колодцахъ и родникахъ (*aqua viva*), а затѣмъ особираніи атмосферной воды, a. coelestis), которой не упоминаетъ Фронтинъ, но зато говоритъ Витрувій.

1. Aqua viva.

а) *Тибръ* достигаетъ Рима, спустившись съ высоты своего истока на 1161 метръ; его вода тутъ уже не имѣетъ своей первоначальной чистоты и прозрачности, принявъ въ себя на пути много новыхъ примѣсей; она тутъ грязно-желтоваго цвѣта, мутна, отъ примѣси песку, глины и окиси желѣза; въ Римѣ Тибръ и теперь, какъ былъ въ древности, [1]) flavus. Кромѣ того, что приведено выше, Фронтинъ ничего болѣе не говоритъ о водѣ Тибра.

Когда водопроводы были запущены или испорчены, Римляне въ средніе вѣка должны были опять довольствоваться тою водою, какою исключительно пользовались ихъ предки до 312 года до Р. Х., т. е. между прочимъ должны были брать ее и изъ Тибра. Въ этомъ обстоятельствѣ видятъ одну изъ причинъ, заставившихъ Римлянъ въ средніе вѣка спускаться съ возвышенныхъ частей города и все гуще и гуще селиться на Марсовомъ Полѣ (главной и наиплотнѣе заселенной части новаго Рима), гдѣ кромѣ того было легче копанье колодцевъ. Замѣчательно, что въ средніе вѣка, вѣроятно, составилось очень высокое мнѣніе о достоинствѣ воды Тибра и уже изъ новаго времени мы имѣемъ много извѣстій о томъ, какъ ее цѣнили. Такъ, извѣстный поэтъ Аріосто (16 вѣка, рода 1474 г.) въ одной своей сатирѣ пишетъ, между прочимъ,

---

[1]) Вирг., Эн., 7, 31: *verticibus rapidis* et multa flavus harena; Горацій, Carm. I, 2, 13 и др.

къ брату въ Римѣ, чтобы тотъ къ пріѣзду его заготовилъ ему воды для питья, но не изъ источника, а изъ рѣки, и чтобы она уже шесть дней не видѣла ни Систова и никакого другого моста. (Писатель 16 вѣка Фабрицій говоритъ о ней: Aqua Tiberis fictilibus urceis continetur fitque in eis limpidissima potuque amabilis et absque corruptione longo tempore pura).

Нѣкоторые лейбъ-медики папъ превозносятъ ея полезность, напр. медикъ Павла III (1534—1549), медикъ знаменитаго Сикста V (конца 16 в.). Климентъ VII, отправляясь въ 1553 г. во Францію, по совѣту своего лейбъ-медика, беретъ съ собою такой запасъ воды Тибра, что можетъ обойтись безъ всякой другой воды. Тоже дѣлалъ и его преемникъ, Павелъ III, во время своихъ путешествій. Григорій XIII, хотя его предшественникъ возобновилъ древн-еримскій водопроводъ Aqua Virgo, во всю свою долгую жизнь не употреблялъ вовсе никакой другой воды. Находились, правда, и противники этого пристрастія къ водѣ Тибра. Что же говоритъ современная химія? По анализу французовъ Коммэля и Ламбера (1860) выходитъ, что она содержитъ очень много примѣсей; но, выводя, какія тѣла могутъ дать входящіе въ нее элементы, они приходятъ къ заключенію, что она не можетъ считаться нездоровою. Само собою разумѣется, что протекая, и при томъ извилисто, черезъ городъ со многими возвышенными частями, воды Тибра должны были принимать въ себя нечистоты, какъ стекавшія поверхъ почвы, такъ и изъ клоакъ. И теперь вода, взятая изъ Тибра недалеко отъ мѣста вступленія его въ городъ, содержитъ только 0,00032 грамма аммiяка и вовсе не содержитъ нѣкоторыхъ другихъ веществъ, а взятая близъ выхода его изъ черты города, противъ Авентина, содержитъ уже 0,00132 аммiяка и вещества, которыхъ выше въ ней не было. По этому одинъ итал. писатель, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, называетъ Тибръ настоящей Cloaca maxima города. Въ послѣднія времена республики и особенно при императорахъ населеніе Рима было весьма значительно, въ нѣсколько разъ больше чѣмъ теперь, а слѣдовательно, вода Тибра въ городѣ получала тогда значительно болѣе вредныхъ примѣсей чѣмъ теперь, и наоборотъ, въ тѣ періоды, когда населеніе Рима было весьма незначительно, т. е. при началѣ развитія города и въ средніе вѣка (въ 1377 году оно доходило только до 17,000 человѣкъ!), вода Тибра должна была быть соотвѣтственно чище, здоровѣе.

Изъ притоковъ Тибра одинъ, очень небольшой, текущій съ Албан-

скихъ горъ, протекаетъ и протекалъ въ позднѣйшее время и въ древности по городу, между Целіемъ и Авентиномъ и между послѣднимъ и Палатиномъ по долинѣ Большаго Цирка. Другой, тоже текущій съ Албанскихъ горъ, больше предъидущаго, древній Almo (нынѣ Acquataccio), подходитъ только очень близко къ городу, [1]) впадая въ Тибръ ниже города; во время большихъ разливовъ онъ наводнялъ низменныя мѣста сосѣдней части города

б) Почвенная вода.

Какъ почва Лаціума вообще, такъ и почва Рима очень богата почвенной водой, въ частности ключевой. Когда въ 1875 году на Марсовомъ Полѣ, у подошвы Пинційскаго холма, строили клоаку, въ 60 дней выкачали 650,000 куб. метровъ воды. Мѣсто подъ ареною знаменитаго Флавіевскаго амфитеатра (Колизея), въ долинѣ между Эсквилиномъ, Целіемъ и Палатиномъ до того обильно водою, что долго усилія осушить его оставались тщетными и вода мѣшала роскопкамъ. Въ мѣстахъ города болѣе низменныхъ фундаменты зданій приходится дѣлать на сваяхъ. Въ 1858 при постройкѣ одного дома на Марсовомъ полѣ была открыта мостовая перибола храма Изиды въ водѣ; вода сбѣгала по тѣмъ каменнымъ жолобамъ, которые нѣкогда отводили воду съ крышъ портиковъ (храма). Въ одномъ мѣстѣ на правомъ берегу Тибра открыты остатки древнихъ построекъ; тутъ внизу подъ портиками находятся обширныя камеры; онѣ наполнены водой почти до сводовъ. Эти послѣднія открытія и другія подобныя показываютъ также, что въ древности уровень этой почв. воды былъ ниже, какъ и древняя почва Рима болѣе или менѣе (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительно) ниже почвы новаго Рима.

Такая насыщенность водой почвы Рима дѣлаетъ нездоровыми въ немъ не только погреба домовъ, но и нижніе этажи. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи Римъ напоминаетъ Петербургъ, какъ своими холмами отчасти напоминаетъ Кіевъ.

Изъ сказаннаго ясно, до какой степени легко было въ Римѣ устроивать колодцы (putei—имъ противополагаются cisternae для дождевой воды); въ мѣстахъ низкихъ города стоило только углубиться въ почву нашесть семь аршинъ, чтобы достать воду. На холмахъ, разумѣется, приходилось искать

---

[1]) Я разумѣю городъ въ его наибольшемъ распространеніи, городъ. заключенный въ стѣнахъ Авреліана (3 в. посл. Р. Х.).

ея глубже; но мы уже видѣли, что холмы эти были не высоки; да и на нихъ не всегда необходимо было копать глубокіе колодцы, такъ какъ можно было иногда попасть на родниковую воду довольно высоко (см. ниже).

Въ одномъ древнемъ колодцѣ на вост. части Квиринальскаго холма при изслѣдованіи вода оказалась на глубинѣ 27,50 метровъ. Ученый, завѣдывавшій раскопками въ Римѣ въ послѣдніе годы, говоритъ, что ему при раскопкахъ приходилось встрѣчать древніе колодцы разнообразныхъ формъ и различной глубинны; обыкновенно они четырехъугольные съ кирпичными стѣнками, въ которыхъ сдѣланы приспособленія, для того чтобы удобно жно было въ нихъ спускаться. Много сохранилось донынѣ образцовъ древне-римскихъ putealia, т. е. верхнихъ частей колодцевъ, обрубовъ, изъ камня, обыкновенно небольшихъ размѣровъ; они показываютъ, что и въ императорскую даже эпоху, когда было много водопроводовъ, колодцевъ не запускали.

Одинъ образецъ такихъ putealia, найденный на о—вѣ Капри (Capreae), на виллѣ императора Тиберія, нынѣ хранится въ Лондонскомъ Британскомъ Музеѣ; онъ изъ мрамора, на немъ кругомъ группы фавновъ и вакханокъ; на краяхъ видны слѣды отъ веревокъ. Подобныя украшенія были обыкновенно на этихъ предметахъ; Цицеронъ въ одномъ письмѣ къ Аттику (I, 10) говоритъ о putealia signata, которыя ему нужны были для его Тускуланской виллы. Конечно, въ Римѣ и украшенія колодцевъ должны были быть богаче, изящнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ.

Какъ многое другое, украшали Римляне и колодцы свои надписями, увѣковѣчивая память устройства или возобновленія ихъ, особенно, если они назначались для публичныхъ и священныхъ мѣстъ, общаго употребленія или какой-либо карпораціи; иногда колодецъ посвящался имени какого-нибудь божества (такъ одинъ—Apollini Genioque Caesaris).

Нѣкоторые колодцы въ Римѣ питаемы были исключительно или отчасти одниковою водою, и такими колодцами, конечно, преимущественно дорожили Римляне и при водопроводахъ. Цицеронъ (Rep. 2, 6) говоритъ объ основателѣ Рима: locum delegit fontibus abundantem. Фронтинъ въ приведенномъ уже выше мѣстѣ называетъ только три источника въ Римѣ и всѣ цѣлебные (или покрайней мѣрѣ считавшіеся такими): salubritatem aegris corporibus afferre creduntur, sicut Camoenarum et Apollinis et Juturnae. Сначала скажемъ нѣсколько словъ о минеральныхъ источникахъ. Минераль-

ные источники и теперь существуютъ, какъ и въ древности были, въ разныхъ мѣстахъ той подъапеннаинской равнины, часть которой составлялъ древній Лаціумъ, какъ и въ Кампаніи (древнія Байи), какъ послѣдніе слѣды вулканизма. Нѣкоторые ученые принимаютъ изверженія Латинскаго (Албанскаго) вулкана и въ историческое уже время Рима, толкуя какъ слабыя изверженія вулкана тѣ продигіи, о которыхъ намъ говорятъ римскіе историки и которыя Римлянамъ приходилось каждый разъ procurare (lapide, lapidibus, lapideo imbri pluit, imbri lapidavit и под.). Но если этотъ вопросъ и спорный, то ужъ несомнѣнно то, что и въ историческое время продолжались другія вулканическія явленія: землетрясенія, появленія горячихъ и сѣрныхъ ключей, внезапные провалы и разсѣлины въ землѣ, каковыя явленія имѣли мѣсто въ окрестностяхъ Рима и въ новое время (Ливій, 30, 38: in Veliterno agro terra ingentibus cavernis desedit arboresque in profundum haustae и под.). И на почвѣ древняго Лаціума есть и теперь нѣсколько минеральныхъ источниковъ. Недалеко отъ Тиволи, по желѣзной дорогѣ къ этому городу, на одной станціи идетъ каналъ знаменитыхъ Aquae Albulae, озеръ сѣрнистой воды (каналъ сдѣланъ въ 1549 году для осушенія мѣстности, которая была покрыта этой синеватой водой. Вода, отводимая теперь въ Аніенъ, выходитъ изъ 3 озеръ) [1]). Августъ лѣчился этими водами. Въ Римѣ между Капитоліемъ, Квириналомъ и Эсквилиномъ, близъ Forum Romanum, были въ древности Aquae Lautulae. О мѣстѣ Римскаго Форума и Палатина одинъ (итальянскій) ученый говоритъ: „Изъ сравнительнаго изученія историко-физическихъ свѣдѣній объ этомъ мѣстѣ и наблюденій чисто гелогическихъ можно почти съ увѣренностью вывести заключеніе, что въ этомъ мѣстѣ скрещивается внизу съ долиной Тибра одна изъ разсѣлинъ, расположенныхъ радіусомъ вокругъ общаго центра вулкана Лаціума. Въ самомъ дѣлѣ, Aquae Lautulae, близь этого мѣста выходящія, были горячи и сѣрнисты, и Forum Romanum былъ часто мѣстомъ землетрясеній, проваловъ и другивъ явленій вулканическаго характера“. На Forum Romanum образовалась внезапно въ почвѣ разсѣлина, въ которую бросился Курцій.

На Марсовомъ Полѣ, близъ Тибра, находилось мѣсто, называвшееся Terentum (Tarentum), [2]) которое Публикола посвятилъ Плутону и

---

[1]) Cana surfureis Albula fumat aquis (Марціа.[illegible]).

[2]) Его древніе описываютъ словами: Campus ignifer, fumans solum, πυρόφερον πεδίον.

Прозерпинѣ; изъ него выходилъ вулканич. дымъ. Въ пещерѣ Авентинскаго холма находился semihomo Какъ, сынъ Вулкана, изрыгавшій огонь (flammas ore sonante vomit. Quas quotiens proflat, spirare Tiphoëa credas Et rapidum Aetnaeo fulgur ab igne iaci, Ovid. Fast. I, 550 сл., Вирг, эк. 8,191 сл.), убитый Геркулесомъ.

Гораздо больше было въ Римѣ и извѣстно было древнимъ ключей воды не минеральныхъ и не цѣлебныхъ, а обыкновенныхъ; а нѣкоторые извѣстны и теперь, и вѣроятно были извѣстны и древнимъ, хотя нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ, чтобы они были имъ извѣстны. Изъ этихъ источниковъ одни были незначительныхъ размѣровъ, а другіе, болѣе обильные водою, давали даже начало постояннымъ потокамъ воды въ городѣ. Остановимся на нѣкоторыхъ источникахъ болѣе извѣстныхъ въ исторіи Рима и укажемъ въ разныхъ частяхъ города мѣста обнаруженія ключевой воды.

Fons Juturnae, приводимый Фронтиномъ въ числѣ считавшихся цѣлебными, выходилъ изъ Палатинскаго холма близъ храма Діоскуровъ, circa aedem Castorum; а остатки этого храма находятся у Форума, на сторонѣ обращенной къ Палатину. Вытекавшая вода, скоплялась въ этомъ низкомъ мѣстѣ и образовала въ древнѣйшее время profunda palus (Ливій, I, 13), называ. lacus Curtius. Съ проведеніемъ Большой клоаки, которая и теперь проходитъ близъ упомянутаго храма подъ фундаментомъ Юліевой базилики, вода изъ этого мѣста получила правильный стокъ, отчего размѣры этого lacus должны были уменьшиться, и онъ впослѣдствіи сохранялся только какъ остатокъ священной старины. Овидій говоритъ о немъ: Curtius ille lacus, siccas qui sustinet aras. Nunc solida est tellus, sed lacus ante fuit. (Fast, 6, 395). О культѣ этого источника свидѣтельствуетъ Фронтинъ, Проперцій (lympha salubris), Варронъ (multi aegroti petere solebant), и путеаль съ надписью, найденный около этого мѣста. Въ средніе вѣка двѣ церкви близъ мѣста этого источника получили отъ него свои названія, S. Maria de inferno и S. Silvestro in lacu. Въ 1072 г. за церковью S. Maria de inferno начатыхъ раскопокъ нельзя было довести до конца вслѣдствіе появленія жилъ свѣтлой воды. Въ 1806 году появилась водяная жила близъ остатковъ упомянутаго храма Діоскуровъ. По другую сторону Форума и Sacra via, противъ мѣста, гдѣ былъ источникъ Ютурны, находится и теперь источникъ ъ одной церкви (Cosma e Damiano). Въ пространствѣ между Палатиномъ и Капитоліемъ, у подошвы послѣдняго, гдѣ проходила въ древности

Этрусская улица (vicus Tuscus) въ послѣднее время (1870) въ нѣскольких мѣстахъ появились сильнѣйшія же воды и часть мостовой провалилась. Титъ Ливій (24, 10) сообщаетъ, какъ prodigium слѣдующее: Jn vico Insteio fontem sub terra tanta vi aquarum fluxisse, ut serias doliaque, quae in eo loco erant, provoluta velut impetus torrentis tulerit (эта улица шла по склону холма, такъ какъ находимъ упоминаніе о о vicus Insteius summus). На склонѣ Капитолійскаго холма, у форума сохранился донынѣ замѣчательный родникъ, выходящій изъ холма, это Tullianum [1]) Это единственный въ Римѣ родникъ, надъ которымъ сохранилась древняя постройка. Полагаютъ, что онъ служилъ первоначально источникомъ воды для Капитолійскаго холма и былъ соединенъ съ частью холма (Arx), у которой находится, ступенями, сдѣланными въ каменной массѣ холма. Надъ нимъ устроена тюрьма (Carcer) въ эпоху царей. Надъ небольшимъ подземельемъ, въ которомъ находится источникъ, построена небольшаго размѣра камера. То подземелье описываетъ Саллюстій (Catil., 55): Est in carcere locus, quod Tullianum adpelatur.... circiter duodecim pedes humi depressus Eum muniunt undique parietes atque insuper camera lapideis fornicibus juncta, sed incult u tenebris odore foeda atque terribis eius facies est). Въ древности не было между обѣими частями другого сообщенія кромѣ небольшаго отверстія въ верхней части (сводѣ) подземелья, чрезъ которое опускали внизъ осужденныхъ. Сюда опущены были (demissus) Лентулъ и другіе заговорщики и тамъ удушены. Въ этой же тюрьмѣ томился голодомъ Югурта и предаваемы были смерти знатные плѣнники, которыхъ вводили въ Римъ при тріумфахъ; ихъ казнили обыкновенно тогда, когда тріумфальная процессія достигала главнаго капитолійскаго храма Юпитера. Въ этой же тюрьмѣ былъ заключенъ и апостолъ Петръ; теперь эта тюрьма—церковь S. Pietro in carcere. (См. изображеніе этой тюрьмы въ словарѣ древностей Любкера, слово Robur.)

Изъ Палатинскаго холма, кромѣ выше приведеннаго источника выходилъ также знаменитый въ римскихъ сказаньяхъ Люперкальскій источникъ.

Находился онъ, полагаютъ, у запад. угла холма близъ конца Большаго Цирка, κατὰ τὴν ἐπὶ ἱππόδρομον φέρουσαν ὁδόν (Діон. Галикъ.). Отъ этого источника слѣдовъ не осталось. У входа въ пещеру, въ которой онъ находился, стояла Руминальская смоковница, къ которой принесены были водою Тибра близнецы Ромулъ

[1]) Слово произведенное по всей вѣроятности отъ tullius, источникъ.

и Ремъ. Въ воспоминаніе этого здѣсь было помѣщено мѣдное изображеніе волчицы съ близнецами подъ нею (Ливій, X. 23: Eoden anno Cn. et Q. Ogulnii aediles curules...... ad ficum Ruminalem simulacra infantium conditornm urbis sub uberibus lupae posuerunt). Діонисій Гал. видѣлъ это изображеніе и говоритъ, что оно очень старинной (по всей вѣроятности, этруской) работы. И теперь хранится въ Римѣ одно такое мѣдное изображеніе, тоже стариннаго стиля (такія же изображенія сохранились и на монетахъ); можетъ быть, оно и есть то изображеніе, о которомъ говорятъ Ливій и Діонисій. Августъ Украсилъ все это мѣсто; вода тогда вытекала изъ холма въ такомъ обиліи, что пришлось отвести ее въ клоаку. И сторона Палатинскаго холма, обращенная къ Большому Цирку, также обильна родниковою водою. Тамъ есть подземные ходы, идущіе въ холмъ, въ которые течетъ черезъ разныя отверстія ключевая вода, стекающая отсюда въ клоаку. Целійскій холмъ на сторонѣ, обращенной къ Палатинскому, имѣетъ тоже родникъ. Тамъ открыты въ саду одного монастыря древнія подземелья, въ которыхъ скопляется вода, выступающая изъ холма. Этотъ источникъ, полагаютъ, *Aqua Mercurii* древнихъ. Это обиліе почвенной воды въ этихъ мѣстахъ, полагаютъ нѣкоторые ученые, а также желаніе объяснить себѣ значеніе названій нѣкоторыхъ мѣстъ этой части города было причиною возникновенія мнѣнія древнихъ римскихъ ученыхъ, будто долины между холмами въ этомъ мѣстѣ въ древнѣйшее время были покрыты водою (Такъ по Варрону Авентинъ былъ отъ другихъ холмовъ paldnibus disclusus. itaque, продолжаетъ онъ, eo ex urbe advehebautur ratibus.) *Источникъ Пика* и *Фавна* Овидій (Fast 3 295) описываетъ такъ:

> Lucus Aventino suberat niger ilicis umbra,
> Quo posses viso dicere: numen adest.
> Jn medio gramen muscoque adoperta virenti
> Manabat saxo vena perennis aquae.

Этотъ источникъ полагаютъ на склонѣ Авентина, обращенномъ къ Тибру, такъ какъ въ прошломъ вѣкѣ на этой сторонѣ найдены были проточины въ холмѣ, изъ которыхъ ручейками струилась вода, собранная потомъ въ одинъ каналъ и отведенная въ рѣку, и вообще замѣчено обиліе вытекающей изъ холма воды. Двѣнадцатый кварталъ (regio) Августа назывался Piscina publica отъ этого общественнаго городскаго искусственнаго пруда. Послѣдній былъ сдѣланъ до проведенія пер-

ваго водопровода, который проходилъ близъ него. Ученый, у котораго мы главнымъ образомъ заимствуемъ сообщаемое нами, полагаетъ, что эта piscina не зависѣла отъ водопровода въ республ. эпоху (впослѣдствіи отъ нея оставалось только имя), когда еще малое число водопроводовъ дѣлало воду для питья, которую они давали, тѣмъ болѣе дорогою, и что ее питали мѣстные ключи, о которыхъ говорятъ найденныя въ этомъ мѣстѣ надписи. Переходимъ къ Mons Esquilinus. И этотъ холмъ имѣлъ свои родники. Послѣ того какъ Римъ сдѣлался столицею Итальянскаго королевства восточная и юго-восточная окраины города, представлявшія изъ себя прежде какую-то деревню въ городѣ [1]), планированы для образованія новаго квартала. При этихъ работахъ часто приходилось встрѣчать токи подземной воды на высотѣ 30—35 метровъ надъ уровнемъ моря. Въ этой же части города найдена въ 1878 году ниша древняго бассейна выложенная мозаикою, съ надписью: fons perennis.

Въ Квиринальскомъ дворцѣ, прежде папскомъ нынѣ королевскомъ, есть родникъ воды, питающій резервуаръ. При закладкѣ одного зданія на этомъ же холмѣ появились изъ почвы столь обильныя жилы воды, что даже здѣсь, на холмѣ, пришлось прибѣгнуть для фундаментовки зданія къ сваямъ. На сторонѣ Квиринала, обращенной къ Капитолію при работахъ по проложенію новой улицы показались также очень обильныя жилы воды.

Въ части Сервіевой стѣны, шедшей по краю Квиринала, находилась недалеко отъ Капитолія porta Fontinalis, конечно, получившая названіе отъ мѣстныхъ ключей или ключа. Небольшая долина между Квириналомъ и Пинціемъ представляетъ естественный пріемникъ, мѣсто стока воды, выходящей изъ этой пары холмовъ, какъ другія низкія мѣста между другими холмами—для водъ этихъ холмовъ. Надо полагать, что эта вода выступала въ большемъ количествѣ, когда эти холмы покрывалъ еще лѣсъ; мы знаемъ, что въ древнѣйшую пору это дѣйствительно было, и что даже въ послѣднія времена республики много еще было въ Римѣ небольшихъ luci, сохранившихся благодаря ихъ сакральному значенію. Пространство между Квириналомъ и Пинціемъ и теперь весьма обильно

---

[1]) Такой же видъ и теперь представляетъ особенно Авентинъ, а также часть Эсквилина, обращенная къ Палатину и Целію, Палатинъ и отчасти Целій: огороды, виноградники, виллы и под

подпочвенной водой; этотъ подпочвенный сильный токъ воды народъ называетъ Acque Sallustiane. Онъ, предполагаютъ, обозначаетъ собою линію теченія одного потока, который въ древности протекалъ на Марсовомъ полѣ близъ Сервіевой стѣны, и начинавшійся изъ родника in agro cuiusdam Cati, именно Petronia amnis. Одинъ древній авторъ говоритъ о немъ: Petronia amnis.... in Tiberim profluens, quam magistratus auspicato transeunt, cum in Campo quid agere volunt. Этотъ потокъ могъ питать Palus Caprae на томъ-же Марсовомъ полѣ; оно поддерживалось какъ водою, вытекавшею изъ холмовъ, такъ и наружною, стекавшею съ нихъ. Одна церковь на Марсовомъ полѣ называется S. Andrea della Valle (св. Андрея Долиннаго), свидѣтельствуя о томъ низменномъ мѣстѣ, гдѣ находились воды Caprae. Въ средніе вѣка это названіе Valle давалось значительной части Марсова поля и въ одномъ документѣ **1127** года шесть церквей именуются „долинными“, della Valle. У одного новаго писателя сохранилось извѣстіе о родникѣ, открытомъ у подошвы Пинційскаго холма.

Скопленія воды въ низменныхъ мѣстахъ города постепенно уменьшались и исчезали по мѣрѣ распространенія по городу сѣти клоакъ, которыя имѣли назначеніемъ предохранять низменныя мѣста отъ дѣйствія воды, отъ времени до времени устремлявшейся съ холмовъ и регулировать также стокъ воды почвенной. А когда впослѣдствіи при упадкѣ культуры клоаки засорились или были испорчены, эти древнія „paludes“ въ большей или меньшей степени обнаруживались опять. Такъ въ 1587 году вода помѣшала произвести раскопки на мѣстѣ Большаго Цирка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у Палатина приходилось для образованія фундаментовъ для зданій насыпать много муссору съ другихъ мѣстъ. И теперь въ Римѣ между Капитоліемъ, Квириналомъ и Эсквилиномъ часть каменной высокой стѣны Августова Форума надъ улицею носитъ названіе Arco de' Pantani (pantano по-ит. зн.: болото, лужа), Болотная арка. Въ средніе вѣка она называлась Arcus Nervae, а также Ноевой аркой (di Noè); народъ, можетъ быть, такъ называлъ въ насмѣшку эту арку въ водѣ (которая выходя изъ холмовъ собиралась въ этомъ мѣстѣ). Такимъ это мѣсто было уже раньше 14 вѣка; затѣмъ его начали осушать, и окончательно оно осушено при папѣ Павлѣ V., въ 1606 году. Весьма богатъ родниковой водой на правомъ берегу Тибра Яникулъ; нѣкоторые родники выходятъ изъ горы на значительной высотѣ ея. На сторонѣ Яникула, обращенной къ Ватикану (Mons Vaticanus), находится источникъ, названный Aqua Damasiana по имени папы Да-

маза (4 вѣка), который говоритъ о немъ въ сохранившейся имъ сочиненной надписи:

Cingebant latices montem teneroque meatu
Corpora multorum cineres atque ossa rigabant.
Non tulit hoc Damasus communi lege sepultos
Post requiem tristes iterum persolvere poenas.
Protinus aggr.ssus magnum superare laborem.
Siccavit totum quidquid madefecerat humor:
Invenit fontem, praebet qui dona salutis.

Ватиканъ имѣетъ тоже родники воды.

Возвышенности праваго берега Тибра, какъ уже сказано выше, состоятъ не изъ вулканическаго туфа; въ нихъ преобладаютъ слои глины, благопріятствующіе скопленію почвенной воды. Мѣстность между Яникуломъ и Ватиканскимъ холмомъ, гдѣ находился Circus Neronianus, а нынѣ находится знаменитый соборъ св. Петра (S. Pietro in Vaticano), было въ древности очень нездоровою вслѣдствіе того, что тутъ скоплялись воды съ обоихъ холмовъ.

Надпись по содержанію подобная приведенной папы Дамаза сохранилась изъ времени Діоклеціана и говоритъ объ одномъ изъ лѣвобережныхъ холмовъ, кажется, Квирикальскомъ.

Jmp. Diocletianus C. Aug. Pius Felix plurimis operibus in colle hoc excavato saxo quaesitam aquam ex iugi profluvio ex tofo hic scatentem iuvenit и пр.

Самая лучшая вода, которую могъ имѣть Римъ до водопроводовъ, была конечно, вода его родниковъ (о преимуществахъ родниковой воды передъ всякою другою будетъ рѣчь въ отдѣлѣ о водопроводахъ). Врачъ Галенъ, (2 вѣка послѣ Р. Х.), самъ долго жившій въ Римѣ, причисляетъ къ важнымъ преимуществамъ Рима обиліе въ немъ хорошаго качества источниковъ, изъ которыхъ ни одинъ по его словамъ не имѣлъ воды съ дурнымъ запахомъ, вредной для человѣка, нечистой или жесткой.

Чтобы источники не заваливались, не высыхали, чтобы вода всегда была чиста и не нагрѣвалась, нуженъ былъ присмотръ и необходимыя постройки. Мы выше уже замѣтили что только надъ источникомъ у Капитолія сохранилась древняя постройка. Недалеко отъ Рима, съ южной стороны, находится естественный гротъ съ источникомъ, т. н. гротъ нимфы Эгеріи, по римскому сказанію, жены царя Нумы; древній архитекторъ придалъ гроту видъ храма (nymphaeum).

Надзоръ за источниками значительно облегчало то обстоятельство, что не только цѣлебные или считавшіеся такими, но и вообще всѣ источники воды считались священными.

Хотя, какъ мы видѣли, въ древнемъ Римѣ показывались слѣды дѣйствія вулканическихъ силъ, эти послѣднія однако не играютъ роли въ культѣ Рима, напротивъ почитаніе водяныхъ божествъ составляло древнюю, очень значительную часть культа. Плиній Старшій N. H., 31, 2) говоритъ о водахъ: augent numerum deorum nominibus variis. Fontium memoria cum sanctitate adhuc exstat et colitur, говоритъ Фронтинъ и называетъ источникъ Аполлона, и др У Римлянъ былъ очень древній праздникъ Fontinalia, 13 октября. Въ Римѣ были спеціальныя collegia fontanorum. Съ водвореніемъ въ Римѣ греч. вліянія и греч. религіозныхъ представленій почитаніе мѣстныхъ божествъ водъ легко слилось съ почитаніемъ нимфъ. Упомяну одну характерную особенность культа источниковъ. Относительно одного изъ источниковъ Рима Светоній въ біографіи Августа (гл. 57) говоритъ: Omnes ordines in lacum Curti quotannis ex voto pro salute eius (Августа) stipem iaciebant. Этотъ обычай бросать въ источники приношенія божеству (stipes iactae), прося исцѣленія или въ благодарность за исцѣленіе, былъ очень распространенъ. Такъ, чтобы привести еще одинъ, очень замѣчательный, примѣръ, въ Vicarello, на берегу древняго lacus Sabatinus, гдѣ находились цѣлебныя Aquae Apollinares и теперь есть минер. воды, въ 1852 году при постройкѣ зданія на мѣстѣ древнихъ термъ нашли бассейнъ съ минеральною водою и при выкачиваніи ея нашли на днѣ нѣсколько тысячъ монетъ и другихъ предметовъ: сверху были монеты съ изображеніемъ Траяна, дальше лежали массивныя четырехъугольныя монеты съ изображеніемъ на одной сторонѣ животнаго (pecunia)—aes grave signatum, а на самомъ низу aes rude, грубые куски мѣди—древнѣйшая монета Римлянъ.

2. Атмосферная вода, aqua coelestis.

Собирали древніе Римляне и *дождевую* [1]) воду и, во первыхъ, въ своихъ домахъ и виллахъ. Въ передней части римскаго дома называвшейся атріемъ, было вверху четырехъугольное отверстіе, называвшееся compluvium, къ которому стекалась вода съ крыши (quo de diversis tectis aqua pluvialis confluit). [2]). Какъ разъ подъ комплювіемъ внизу находился имплювій,

[1]) Снѣгъ въ Римѣ могъ давать лишь самое назначит. количество воды

[2]) См. Велишскій, Бытъ Грековъ и Римлянъ, стр. 107.

соотвѣтствовавшій по величинѣ первому; это былъ неглубокій резервуаръ, обдѣланный по краямъ и въ срединѣ обыкновенно выложенный каменными плитами. Сюда стекала дождевая вода, а отсюда отводилась посредствомъ трубъ въ цистерну, подъ атріемъ. Множество имплювіевъ сохранилось въ домахъ города Помпей; въ Римѣ же сохранился только одинъ, какъ и вообще остатковъ древне-римскихъ домовъ въ Римѣ сохранилось весьма немного.

Для питья дождевую воду, собиравшуюся въ имплювіѣ, Римляне употребляли развѣ въ древнѣйшую пору, или въ исключительныхъ случаяхъ, и существованіе имплювіевъ въ домахъ въ Римѣ не доказываетъ противнаго. Витрувій говоритъ вообще о собираніи дождевой воды, какъ чемъ-то исключительномъ, вызываемомъ только необходимостью; Фронтинъ вовсе не упоминаетъ объ этомъ. Собираніе и храненіе дождевой воды конечно имѣло мѣсто, необходимо было въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, смотря по обилію или недостатку другой воды, слѣдовательно, при существованіи водопроводовъ и въ богатыхъ домахъ должно было практиковаться рѣже. Употребляли обыкновенно дождевую воду только для нѣкоторыхъ потребностей хозяйства и домашняго обихода, напр. для поливки цвѣтника, мытья и под. Устраивались Римлянами и большіе водоемы для собиранія и храненія атмосферной воды въ то время года, когда въ ней не было надобности, для того чтобы потомъ въ лѣтніе мѣсяцы имѣть запасъ воды для орошенія; это дѣлалось главнымъ образомъ для виллъ, огородовъ и под. Дождевыхъ дней въ году бываетъ въ Римѣ среднимъ числомъ 95; но число это распредѣляется по мѣсяцамъ далеко не равномѣрно, такъ, наиболѣе дождя выпадаетъ въ октябрѣ и маѣ, но бываетъ сред. ч. 155 дней (въ году) безоблачныхъ и при томъ отъ конца іюня до конца августа такіе дни бываютъ непрерывно. Ясно, что собираніе и храненіе дождевой воды для упомянутой цѣли было далеко не лишнимъ.

Таковы водохранилища въ Пинційскомъ холмѣ (Collis Hortorum). Этотъ холмъ представляетъ внутри цѣлый лабиринтъ подземныхъ ходовъ, сдѣланныхъ въ туфѣ, изъ котораго холмъ состоитъ; они то очень узки, то представляютъ мѣста нѣсколько шире, и напоминаютъ римскія катакомбы. Теперь можно проникнуть только въ 21 ходъ (галлерею); значительно большее число ихъ теперь недоступны вслѣдствіе обвала сводовъ. Часто попадаются отверстія въ сводахъ для поднятія воды; какъ разъ подъ такимъ отверстіемъ находится неглубокій

колодецъ, Есть также въ одномъ мѣстѣ холма два большихъ резервуара (piscinae), стѣны коихъ сдѣланы искусственно изъ камня и кирпича. Въ другой части города открыты тоже такія цистерны; галлереи расположены симметрично, стѣны ихъ и полъ обдѣланы искусственно; надъ ними вверху отверстіе для вытягиванія воды; полъ устроенъ такъ, что при небольшомъ количествѣ воды она стекала въ то мѣсто, надъ которымъ находилось отверстіе. Это цистерна безъ всякаго сомнѣнія служила для собиранія дождевой воды, такъ какъ самое низкое ея мѣсто находится на высотѣ 72 метровъ надъ уровнемъ моря, выше водопровода, который проходитъ въ этомъ мѣстѣ, и такъ какъ въ ней найдены были трубы изъ терракотты, соединявшія ее съ имплювіемъ и крышами.

Древне-римскихъ цистернъ сохранилось много, но часто невозможно рѣшить, которыя изъ нихъ были собствено цистернами, т. е. дождевыми водоемами, и которыя принимали воду родниковъ

Древніе не согланы были относительно достоинства дождевой и снѣговой воды. Плиній Старшій оспариваетъ существовавшее въ его время мнѣніе, будто атмосферная вода для питья очень полезна (N. H, 31, 3 Miror cisternarum (aquam) ab aliquis maxime probari. Sed hi rationem adferunt, quoniam levissima sit imbri umquae subire potuerit ac pendere in aëre. ideo et nives praeferunt nivibusque etiam glaciem. horum sententiam refelli interest vitae.)

„Дождевая и снѣговая вода очень близка къ химической, но для питья она не дѣйствуетъ освѣжительно и вкусъ ея слишкомъ прѣсенъ, вялъ. Поэтому вода, скопляемя цистернами, не изъ лучшихъ. (Нѣкоторая примѣсь въ водѣ въ растворѣ углекислой извести и окиси желѣза, необходимыхъ для нашего организма, считается полезною). Правда, она за то не содержитъ и органическихъ примѣсей. Но дѣло въ томъ, что собирать ее и пользоваться ею заставляетъ иногда необходимость. Способъ этотъ во многихъ случаяхъ представляется самымъ выгоднымъ по незначительности расходовъ, напр. для крѣпостей и населенныхъ мѣстъ, расположенныхъ на возвышенностяхъ вдали отъ рѣкъ, озеръ, могущихъ доставлять потребную воду". (Штукербергъ, Водопроводы и пр).[1])

И древніе Римляне собирали и хранили дождевую воду не только для домашняго обихода и хозяйства, но также и для общаго употребленія, гдѣ и когда заставляла необходимость, устраивая большіе дожде-

[1]) Венеція, окруженная лагунами съ соленою водою, имѣетъ болѣе 2000 цистернъ.

вые водоемы, особенно въ акрополяхъ (arces) городовъ, на случай осады. Въ древнѣйшія времена, при частыхъ войнахъ, весьма важно было въ возвышенной части города, которая была послѣднимъ убѣжищемъ, имѣть запасъ воды. Замѣчательны цистерны акрополя древней Альбы Лонги. Онѣ высѣчены въ камнѣ и представляютъ теперь видъ каменоломенъ (части стѣны на сторонѣ Албанскаго озера обрушились); но что это были цистерны, доказывается тѣмъ, что онѣ имѣютъ вверху отверстія, кверху съуживающіяся, на подобіе верхней части бутылки или колокола, служившія или для стока въ нихъ воды сверху, или для вытягиванія ея. Въ Римѣ такія же цистерны сохранились въ Палатинскомъ холмѣ, на которомъ былъ основанъ городъ Ромуломъ, Roma quadrata.

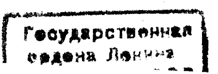
Извѣстны онѣ въ двухъ мѣстахъ холма, хотя, говоритъ ученый, слова котораго ниже привожу, надо считать почти всю внутренность этого холма изрѣзанною подземными ходами, служившими первоначально каменоломнями для добыванія матеріала для построекъ. [1]) Первая цистерна находится у сѣв.-западнаго угла холма, за остатками древнѣйшей стѣны. Отверстіе, ведущее къ резервуару сверху, напоминаетъ отверстія упомянутой Албанской цистерны; какъ резервуаръ, такъ и это отверстіе оштукатурено цементомъ. Больше и замѣчательнѣе цистерны—каменоломни находятся близъ остатковъ фундамента древняго храма, который называютъ храмомъ Юпитера Побѣдоноснаго (Victor), находящихся на самомъ высокомъ мѣстѣ холма, на сторонѣ, обращенной къ Большому цирку.

„Тѣ которые будутъ имѣть возможность проникнуть въ нихъ (онѣ для публики закрыты), говоритъ итал. ученый, найдутъ удовлетвореніе за трудной спускъ въ живописномъ и величественномъ видѣ этихъ глубокихъ подземелій, современныхъ основанію Рима, представляющихъ горизонтальные ходы и вертикальныя отверстія, черезъ которыя доставали изъ нихъ воду сверху". И Капитолійскій холмъ имѣетъ свои древнія цистерны. „Открытые на Monte Caprino [2]) подземные ходы, говоритъ одинъ изслѣдователь Рима, суть безъ сомнѣнія вмѣстѣ съ Cloaca Maxima древнѣйшіе остатки римскаго величія; они послѣ взятія города Галлами спасли замокъ, городъ и государство".

---

[1]) Римляне въ древнѣйшее время матеріалъ для своихъ построекъ добывали изъ самыхъ холмовъ (туфъ), и древнѣйшія укрѣпленія Палатина, остатки которыхъ сохранились, выстроены были изъ туфа этого холма.

[2]) Часть Капитолійскаго холма, на которой находился знаменитый храмъ Юпитера.

Водопроводы.

Praecipuum magnitudinis imperii Romani indicium. Фронтинъ.

Второй періодъ, блестящій, въ исторіи водоснабженія древняго Рима начинается съ 3 вѣка до Р. Х. и продолжается до конца западной имперіи. Въ этотъ періодъ, именно первую половину его, Римляне не только устроили у себя искусственное водоснабженіе, какое было у другихъ культурныхъ народовъ древности, но и постепенно превзошли ихъ въ этомъ дѣлѣ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что у нихъ было искусственное водоснабженіе, какого до нихъ не было въ древности, и какого не имѣли даже большіе города новой Европы такъ долго, именно до новѣйшаго времени. И такое водоснабженіе городовъ при ихъ владычествѣ распространилось по всей имперіи. Выше мы говорили о томъ, что́ Римляне имѣли для снабженія города водою на мѣстѣ, данное природою или при незначительномъ сравнительно трудѣ со стороны человѣка; а теперь будетъ рѣчь о томъ, что́ уже есть преимущественно произведеніе человѣческой культуры, произведеніе ума и рукъ человѣка, τὰ ἐκ τῆς προνοίας по выраженію Страбона [1]) (V, c. 235, гдѣ онъ говоритъ о римскихъ водопроводахъ, канализаціи и дорогахъ).

Одновременно съ проведеніемъ перваго водопровода Римляне устроили и первую большую искусственную военную дорогу и тѣмъ положили начало своимъ знаменитымъ дорогамъ, чтобы сдѣлать легкимъ движеніе легіоновъ, когда войны приходилось вести уже все дальше и дальше отъ Рима, дорогамъ, которыя потомъ образовали громадную систему путей сообщенія, какой опять таки древность до Римлянъ не видѣла. Устройство первой большой дороги, Аппіевой, и перваго водопровода, тоже Аппіева, были важными событіями въ жизни города, составляютъ эпоху въ исторіи его развитія, суть primitiae magnitudinis Romanae по выраженію одного писателя (Фабретти). И какъ въ развитіи системы путей сообщенія, такъ и водоснабженія дѣло шло постепенно и высшаго своего развитія достигло въ императорскую эпоху, когда Римъ наиболѣе выполнялъ свою вторую задачу, распространяя по подчиненному ему міру

---

[1]) Греческій географъ, жившій съ 66 г. до Р. Х. по 24 п. Р. Х. и написавшій важное сочиненіе (въ 17 книгахъ) „Γεωγραφικά“.

цивилизацію, тогда именно, когда и границы государства достигли наибольшаго своего расширенія.

Мы видѣли, что до устройства водопроводовъ Римляне необходимое количество воды имѣли изъ рѣки, источниковъ, колодцевъ и цистернъ. Мы не слышимъ жалобъ на ея недостатокъ въ тѣ времена. Фронтинъ говоритъ только, что Римляне *довольствовались* этою водою (contenti fuere—441 годъ). Какъ съ одной стороны изъ этихъ словъ его ясно видно, что Римляне долго могли имѣть необходимое количество воды на мѣстѣ, такъ съ другой стороны изъ того, что онъ только о fontes прибавляетъ нѣсколько словъ (и то: *memoria* fontium adhuc exstat и пр.), а о Тибрѣ и пр. не говоритъ больше ни слова, кажется, выходитъ, что въ его время изъ этихъ источниковъ мѣстной воды часть вовсе не имѣла значенія, а часть играла сравнительно незначительную роль въ водоснабженіи города, и ему вообще водоснабженіе тѣхъ временъ представляется чѣмъ-то примитивнымъ. Какъ Римляне долго обходились безъ водопроводовъ до ихъ устройства, такъ и въ средніе вѣка, какъ уже выше сказано, почти исключительно довольствовались мѣстною водою. Наконецъ водопроводы Рима возникали не сразу, а постепенно, и Римляне сначала, имѣя уже нѣкоторое количество воды изъ водопроводовъ, продолжали въ тоже время пользоваться въ большихъ размѣрахъ тою-же мѣстною водою.

И качества вода была вообще удовлетворительнаго (относительно воды источниковъ Рима, какъ видѣли, врачъ Галенъ свидѣтельствуетъ, что она была даже отличнаго качества), хотя древніе Римляне, по видимому, и не питали никогда такого пристрастія къ водѣ Тибра, какое, какъ мы видѣли выше, питали къ ней нѣкоторые Римляне позднѣйшихъ временъ. Водопроводы не были тогда, очевидно, необходимостью для Рима: канализація составлявшая необходимое условіе существованія въ низменныхъ частяхъ города, была устроена гораздо раньше, хотя и требовала тоже значительныхъ трудовъ и затратъ; именно, главная, основная часть ея (Cloaca Maxima) для осушенія центральной части города между холмами съ густымъ населеніемъ была выстроена въ эпоху царей, именно послѣдними царями.

Водопроводы, когда началось уже это дѣло искусственнаго водоснабженія, возникали, какъ сказано, мало по малу, постепенно, именно съ увеличеніемъ населенія города и расширеніемъ вслѣдствіе этого площади его, по мѣрѣ возрастанія силы Рима, увеличенія средствъ госу-

дарства, накопленія богатствъ и даровыхъ рабочихъ рукъ и вмѣстѣ упроченія мира и безопасности, также вслѣдствіе развитія все большей утонченности жизни, нарожденія новыхъ потребностей высшей культуры, роскоши, и стремленія снабдить столицу великими и общеполезными сооруженіями.

Еслибы, допустимъ, и очень рано явилось желаніе у Римлянъ устроить водопроводы, осуществленію этого желанія могли оказаться *внѣшнія* препятствія: не могло быть рѣчи о проведеніи воды изъ окрестностей въ первыя времена (а воду Римляне и проводили только изъ окрестностей; Тибрскаго водопровода не было); или о значительномъ предпріятіи для этого, такъ какъ воду пришлось-бы проводить изъ территорій, принадлежавшихъ враждебнымъ сосѣдямъ, и были часты мелкія войны съ этими ближайшими сосѣдями. Когда ближайшіе сосѣди были покорены, была все еще опасность отъ враговъ въ Италіи, велись войны съ Самнитами; водопроводъ устраивается только подземный, какъ менѣе доступный поврежденію со стороны враговъ.

Только при полной обезпеченности мира, безусловномъ преобладаніи былъ расчетъ строить дорого стоющіе водопроводы и съ надземнымъ каналомъ на аркахъ съ нѣсколькихъ, и отдаленныхъ окрестныхъ мѣстъ, *κτήματα εἰς ἀεί*. Въ столѣтія, когда Римъ извнѣ старался добиться господства въ Лаціумѣ и Италіи и упрочить его, а внутри долгою борьбою доходилъ до нѣкоторой гармоніи своихъ элементовъ, онъ не произвелъ почти ни одного сооруженія, которое бы нѣсколько подходило къ великимъ сооруженіямъ царской эпохи. Но съ концомъ второй Пунической войны, съ Ганнибаломъ миновала всякая опасность вражескаго вторженія; наступилъ періодъ преобладанія Римлянъ въ мірѣ и полной обезпеченности, все болѣе утверждавшейся съ увеличеніемъ силы Рима. И, хотя съ быстрымъ ростомъ населенія города въ этотъ періодъ городъ раскинулся далеко за Сервіевы стѣны, однако до второй половины 3 вѣка послѣ Р. Х., хотя Римляне, особенно императоры возводили громадныя и очень дорогія постройки для удобствъ и удовольствій жителей, и украшенія города, ни разъ, кажется, не являлось даже и мысли о возведеніи новыхъ большихъ укрѣпленій вокругъ города, и Сервіева стѣна [1])

---

[1]) См. планъ Рима у Киперта. Значительные остатки этой стѣны уцѣлѣли донынѣ и представляютъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ остатковъ древности въ Римѣ.

оставалась единственной 8 столѣтій до указаннаго періода, когда явилась необходимость обвести разросшуюся столицу укрѣпленіями въ виду нападеній варваровъ. Марціевъ водопроводъ построенъ въ 144—140 г., слѣдующій—въ 125, затѣмъ наиболѣе сдѣлано для водоснабженія при Августѣ и слѣдующихъ императорахъ. Правда, Римляне никогда не боялись того, что водопроводы могутъ быть прерваны: у нихъ были источники, колодцы и рѣка въ стѣнахъ города; это не было по крайней мѣрѣ серьезною опасностью для города; и мы увидимъ, что, когда одинъ варваръ прервалъ ихъ токи воды, то онъ это сдѣлалъ не въ надеждѣ лишить воды осаждаемыхъ. Но все же, когда обезпеченности мира больше не было, пришлось аркады водопроводовъ, прежде стоявшія свободно, включить въ линію укрѣпленій города.....

Переходимъ къ другимъ причинамъ, вызывавшимъ и обусловливавшимъ устройство водопроводовъ. И во-первыхъ, если оставить пока даже въ сторонѣ качество воды и требованія роскоши и под., для удовлетворенія обыкновенныхъ потребностей воды мѣстной со временемъ должно было оказаться недостаточно и распредѣленіе ея по городу, особенно воды Тибра, становиться все затруднительнѣе съ возрастаніемъ населенія города и увеличенія его площади. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о первомъ, т. е. постепенномъ ростѣ населенія, мы посмотримъ здѣсь, какой высшей цифры достигало населеніе Рима въ періодъ наибольшаго развитія города. Чтобы сообщаемое нами не показалось бездоказательнымъ, и читатель могъ судить о степени его вѣроятности, мы остановимся на этомъ важномъ вопросѣ нѣсколько болѣе. Къ сожалѣнію нѣтъ возможности дать вполнѣ удовлетворительный, точный отвѣтъ на этотъ вопросъ. По странной случайности у древнихъ авторовъ, дошедшихъ до насъ, есть точныя и прямыя извѣстія о численности населенія нѣсколькихъ большихъ городовъ имперіи: Пергама, Кесаріи Каппадокійской, Александріи, Іерусалима, и ни одинъ источникъ не сообщаетъ ни слова прямо о общей цифрѣ населенія Рима. Новые ученые при опредѣленіи ея кладутъ въ основаніе или число домовъ города, извѣстное хоть для поздняго періода, или величину площади города, или число гражданъ, получившихъ въ Римѣ въ разное время хлѣбъ или деньги изъ казны, и опредѣляя затѣмъ съ большею или меньшею вѣроятностью на основаніи сообщеній древнихъ и общихъ соображеній общее число гражданъ, женщинъ, дѣтей, рабовъ, гарнизона и иностранцевъ, проживавшихъ въ Римѣ (См. L. Friedlaender, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms, 1 Th., 4 A., стр. 54

и сл. u J. Marquardt, Roemische Staatsverwaltung, 2 B., стр. 117 и сл.)[1]). Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, приходятъ къ вѣроятному заключенію, что ко времени Рождества Хр. (въ 749 году, въ которомъ Августъ далъ 320,000 человѣкъ plebis urbanae sexagenos denarios), цифра населенія Рима превышала милліонъ. Ниже приводится цифра для болѣе ранняго республиканскаго времени. Болѣе быстрый ростъ населенія начался тоже послѣ второй Пунической войны, когда Римъ становился столицею все большаго и большаго государства, между прочимъ и вслѣдствіе усилившагося прилива въ городъ иностранцевъ. (Римъ представлялъ все болѣе привлекательнаго, и этому же способствовала полная свобода переселеній. Сенека въ I вѣкѣ п. Р. X. (Cons. ad Helv., 6) о населеніи Рима своего времени могъ сказать уже: Maxima pars illius turbae patria caret: ex municipiis et coloniis suis, ex toto denique orbe terrarum confluxerunt). Далѣе, принимая въ соображеніе приростъ населенія въ большихъ городахъ новой Европы, точно констатированный статистикой за послѣднее время, и степень увеличенія населенія Рима въ императорскую эпоху посредствомъ рожденій (этотъ процентъ былъ сравнительно незначительный, значительно ниже, чѣмъ въ современныхъ большихъ европейскихъ городахъ), а также съ другой стороны особенно сильное увеличеніе въ это время столичнаго населенія вслѣдствіе наплыва народа извнѣ, увеличеніе числа рабовъ, вновь прибывавшихъ взамѣнъ множества отпущенныхъ на волю, а также принимая въ расчетъ и весьма значительную смертность въ нездоровомъ Римѣ вслѣдствіе эндемическихъ болѣзней и эпидемій, приходятъ къ выводу, что, если положить для тогдашняго Рима процентъ прироста населенія значительно меньшій констатированнаго для современныхъ большихъ городовъ Европы, населеніе Рима въ 70—80 лѣтъ

---

[1]) Элементарныя историко-литературныя и др. примѣчанія назначаются для учащихся; указанія на источники и пособія привожу, считая нужнымъ указывать, что заимствую, а также для желающихъ болѣе ознакомиться съ предметомъ или провѣрить сообщаемое мною и мои сужденія, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ новѣйшихъ пособій, коими я пользовался, не могли быть обозначены и приняты въ соображеніе въ статьяхъ о водоснабженіи въ болѣе извѣстныхъ у насъ сочиненіяхъ, напр. энциклопедическихъ словаряхъ классической древности и др., и въ русской литературѣ, сколько мнѣ извѣстно, не имѣется трактата о водоснабженіи древняго Рима и вообще о водоснабженіи у классическихъ народовъ древности.

должно было возвыситься до $1^1/_2$ милліона или даже до 2 милліоновъ. Большая эпидемія 79 года могла похитить весьма много въ Римѣ жертвъ, но вообще приростъ населенія, не смотря на временныя остановки и даже пониженія до 167 года, когда началась долго свирѣпствовавшая въ Римѣ и по всей Италіи опустошительная эпидемія, долженъ былъ, полагаетъ Фридлендеръ, идти впередъ, и потому выше приведенная цифра въ первой половинѣ 2-го вѣка,—когда и система водопроводовъ Рима была почти закончена—,должна была значительно увеличиться и перейти за 2 милліона. [1]) Эту приблизительно цифру выводятъ всѣ лучшіе новые ученые. Такимъ образомъ Римъ былъ, особенно въ императорскую эпоху, по населенію громадный городъ.

Съ возростаніемъ населенія и площадь города должна была расширяться. Со временемъ стало очень тѣсно въ Сервіевыхъ стѣнахъ, и вотъ и эти стѣны очутились въ городѣ. Сначала Сулла внутри города увеличилъ площадь для построекъ, предоставивъ для застройки внутреннюю полосу вдоль стѣны, бывшую до него незастроенною; Цезарь задумывалъ уже прорвать городскую стѣну между Капитоліемъ и Квириналомъ (это сдѣлалъ импер. Траянъ для образованія площади для своего знаменитаго форума), соединить Форумъ съ Марсовымъ Полемъ и застроить это послѣднее, служившее мѣстомъ для игръ и военныхъ и др. упражненій (Campum Martium coedificari, illum autem Vaticanum campum fieri quasi Martium campum, Cic. ad Att., 33, 4.). Его планы отчасти выполнилъ наслѣдникъ его, Августъ. При немъ Марсово Поле покрылось великолѣпными монументальными зданіями и составило двѣ части въ его новомъ дѣленіи разросшагося города (Urbs regionum XIV.): Circus Flaminius и Via Lata. (См. также о Марсовомъ Полѣ ниже, гдѣ говорится объ Aqua Virgo). При Титѣ и Веспасіанѣ произведено измѣреніе города до послѣднихъ сплошныхъ городскихъ построекъ, ad extrema tectorum; периметръ его тогда составлялъ 13 рим-

---

[1]) Въ 1874 году жителей въ Римѣ считалось 256,153 чел.; но напр. Авентинъ, древній плебейскій значительно населенный (celeberrimus collis по Фронтину, гл. 87) кварталъ, теперь почти не заселенъ по городскому. Смотри примѣч. на стр. 35 и ср. конецъ стр. 28. Населеніе всей Аттики въ цвѣтущее время государства простиралось всего до полумилліона. Schoemann, Gr. Alt., стр. 330.

скихъ миль [1]) (Плиній [2]) N. H., 3, 5). При недостаткѣ мѣста для новыхъ построекъ въ городѣ окраины города должны были все увеличиваться. Площадь разросшихся 14 частей, такимъ образомъ приблизительно вся заселенная площадь города обведена была Авреліановыми стѣнами [3]), чтобы по возможности защитить городъ; включены были въ нее нѣкоторыя части и не составлявшія города, но за то внѣ стѣнъ оставались мѣста значительно населенныя (о Затибрской части, regio Transtiberina, см. ниже, гдѣ говорится о Трояновомъ водопроводѣ). Длина этой стѣны на лѣвомъ берегу Тибра составляетъ 10, 8 (по другому измѣренію 11, 13) римскихъ миль; периметръ же всего города съ частями лежавшими внѣ стѣнъ, составлялъ при Константинѣ Великомъ 16 р. миль (H. Jordan, Topogr d. St. Rom, I B, I Abth., стр. 338.). Но для насъ болѣе важное значеніе имѣетъ величина площади города въ первомъ и второмъ вѣкѣ, когда населеніе его было наибольшее. Чтобы выше приведенныя цифры (нѣкоторые выводили и большія) населенія не оказались мало вѣроятными, хотя извѣстно, что въ Римѣ было много большихъ садовъ, парковъ, и такъ какъ для насъ важно знать хоть приблизительно дѣйствительное количество населенія, то мы обратимъ вниманіе здѣсь еще на слѣдующее. Улицы въ древнемъ Римѣ были очень узки, какія и теперь видимъ въ старинныхъ частяхъ европейскких городовъ (Altstadt Вѣны, нѣкоторыя улицы Парижа, Неаполя и др.; въ современномъ Римѣ

---

1) Римская миля (mille passuum) равна $^1/_5$ географической.

2) Плиній, котораго мы часто приводимъ, есть C. Plinius Secundus, съ 23—79 послѣ Р. Х., авторъ дошедшаго до насъ обширнаго сочиненія энциклопедическаго характера „Naturalis Historia", въ 37 кн.

3) Начаты эти стѣны при Авреліанѣ, въ 271 г., а окончены Пробомъ въ 280 г.; возобновлены въ началѣ 5 вѣка Аркадіемъ и Гоноріемъ. Значительная часть ихъ была разрушена Тотилой и возобновлена Велизаріемъ; затѣмъ отдѣльныя части были часто разрушаемы и возобновляемы въ средніе вѣка и въ новое время. Но отъ древнѣйшей постройки осталось еще достаточно, чтобы видѣть древнее ихъ устройство. Нынѣшнія стѣны Рима на лѣвой сторонѣ Тибра стоятъ за исключеніемъ немногихъ небольшихъ мѣстъ на основаніяхъ древнихъ, выстроенныхъ Авреліаномъ и Пробомъ и возобновленныхъ Аркадіемъ и Гоноріемъ. На правой сторонѣ стѣна Авреліана обнимала только небольшую часть Яникула (Arx). Стѣны, окружающія теперь весь Яникулъ и Ватиканъ, построены папами.

на Марсовомъ полѣ главная улица (Corso) есть скорѣе большой тротуаръ большой улицы новѣйшихъ городовъ. Въ Помпеяхъ и въ др. мѣстахъ сохранившіяся улицы очень узки), дома были значительной высоты, такъ что Августъ для предотвращенія обваловъ непрочныхъ домовъ долженъ былъ установить норму, ограничивъ высоту домовъ 70-ю римскими футами[1]). На улицахъ ѣзды почти не было и потому помѣщенія для лошадей и другихъ животныхъ и всѣхъ принадлежностей ѣзды не занимали мѣста при домахъ[2]) (Marquardt, R. Privatalt, 2, стр. 706 и сл. Friedlaender, Darstell, I, стр. 64 и сл. и Jordan, Topogr. d. St. Rom, I B., I A., стр. 513). Далѣе слѣдуетъ принять въ соображеніе большую особенность въ характерѣ жилищъ въ античныхъ городахъ, какъ это ясно видно въ Помпеяхъ. Защита противъ погоды была въ нихъ почти единственною цѣлью домовъ древнихъ, мебель и под. ограничивалась самымъ

---

[1]) Плиній (N. H., 3, 67) говоритъ, что если къ площади Рима прибавить высоту его домовъ, то ни одинъ городъ не сравнится съ нимъ по величинѣ.—Александрія и Антіохія по размѣрамъ своей площади превосходили Римъ, но дома въ нихъ были ниже и улицы шире.

[2]) Вообще въ древности повозка не употреблялась для сообщенія частныхъ лицъ въ городѣ и это составляетъ очень характерную черту городской жизни древнихъ. Въ Римѣ отъ древнѣйшихъ временъ до начала 3 вѣка послѣ Р. Х. въ городѣ не дозволялось употреблять для этой цѣли повозку; дозволялась она только для цѣлей культа и для должностныхъ лицъ въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ (такъ ѣздили весталки и другія женщины, отправлявшія жреческія обязанности, rex sacrorum, flamines и въ культѣ Mater magna, Цереры, ѣхалъ на колесницѣ тріумфаторъ и добычу везли на повозкахъ, употреблялись колесницы въ pompa circensis. Право ѣздить въ городѣ для женщинъ, существовавшее при республикѣ, въ императорскую эпоху было отмѣнено; даже очень знатныя женщины ѣздили только при религіозныхъ церемоніяхъ и даже императрицы и др. дамы изъ императ. фамиліи ѣздили въ городѣ лишь съ согласія сената. Даже ломовымъ извощикамъ, которые въ прежнія времена, кажется, были менѣе стѣснены, законъ Цезаря 45 года позволялъ въѣзжать въ Римъ только вечеромъ и ночью, а днемъ впродолженіи 10 часовъ съ восхода солнца, когда было наибольше движенія на улицахъ, могли выѣхать изъ города телѣги пустыя, прибывшія въ городъ ночью, или вывозящія соръ. Такія мѣры, разумѣется, облегчали движеніе въ узкихъ улицахъ густо населеннаго города. Подъѣхавъ къ городу, останавливались, ἔνθα τῶν ὀχημάτων ἀποβαίνειν εἰσιν εἰθισμένοι. За воротами города помѣщались и извощики.

необходимымъ, по крайней мѣрѣ нѣсколько помпейскихъ комнатъ можетъ помѣститься въ просторной комнатѣ нашихъ домовъ, нашей мебели въ тѣхъ комнатахъ негдѣ было бы помѣстить. (Даже и въ позднѣйшее время и въ средніе вѣка жилища были весьма ограниченныхъ размѣровъ и только въ послѣднія 3, 4 столѣтія произошла въ этомъ значительная перемѣна). Особенно это надо сказать о жилищахъ среднихъ классовъ населенія и низшихъ. Конечно, тысячи жилищъ имѣли характеръ только помѣщеній для ночлега, гдѣ можно было только приклонить голову; римскіе писатели говорятъ о темныхъ камерахъ, въ которыя не могъ войти человѣкъ, не нагибаясь, о бѣднякахъ, живущихъ на чердакахъ, гдѣ гнѣздятся голуби; многіе проводили ночь въ тавернахъ. Помѣщенія для рабовъ, которыхъ было значительно болѣе свободныхъ людей, безъ сомнѣнія были обыкновенно самые малые чуланы для ночи, а не малое наконецъ число было бездомныхъ, проводившихъ ночь подъ открытымъ небомъ или въ портикахъ, у храмовъ и под., какъ и теперь бываетъ часто на югѣ. На улицахъ не только ходили, но шелъ торгъ (было между прочимъ множество въ Римѣ крикливыхъ разнощиковъ, institores) и производились разныя манипуляціи ремесленниковъ и под. Вообще была большая тѣснота и суета; описанія древнихъ напоминаетъ уличный шумъ и движеніе современнаго Неаполя, который имѣетъ населеніе значительно большее чѣмъ Римъ. Сенека въ приведенномъ уже мѣстѣ говоритъ о населеніи Рима, что его едва вмѣщаютъ всѣ жилища неизмѣримаго города (cui vix *urbis immensae* tecta sufficiunt). Приведенныя сейчасъ нами нѣкоторыя особенныя условія городской жизни въ Римѣ, дѣлая болѣе вѣроятными выводы относительно численности населенія, важны для насъ и въ другомъ отношеніи. Съ возрастаніемъ населенія новыя мѣста заселялись, а тѣ, которыя и прежде были заселенны густо, получали еще болѣе густое населеніе; воды требовалось много; рѣка могла дать любое количество воды; но при расширеніи площади города, заселеніи мѣстъ далеко лежавшихъ отъ рѣки, сгущенности населенія, тѣснотѣ въ улицахъ и въ добавокъ при *большихъ неровностяхъ* почвы Рима (clivi, semitae), распредѣленіе по городу вообще имѣвшейся на мѣстѣ воды дѣлалось все болѣе и болѣе неудобнымъ, и воды Тибра, еслибы она и вполнѣ удовлетворяла Римлянъ или могла быть очищена [1]), представлялось наиболѣе

[1]) Способъ очищенія воды посредствомъ процѣживанія черезъ пористыя тѣла (фильтрованіе) былъ извѣстенъ древнимъ.

затруднительнымъ. (Почему Римляне никогда не устроили Тибрскаго водопровода, будетъ сказано ниже). Въ городѣ, столь ревниво оберегавшемъ свои улицы отъ ѣзды по нимъ, водовозы были бы болѣе чѣмъ нежелательны. Вода должна была идти или подъ улицами или надъ улицами.

При увеличеніи населенія и расширеніи площади города Римляне, конечно, прежде всего старались увеличить число колодцевъ и цистернъ и отыскивать новую родниковую воду въ городѣ.

И такъ приведенныя свѣдѣнія о ростѣ населенія и расширенія площади Рима ясно, кажется, показываютъ, что потребность воды должна была значительно увеличиваться и распредѣленіе мѣстной воды представлять все болѣе и болѣе трудностей и неудобствъ. Это, а также и то, что приведемъ ниже, съ одной стороны показычаетъ необходимость водопроводовъ для Рима, а съ другой—какимъ дѣйствительнымъ потребностямъ они удовлетворяли, какъ были полезны и сколько удобствъ они представляли.

Но были кромѣ этихъ и другія причины, вызывавшія бо́льшую потребность вообще сравнительно съ первыми столѣтіями города въ водѣ и въ водѣ не изъ Тибра, въ большемъ количествѣ воды лучшаго качества.

Громадное населеніе Рима дѣлало необходимыми для города клоаки, а послѣднія—водопроводы.

Возрастаніе населенія Рима и не прямо еще дѣлало необходимымъ искусственное водоснабженіе города изъ окрестностей, именно оно не прямо уменьшало количество мѣстной воды или вѣрнѣе хорошей воды, имѣя слѣдствіемъ загрязненіе воды Тибра, единственнаго источника, могшаго удовлетворить потребностямъ какого угодно города. Вода Тибра съ возрастаніемъ населенія должна была необходимо загрязняться (см. выше стр. 28). Устье главной клоаки, къ которой впослѣдствіи были присоединены боковыя вѣтви, находится противъ Цирка, слѣдовательно далеко не за городомъ. Увеличеніе населенія обусловливало постепенное распространеніе сѣти клоакъ по городу. Неизвѣстно, приведены ли были въ сообщеніе съ главною клоакою клоаки другихъ частей города [1]). Нѣсколько ниже устья большой клоаки нахо-

---

[1]) Велишскій (стр. 93) говоритъ слишкомъ обще, что Римляне устроили цѣлую систему каналовъ (cloacae), посредствомъ которыхъ *отводили* какъ воду

дятся два меньшія, можетъ быть, для каналовъ Авентина. Большая очистка клоаковъ города и увеличеніе сѣти сдѣланы въ цензуру 184 года до Р. Х., когда впервые болѣе или менѣе закончена была система каналовъ Сервіева города, именно цензоры Флаккъ и Катонъ въ этомъ году сдали на подрядъ мощеніе камнемъ общественныхъ бассейновъ воды въ городѣ, очистку клоакъ въ мѣстахъ, гдѣ то необходимо было, и постройку новыхъ на Авентинѣ *и въ другихъ частяхъ, гдѣ ихъ еще не было* (lacus sternendos lapide detergendasque qua opus esset cloacas, in Aventino et in aliis partibus, qua nondum erant, faciendas locaverunt, Liv. 39, 44.). Въ концѣ республиканскаго періода, какъ думаютъ, начата сѣть также каналовъ на Марсовомъ полѣ (часть ихъ открыта въ перв. пол. 17 вѣка въ новое время, при Урбанѣ VIII; одинъ проходитъ и теперь подъ Пантеономъ). Это увеличеніе числа клоакъ приписываютъ другу Августа Марку Агриппѣ, о которомъ сообщаютъ древніе, что онъ послѣ окончанія предпринятой имъ очистки клоакъ проѣхалъ по нимъ въ лодкѣ въ Тибръ (ἐις τὸν Τ. δί αὐτῶν ἐξέπλευσεν). Стокъ имѣли и эти клоаки въ рѣку и, можетъ быть, на Марсовомъ же полѣ, хотя это достовѣрно не извѣстно (то обстоятельство, что тотъ же Агриппа провелъ водопроводъ на Марсово поле, говоритъ, кажется, въ пользу этого мнѣнія). Нѣкоторое понятіе о размѣрахъ всей сѣти можетъ дать сохраненное Діонисіемъ Галикарнасскимъ [1]) извѣстіе, что въ одно время на очистку и починку клоакъ издержано было 24 милліона сестерціевъ (τοὺς τιμητὰς τὴν ἀνακάθαρσιν (τῶν τάφρων) καὶ ἐπισκευὴν χιλίων μισθῶσαι ταλάντων). Діонисій заимствовалъ это извѣстіе у Гая Ацилія, историка, издавшаго — на греческомъ языкѣ — исторію Рима вскорѣ послѣ 3 Пунической войны;

собирающуюся между холмами, такъ и всѣ городскія нечистоты въ главный каналъ (cloaca maxima), а посредствомъ этого въ рѣку. Можно подумать, что онъ здѣсь разумѣетъ канализацію города въ наибольшемъ ея развитіи, всѣхъ частей его (вѣдь Cloaca M. не составляла одна всей канализаціи); и утверждаетъ, что каналы всѣхъ частей впадали въ „Большой“. Но это по меньшей мѣрѣ сомнительно. Слова Ливія (1, 56): cl. max. receptaculum omnium purgamentorum urbis относятся къ городу царскаго періода, для котораго то мнѣніе можетъ быть вѣрно, относительно conrivati septem amnes Плинія, какъ и о клоакахъ вообще см. Jordan, Topographie, I, 1, стр 441 и сл.

[1]) Жилъ прибл. съ 70—8 до Р. Х., написалъ между прочимъ Римскую исторію, „Ῥωμαϊκὴ Ἀρχαιολογία“ часть которой сохранилась.

это извѣстіе слѣдовательно относится къ такому времени, когда сѣть клоакъ не достигала еще наибольшаго распространенія и во всякомъ случаѣ еще не было клоакъ на Марсовомъ полѣ. Эти клоаки, возбуждавшія удивленіе древнихъ[1]), выполняли еще въ 6 вѣкѣ послѣ Р. Х. свое назначеніе и нѣкоторыя изъ нихъ (Cloaca Maxima) и теперь послѣ почти двухъ съ половиною тысячелѣтій ихъ существованія служатъ первоначальной цѣли. На стр. 36 указано одно и первоначальное назначеніе клоакъ. Онѣ регулировали въ холмистомъ городѣ стокъ дождевой воды, выпадающей болѣе внезапно и болѣе опустошительно дѣйствующей на югѣ. Далѣе городъ при необыкновенномъ обиліи почвенной воды и имѣя мѣста, благопріятствовавшія скопленію воды, съ рѣкою, часто наводнявшею его, долженъ былъ испытывать вредныя вліянія большаго количества сырости, былъ неудобообитаемъ. Чтобы онъ сталъ мѣстомъ болѣе здоровымъ, удобнымъ для большаго населенія, необходимо было въ большихъ размѣрахъ осушеніе почвы. Это и достигалось канализаціею, клоаками. Но уже съ самаго начала клоаки должны были съ потоками дождевой воды уносить также и массу грязи и другихъ нечистотъ города въ рѣку (cursu praecipiti torrentium modo rapere atque auferre omnia coacti). Кромѣ этого онѣ принимали въ себя черезъ проведенные въ нихъ отъ домовъ и другихъ общественныхъ и частныхъ зданій трубы и под. жидкія нечистоты всего города и древніе писатели обращаютъ преимущественно вниманіе на это ихъ назначеніе[2]). Каналы

---

[1]) Плиній (N. H., 36, 104 сл.) съ увлеченіемъ говоритъ о нихъ: opus dictu maximum *subfossis montibus* atque..... *urbe pensili subterque navigata* (см. 52 стр.). Permeant conrivati septem amnes cursuque praecipiti torrentium modo rapere atque auferre omnia coacti, insuper imbrium mole concitati vada ac latera quatiunt, aliquando Tiberis retro infusus recipitur pugnantque diversi impetus intus et tamen obnixa firmitas resistit. Писатель 6 вѣка п. Р. Х., извѣстный государственный мужъ Кассіодоръ говоритъ о нихъ: Splendidae Romanae civitatis cloacae, quae tantum visentibus conferunt stuporem, ut aliarum civitatium miracula possint superare.

[2]) Страбонъ: ὑπονόμων τῶν δυναμένων ἐκκλύζειν τὰ λύματα τῆς πόλεως εἰς τὸν Τίβεριν. Прокопій Кесарійскій (греческій историкъ 6 вѣка по Р. Х., сопровождавшій Велизарія въ его походахъ, бывшій и въ Римѣ при осадѣ его Готами. Главное его сочиненіе исторія войнъ Юстиніана): οἵπερ (клоаки ὑπόνομοι) ἐκ τῆς πόλεως, εἴτι οὐ καθαρόν, ἐκβάλλουσιν ἔξω .... εἰς τὸν ποταμὸν Τίβεριν τὰς ἐκβολὰς ἔχουσιν ἅπαντες. Послѣднія слова важны и для рѣшенія вопроса объ устьяхъ клоакъ разныхъ частей города (См. стр.). Ливій, I, 56.

проходили подъ улицами и площадями и плацами частныхъ лицъ, на улицахъ и площадяхъ имѣли отверзтія (foramina). Такъ какъ всякій почти домъ соединялся съ главными каналами, такъ что сѣть этихъ проводниковъ должна была быть громадна, то легко представить, какую массу нечистотъ тѣ каналы несли въ Тибръ въ Римѣ уже съ громаднымъ населеніемъ, хотя ѣзда на его улицахъ была ограничена и животныхъ было меньше чѣмъ въ нашихъ городахъ.

Я нѣсколько распространился о клоакахъ Рима, потому что онѣ, представляя вообще очень важную и замѣчательную сторону римской культуры, находились во взаимной тѣсной связи съ водопроводами, водоснабженіемъ города. Увеличивавшееся населеніе дѣлало необходимою въ большихъ размѣрахъ ассенизацію города и осушеніе его почвы; клоаки, осушая почву и унося его нечистоты, загрязняли воду Тибра, а это вызывало необходимость имѣть хорошую воду въ большомъ количествѣ изъ другихъ источниковъ, независимо отъ Тибра. Съ другой стороны постепенное увеличеніе числа водопроводовъ позволяло обратить Тибръ въ Cloaca Maxima для города, независимость города отъ рѣки въ отношеніи воды давало возможность устроить хорошую ассенизацію въ обширныхъ размѣрахъ. Способствовали водопроводы ассенизаціи города и другимъ путемъ, какъ будетъ показано въ другомъ мѣстѣ. Тибръ при развитіи искусственнаго водоснабженія города вообще уносилъ только его нечистоты и служилъ для него воднымъ путемъ; онъ несъ Риму, для котораго не нужно было больше его вода, зато хлѣбъ Египта и обелиски, дерево, мраморъ, гранитъ для его построекъ и пр. (et maritimas naves suscipiens et mediterraneas (извнутри страны) adducens, de Etruria vel Sabinis).

Римъ имѣлъ много родниковъ (Аѳины имѣли только одинъ съ водою годною для питья, Каллирою); но съ возрастаніемъ населенія вода ихъ приходилась на несравненно большее число человѣкъ и распредѣленіе воды становилось все болѣе неудобнымъ. Если и были, вѣроятно, отыскиваемы и эксплуатируемы новые родники воды, мы не слышимъ однако ничего о столь обильномъ источникѣ, который бы снабжалъ значительную часть города или вода котораго, искусственно проведенная, служила бы и другой части города. А количество воды родниковъ сравнительно съ древнѣйшими временами не могло увеличиться; напротивъ, источники должны были скорѣе обѣднѣть. Во-первыхъ, почва Рима все болѣе и болѣе осушалась канализаціей; а во-вторыхъ, все возроставшая культура Ла-

ціума въ послѣднія столѣтія предъ Р. Х. уменьшила площадь лѣсовъ [1]), (что мѣшало влагѣ долго задерживаться на землѣ и проникать внутрь). Вода городскихъ колодцевъ при густомъ населеніи должна была непремѣнно ухудшиться, такъ какъ извѣстно, что вода колодцевъ, особенно неглубокихъ, въ населенныхъ центрахъ загрязняется, воспринимая въ себя между прочимъ органическія примѣси. Переходимъ къ остальнымъ изъ приведенныхъ нами выше условій, вызывавшихъ и дѣлавшихъ возможнымъ устройство большаго количества водопроводовъ для Рима.

Быстрое обогащеніе Рима, какъ извѣстно, началось послѣ 2-ой Пунической войны. Его полководцы приводили въ Римъ или продавали множество плѣнныхъ, привозили въ казну большія богатства, часть завоеванныхъ территорій поступала въ казну; провинціи платили ему подать.

Въ тоже время Римляне знакомились ближе съ народами древнѣйшей культуры; ихъ войска бывали въ Сициліи, Греціи и эллинизованныхъ государствахъ Востока.

Греческіе образцы въ самой Греціи или греческихъ колоніяхъ Великой Греціи и Сициліи нравились разбогатѣвшимъ знатнымъ Римлянамъ, все болѣе и болѣе подчинявшимся вліянію греческой образованности. Увеличившіяся богатства позволяли удовлетворять требованіямъ роскоши. Что выдумалъ Грекъ и Востокъ, долженъ былъ имѣть у себя дома и Римлянинъ; ему хотѣлось устроить все въ городѣ и въ домѣ съ большими удобствами, комфортомъ извѣстнымъ тѣмъ народамъ старѣйшей культуры, тогда какъ его суровые и простые предки заботились только о самомъ необходимомъ, οἱ παλαιοὶ τοῦ κάλλους τῆς Ρωμης ὠλιγώρουν, πρὸς ἄλλοις μείζοσι καὶ ἀναγκαιοτέροις ὄντες (Страбонъ V, 236). Римъ становился громаднымъ городомъ и городомъ все съ болѣе и болѣе громадными и разнообразными потребностями. Для удовлетворенія этихъ вновь народившихся потребностей роскоши потребовалось между прочимъ и громадное количество хорошей воды. (См. ниже о термахъ и под., гдѣ указывается, на что шло громадное количество воды водопроводовъ). На каждаго Римлянина (или по крайней мѣрѣ очень многихъ) теперь шло гораздо больше воды, чѣмъ въ старыя времена простоты, и народу стало значительно больше, и мутная и *теплая* вода Тибра не могла удовлетворять болѣе, тѣмъ болѣе, что она дѣйстви-

---

[1]) Въ древнѣйшихъ римскихъ сказаніяхъ и культѣ волкъ играетъ важную роль (волчица Ромула и Рема, Люперки), что показываетъ, что лѣса были близъ самаго города.

тельно ухудшилась; нужны были frigore et splendore gratissima Marcia (aqua), gelidissima Virgo....

При томъ же Римляне все болѣе и болѣе проникались своею великою историческою ролью, которой оказывались вполнѣ достойны; они съумѣли изъ своего роднаго города сдѣлать столицу міра и придать ей соотвѣтствующій видъ, такъ что было чѣмъ удивить подчиненные народы и гордиться ею, они могли говорить, что Римъ съ его miracula какъ бы цѣлый особый міръ [1]), и одинъ изъ его подданныхъ могъ сказать, что не видѣвшій Рима какъ бы не видалъ солнца, что только тотъ, кто видѣлъ его, можетъ сказать, что онъ дѣйствительно жилъ, что онъ уже посвященный.... Къ такимъ miracula Рима относились и его водопроводы (см. ниже отзывы о нихъ древнихъ), для его подданныхъ indicium magnitudinis imperii Romani, а для самихъ Римлянъ, ихъ города полезнѣйшія сооруженія и въ то же время популярнѣйшія; между прочимъ много также красоты, оживленія придавали городу его воды. Поэтому его principes cives (Агриппа) и цезари видѣли въ устройствѣ водопроводовъ благодарную задачу для своей патріотической ревности и вѣрное средство угодить Римлянамъ, снискать при жизни ихъ любовь и послѣ смерти оставить у нихъ о себѣ добрую память, и не щадили на эти постройки и собственныхъ средствъ. Значительно выработанная техника ихъ строительнаго искусства давала возможность при этомъ выполнять ихъ съ большою цѣлесообразностью и совершенствомъ.

И такъ постепенное увеличеніе населенія и развитіе города, желаніе улучшить гигіеническія условія жизни въ немъ, увеличеніе и возникновеніе потребностей должны были вызвать раньше или позже устройство водопроводовъ и затѣмъ постепенное увеличеніе числа и размѣровъ ихъ. Нужно было дать городу большое количество воды независимо отъ Тибра, воды хорошаго качества, и сдѣлать возможно легкимъ и равномѣрнымъ ея распредѣленіе по городу. Все это достигалось только искусственнымъ проведеніемъ воды извнѣ и по нѣкоторымъ причинамъ только съ окружающихъ долину Тибра возвышенныхъ мѣстъ, которыя мы обозрѣвали вначалѣ.

---

[1]) Плиній, 36, 101: universitate (въ Римѣ) acervata et in quendam unum tumulum conjecta non alia magnitudo exsurget quam si mundus alius quidam in uno loco narretur.

И вотъ Римляне и проводили въ городъ воду посредствомъ своихъ водопроводовъ изъ окрестныхъ мѣстностей; и что касается, во-первыхъ, выбора воды, то Римляне въ этомъ случаѣ руководились очень вѣрными соображеніями, такъ что новые ученые выставляютъ ихъ въ этомъ отношеніи образцомъ для подражанія новому времени; именно они старались увеличить въ городѣ количество родниковой воды, проводя ее часто издалека и не щадя на это средствъ, или воду рѣки, но изъ мѣстъ, ближе къ истоку ея. Какъ относительно водопроводной техники древнихъ Римлянъ современные изслѣдователи признаютъ, что практика ихъ техниковъ далеко совершеннѣе тѣхъ техническихъ теорій, которыя намъ оставили древніе, такъ и то особенное предпочтеніе, которое они оказывали ключевой водѣ, вполнѣ научно, хотя ихъ химическія познанія были далеко ниже современныхъ, и они не были вооружены современнымъ химическимъ анализомъ. Современные спеціалисты говорятъ, что „всегда слѣдуетъ отдавать предпочтеніе съ цѣлью устроить водоснабженіе города или вообще для потребленія воды въ питье или пищу хорошей ключевой водѣ противъ рѣчной и озерной, такъ какъ вода ключей, выходящая изъ нѣдръ земли (подвергаясь естественной фильтраціи) чище, не содержитъ органическихъ примѣсей и свѣжѣе, сохраняя температуру чаще всего только +6° Р., рѣчная же и озерная лѣтомъ значительно нагрѣвается и доходитъ до +20 и болѣе градусовъ; и наконецъ рѣчная вода часто содержитъ слишкомъ мало солей, полезныхъ для организма человѣка, воздуху въ ней также менѣе нежели въ ключевой, которая не имѣетъ въ большей части случаевъ всѣхъ приведенныхъ недостатковъ“. Инженеръ Штукенбергъ, слова котораго мы привели, въ другомъ мѣстѣ (Устройство водопр. съ принадл. къ нимъ сооруженіями. 1878., стр. 139) сказавъ, что уже Римляне снабжали свои многолюдные города хорошею ключевою водою [1]), устраивая свои водопроводы и употребляя на это

---

[1]) Здѣсь, какъ у другихъ писателей, не воздается должная справедливость Грекамъ, которые тоже, какъ увидимъ, снабжали свои города водою источниковъ посредствомъ водопроводовъ.—Замѣчу еще кстати, что на той же стр. г. Шт. говоритъ, что древній Римъ снабжался водою посредствомъ девяти акведюковъ, при чемъ слово „девять“ обозначаетъ очевидно наибольшее число водопроводовъ Рима. Но, если и не всѣ водопроводы Рима несли воду ключей, число всѣхъ водопроводовъ при наибольшемъ развитіи водоснабженія города было больше девяти.

громадныя средства и пр., ниже продолжаетъ: „Дурныя послѣдствія, сопряженныя съ употребленіемъ для довольства жителей рѣчной воды, которыхъ даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ нельзя вполнѣ устранить, дали поводъ *въ новѣйшее время послѣдовать примѣру древнихъ* и снабжать, при возможности, города хорошею ключевою водою, проводя ее нерѣдко изъ дальняго разстоянія, посредствомъ открытыхъ обдѣланныхъ канавъ, пользуясь естественнымъ паденіемъ воды, и гдѣ такое устройство оказалось возможно по климату..... этимъ способомъ достигается все, что желательно для хорошаго водоснабженія. На стр. 155 и сл. онъ приводитъ и описываетъ важнѣйшія изъ такихъ грандіозныхъ дорогихъ сооруженій новѣйшаго времени для проведенія въ большіе города ключевой воды съ дальняго разстоянія: водопроводы Парижа, Бостона, Вѣны, Нью-Іорка и др.; а также нѣкоторые изъ такихъ водопроводовъ (меньшихъ размѣровъ) въ Россіи; онъ сѣтуетъ (стр. 164) на то, что Петербургъ, окрестности котораго богаты хорошею ключевою водою въ огромныхъ размѣрахъ, имѣя такое сокровище подъ бокомъ, не пользуется имъ, а что для него въ видахъ сокращенія расходовъ предпочтена невская вода, не совсѣмъ здоровая. На стр. 157 онъ говоритъ: „Издержки, требуемыя на устройство подобныхъ водопроводныхъ сооруженій бываютъ весьма значительны; но, если только средства города дозволяютъ, ихъ не надобно пугаться для осуществленія подобнаго предпріятія и когда для этого можетъ быть найдена въ надлежащемъ обиліи хорошая ключевая вода, такъ какъ по удачному выраженію *ключевая вода это золото, а рѣчная серебро*".

Въ обозрѣніи водопроводовъ Рима будетъ указано, съ какихъ именно мѣстъ и насколько отдаленныхъ отъ города приходилось Римлянамъ доставлять себѣ это „золото".

Римляне должны были вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ почувствовать раньше или позже необходимость усиленія средствъ для водоснабженія города, сознать потребность искусственнаго водоснабженія и ранѣе или позже предпринять *что либо* въ значительныхъ размѣрахъ для этой цѣли; но—спрашивается—какъ пришли они къ мысли устроить именно водопроводъ, откуда взяли они его, не было ли при этомъ внѣшняго вліянія, заимствованія или хоть толчка при проведеніи перваго водопровода. Можетъ быть, устройство водопровода вызвано какимъ либо техническимъ открытіемъ, примѣненіемъ къ водоснабженію какого либо новаго техническаго принципа, какъ въ новое время изобрѣтеніе паровой ма-

шины повело къ изобрѣтенію новыхъ искусственныхъ способовъ передвиженія, пароходамъ и желѣзнымъ дорогамъ, или Римляне къ тому времени познакомились съ существовавшими уже водопроводами у другихъ народовъ?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы должны коснуться здѣсь прежде всего искусственнаго водоснабженія у народовъ др. Востока и главнымъ образомъ у Грековъ, затѣмъ древнѣйшей италійской культуры и принять также въ соображеніе, что намъ извѣстно относительно проведенія перваго римскаго водопровода.

Выше мы уже говорили вообще о томъ, что Греки своей цивилизаціей сильно вліяли на римскую жизнь, пробуждая новыя потребности и указывая способы къ ихъ удовлетворенію, давая для всего свои образцы. Можетъ быть, они и въ водоснабженіи также показали Римлянамъ образцы? Мы сообщимъ самое главное, что извѣстно относительно водоснабженія городовъ у Грековъ.

Страбонъ (V, c. 235) говоритъ, что Римляне очень много заботились о такихъ предметахъ, о которыхъ Греки заботились мало, именно объ устройствѣ искусственныхъ дорогъ, водопроводахъ и канализаціи (οὗτοι (Римляне) προὐνόησαν μάλιστα ὧν ὠλιγώρουν ἐκεῖνοι, στρώσεως ὁδῶν καὶ ὑδάτων εἰσαγωγῆς καὶ ὑπονόμων). Это мѣсто, когда остатки древне-греческихъ водопроводовъ не были изслѣдованы, давало поводъ думать, что у Грековъ до римской эпохи вовсе не было водопроводовъ, и въ пользу такого мнѣнія, казалось, говорило то обстоятельство, что въ Греціи не находили такихъ остатковъ водопроводовъ, (кромѣ несомнѣнно римскихъ), какіе сохранились во многихъ мѣстахъ отъ римскихъ водопроводовъ, именно надземныхъ (аркадъ). Но теперь, когда остатки греческихъ водопроводовъ болѣе извѣстны и нѣкоторые достаточно изслѣдованы,—каналы этихъ водопроводовъ всѣ подпочвенные,—это мнѣніе оказывается лишеннымъ всякаго основанія.

Знакомство съ остатками греческихъ водопроводовъ показало, что и въ этомъ дѣлѣ Греки опередили Римлянъ, что у нихъ были водопроводы уже до 312 года до Р. X., т. е. года проведенія перваго римскаго водопровода.[1]) Въ разныхъ мѣстахъ греческихъ поселеній количество во-

---

[1]) Въ сочиненіи Велишскаго (Бытъ Гр. и Рим.) греческимъ водопроводамъ посвящено только нѣсколько строкъ. Больше сказано у Гуля и Конера (Das Leben der Griechen und Roemer, 4 Aufl., стр. 76.).

ды было далеко не одинаково. Въ собственной Греціи малое число значительныхъ, всегда обильныхъ водою рѣкъ имѣло слѣдствіемъ недостатокъ воды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ лѣтнія жары. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ частности въ городахъ и было достаточно родниковой воды, то все же и это далеко не во всѣхъ (K. F. Hermann, Lehrbuch d. gr. Privatalt., 3 Aufl. стр. 15, 16 и 138 и сл., также ср. начало нашей статьи) и во всякомъ случаѣ совсѣмъ неосновательно мнѣніе, что Греки не имѣли вообще надобности въ искусственномъ водоснабженіи въ большихъ размѣрахъ (что впрочемъ тоже не вѣрно) потому будто, что ихъ города имѣли достаточно родниковой воды.[1]) Напротивъ, Греки должны

---

[1]) Авторъ статьи о водопроводахъ въ „Словарѣ греч. и римск. древностей" В. Смита (Dictionary of Greek and Roman Antiquities, edited by William Smith. 1878.), Филиппъ Смитъ, стр. 108, приведши уже и нами выше приведенное мѣсто Страбона, говоритъ, что такихъ великихъ водопроводныхъ сооруженій, какія представляютъ собою водопроводы римскіе, у Грековъ до римскаго владычества не было, *и по очень понятной причинѣ*, именно *потому, что они не имѣли въ нихъ надобности.* „Здѣсь не мѣсто разсуждать о возможности или невозможности устройства водопроводовъ безъ арокъ, говоритъ онъ далѣе, что приводится нѣкоторыми писателями какъ причина того, что Греки ихъ не употребляли; достаточная причина заключается въ физической географіи страны. Родниковъ было довольно много, чтобы снабжать большіе города водою". И ниже: „Римляне находились въ совсѣмъ иномъ положеніи, что касается водоснабженія, сравнительно съ большинствомъ греческихъ городовъ. Они обращались сначала къ Тибру и колодцамъ, выкопаннымъ въ городѣ; но вода, получаемая изъ этихъ источниковъ была очень нездоровою, и ея должно было рано оказаться недостаточно вслѣдстіе увеличенія народонаселенія, не говоря уже о количествѣ воды, которой потребовалось впослѣдствіи для навмахій и общественныхъ бань. Эта-то необходимость и повела къ изобрѣтенію (invention, sic!) водопроводовъ для доставленія чистой воды съ значительнаго разстоянія, съ холмовъ, окружающихъ Кампанію". Авторъ говоритъ только о Самосскомъ водопроводѣ. Кромѣ источниковъ другихъ городовъ онъ приводитъ Аѳинскій Эннеакрунъ (Каллирою); но о количествѣ воды вообще въ Аѳинахъ и Аттикѣ, гдѣ какъ разъ въ ней былъ недостатокъ, а равно о водопроводахъ Аѳинъ, главнаго города Греціи, не говоритъ ничего. Мы знаемъ теперь, что нѣкоторые греческіе водопроводы были довольно значительны по крайней мѣрѣ сравнительно съ нѣкоторыми римскими. Причина того, что Греки не строили поверхъ почвы высокихъ водопроводовъ съ аркадами, конечно, то, что они не могли ихъ строить (см. ниже о сводѣ): при

были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибѣгать къ искусственному собиранію и храненію воды посредствомъ цистернъ, или проводить ее въ свои города извнѣ изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстъ. Въ древнѣйшее время они, конечно, прежде всего устраивали цистерны (что дѣлалось по мѣрѣ надобности и впослѣдствіи), гдѣ сухая почва заставляла прибѣгать къ собиранію дождевой воды, или гдѣ источники не давали количества воды, достаточнаго для увеличившагося населенія, особенно въ ихъ древнѣйшихъ городахъ, расположенныхъ на возвышенныхъ мѣстахъ. Древнихъ цистернъ сохранилось донынѣ въ разныхъ мѣстахъ Греціи много (напр. на Делосѣ, Кеосѣ, въ Мессеніи, Аѳинахъ. См. Guhl und Koner, Das Leben der Gr. und R., указ. мѣсто).— Уже въ древнѣйшій періодъ Греки владѣли извѣстнымъ гидравлическимъ искусствомъ. Замѣчательный примѣръ ихъ древнѣйшихъ гидравлическихъ построекъ представляетъ во-

---

Римлянахъ вѣдь явились и въ Греціи такія сооруженія, хотя родники ея не изсякли; а не строили Греки такъ много водопроходовъ, такихъ великихъ и длинныхъ какъ Римляне, не потому, чтобы въ ихъ городахъ и вездѣ было такое обиліе мѣстной воды, а, полагаю, просто потому, что, если даже и оставить въ сторонѣ вопросъ о средствахъ и преобладавшее въ Римлянахъ стремленіе къ полезному, ни въ одномъ греческомъ городѣ не могло быть такой потребности въ водѣ, какъ въ Римѣ. Мы уже сопоставили выше цифру населенія императорскаго Рима съ цифрой населенія всей Аттики. Греческіе города были не велики и не многолюдны въ лучшую пору греческой жизни. Ср. Hermann, Gr. Privatalt, стр 131: „Erst seit Alexander dem Grossen sind auf dem Boden des Orients wahre Grossstädte entstanden.“ и въ примѣч. (слова Э. Курціуса): „Zehntausend war eine normale Bürgerzahl, die doppelte war das Kennzeichen einer Grossstadt, und als Athen auf das Dreifache stieg, ging es schon über das Mass hinaus“ и далѣе.—О родникахъ Рима, которыхъ по свидѣтельству Галена (ср. Фронтина) было очень много, авторъ и не упоминаетъ! воду же Тибра и всѣхъ колодцевъ называетъ очень нездоровою, такъ что Римъ, выходитъ, болѣе 400 лѣтъ довольствовался исключительно этою „очень нездоровою водою“, и впослѣдствіи, при существованіи одного только или двухъ водопроводовъ,—въ значительной мѣрѣ! Такая *необходимость* и такъ поздно привела къ устройству водопроводовъ! —Мы считали нужнымъ указать на ошибочныя сообщенія и мнѣнія автора, какъ касающіяся занимающихъ насъ вопросовъ (состоянія водоснабженія у Римлянъ и отношенія его къ греческому) и противорѣчащія сообщаемому нами, и помѣщенныя въ столь значительномъ сочиненіи въ 1878 году, тѣмъ болѣе что мы ниже указываемъ на эту же статью, которою вообще пользовались и приводимъ изъ нея мѣсто о техникѣ водопроводовъ.

доспускный каналъ Копайскаго озера въ Беотіи, гдѣ въ ту древнѣйшую эпоху процвѣталъ богатый Орхоменъ Минійцевъ. Этотъ каналъ, проходившій черезъ гору, по направленію къ сѣверо-востоку, соединялъ озеро съ моремъ. Болѣе поздній примѣръ такихъ работъ представляли каналы очень большихъ размѣровъ, устроенные Феакомъ въ Акрагантѣ (Agrigentum, Джирджерсти)[1]) для осушенія города, около 480 г. до Р. Х., названные по имени строителя φαίακε (Діодоръ Сиц., XI, 25).

Искусственное водоснабженіе, водопроводы (ὑδραγωγετα) Греки заимствовали, вѣроятно, у Финикіянъ, рано умѣвшихъ устраивать замѣчательныя постройки для храненія и проведенія воды, какъ у нихъ же Греки научились строить искусственныя дороги. Греческіе водопроводы всегда были того же типа, какъ и древніе водопроводы Азіи, какіе были (и теперь въ иныхъ мѣстахъ сохранились) въ Финикіи, Палестинѣ, Сиріи, Персіи, Малой Азіи (См. Полибія, X, 23, 2); именно они представляли подземные каналы съ вертикальными колодцами. Такіе каналы Греки проводили, строго примѣняясь къ условіямъ мѣстности[2]); и ихъ водопроводы не представляютъ вовсе тѣхъ внѣшнихъ (надземныхъ) величественныхъ сооруженій (аркадъ), которыя характеризуютъ водопроводы римскіе, хотя и такое ихъ проведеніе требовало иногда много труда и умѣнья при выборѣ мѣстности и под. Надпочвенные водопроводы возникли въ Греціи только при римскомъ владычествѣ (Адріановъ водопроводъ въ Аѳинахъ).

Въ числѣ трехъ замѣчательныхъ сооруженій города Самоса (на о-вѣ того же имени) и однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ во всемъ современномъ ему греческомъ мірѣ (ἁπάντων Ἑλλήνων) Геродотъ называетъ водопроводъ этого города[3]). Онъ проходилъ черезъ гору (οὔρεος ὑψηλοῦ); въ горной массѣ сдѣлана была галлерея длиною 7 стадій; а внизу ея шелъ небольшой каналъ, въ которомъ по трубамъ шла въ городъ вода изъ одного источника. (δι' οὗ τὸ ὕδωρ ὀχετευόμενον διὰ σωλήνων παραγίνεται εἰς τὴν πόλιν

---

[1]) Одна изъ самыхъ цвѣтущихъ греческихъ колоній на южномъ берегу Сициліи.

[2]) Enger Anschluss an das Vorbild der Natur und die Bestimmungen des Bodens—das eigenthümliche Princip der griechischen Wasserleitungen. Э. Курціусъ.

[3]) Герод., III, 60: τρία ἐστί μέγιστα ἁπάντων Ἑλλήνων ἐξεργασμένα, именно водопроводъ, моло гавани и храмъ.

ἀγόμενον ἀπὸ μεγάλης πηγῆς). Можетъ быть, что этотъ водопроводъ устроенъ тиранномъ Поликратомъ (O. Müller, Handb. d. Arch. d. Kunst, § 81. Herm., Privatalt., с. 138).

Өиванцы приписывали Кадму устройство водопровода, снабжавшаго водою акрополь города [1]).—Почва Аттики была камениста и суха и была совершенно лишена удовлетворительнаго естественнаго орошенія. Кефиссъ и Илиссъ высыхали лѣтомъ (Страб., IX, с. 400: (Кефиссъ) θέρους μειοῦται τελέως. ἔστι δὲ τοιοῦτος μᾶλλον ὁ 'Ιλισσός). Тѣмъ болѣе и тѣмъ ранѣе жители должны были позаботиться объ искусственномъ водоснабженіи и орошеніи. Въ Аөинахъ, какъ уже сказано, былъ только одинъ значительный родникъ, дававшій воду для питья [2]) (Каллироя), обстроенный и украшенный Пизистратомъ. Проведеніе воды въ городъ посредствомъ водопроводовъ было устроено главнымъ образомъ при Пизистратовичахъ [3]), какъ вообще періодъ тирановъ, какъ въ Римѣ царскій, былъ благопріятенъ для сооруженія большихъ общеполезныхъ построекъ и снабженіе водою города было, конечно, дѣломъ очень популярнымъ. Въ Аөины проведена была посредствомъ каналовъ, проведенныхъ просто въ каменистой почвѣ или искусственно сдѣланныхъ изъ камня вода источниковъ съ окрестныхъ возвышенностей, именно съ Гиметта на юго-востокѣ, съ Пентелика на сѣверо-востокѣ и Парнеса на сѣверѣ. Вода съ Гиметта проходитъ въ высѣченныхъ въ камнѣ каналахъ между прочимъ подъ русломъ рѣчки Илисса. Подземные каналы, идущіе отъ Пентелика также сохранились въ значительной мѣрѣ. Вода съ Пентелика и Гиметта вступала въ го-

---

[1]) Hermann, Gr. Privatalt стр. 139, прим. 2: φέρεται δὲ καὶ ἐπὶ τῆς Καδμεία (у Герм.: ἀπὸ τῆς Καδμείας!) ὕδωρ ἀρχαῖς διὰ σωλήνων ἀγόμενον ὑπὸ Κάδμου τὸ παλαιὸν ὡς λέγουσι κατεσκευασμένον. (Дикеархъ).

[2]) На акрополѣ былъ соленый ключь, Клепсидра. Страбонъ еще указываетъ на одинъ источникъ и то за воротами города его времени, близъ Ликея. Павсаній (Descr. Gr., I, 14) говоритъ: φρέατα μὲν καὶ διὰ πάσης τῆς πόλεως ἐστί, πηγὴ δὲ αὕτη μόνη.—Павсаній ὁ Περιηγητής жилъ во 2 вѣкѣ Р. Х., путешествовалъ по Греціи и оставилъ весьма важное для знакомства съ греческими древностями и интересное сочиненіе: Περιήγησις τῆς Ἑλλάδος, (Descriptio Graeciae, въ 10 кн.).

[3]) „Athen gieng auch hier dem übrigen Griechenland voran". Вестерманнъ въ Pauly, Real—Encycl. d. cl. Alt., aquaeductus. Онъ предполагаетъ, что водопроводъ устроенъ былъ уже во время Солона или даже раньше. Но ср. что выше приведено о водопроводѣ Өивскомъ.

родъ на восточной его сторонѣ и поступала въ общій бассейнъ, изъ котораго и теперь распредѣляется по городу. Сохранились также каналы, идущіе отъ Ликабетта. Водопроводные каналы Аѳинъ принадлежатъ различному времени и различной формы; нѣкоторые изъ нихъ весьма значительныхъ размѣровъ, въ нихъ имѣются на небольшомъ разстояніи одно отъ другого отверстія для освѣженія воды (отдушины). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города каналы различныхъ эпохъ идутъ одни надъ другими. Часть воды водопроводовъ города шла въ Пирей, не имѣвшій вовсе родниковъ (χρῆναι), а только колодцы (φρέατα); къ нему же проведена была еще вода съ Коридала. Равнина вокругъ Аѳинъ снабжалась также искусственно посредствомъ каналовъ или водою съ горъ или отчасти тою, которую можно было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ добыть изъ почвы. Эти водопроводы Аѳинъ „долго бывшіе забытыми, такъ какъ находились въ землѣ, пережили однако дорогой римскій водопроводъ, который приносилъ въ увеличенный Адріаномъ городъ воду Кефисса, и современныя Аѳины пользуются и теперь постройками, произведенными столько вѣковъ тому назадъ древними Аѳинами.“ (E. Saglio въ Dictionnaire des Antiqu., aquaed.).

Для Аѳинскихъ водопроводовъ, какъ и для другихъ греческихъ, мы не имѣемъ Фронтина, который бы и въ литературѣ такъ краснорѣчиво и точно объ нихъ свидѣтельствовалъ. Витрувій упоминаетъ о водопродахъ Аѳинъ, именно сообщаетъ, что вода ихъ была нездорова для питья вслѣдствіе нѣкоторыхъ минеральныхъ примѣсей.[1]). — Павсаній упоминаетъ водопроводъ города Крисы въ Фокидѣ [2]). Въ Арголидѣ сохранились остатки древнихъ водопроводныхъ каналовъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Упомянемъ наконецъ еще одинъ греческій водопроводъ, имѣющій тѣмъ болѣе для насъ интереса, что онъ находился въ Сициліи, гдѣ Римляне рано познакомились съ греческою культурою, именно водопроводъ Сиракузъ, весьма многолюднаго греческаго города. Посредствомъ подземныхъ каналовъ проведена была въ городъ съ сѣвера вода рѣки Анапа и съ юга вода источниковъ. Объ этихъ каналахъ, которые и теперь въ значительной мѣрѣ сохранились съ ихъ вертикальными отверстіями, упоминаетъ уже

---

[1]) **De arch.**, VIII, 6: (въ Аѳинахъ) ex eiusmodi locis et fontibus in asty et ad portum Piraeeum ducti sunt salientes, e quibus bibit nemo propter eam causam, sed lavationibus et reliquis rebus utuntur, bibunt autem ex puteis и пр.

[2]) **Descr. Gr.**, X, 37, 5· τοῦ Πλείστου τὸ ὕδωρ ρέον διὰ ὀχετοῦ σφίσιν εἰς τὴν πόλιν ἀπέστρεψεν ἀλλαχόσε ὁ Σόλων.

историкъ Θукидидъ (Bell. Pel., 6, 100), именно онъ говоритъ, что Аθиняне, осаждавшіе Сиракузы, испортили ихъ; οἱ Ἀθηναῖοι τοὺς ὀχετοὺς αὐτῶν, οἳ εἰς τὴν πόλιν ὑπονομηδὸν ποτοῦ ὕδατος ἠγμένοι ἦσαν, διέφθειραν [1]).

Приведенные нами греческіе водопроводы, а также другіе, извѣстные по сохранившимся отъ нихъ остаткамъ или упоминаемые древними писателями, достаточно показываютъ, что и древніе Греки заботились объ искусственномъ водоснабженіи своихъ городовъ и посредствомъ водопроводовъ раньше Римлянъ; изъ приведеннаго видно, что нѣкоторые города Греціи и колоній уже задолго до времени устройства перваго римскаго водопровода имѣли у себя такое искусственное водоснабженіе.

Римляне, конечно, не могли не знать о существованіи водопроводовъ въ Греціи и особенно въ Сициліи. Сношенія Римлянъ съ Греками и нѣкоторое знакомство съ греческими установленіями, порядками и языкомъ восходитъ къ довольно древнему времени. Отъ Грековъ они заимствовали рано алфавитъ. Уже въ Сервіевыхъ преобразованіяхъ видятъ греческое вліяніе. Позднѣе римское законодательство улучшается изученіемъ Солоновыхъ законовъ въ Аθинахъ.

И въ искусствѣ, въ частности въ архитектурѣ вліяніе Грековъ на Римлянъ вообще Италиковъ восходитъ къ очень древнему времени (Моммзенъ, R. G., I, 232 и сл. 6 изд.). Моммзенъ указываетъ какъ на слѣды этого вліянія на сходство между древнѣйшими гробницами Италіи и греческими θесаурами Орхомена и Микенъ, воротами Арпинума и Микенскими, между водоспускнымъ каналомъ (emissarium) Албанскаго озера и таковымъ же озера Копаискаго. Онъ говоритъ: „Италійская архитектура всѣхъ мѣстностей уже въ ея древнѣйшемъ періодѣ проникнута эллинскими элементами“ (с. 478). И даже: „Уже древнѣйшая италійская

[1]) Мы имѣемъ также извѣстіе объ искусственномъ проведеніи воды въ другомъ большомъ городѣ Сициліи. Послѣ знаменитой побѣды, одержанной Гелономъ надъ Карθагенянами въ 480 году, Акрагантяне, употребивъ для работъ отчасти большое количество плѣнныхъ Карθагенянъ (λίθους ἔτεμνον), возвели много построекъ (между прочимъ устроили и упомянутые водосточные каналы) въ городѣ и также устроили за городомъ искуственный прудъ (λίμνη χειροποίητος, κολυμβήθρα) семь стадій въ окружности и десяти локтей глубины, въ которомъ разведена была рыба (ἰχθυοτροφεῖον, piscina) и плавали лебеди и другія водяныя птицы. Въ этотъ-то прудъ вода проведена была искусственно: εἰς ταύτην ἐπαγομένων ποταμίων καὶ κρηναίων ὑδάτων (Діод. Сиц., XI, 25 и XIII, 82.).

архитектура, какая намъ извѣстна, находится немногимъ менѣе подъ вліяніемъ греческой, чѣмъ тектоника времени Августа".

И прежде всего и болѣе всего должны были вліять на Римлянъ Кампанскіе и Сицилійскіе Греки, какъ ближайшіе, водворившіеся въ тѣхъ мѣстахъ въ эпоху основанія Рима; ихъ рано знакомые Римлянамъ образцы вліяли на Римлянъ задолго до завоеванія Кампаніи и Сициліи и водворенія въ этихъ мѣстахъ Римлянъ. Когда сношенія Римлянъ съ югомъ Италіи стали чаще, знатные Римляне при посольствахъ уже могутъ объясняться по гречески; но моряки и купцы должны были, конечно, гораздо раньше по необходимости ознакомиться съ этимъ языкомъ и пользоваться имъ въ сношеніяхъ. Моммзенъ говоритъ, что такъ какъ вообще торговыя и другія подобныя сношенія даютъ полное право заключать и подражаніи въ искусствахъ, то, хотя и нельзя этого доказать прямо, можно съ увѣренностью утверждать, что Греки Кампаніи и Сициліи какъ въ алфавитѣ, такъ и въ искусствѣ были учителями Лаціума.

И такъ Римляне, имѣя рано сношенія съ Греками, имѣвшими уже у себя водопроводы, могли видѣть унихъ образцы этихъ построекъ, когда рѣшились устроить у себя первый водопроводъ. И, какъ вообще многое они заимствовали у Грековъ и заимствованія эти константируются даже для болѣе древняго времени, то вообще представляется очень вѣроятнымъ, что они и въ этомъ дѣлѣ находились въ нѣкоторой зависимости отъ Грековъ. Эрнестъ Курціусъ, первый (1847) надлежащимъ образомъ освѣтившій вопросъ о водопроводахъ у Грековъ, говоритъ: „Очевидно, и въ этомъ дѣлѣ Эллины опередили Римлянъ, Римляне и въ этомъ были учениками.

Съ другой стороны и то, что мы знаемъ о личности Аппія Клавдія, устроившаго первый водопроводъ Рима, говоритъ въ пользу этого мнѣнія. Это былъ тотъ знаменитый Клавдій, который уже слѣпымъ старикомъ отвергъ предложеніе Пирра и тѣмъ впервые торжественно заявилъ о безраздѣльномъ господствѣ Римлянъ въ Италіи, выстроившій первую военную дорогу отъ Рима до Капу, облегчавшую сообщеніе и вмѣстѣ съ военными поселеніями (колоніями) закрѣплявшую владычество Рима надъ покоренными народностями. Но будучи великимъ патріотомъ и родовитымъ аристократомъ, правнукъ децемвира и гордившійся этимъ, онъ въ въ тоже время былъ великимъ поборникомъ прогресса, „самымъ смѣлымъ новаторомъ, какого только знаетъ римская исторія", по выраженію Моммзена, онъ былъ очень образованнымъ человѣкомъ и сторонникомъ греческой образованности, онъ распространилъ полное право гражданства и

на тѣхъ, которые не владѣли землею; каждый гражданинъ приписывался въ ту трибу, въ которую самъ пожелалъ, и затѣмъ записывался сообразно его имуществу въ соотвѣтствующую центурію. Въ римской литературѣ, которая вообще вызвана греческою, онъ первый по примѣру Грековъ издалъ свои рѣчи, былъ такимъ образомъ первымъ римскимъ прозаикомъ, написалъ первое нерелигіознаго содержанія стихотвореніе, Пиѳагоровы изрѣченія, сдѣлалъ нѣкоторыя нововведенія въ орѳографіи, въ юриспруденціи онъ извѣстенъ тѣмъ, что первый обнародовалъ (издалъ) правила (формулы) процесса. Онъ-же далъ городу и первый водопроводъ. Онъ первый изъ республиканскихъ магистратовъ далъ примѣръ употребленія средствъ государства на большія полезныя общественныя сооруженія, тогда какъ до того времени руководители республики придерживались крайне узкой скупой экономіи. „Если мы не ошибаемся говоритъ Іорданъ (Top., I, 1, 297), то просвѣщенный умъ ихъ строителя (первой дороги и водопровода) какъ для своихъ литературныхъ начинаній, такъ для этихъ сооруженій получилъ толчекъ отъ Грековъ (durch griech. Vorbilder angeregt worden. Top. I, 1, 297 и 456). Тотъ же ученый старается даже указать мѣсто, коего сооруженія могли дать толчекъ Аппію.

Именно онъ указываетъ на Агригентъ. Онъ полагаетъ также, что и для римской уже нами упомянутой выше piscina publica образцомъ послужила κολυμβήθρα этого города. „Я полагаю, говоритъ онъ, можно съ вѣроятностью предполагать, что этотъ прудъ (римскій) находился въ связи съ устройствомъ Аппіева водопровода и съ нимъ одновременно устроенъ, что поэтому Аппій получилъ толчекъ изъ Акраганта“. (I, 1, 458).

. Такимъ образомъ не только возможнымъ и вѣроятнымъ кажется греческое вліяніе при устройствѣ перваго водопровода; но и личность Аппія кромѣ того могла имѣть нѣкоторое вліяніе на проведеніе водопровода именно въ 312, какъ дѣйствовавшаго, вѣроятно, подъ этимъ вліяніемъ и бывшаго вообще геніальнымъ нововводителемъ. Во всякомъ случаѣ Аппій сдѣлалъ нужное дѣло, началъ то, что, очевидно, болѣе или менѣе уже требовалось, вызывалось жизнію, развитіемъ города, ибо нашелъ продолжателей; положилъ начало тому, что потомъ стало навсегда неразрывно связаннымъ съ римскимъ именемъ.

Но, если и несомнѣнно, что Римляне могли имѣть образцы для устройства водопровода у Грековъ, познакомиться съ самою идеею, и очень вѣроятно, что дѣйствительно отъ нихъ получили толчекъ, то

еще остается вопросъ, что же именно новаго заимствовали Римляне у Грековъ, въ чемъ заключалось вліяніе, нова ли была въ то время для Римлянъ самая мысль о такомъ водоснабженіи, о примѣненіи имѣвшихся техническихъ знаній и опытности для этой цѣли, или заимствована и техника, т. е., въ какомъ смыслѣ они были учениками Грековъ, и притомъ при устройствѣ перваго водопровода и остальныхъ. И вотъ, наконецъ въ третьихъ въ пользу тогоже предположенія о греческомъ вліяніи — и уже не только въ смыслѣ одного толчка, но и въ смыслѣ заимствованія техническаго именно самаго способа веденія, говоритъ, по видимому, то обстоятельство, что первые римскіе водопроводы, подобно греческимъ,—подпочвенные (первые два почти на всемъ протяженіи, третій на $^1/_9$ его). На сколько это совпаденіе можетъ доказывать заимствованія въ водопроводной техникѣ при устройствѣ перваго водопровода, будетъ показано нѣсколько ниже.

Когда Римляне водворились въ мѣстахъ греческой культуры а также въ послѣдующія времена, заимствованія у Грековъ какъ во всемъ, такъ и въ строительной техникѣ имѣли мѣсто еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде; и потому относительно этого періода можно съ полною увѣренностью и относительно водопроводной техники утверждать, что если какія техническія свѣдѣнія и способы, бывшіе у Грековъ, оставались еще Римлянамъ неизвѣстными, то они были ими усвоены, какъ заимствованы были, несомнѣнно у Грековъ украшенія для бассейновъ, фонтановъ, термы и др. О времени послѣ второй Пунической войны Іорданъ говоритъ: „Съ этого времени несомнѣнные факты, принятіе иностранныхъ словъ basilica, tholus, emporium, можетъ быть также и lautumiae, показываютъ намъ, что извѣстное выраженіе Лицинія, что съ этого времени Муза окрыленными ногами пошла къ воинственному народу Ромула, приложимо къ архитектурѣ настолько-же, насколько и къ литературѣ“ (I, 1, 27. Ср. 432). Хотя это и кажется несомнѣннымъ, но мы должны все таки указать на то, что прямыхъ свидѣтельствъ древнихъ о техническихъ заимствованіяхъ Римлянъ у Грековъ въ водопроводномъ дѣлѣ въ этомъ періодѣ, какъ равно и при устройствѣ перваго водопровода, и о греческомъ вліяніи въ какомъ бы то ни было отношеніи вовсе нѣтъ. Фронтинъ не знаетъ навѣрно самъ, почему первый водопроводъ проведенъ подъ почвою, но предлагая два вѣроятныя объясненія причины этого, онъ о подражаніи кому бы то ни было и заимствованіи не говоритъ ни слова. Сравнивая римскіе водопроводы съ великими постройками у другихъ

народовъ, онъ называетъ пирамиды Египтянъ и не водопроводы Грековъ, а ихъ „безполезныя“ постройки (inertia opera Graecorum). Не говоритъ о заимствованіи и Плиній, Витрувій, и даже греческіе писатели римскаго періода (Діонисій Галикарн. и др,; отзывъ Страбона [1]) о греческихъ и римскихъ водопроводахъ нами приведенъ выше). Терминовъ греческихъ въ римской водопроводной техникѣ мы почти не встрѣчаемъ, исключая названія нѣкоторыхъ инструментовъ и под., употребляемыхъ и въ другихъ частяхъ строительнаго искусства (groma, statera, dioptra, ctorobates и др.). (У Витрувія въ одномъ мѣстѣ книги о водоснабженіи: venter quod Graeci appellant κοιλίαν). Все это не кажется Іордану страннымъ и онъ объясняетъ это тѣмъ, что Римляне въ дѣлѣ водоснабженія далеко оставили позади Грековъ (они де въ развитіи водопроводовъ и эксплуатаціи ихъ превзошли Грековъ столь значительно, dass es erklärlich erscheint, wenn sie die Leistungen dieser ihrer Lehrmeister auf diesem Gebiete gering schätzten, *ja das Gefühl die Schüler zu sein gänzlich verloren hatten.* Top., I, 1, 460.).

Сальо (Dictionnaire antiquités, aquaeductus, стр. 338) находитъ возможнымъ очень рѣшительно категорически говорить о техническихъ заимствованіяхъ Римлянъ въ этой области и въ частности о подражаніи уже при устройствѣ перваго водопровода. „Греки умѣли, говоритъ онъ, раньше Римлянъ, которые воспользовались ихъ знаніями, устраивать отверстія для открытія доступа къ водѣ атмосфернаго воздуха и для освобожденія ея отъ содержащихся въ ней газовъ; дѣлать отверзтія, гдѣ она могла подниматься до своего первоначальнаго уровня въ мѣстахъ, гдѣ каналы понижаются съ пониженіемъ почвы (κοιλία, venter, у Витрувія venter—κοιλία); останавливать воду для очищенія въ бассейнахъ, затѣмъ раздѣлять ее для распредѣленія въ разныя части города и стеченія въ водоемы“. И въ примѣчаніи къ этому прибавляетъ: „Таковы водопроводы Аѳинъ, соотвѣтствуя предписаніямъ Витрувія“. Въ томъ же столбцѣ ниже говоритъ: „*Нѣтъ сомнѣнія*, что Римляне въ устройствѣ своихъ водопроводовъ слѣдовали вначалѣ древнѣйшимъ образцамъ (coutume an-

---

[1]) Къ тому отзыву Страбона прибавимъ еще здѣсь, что Демосѳенъ, нѣсколько разъ указывающій на сооруженныя въ лучшее время государства великія общественныя постройки Аѳинъ для украшенія и пользы города, въ противоположность скромнымъ частнымъ домамъ ихъ строителей, ни разу не говоритъ о водопроводахъ Аѳинъ.

cienne)" и сейчасъ послѣ этихъ словъ говоритъ о первомъ римскомъ, почти на всемъ протяженіи подземномъ водопроводѣ.

Но, сказавъ о заимствованіи Римлянами водопроводной техники у Грековъ, авторъ ниже говоритъ и о заимствованіяхъ у ближайшихъ сосѣдей, Этрусковъ, именно, что эти послѣдніе умѣли очень хорошо устраивать водоспускные каналы, и что были въ этомъ дѣлѣ учителями Римлянъ; онъ приводитъ какъ примѣръ водоспускный каналъ Албанскаго озера (396 г.), построенный де по Этрусскому образцу, въ которомъ, какъ самъ Сальо тутъ же говоритъ, были и теперь отчасти сохранились вертикальныя отверзтія (puits verticaux) на разстояніи 40 метроаъ одно отъ другаго, служившія для вентиляціи и очистки канала, слѣдовательно вообще тѣже приспособленія, что и въ Аѳинскихъ водопроводныхъ каналахъ. Великую важность и значеніе имѣла κοιλία (venter), т. е. примѣненіе въ водопроводахъ сифоннаго веденія воды, т. е. основаннаго на законѣ сообщающихся трубокъ, каковое, какъ выходитъ изъ приведенныхъ выше словъ автора, имѣло мѣсто въ водопроводахъ Аѳинъ [1]). Весьма было бы важно, конечно, доказать, что Римляне заимствовали его у Грековъ. О примѣненіи этого способа въ римскихъ водопроводахъ у насъ будетъ ниже рѣчь. Іорданъ говоритъ, что повидимому отъ усовершенствованій въ техникѣ зависѣло то, что со времени Нумантійской войны уровень римскихъ водопроводовъ все становится выше, и что благодаря этимъ усовершенствованіямъ *сдѣлалось возможнымъ* даже провести воду съ горы на гору по закону сообщающихся трубокъ, какъ это къ изумленію спеціалистовъ устроилъ гидротехникъ города Алетрія (Alatri) около времени революціи Гракховъ, преодолѣвъ значительныя трудности (Top., I, 1, 457.). Изъ этихъ словъ автора, кажется, выходитъ, что водопроводная техника усовершенствована впослѣдствіи Римлянами, что вначалѣ при проведеніи первыхъ водопроводовъ она была очень элементарна, и слѣдовательно и заимствовано тогда у Грековъ было немного.

---

[1]) Объ употребленіи Греками сифоннаго водопровода (aqueduc à siphon) и вѣроятности заимствованія его Римлянами у Грековъ, а также о распредѣленіи воды водопроводовъ въ греческихъ городахъ мы теперь не высказываемъ нашего мнѣнія по скудости имѣющихся у насъ данныхъ и не имѣя пока нѣкоторыхъ оригинальныхъ изслѣдованій по техникѣ греческихъ водопроводовъ.

Чтобы еще лучше можно было судить о степени заимствованія Римлянами у Грековъ въ этомъ дѣлѣ и особенно вначалѣ, а также познакомиться съ усовершенствованіями, сдѣланными въ немъ Римлянами, намъ необходимо, послѣ того какъ мы выше нѣсколько ознакомились съ водоснабженіемъ у Грековъ, сказать нѣсколько словъ о древнѣйшей средне-италійской культурѣ, о домашнихъ такъ сказать техническихъ средствахъ Римлянъ или вообще Италиковъ (понимая это слово въ географическомъ смыслѣ) въ древнѣйшее время и объ одномъ весьма важномъ усовершенствованіи въ архитектурѣ, имѣющимъ весьма важное значеніе и для нашего предмета.

Когда Римъ только начиналъ свою историческую карьеру, у его сосѣдей было уже болѣе значительная культура, отъ которой сохранилось и донынѣ много разныхъ остатковъ; Этруски вліяли своею культурою на Римъ. Древніе римскіе писатели много говорятъ объ этомъ вліяніи, и хотя они и преувеличиваютъ его, страдаютъ нѣкоторою этрускоманіею, но есть у нихъ и несомнѣныя данныя, подтвержденныя и новою наукою; вліяли Этруски на Римлянъ и въ области архитектуры. Элементы искусствъ кромѣ общихъ всѣмъ народамъ, заимствовали и Этруски и Римляне, какъ и алфавитъ—отъ Грековъ, которые рано вели торговлю съ прибрежными мѣстностями Италіи и заводили тамъ свои факторіи и позднѣе колоніи; но Этруски ранѣе достигли въ искусствахъ извѣстнаго развитія, и дѣятельность ихъ въ этой области была довольно обширна. Но и новые ученые, слѣдуя древнимъ, долгое время очень преувеличивали какъ вообще значеніе собственно этрусской культуры (нѣкоторые пытались даже греческое искусство производить отъ этрусскаго), такъ и вліяніе ея на Римлянъ; теперь такія крайнія воззрѣнія оставлены, признаются преувеличеніями, и нѣкоторые ученые (Моммзенъ) уже наоборотъ очень низко ставятъ Этрусковъ, даже перемѣщаютъ ихъ, что касается ихъ культурной роли въ Италіи, съ перваго мѣста на послѣднее, а приписываютъ большое вліяніе въ смыслѣ культурномъ Умбрскимъ Тускамъ, родственнымъ Латинамъ на пришедшихъ позже ихъ съ сѣвера Этрусковъ (Rasennae) (L. Lange, R. Alt., I, §§ 23 и 24), и такъ какъ кромѣ того древнѣйшая культура средней Италіи не ограничивалась областью языка Этрусскаго, то находятъ болѣе правильнымъ говорить вообще о древнѣйшей средне-италійской культурѣ.

Древніе города Этруріи и ихъ акрополи окружены были большими каменными стѣнами. Въ Римѣ по этрусскому образцу и Этрусскими ма-

стерами при царяхъ построенъ большой храмъ Юпитеру на Капитоліи, въ Римѣ и въ позднѣйшее время была Этрусская улица, для украшенія храмовъ употреблялись этрусскія статуи. По свидѣтельству римскихъ историковъ Тарквинскіе цари Рима устроили для осушенія города большую клоаку; такимъ образомъ она была бы построена за два столѣтія до перваго римскаго водопровода.

Этруски были вообще очень опытны въ проведеніи водоспускныхъ каналовъ и вообще въ земляныхъ работахъ. Древнія погребальные склепы Этруріи, высѣченные въ камнѣ, преполагаютъ въ ихъ строителяхъ большую опытность въ работахъ подобнаго рода. Громадный каналъ, осушавшій долину рѣки Марты (въ Этруріи) по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (Реберъ) древнѣе Большой клоаки въ Римѣ, даже относитсл къ доримской эпохѣ,—сооруженіе, коего кодосальные размѣры уже для столь ранняго времени свидѣтельствуетъ о томъ удивительномъ стремленіи къ общеполезнымъ предпріятіямъ, которое отличало италійскія народности отъ другихъ. Къ такимъ сооруженіямъ вела италиковъ и самая природа мѣстности, ими населяемой: проведеніе каналовъ было необходимымъ условіемъ существованія на западномъ берегу средней Италіи, такъ какъ только осушеніе почвы и отведеніе воды изъ озеръ-кратеровъ, производившихъ время отъ времени наводненія въ окрестныхъ мѣстахъ вмѣстѣ съ регулированіемъ рѣкъ, дѣлали возможнымъ въ этихъ мѣстахъ большія поселенія и заложенія городовъ. Сальо говоритъ, что и Этруски строили водопроводы (des aqueducs) такого-же типа, какого были на Востокѣ и у Грековъ, и что *встрѣчаются подобные* въ Италіи, *въ мѣстахъ, въ которыхъ жили Этруски* (Diction. des ant., стр. 338); но, какъ ни близокъ переходъ отъ водоспускныхъ каналовъ къ собственно водопроводамъ, этрусскихъ водопроводовъ по крайпей мѣрѣ не сохранилось; и самъ Сальо приводитъ въ этомъ мѣстѣ только одинъ примѣръ, да и то не водопровода, а эмиссарія и притомъ Албанскаго озера.

Видя въ древнихъ италійскихъ постройкахъ раннія проявленія практическаго ума Италиковъ, мы находимъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ также и тотъ великій шагъ впередъ въ техникѣ, который далъ римской архитектурѣ великое преимущество надъ греческою и сдѣлалъ изъ нея великое средство, вполнѣ соотвѣтствовавшее практическимъ стремленіямъ Римлянъ. Я разумѣю сводъ. Вполнѣ правильный сводъ находимъ въ Большой клоакѣ и въ упомянутомъ каналѣ долины Марты.

Когда, гдѣ и кѣмъ сдѣлано это громадной важности, хотя по видимому очень простое открытіе, составившее самую важную эпоху въ исторіи архитектуры, достовѣрно неизвѣстно. Въ Ассиріи слѣды правильнаго свода будто бы указаны для 9 вѣка до Р. Хр. Спорнымъ доселѣ остается также вопросъ, съ какого времени и насколько извѣстна была сводовая техника Грекамъ и открыли ли ее самостоятельно Греки или Италики. Одинъ ученый говоритъ, что примѣненіе конструктивнаго принципа свода слѣдуетъ видѣть уже напр. въ извѣстной сокровищницѣ царя Атрея, въ ея горизонталныхъ каменныхъ (верхнихъ) кольцахъ: если бы эти камеры построены были по другому принципу, то очевидно давленіе земли со всѣхъ сторонъ заставило бы ихъ обрушиться; что такимъ образомъ Грекамъ былъ извѣстенъ по видимому даже въ древнѣйшее время тотъ конструктивный принципъ, по которому строится арка, хотя—прибавляетъ онъ—они и не пришли къ мысли раздѣлить кругъ по діаметру и поставить половину его вертикально, чтобы она служила опорою для верхнихъ частей зданія. Во всякомъ случаѣ мы не находимъ у Грековъ въ лучшее время ихъ архитектуры практическаго примѣненія обыкновенной арки и свода (es ist wohl ausgemacht, Моммзенъ); ихъ храмы имѣютъ обыкновенныя плоскія двускатныя крыши; мы видимъ у нихъ только попытки приблизиться къ настоящему своду, чѣмъ нибудь подходящимъ замѣнить его; именно верхніе камни въ стѣнахъ постепенно выдаются внутрь и сближаются, а сверху положенъ большой камень или каменная балка (ложный сводъ); иногда выходитъ нѣчто по виду похожее на готическую арку (галлереи Микенъ). Если и встрѣчаются въ Греціи отдѣльные примѣры мостовъ на аркахъ, то неизвѣстно навѣрно, къ какому времени относится ихъ построеніе, и самыхъ этихъ примѣровъ мало (Hermann, Lehrb. d. gr. Privatalt., стр. 139 и сл. [1]) и пр. „Конечно,—говоритъ Бунзенъ— очень замѣчательно, что мы не находимъ у Грековъ, ни въ собственной Греціи, ни въ Великой Греціи изъ того времени (именно времени Перикла) ни одного несомнѣннаго примѣра, который бы давалъ возможность заключить о знаніи или примѣненіи сводовой техники. Напротивъ мы находимъ, что вездѣ въ древне-греческихъ зданіяхъ, гдѣ сводъ (напр. въ фундаментахъ) сообщилъ бы необыкновен-

[1]) Auch machte die griechische Baukunst von der Wölbung des Bogens noch zu wenigen Gebrauch, um es in Brücken und Wasserleitungen den Römern gleich zu thun.

ную легкость и большую прочность, онъ не употребленъ. Тоже самое явленіе представляетъ даже построеніе Мегалополя (371 г.), тѣмъ болѣе въ этомъ отношеніи представляющее интереса, что здѣсь мы имѣемъ заложеніе совсѣмъ новаго города, который не было никакого повода строить иначе, какъ по принципамъ новѣйшаго строительнаго искусства. Города, основанные Александромъ Великимъ, напротивъ вездѣ представляютъ примѣненіе свода".

А въ Италіи какъ у Этрусковъ, такъ и у другихъ народностей встрѣчаются въ весьма раннее время примѣры правильнаго свода. Заимствовали ли его Италики, какъ сказано, неизвѣстно; очень возможно, что они сами сдѣлали это открытіе, и именно, можетъ быть, Этруски. Многіе ученые (К. О. Мюллеръ, Любке и др.) приписываютъ его именно этимъ послѣднимъ (φιλότεχνον ἔθνος) [1]). Римляне рано познакомились съ нимъ. Мы видѣли, къ какому времени относится построеніе Большой клоаки (по меньшей мѣрѣ къ 6 вѣку до Р. Х.) и другого приведеннаго нами канала; а въ нихъ мы находимъ такое совершенство сводовой техники, которое необходимо предполагаетъ долговременную практику въ этомъ дѣлѣ. Нѣкоторые полагаютъ, что въ Лаціумѣ и въ Римѣ въ частности и характеръ матеріала, исключително употреблявшагося въ древнѣйшій періодъ вулканическаго туфа, который ломается параллельными прямыми слоями и легко обрабатывается, какъ благопріятствовалъ выработкѣ правильной стѣнной кладки (opus quadratum, saxa quadrata), такъ могъ по крайней мѣрѣ благопріятствовать распространенію и усовершенствованію и сводовой техники.

Но нѣкоторые ученые держатся другого мнѣнія, совершенно противуположнаго приведенному, о началѣ сводовой техники въ Италіи, не приписывая этого открытія Этрускамъ и вообще Италикамъ. Такъ Моммзенъ полагаетъ, что сводъ могъ быть и позднѣйшимъ открытіемъ Грековъ, вышедшимъ изъ ихъ раціональной механики. Есть дѣйствительно одно извѣстіе, сохраненное Сенекой (Epist. 90, 32), что изъ Грековъ открылъ сводъ извѣстный физикъ Демокритъ, младшій современникъ Пе-

---

[1]) Іорданъ (Top., I, 1, 12.) говоритъ, что время построенія Большой клоаки (и tullianum) можно опредѣлить и независимо отъ проблемы о времени введенія свободной техники, и что несомнѣнная древность этой постройки дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что только Тарквиніи ввели эту технику изъ южной Этруріи.

рикла, именно жившій отъ 460—357. Соотвѣтственно такому мнѣнію о мѣстѣ и времени изобрѣтенія свода полагаютъ и стараютси доказать (въ томъ числѣ и Моммзенъ), что сводъ въ Большой клоакѣ, построенный дѣйствительно раньше, и другіе примѣры quasi древнѣйшаго свода принадлежатъ не царскому періоду, а реставраціи уже времени республики, а что въ царскій періодъ въ Италіи, какъ и въ Греціи, были только плоскія крыши и ложный сводъ, такъ какъ въ сводѣ клоаки будто бы употребленъ травертинъ, матеріалъ появляющійся только въ республиканскій періодъ, и такъ какъ авторы говорятъ о починкахъ клоакъ въ этотъ періодъ. (См. опроверженіе у Бунзена, Beschreibung d. St. Rom, I, 154. Jordan, Top, I, 1, 275; 7, 12). Сторонники перваго мнѣнія не придаютъ никакого значенія тому греческому преданію, какъ и Сенека, (приводящій его какъ высказанное Посидоніемъ, учителемъ Цицерона), находитъ его смѣшнымъ. Знаменитый К. О. Мюллеръ предполагалъ, что наоборотъ Демокритъ самъ познакомился со сводовою техникою въ Италіи, и затѣмъ ознакомилъ Грековъ съ этимъ нововведеніемъ (Handb. d. Arch., § 107 и 168.).

Ограничиваясь приведеннымъ относительно этого спорнаго вопроса, я замѣчу только еще, что во всякомъ случаѣ какъ съ одной стороны кажется страннымъ, что если Италикамъ сводъ такъ рано былъ извѣстенъ, Греки при сношеніяхъ съ ними, такъ долго не заимствовали его и не примѣняли его на практикѣ у себя, такъ съ другой стороны не менѣе странно то, что, если сводъ открытъ только Демокритомъ и Греки и въ 371 году еще не примѣнили его на практикѣ, Римляне заимствовали его у Грековъ напротивъ такъ скоро[1]) и даже оказались въ примѣненіи и развитіи заимствованнаго выше изобрѣвшихъ его самостоятельно.

Вѣдь Римляне первые (и это уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и не отрицается никѣмъ, кто бы первый ни изобрѣлъ сводъ и когда бы онъ ни сталъ извѣстенъ Грекамъ) примѣнили его послѣдовательно и въ большихъ размѣрахъ, а „примѣненіе въ большихъ размѣрахъ есть вездѣ, и въ особенности въ архитектурѣ по меньшей мѣрѣ

---

[1]) Примѣненіе свода на практикѣ началось бы одновременно у Римлянъ и у Грековъ, если Моммзенъ говоритъ (R. G. I, 474 480): Mit dem fünften Jahrhundert (города) beginnt der wesentlich auf den Bogen gegründete Thor-Brücken und Wasserleitungsbau.

столь-же значительно, какъ и постановка принципа" (Моммзенъ). Кто бы ни открылъ сводъ, но тотъ переворотъ въ архитектурѣ, который произвело примѣненіе этого техническаго начала, навсегда неразрывно связанъ съ римскимъ именемъ. Сводовая техника достигла у нихъ высокой степени развитія, вѣроятно они обогатили ее новыми частями (крестовой сводъ и куполъ), изъ свода сдѣлали равно важный какъ въ техническомъ, такъ и въ эстетическомъ отношеніи элементъ ихъ архитектуры, элементъ, который съ полнымъ правомъ можно считать національнымъ ихъ архитектуры. Если въ архитектурѣ Римляне сдѣлали болѣе, чѣмъ въ другихъ искусствахъ, въ ней были наиболѣе самостоятельны, создавъ новые типы построекъ, расширили значительно область античной архитектуры и превзошли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ всѣ народы древности, то въ значительной мѣрѣ этого достигли они благодаря введенію сводовой техники: на ней основаны всѣ ихъ преимущества въ этой области, она составляетъ и существенное различіе между греческою и римскою архитектурою въ пользу послѣдней; отличительная черта той—гармонія, красота, а послѣдней—великая цѣлесообразность и необыкновенная грандіозность. Съ Римлянъ начинается болѣе величественный періодъ архитектуры. Та цѣлесообразность и величественность обусловливалась употребленіемъ свода изъ надлежащимъ образомъ обдѣланныхъ камней или кирпичей, освобождавшаго архитектора въ извѣстной степени отъ условій мѣстности (віадукты и акведукты на аркахъ черезъ долины и рѣки) и отъ стѣсненій, вытекающихъ изъ характера матеріала (raumbildendes Element der Arch.) (необходимости употреблять сравнительно непрочныя деревяныя балки или короткія каменныя, употреблять колонны для подпоръ). Впервые стало возможнымъ при сводѣ сооружать громадныя въ нѣсколько этажей зданія необыкновенной легкости и монументальной прочности. Греки выбирали для своихъ театровъ склонъ горы, холма или строили сплошныя субструкціи, Римляне выводили въ нѣсколько этажей полукругъ аркадъ; Греки лучшей эпохи не могли воздвигнуть такого чуднаго грандіознаго и въ высшей степени цѣлесообразнаго зданія каковъ Колизей, какъ не могли вывести не менѣе знаменитаго удивительнаго купола Пантеона.—Не могли Греки строить и такихъ водопроводовъ, какіе уже строили Римляне и вообще такъ цѣлесообразно разнообразныхъ построекъ, удовлетворявшихъ нуждамъ населенія (мосты, большіе подземные каналы и пр.), которыя справедливо превозносятъ древніе римскіе и греческіе писатели, а также не менѣе и новые. На этихъ именно

постройкахъ Римляне прежде всего примѣнили сводъ, если даже и не считать сводъ Большой клоаки принадлежащимъ періоду царей; и дѣйствительно, если и во всѣхъ другихъ постройкахъ сводъ, арка имѣетъ весьма важное значеніе (стѣны и ворота, тріумфальныя арки, портики, дворцы, виллы, цирки, термы, театры, амфитеатры), то особенно въ этихъ постройкахъ: ихъ мосты, віадукты и акведукты существенно основаны на немъ. Примѣненіе свода отличаетъ, какъ и другія зданія, и ихъ водопроводы отъ греческихъ; имъ не приходилось уже сообразоваться въ такой мѣрѣ, какъ Грекамъ, съ условіями мѣстности, подчиняться ей; въ ихъ распоряженіи было новое техническое средство, дававшее имъ большой просторъ и большія выгоды; и вотъ они постепенно греческіе подпочвенные каналы замѣняютъ, гдѣ нужно, каналами идущими болѣе или менѣе высоко надъ землею, не будучи вынуждены при этомъ строить сплошной стѣны, требовавшей сравнительно болѣе матеріала и загораживавшей болѣе путь, а переводя на аркахъ воду черезъ овраги, рѣки и рѣчки, или и по ровной мѣстности ведя ее высоко, для того, чтобы она достигала мѣста назначенія съ требуемою высотою уровня.

Но мы возвратимся здѣсь еще къ первому водопроводу Рима, который былъ на всемъ протяженіи внѣ города подземнымъ (стр. 68), слѣдовательно былъ болѣе греческимъ, и покончимъ съ вопросомъ о заимствованіяхъ въ водопроводной техникѣ у Грековъ именно вначалѣ.

При устройствѣ первыхъ водопроводовъ Римляне получили, кажется, только толчекъ отъ Грековъ, идею, или не многимъ болѣе. Потребность въ такомъ водоснабженіи города уже чувствовалась. Если и допускать очень большое вліяніе Грековъ на Римлянъ въ области строительнаго искусства въ болѣе ранній періодъ, во всякомъ случаѣ тогда именно, когда начали строить водопроводы, не стало извѣстнымъ Римлянамъ какое нибудь нововведеніе, сдѣлавшее возможными только тогда водопроводы. Первые римскіе водопроводы были очень простаго устройства; а Римляне уже ранѣе были опытны въ проведеніи подземныхъ каналовъ, даже и въ каменистой почвѣ. Во время осады Вей (396 до Р. Х.) Римляне провели водоспускный каналъ Албанскаго озера. Вода озера безъ видимой причины не обыкновенно поднялась и Римляне видѣли въ этомъ недоброе знаменіе. Захваченный этрусскій гаруспикъ объявилъ, что если Римляне надлежащимъ образомъ спустятъ воду озера, то овладѣютъ Вейями. Такъ какъ Дельфійскій оракулъ подтвердилъ это и даже указалъ, куда отвести воду, то и устроенъ былъ въ нѣсколько лѣтъ эмис-

сарій (Лив. V, 15 и 19: ex lacu Albano aqua emissa in agros), существующій и нынѣ (Rivo Albano) и выполняющій свое назначеніе. Онъ находится на юго-западной сторонѣ озера, высѣченъ въ туфѣ, высота канала въ ростъ человѣка, ширина полтора метра, длина 7500 футовъ; и теперь сохранилось въ немъ нѣсколько вертикальныхъ отверзтій, находящихся на разстояніи 40 метровъ одно отъ другаго, для вентиляціи и очистки канала. Іорданъ (Тор., I, 1, 457) сомнѣвается (es muss dahingestellt bleiben), справедливо ли сопоставлять искусство отведенія воды Албанскаго озера посредствомъ подземнаго эмиссарія длиною около 7500 футовъ съ искусствомъ построенія частью подземнаго, частью надземнаго водопровода длиною отъ 20 до 40 миль (римскихъ). Мы полагаемъ, что сопоставлять въ этомъ отношеніи Албанскій эмиссарій съ водопроводомъ даже необходимо, но, конечно, не съ частью надземнымъ, частью подземнымъ, т. е. водопроводомъ болѣе поздняго времени, и даже не съ сорокамильнымъ Старымъ Апіеномъ, а съ ближайшимъ къ тому эмиссарію по времени совершенно подземнымъ и имѣющимъ всего около 10 миль длины Аппіевымъ водопроводомъ.

Упомянемъ еще и другой примѣръ земляныхъ работъ Римлянъ во время той же Вейэнтской войны, хотя разсказъ о немъ и пріукрашенъ преданіемъ (по Нибуру совсѣмъ вымышленъ), именно проведеніе подъ городъ Веи и даже подъ акрополь его осаждавшими Римлянами подземнаго хода, въ которомъ могло помѣщаться нѣкоторое количество солдатъ, отворившихъ будто осаждавшимъ ворота города (Liv., V, 19 и сл.: operum fuit omnium longe maximum ac laboriosissimum cuniculus in arcem hostium agi coeptus.).

Мы видѣли выше, что и гораздо раньше этого времени у Римлянъ уже были образцы земляныхъ работъ,—самъ городъ Римъ значительно раньше имѣлъ уже свои подземные каналы, клоаки, прочности и долговѣчности которыхъ такъ удивлялся Плиній. (См. Моммзенъ, R. G., I, 238 кон.).

Итакъ во всякомъ случаѣ Римляне времени Аппія Клавдія могли уже сами хорошо устраивать подземные каналы вообще и слѣдовательно могли устраивать и внутри обстраивать такіе же и водопроводные каналы, имѣли въ эмиссаріи, по какому бы образцу онъ ни былъ устроенъ, даже нѣчто приближающееся къ водопроводу съ приспособленіями, которыя устраивались потомъ у нихъ и въ водопроводныхъ каналахъ, имъ приходилось тогда уже подражать самимъ себѣ, заимствовали они изъ техники при устройствѣ перваго водопровода развѣ болѣе точныя, прак-

тиковавшіяся у Грековъ правила относительно устройства, надлежащаго распредѣленія приспособленій для гентиляціи канала и под., можетъ быть также кое-что въ искусствѣ нивеллированія мѣстности, имѣвшее особенную важность для надлежащаго проведенія длиннаго водопроводнаго канала (впрочемъ см., что ниже говоритъ Фронтинъ о нивеллировкѣ римскихъ архитекторовъ того времени). Примѣненіе сифоннаго веденія воды, какъ увидимъ, не имѣло мѣста даже въ остальныхъ водопроводахъ Рима внѣ города,—а именно каналы внѣ города я и имѣю теперь главнымъ образомъ въ виду—а тѣмъ менѣе въ первомъ изъ нихъ, Аппіевомъ. Остается еще вопросъ о примѣненіи этого способа для распредѣленія воды водопровода въ городѣ и вообще о способѣ распредѣленія воды въ городѣ и между прочимъ, заимствованъ ли онъ; но я заимствованія тутъ и именно вначалѣ не могу ни доказать, ни отрицать, между прочимъ и по причинѣ, указанной стр. 70, пр. При Фронтинѣ вода Аппіева водопровода распредѣлялась такимъ же способомъ, какъ и всѣхъ другихъ водопроводовъ, онъ ничего особеннаго въ этомъ отношеніи объ Appia не сообщаетъ. Авторы, трактующіе о римскихъ водопроводахъ, тѣ по крайней мѣрѣ, которыхъ мы могли имѣть подъ руками, обыкновенно констатируютъ только общую черту въ греческихъ и древнѣйшихъ римскихъ водопроводахъ, именно подземное веденіе воды внѣ города, отсюда прямо заключаютъ, что Римляне слѣдовали греческимъ образцамъ, но о другомъ, (напр. и о первоначальномъ распредѣленіи воды въ городѣ) не говорятъ ничего, или приводятъ то, что водопроводовъ города Рима не касается (Сальо). Впрочемъ распредѣленіе воды водопроводовъ въ городѣ, хотя и есть вообще дѣло важное, особенно при большомъ количествѣ водопроводовъ и густомъ населеніи города, все таки сравнительно менѣе важно, чѣмъ способъ веденія воды отъ источника до города и особенно въ первыхъ водопроводахъ, и потому менѣе важно въ интересующемъ насъ вопросѣ о заимствованіи при устройствѣ перваго водопровода. Самое важное было, несли ли водопроводы въ городъ много хорошей воды довольно высоко; если вода доходила до города на значительной высотѣ, то самое существенное было достигнуто: тѣмъ или другимъ способомъ, съ большими или меньшими удобствами ее можно было развести по городу, въ худшемъ случаѣ пользуясь естественнымъ паденіемъ ея, какъ она доведена была и до города. Уровень воды перваго водопровода въ городѣ вслѣдствіе невысокаго положенія начала его и способа веденія (см. ниже) былъ довольно низкій, вода могла быть распредѣлена только по

ближайшей низменной части города; конечно, распредѣленіе въ закрытыхъ трубахъ доставляло бы при этомъ выгоды.

Но и не рѣшая вопроса, было ли сначала такое распредѣленіе и откуда оно взято, мы можемъ по крайней мѣрѣ какъ несомнѣнное утверждать, что, такъ какъ въ городѣ распредѣленіе воды возможно было и безъ сифоннаго веденія, а внѣ города въ первомъ (какъ и въ слѣдующихъ) водопроводѣ оно несомнѣнно не примѣнялось, слѣдовательно введеніе его не могло вызвать и сдѣлать только возможнымъ водопроводы, и отсутствіе его съ другой стороны не было препятствіемъ къ устройству ихъ.

Но возвращаемся къ болѣе важному, именно водопроводному каналу внѣ города. То обстоятельство, что каналы первыхъ римскихъ водопроводовъ подземные, повидимому, свидѣтельствуетъ о греческомъ вліяніи. Но по нашему мнѣнію слишкомъ большое значеніе придается этому совпаденію въ смыслѣ доказательности его, по крайней мѣрѣ невѣрно было бы утверждать, что Римляне хорошо знакомые имъ подземные каналы избрали для проведенія воды просто и только потому, что Греки такимъ образомъ проводили у себя воду. И это вотъ почему. Во-первыхъ, подземный каналъ всегда представлялъ вмѣстѣ съ неудобствами и нѣкоторыя выгоды и въ позднѣйшихъ римскихъ водопроводахъ употреблялся часто. Далѣе исключительному употребленію въ первыхъ водопроводахъ уже сами древніе видѣли другую особую причину, помимо греческаго вліянія. Именно Фронтинъ, говоря, что въ первыхъ римскихъ водопроводахъ уровень пониженъ болѣе, чѣмъ въ позднѣйшихъ, находитъ возможнымъ объяснять это или 1) тѣмъ, что *тогда искусство нивеллированія Римлянамъ еще не было достаточно извѣстно* (и поэтому они давали ненамѣренно большій наклонъ каналамъ, чѣмъ какой былъ необходимъ для того, чтобы вода доходила до мѣста назначенія собственнымъ паденіемъ съ достаточною скоростью)—и это относится равно и къ водопроводамъ съ подпочвеннымъ каналомъ (Marcia)—, или 2) тѣмъ, что *первые водопроводы уже при началѣ нарочно углубляли въ землю, чтобы сдѣлать менѣе возможнымъ поврежденіе со стороны враговъ* [1]); (о грече-

---

[1]) De aqu., 18: veteres humiliore directura perduxerunt (aquas) sive nondum ad subtile explorata arte librandi, seu quia ex industria infra terram aquas mergebant, ne facile ab hostibus interciperentur, cum frequentia adhuc contra Italicos bella gererentur. Ср. нашей ст. стр. 44.

скомъ вліяніи, повторяемъ, Фронтинъ при этомъ не говоритъ ни слова); ниже онъ говоритъ, что позже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этихъ древнѣйшихъ водопроводовъ, уже пришедшій въ ветхость каналъ былъ замѣняемъ болѣе короткимъ, проведеннымъ на аркахъ или вообще поверхъ почвы. И это послѣднее объясненіе Фронтина принимается новыми учеными [1]), какъ вполнѣ основательное. Такъ итальянскій ученый Родольфо Ланчани (Le acque e gli acquedotti, стр. 40) [2]) говоритъ о немъ: „Вѣрно замѣчаніе Фронтина относительно предпочтенія отданнаго первыми строителями водопроводовъ подземнымъ каналамъ предъ системою субструкцій и аркадъ. Правда, система подземныхъ каналовъ заставляла инженеровъ дѣлать болѣе длиннымъ путь воды по окраинамъ долинъ, чтобы каналъ не выходилъ наружу, и терять такимъ образомъ ту выгоду, какую представ-

---

[1]) Бекеръ, Top., стр. 705, Бунзенъ, Beschreib., I, 196 и сл. и др.

[2]) Полное заглавіе этого сочиненія: Topografia di Roma antica. Commentari di Frontino intorno le acque e gli aquedotti. Silloge epigrafica aquaria. Memoria di R. L. Roma. 1880. Авторъ, секретарь археологической коммиссіи при городскомъ управленіи Рима (municipio), завѣдывалъ производившимися въ послѣднее время обширными раскопками въ той части Рима (см. стр., 35), гдѣ входили въ городъ и откуда развѣтвлялась по городу большая часть римскихъ водопроводовъ; кромѣ этого онъ предпринималъ спеціальныя поѣздки въ мѣста, гдѣ начинались древніе водопроводы, и вообще старался прослѣдить водопроводные пути до Рима и развѣтвленія водопроводовъ въ городѣ; воспользовался при этомъ и трудами прежнихъ изслѣдователей этого предмета (преимущественно итальянцевъ). Сначала авторъ трактуетъ о водѣ Тибра, колодцахъ, источникахъ и собираніи атмосферной воды; затѣмъ большая часть сочиненія посвящена водопроводамъ. Сопоставивъ сначала всѣ мѣста Фронтина о данномъ водопроводѣ, онъ подробно говоритъ о времени проведенія, о началѣ водопровода и описываетъ каналъ по возможности на всемъ пути, сообщаетъ высоту, длину, затѣмъ развѣтвленіе въ городѣ; при этомъ онъ вмѣстѣ говоритъ и о водопроводахъ средневѣковаго и новаго Рима. Отдѣльную главу посвящаетъ водопроводнымъ трубамъ и прилагаетъ коллекцію надписей на этихъ трубахъ, далѣе говоритъ объ администраціи водоснабженія, о водопроводной техникѣ (architettura idraulica) и о законодательствѣ, касавшемся водоснабженія. Къ книгѣ приложено нѣсколько таблицъ съ планами и другими рисунками. Это самое новое и самое важное теперь пособіе для основательнаго ознакомленія съ водоснабженіемъ Рима и вообще римскимъ, очень важное также и вообще для топографіи древняго города. Этимъ сочиненіемъ мы очень много пользовались для нашей статьи.

ляла прямая линія для поддержанія высокаго уровня канала; но то, что терялось въ отношеніи краткости и высоты, вознаграждалось сравнительно большею безопасностью противъ поврежденій со стороны врага. Водопроводы греческіе и итало-греческіе, до римскаго владычества, были обыкновенно подземные". (Константируя это сходство древнѣйшихъ римскихъ водопроводовъ съ греческими авторъ къ сожалѣнію и не ставитъ вопроса объ отношеніи римскихъ водопроводовъ къ греческимъ и о степени зависимости Римлянъ отъ Грековъ въ дѣлѣ устройства водопроводовъ). На стр. 42 онъ говоритъ о возобновленіи Аппіева водопровода въ средніе вѣка: „Папы среднихъ вѣковъ, желая снабдить водою группу латеранскихъ зданій, обратили свои заботы на самый старинный изъ римскихъ водопроводовъ, не потому только, что источники, его питавшіе, были наиближе къ городу и Латерану, но и потому, что въ тѣ безпокойныя времена смутъ, когда врагъ часто стоялъ у воротъ горога, и для нихъ опять явилась необходимость, какая существовала дла республиканцевъ 5 вѣка (ab urbe), ex industria infra terram aquas mergere, ne facile ab hostibus interciperentur, cum и пр."

Мнѣ могутъ сказать, что Римляне все таки подражали Грекамъ, которые, устраивали для проведенія воды подземные каналы тоже съ цѣлью защитить ихъ отъ поврежденій, могли руководиться тѣми же соображеніями, что и Римляне (вѣдь сохранились же Аѳинскіе и Сиракузскіе водопроводные подземные каналы до настоящаго времени). Конечно, и у Грековъ болѣе или менѣе достигалась и эта цѣль; но разница все таки въ томъ, что Греки, еслибы они и не преслѣдовали такой цѣли, употребляя подземные каналы, вынуждены были ихъ употреблять и всегда употребляли до Римлянъ, не имѣя тѣхъ техническихъ средствъ, какія были у Римлянъ, а эти послѣдніе—и этотъ моментъ имѣетъ нѣкоторую важность въ занимающемъ насъ вопросѣ—имѣли техническія средства для веденія каналовъ высоко поверхъ почвы, черезъ рѣчки и долины Лаціума. Если бы даже сводъ Большой клоаки и не принадлежалъ царскому періоду, во всякомъ случаѣ въ 312 году они могли строить каменныя арки и мосты. Фронтинъ не говоритъ, чтобы въ первыхъ водопроводахъ подземные каналы проведены были потому, что тогда не умѣли строить арокъ.

Если же Римляне, имѣя возможность и сначала вести воду на аркахъ и тѣмъ не менѣе въ первыхъ водопроводахъ употребляли вообще подземные каналы, то тѣмъ болѣе вѣроятнымъ кажется заключеніе, что они это

дѣлали, именно слѣдуя своимъ греческимъ образцамъ. Но значеніе такого заключенія ослабляется, во-первыхъ, выше приведеннымъ объясненіемъ Фронтина, а во-вторыхъ, и первые римскіе водопроводы имѣли отчасти уже надземные каналы. Фронтинъ сообщаетъ о первомъ водопроводѣ, что въ чертѣ города каналъ его шелъ въ одномъ мѣстѣ надъ почвою и именно по субструкціи и аркамъ (Supra terram substructione et arcuato opere proxime portam Capenam passuum LX, гл. 5). Конечно, Фронтинъ говоритъ о своемъ времени; но мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы этого opus arcuatum не было и во время Аппія Клавдія, да еслибы это было и такъ, во всякомъ случаѣ оставался бы каналъ на искусственныхъ подстройкахъ, и, такъ какъ это неразрывно связано съ уровнемъ канала, то непремѣнно должно было быть такъ сначала. Второй водопроводъ (272 г.) имѣлъ уже такія подстройки на большемъ протяженіи (substructio supra terram pass. CCXXI). [1]).

И такъ уже первые римскіе водопроводы, имѣя много сходства съ греческими, имѣютъ и нѣкоторыя черты различія, отличительныя черты римскихъ водопроводовъ. Если эти особенности въ нихъ встрѣчаются въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, то этому, какъ указано, могла быть особая мѣстная причина, возможно по крайней мѣрѣ это объяснить и не греческимъ вліяніемъ.

Все, приведенное нами объ отношеніи римскихъ водопроводовъ къ греческимъ, конечно, не рѣшаетъ окончательно этого интереснаго и труднаго вопроса; мы старались привести всѣ, какія могли, pro u contra о греческомъ вліяніи, чтобы сколько нибудь уяснить столь неопредѣленныя выраженія, какъ „были учениками“ и под.

Теперь будемъ говорить о несомнѣнномъ самостоятельномъ движеніи Римлянъ впередъ въ развитіи водоснабженія.

Второй водопроводъ, хотя и подземный, достигалъ города уже довольно высоко благодаря высотѣ своего начала, хотя и не такъ, какъ могъ соотвѣтственно своему началу, и былъ гораздо длиннѣе перваго, начи-

---

[1]) Ланчани (стр. 47 назв. соч.) указываетъ opus arcuatum на пути канала этого водопровода далеко отъ Рима (ponte di S. Antonio), прибавляя, что этотъ мостъ служилъ первоначально исключительно для канала Стараго Аніена. Іорданъ (Top. I, 1, 27 сл.) сказавъ, что арка, какъ опора для тяжестей была извѣстна Римлянамъ съ древнѣйшихъ временъ, указываетъ какъ на случаи ея примѣненія и на второй водопроводъ Рима.

наясь за Тибуромъ. Третій еще длиннѣе предыдущаго, достигалъ города съ уровнемъ еще высшимъ, такъ что могъ давать воду и самымъ высшимъ холмамъ лѣваго берега. Это достигалось какъ тоже значительною высотою его источниковъ, такъ уже и употребленіемъ для повышенія канала на пути его въ значительныхъ противъ прежняго размѣрахъ надземнаго веденія и аркадъ; именно изъ 62 рим. миль, всей длины его канала, $^{1}/_{9}$ часть имѣла такія подстройки (opere supra terram pass. VII millium CCCCLXIII; ex eo longius ab urte pluribus locis superiori parte vallis opere arcuato p. CCCCLXVIII; propius urbes a VII milliario substructione p. DXXVIII, reliqua opere arcuato p. VI millium CCCCLXXII). Слѣдовательно примѣненіе въ водопроводахъ арокъ въ значительныхъ размѣрахъ начинается во второмъ вѣкѣ до Р. Х. (145 г.), т. е. начинаются спеціально римскіе по типу водопроводы. Впослѣдствіи сводъ употреблялся еще въ большихъ размѣрахъ и составилъ, какъ сказано уже, главное отличіе и преимущество римскихъ водопроводовъ сравнительно съ греческими. Пользуясь этимъ средствомъ и ведя воду изъ высоко лежащихъ мѣстъ, Римляне устраивали потомъ и болѣе высокіе и болѣе длинные водопроводы и, доставляя городу громадное количество воды, могли провести ее и на самыя высокія части города; и въ старыхъ водопроводахъ употребляли для сокращенія пути свое излюбленное средство, аркады. Ниже будетъ, надѣемся, достаточно показано, что сифонное веденіе было мало употребительно въ большихъ римскихъ водопроводахъ внѣ города (и что за причины были этого), и что слѣдовательно для достиженія указанныхъ выгодъ водоснабженія сводъ былъ необходимое техническое средство, что Римляне вообще руководились въ употребленіи его цѣлесообразностью. Такимъ образомъ Римляне не только усвоили въ водоснабженіи все, что было у ихъ предшественниковъ, но и превзошли ихъ въ этомъ дѣлѣ во всѣхъ отношеніяхъ Греки, народъ старѣйшей культуры, показалъ во всякомъ случаѣ замѣчательные въ своемъ родѣ образцы искусственнаго водоснабженія въ той формѣ, въ какой оно было и на всемъ Востокѣ, и въ Римлянахъ нашли въ этой области достойныхъ, великихъ преемниковъ — продолжателей,— народъ, коего идеаломъ было все полезное, практическое, широко понимавшій пользу, одушевленный этимъ идеаломъ и притомъ владѣвшій новымъ могущественнымъ техническимъ средствомъ и вообще громадными средствами, со временемъ міродержавный, разнесшій усовершенствованное водоснабженіе по всему міру, какъ и многое другое,—счастливое, прекрасное преемство культур-

ной задачи!... Да, Римляне создали въ этой области великое, самобытное, римское, (римскіе водопроводы, акведукты) потому, что въ ихъ распоряженіи было новое важное техническое средство и потому, что вполнѣ соотвѣтствовало ихъ народному генію, (was sie ihrem energisch realistischen Sinne congenial gefunden, Моммзенъ), какъ то они сами вполнѣ сознавали и высказывали. Если къ чему, то къ римскимъ водопроводамъ вполнѣ идутъ полныя народной гордости слова Цицерона, что его соотечественники то, что заимствовали у Грековъ, усовершенствовали, если только находили нужнымъ поработать въ извѣстной области (meum semper iudicium fuit omnia nostros aut invenisse per se sapientius quam Graecos aut accepta ab illis fecisse meliora, *quae quidem digna statuissent, in quibus elaborarent*). Римляне не нашли себѣ въ дѣлѣ водоснабженія такихъ достойныхъ продолжателей, по крайней мѣрѣ они явились только спустя много вѣковъ.....

Развитіе и употребленіе въ обширныхъ размѣрахъ сводовой техники было главнымъ техническимъ условіемъ, благодаря которому Римляне могли удовлетворить потребностямъ водоснабженія именно такъ и настолько, насколько они дѣйствительно удовлетворили, такъ цѣлесообразно и грандіозно главное техническое условіе ихъ великаго прогресса въ дѣлѣ водоснабженія. Еслибы этого важнаго средства у нихъ не было, они несомнѣнно все таки удовлетворили въ большихъ размѣрахъ несомнѣннымъ потребностямъ, вызваннымъ уже выше указанными нами причинами (увеличеніемъ населенія и др.), при ихъ необыкновенной практичности и громадныхъ средствахъ; вѣдь устроили Сиракузяне для своего города весьма значительную систему водоснабженія греческаго типа, подземные водопроводы, тѣмъ болѣе Римъ во всякомъ случаѣ и по старымъ образцамъ греческаго типа устроилъ бы у себя водоснабженіе въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ какой бы ни было греческій городъ; и дѣйствительно уже его первые подземные водопроводы весьма значительны. Но несомнѣнно и то, что при существованіи только прежнихъ техническихъ средствъ, водоснабженіе его никогда бы не получило того своеобразнаго характера и недостигло бы того изумительнаго развитія, не могло бы быть столь цѣлесообразно и грандіозно.

Но было и болѣе общее техническое условіе, способствававшее этому совершенству, именно вообще высокое развитіе у Римлянъ строительнаго искусства, а равно и качество бывшаго у нихъ матеріала. Возведеніе грандіозныхъ и прочныхъ аркадъ и пр. предполагаетъ умѣніе также

построить незыблемые устои для нихъ и самыя арки. Такъ какъ кромѣ этого водопроводы Римлянъ представляли выдающіеся образцы приложенія ихъ строительнаго искусства и теперь составляютъ одни изъ замѣчательнѣйшихъ остатковъ его, и какъ строившіеся въ разныя эпохи въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ и послѣ постройки поновлявшіеся или перестраивавшіеся въ послѣдующія времена при помощи употреблявшихся въ каждый періодъ техники и матеріала, отражаютъ такимъ образомъ на себѣ исторію римскаго зодчества, то, ведя рѣчь о римскихъ водопроводахъ, необходимо говорить и о строительномъ искусствѣ Римлянъ вообще, что и мы сдѣлаемъ здѣсь хоть вкратцѣ, имѣя въ виду кромѣ того особенно нашихъ молодыхъ читателей и чтобы не быть вынужденными ниже помѣщать разрозненныя безъ связи примѣчанія, объясненія терминовъ. Такъ какъ мы имѣемъ въ виду только постройки, служившія пользѣ (Strassen—u. Aquaeduct-Architectur) и водопроводы Рима суть вообще монументальныя сооруженія, то слѣдовательно мы не будемъ говорить ни о мраморѣ, ни о постройкахъ изъ дерева, въ которыхъ Римляне несомнѣнно тоже были искусны. Справедливо удивляются разнообразнымъ постройкамъ Римлянъ, служившимъ практическимъ цѣлямъ, представлявшимъ наиболѣе оригинальности и цѣлесообразности, благодаря примѣненію арки и свода, вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо превозносятъ вообще ихъ технику и необыкновенную прочность всѣхъ ихъ построекъ. „Какъ на всемъ, говоритъ Любке (Grundriss der Kunstgeschichte), что исходило отъ Римлянъ, такъ и на ихъ постройкахъ лежитъ печать мощи и величія, и солидность выполненія ихъ и превосходный матеріалъ могли уступить только насильственному разрушенію, такъ что даже развалины ихъ свидѣтельствуютъ о великолѣпіи почти непреходящемъ“ (ex lapsu gloria prisca patet).

Конечно, матеріалъ въ разныхъ частяхъ Италіи и имперіи, гдѣ устраиваемы были римскіе водопроводы, былъ не одинаковъ; но мы будемъ имѣть въ виду только Римъ, водопроводы Рима. И здѣсь онъ не одинаковъ для разныхъ періодовъ, и даже въ одномъ и томъ же періодѣ употреблялись разные матеріалы, сообразно цѣли, важности постройки и под.

Уже характеръ почвы Рима, Лаціума и окружающихъ его возвышенностей имѣетъ важное значеніе для водопроводовъ, по сколько часто приходилось въ ней проводить подземныя галлереи, каналы. (См. также ниже объ извилистыхъ путяхъ водопроводовъ). Въ равнинѣ Лаціума

они должны были быть высѣчены въ туфѣ; болѣе трудно было высѣкать ихъ въ каменной массѣ Сабинскихъ горъ; но зато высѣченный въ камнѣ каналъ былъ долговѣченъ и стѣны его и безъ обдѣлки не пропускали воды. О способѣ проведенія подземныхъ каналовъ будетъ рѣчь ниже.

Первоначально и въ царскій періодъ Римляне, какъ и естественно и вездѣ бываетъ, употребляли для каменныхъ построекъ туфъ своихъ холмовъ и самыхъ ближайшихъ окрестностей; изъ него выстроены древнѣйшія укрѣпленія Палатина, Сервіевы стѣны, клоака. Даже нѣсколько мѣстъ его ломки въ Римѣ указаны (мы выше, стр. 41, говорили о такихъ каменоломняхъ Палатина, есть онѣ и въ Капитоліи, Целіи и др.). Матеріалъ этотъ часто довольно мягокъ; для построекъ, разумѣется, выбирался болѣе твердый. Ломится онъ легко, довольно правильными четырехъ-угольными кусками, такъ что не требуетъ дальнѣйшей обработки для болѣе грубыхъ построекъ; и это его свойство, какъ уже выше сказано, способствовало очень раннему развитію въ Римѣ и вообще въ латинской равнинѣ правильной кладки стѣнъ и изъ четырехъ-угольныхъ параллелипипедовъ. На этомъ матеріалѣ такимъ образомъ учились Латины техникѣ, которая у Римлянъ была высоко выработана и употреблялась и при другихъ болѣе твердыхъ матеріалахъ; и въ водопроводныхъ постройкахъ встрѣчается часто монументальное opus quadratum. Туфъ употреблялся отчасти и въ слѣдующіе періоды, и для занимающихъ насъ построекъ онъ важенъ.—

Болѣе важенъ для насъ другой родъ тоже вулканическаго камня, именно продуктъ изверженія (видъ лавы) атмосферическаго Албанскаго вулкана. Начали употреблять этотъ матеріаль, вѣроятно, только уже въ республиканскую эпоху, опредѣлить однако ближе время нѣтъ возможности. Этотъ матеріалъ лучше предыдущаго, тверже и еще болѣе твердѣетъ на воздухѣ. Для обозначенія разновидностей этого камня есть два древнія названія.

1. Lapis Albanus, коего каменоломни находились (онъ и теперь добывается въ городѣ Marino) близъ самой Alba Longa; онъ сѣраго цвѣта съ зеленоватымъ оттѣнкомъ; отъ встрѣчающихся на немъ круглыхъ кремнистыхъ наростовъ получилъ позднѣе названіе piperinus, откуда его новое названіе peperino.

2. Lapis Gabinus, называвшійся такъ отъ мѣста ломки у города Габій, съ нѣсколько большими пятнами и нѣсколько темнѣе предыдущаго. Эти названія обозначали впрочемъ не исключительно камень названныхъ

мѣстъ. Этотъ матеріалъ Албанскихъ горъ, слѣдовательно добывавшійся нѣсколько далѣе отъ Рима, былъ въ большомъ употребленіи въ Римѣ въ республиканскую эпоху и даже первое время въ императорскую [1]), хотя какъ неудобный для тонкихъ архитектурныхъ частей и орнаменовъ—только для стѣнъ, стволовъ и пьедесталовъ колонъ и под. [2]); туфъ и пеперинъ покрывали штукатуркой, чтобы придать имъ лучшій видъ и сдѣлать на нихъ орнаменты. Какъ Албанскій, такъ и Габійскій камень считались огнеупорными (Тацитъ); поэтому изъ нихъ возводили стѣны вокругъ храмовъ и др. построекъ и Неронъ послѣ извѣстнаго пожара (64) велѣлъ употреблять въ извѣстномъ количествѣ этотъ матеріалъ при новыхъ постройкахъ. И въ водопроводахъ мы встрѣтимъ этотъ матеріалъ (см. Appia, Anio Vetus, Marcia).

Въ послѣднія слолѣтія республики вошелъ въ употребленіе уже не вулканическій lapis Tiburtinus (откуда новое названіе travertino) и постепенно вытѣснившій другіе матеріалы въ монументальныхъ постройкахъ. Это есть известковый камень, образовавшійся изъ отложеній по берегамъ рѣкъ извести Апеннинъ. Свое названіе онъ получилъ оттого, что древнія каменоломни гдѣ его ломали, о которыхъ упоминаетъ Страбонъ [3]), находились близъ Тибура (слѣдовательно нѣсколько дальше отъ Рима, чѣмъ Габіи и Альба-Лонга) на правомъ берегу Аніена. Этотъ камень много крѣпче и красивѣе всѣхъ упомянутыхъ выше, прекрасный матеріалъ для монументальныхъ построекъ, самый лучшій, какой только можно имѣть въ средней Италіи. Свѣжій онъ бѣлаго цвѣта, но на воздухѣ постепенно становится матово желтоватымъ, что придаетъ выстроеннымъ изъ него римскимъ зданіямъ совершенно особенный характеръ и „не мало способствуетъ увеличенію того импонирующаго впечатлѣнія величія, ко-

---

[1]) Страбонъ, V, 238: Γάβιοι ἐν τῇ Πραινεστίνῃ ὁδῷ κειμένῃ, λατόμιον ἔχουσα ὑπουργὸν τῇ Ῥώμῃ μάλιστα τῶν ἄλλων.

[2]) Светоній (Oct. гл. 72) говоритъ объ Августѣ, что онъ жилъ на Палатинѣ сначала въ скромномъ домѣ съ колоннами изъ пеперина въ портикахъ, указывая между прочимъ и на это какъ на доказательство простоты его жилища (aedibus modicis et neque vastitate neque cultu conspicuis, ut in quibus porticus breves essent Albanarum columnarum).

[3]) Сказавъ, что Аніенъ у самаго Тибура низвергается водопадомъ, онъ продолжаетъ: ἐντεῦθεν δὲ διέξεισι πεδίον εὐκαρπότατον παρὰ τα μέταλλα τοῦ λίθου τοῦ Τιβουρτίνου καὶ τοῦ ἐν Γάβοις...., ὥστε τὴν ἐκ τῶν μετάλλων ἐξαγωγὴν καὶ τὴν πορθμείαν εὐμαρῆ τελέως εἶναι, τῶν πλείστων ἔργων τῆς Ῥώμης ἐντεῦθεν κατασκευαζομένων (V, 238).

торое они производятъ". Равнымъ образомъ свѣже выломанный (онъ ломится неровно) онъ нѣсколько мягокъ, но на воздухѣ получаетъ большую крѣпость, такъ что выдерживаетъ большую тяжесть (Tiburtina et quae eodem genere sunt omnia sufferunt et ab onernibus et a tempestatibus iniurias (Витр.) Травертинъ употреблялся часто въ большихъ постройкахъ, особенно при императорахъ; употребленъ онъ и во многихъ изъ болѣе или менѣе сохранившихся построекъ этого времени (храмахъ, театрахъ, аркахъ и пр.); особенно извѣстный примѣръ представляетъ Колизей, громадная внѣшняя стѣна котораго вся построена изъ травертина. Въ водопроводныхъ постройкахъ травертинъ употреблялся рѣдко, болѣе въ городѣ или близъ города для болѣе монументальныхъ частей.—Для частей водопроводовъ, находившихся далеко отъ Рима, разумѣется, употребляли матеріалъ мѣстный. Одинъ ученый (Фабретти [2]) объясняетъ значительныя отступленія водопроводныхъ путей отъ прямой линіи между прочимъ и желаніемъ строителей легко и близко имѣть лучшій строительный матеріалъ (solidiora, quam fieri poterat, caementa non longe exquirere, sed circa opus colligere. Ср. также постановленіе сената у Фронтина, гл. 125.).—Въ древнѣйшихъ римскихъ постройкахъ изъ правильныхъ четырехъ-угольныхъ камней (saxa quadrata, lapides quadrati) нѣтъ даже никакой механической скрѣпы, эти saxa quadrata, обыкновенно очень большихъ размѣровъ (въ Сервіевой стѣнѣ приблиз. 4 футовъ въ длину, 2 ф. въ ширину и высоту) сдерживались собственною тяжестью, какъ и въ греческихъ постройкахъ; при этомъ на рядахъ поперечныхъ лежатъ ряды параллельные длинѣ стѣны (Läufer-und Bindersystem). Со временемъ камни употребляются все меньшихъ размѣровъ, обтесываются все съ большею тщательностію и кладка употребляется однообразная по длинѣ камней. Для скрѣпленія большихъ камней употребляли большія металлическія скобы (желѣзныя, мѣдныя, свинцовыя), иногда деревяные болты (Клавдіевъ водопроводъ). Желѣзныя скобы находимъ въ реставро-

---

[1]) Изъ травертина же выстроены нѣкоторые великолѣпные palazzi и многія церкви новаго Рима (въ томъ числѣ и знаменитый соборъ св. Петра). Новыя каменоломни травертина находятся тоже близъ Тиволи. На нѣкоторые дворцы употребляли травертинъ античныхъ зданій (напр. Колизея)!

[2]) De aquis et aquaeductibus veteris Romae, стр. 11. Это замѣчательное изслѣдованіе о водоснабженіи древняго Рима появилось впервые 1680 году, (2-ое изданіе, которымъ мы пользовались, 1738 г.), но и теперь имѣетъ свою цѣну.

ванныхъ частяхъ Сервіевой стѣны [1]), также въ Колизеѣ. Цементомъ обмазывали плоскости большихъ плитъ только для болѣе плотнаго припуска, чтобы не оставалось вовсе свободнаго пространства въ фугахъ. Гораздо болѣе важное существенное значеніе имѣетъ цементъ въ постройкахъ изъ мелкихъ элементовъ. Первоначально Римляне употребляли для цемента просто глину; но для насъ важенъ только известковый цементъ [2]). Когда Римляне стали употреблять его, точно неизвѣстно (Моммзенъ, R. G., I, 235.).

Римляне благодаря мѣстному матерьялу могли приготовлять превосходный цементъ, обусловливавшій нѣкоторыя особенности ихъ строительной техники и вообще имѣвшій весьма важное значеніе для ихъ архитектуры. Цементъ приготовляли они изъ нѣкоторыхъ видовъ песку, извлекаемаго изъ земли (harenam fodere, harena fossicia: nigra, cana, carbunculus) или на берегу моря или рѣкъ (de litore marino и fluviatica) и пережженной извести (calcem coquere) [3]). Но особенно годился и употреблялся для приготовленія цемента вулканическій песокъ. Особенно славился такой Путеольскій песокъ; о немъ Витрувій (II, 6) говоритъ: Est etiam genus pulveris quod efficit naturaliter res admirandas, nascitur in regionibus Bajanis et in agris municipiorum quae sunt circa Vesuvium montem (pulvis Puteolanus). Его могли, конечно, доставлять и въ Римъ, но подобный вулканическій песокъ имѣлся и въ другихъ мѣстахъ, въ Лаціумѣ и самомъ Римѣ; названіе самаго извѣстнаго вида распространилось и на другіе; отсюда и теперешнее названіе pozzolana, пуццоланъ. Онъ бураго цвѣта (rubra); добывается на значительной глубинѣ въ разныхъ мѣстахъ Римской Кампаніи на востокъ и югъ отъ Рима и въ Римѣ (Авентинъ).

Эти harenaria (по итальянски arenarie), когда уже не употреблялись, обращались иногда въ древности въ мѣста для погребенія (катакомбы); нѣкоторые ученые полагали, что всѣ многочисленныя катакомбы у Рима были первоначально такими harenaria. Если изъ свѣжей пуццоланы и известки сдѣлать смѣсь въ надлежащей пропорціи (Витр. II, 5),

---

[1]) Никакой скрѣпы нѣтъ въ древнѣйшей стѣнѣ Палатина, въ Сервіевой, въ Большой клоакѣ и Tullianum.

[2]) Materia ex calce et harena (Витр.), harenatum.

[3]) См. Витр., II, 4 (de harena) и 5 о добываніи извести и приготовленіи цемента. Плиній, N. H., 23 (52) сл.

то получается цементъ необыкновенной крѣпости и связующей силы, столь же крѣпкій, какъ камень, который онъ связуетъ. Таковъ составъ знаменитаго римскаго цемента, коего неразрушимость еще увеличивается отъ времени („вѣчный цементъ"). Эта необыкновенная крѣпость и связующая сила цемента какъ вообще обусловливала большую прочность римскихъ построекъ, въ которыхъ онъ употреблялся, такъ и способствовала развитію особыхъ видовъ техники, а также была причиною того, что въ Римѣ чѣмъ далѣе тѣмъ въ большей пропорціи употребляли цементъ, такъ что онъ служилъ не только цементомъ, но и прочнымъ и дешевымъ строительнымъ матеріяломъ. Кромѣ того этотъ цементъ годился и для гидравлическихъ работъ, быстро твердѣлъ въ водѣ и получалъ даже особенную крѣпость и поэтому имѣлъ громадную важность и для водопроводныхъ каналовъ, отстойныхъ бассейновъ, цистернъ и пр. Витрувій спеціально указываетъ на это свойство въ цементѣ изъ настоящаго Путеольскаго песку (II, 6): quod (genus pulveris) commixtum cum calce et caemento [1]) non modo ceteris aedificiis praestat firmitates, sed etiam moles cum struuntur in mari, sub aqua solidescunt. О томъ же свидѣтельствуетъ и Страбонъ [2]). Укажемъ тѣ виды техники, употреблявшіеся у Римлянъ, въ которыхъ существенно важное значеніе имѣлъ цементъ.

1. Opus incertum. При этомъ способѣ употреблялись небольшіе неправильные камни (обыкновенно куски туфа), caementa, saxa caementa, такъ что это была structura caementicia (въ противоположность opus quadratum и вообще правильной кладкѣ) и много цемента. Благодаря превосходному цементу, Римляне могли строить такимъ образомъ дешево и прочно стѣны, не тратя труда на обдѣлываніе камня; напротивъ чѣмъ грубѣе былъ матерьялъ при этомъ, тѣмъ крѣпче получалась масса, какъ бы сроставшаяся въ естественную каменную массу (Витр.: utraque (именно genus incertum и ниже объясняемый g. reticulatum) ex minutissimis sunt construenda, uti materia ex calce et harena crebriter parietes satiati diutius contineantur). Этотъ способъ употреблялся и для постройки сводовъ, причемъ для облегченія давленія употребляли легкій туфъ или

---

[1]) Caementum, битый камень, щебень.

[2]) V, 245 онъ говоритъ о Путеолахъ: ἡ δὲ πόλις ἐμπόριον γεγένηται μέγιστον, χειροποιήτους ἔχουσα ὅρμους διὰ τὴν εὐφυΐαν τῆς ἄμμου...... καὶ κόλλησιν ἰσχυρὰν καὶ πῆξιν λαμβάνει· διόπερ τῇ χάλικι καταμίξαντες τὴν ἀμμοκονίαν προβάλλουσι χώματα εἰς τὴν θάλατταν καὶ κολποῦσι τὰς ἠόνας.

пемзу (pumex). Витрувій называетъ этотъ способъ g. antiquum, (antiquum, quod incertum dicitur), старинным. Онъ употреблялся довольно часто, но обыкновенно вмѣстѣ съ другими; такъ заполняли пространства между кирпичными или вообще правильной кладки крайними частями. Часто находимъ этотъ способъ примѣненнымъ и въ стѣнахъ Помпейскихъ домовъ. Онъ, равно какъ и слѣдующій принадлежатъ спеціально римской строительной техникѣ.

2. Opus reticulatum—по словамъ Витрувія (II, 8) въ его время самый употребительный способъ (Ср. Плиній, N. H., 36, 22 51). Въ немъ употреблялись правильно обдѣланные камни или кирпичи, имѣвшіе форму ромбоидовъ и клались ребромъ внизъ, такъ что діагонали внѣшнихъ ромбовъ были перпендикулярны къ горизонту; такимъ образомъ внѣшніе ромбы ихъ образовали прямыя полосы наклоненныя къ горизонту и взаимно пересѣкающіяся и внѣшній видъ стѣнъ представлялъ видъ сѣти (отсюда названіе: g. reticulatum, такъ сказать сѣтчатка). Стѣны выходили очень красивыми (venustius—Витр.); но Витрувій считаетъ этотъ способъ не особенно прочнымъ, такъ какъ при немъ въ стѣнѣ легче могли образоваться трещины (Витр., II., 8: quod in omnes partes dissoluta habet cubilia. Incerta vero caementa non speciosam, sed firmiorem quam reticulata praestant structuram. Плиній, 36, 22, 51).

Поэтому, чтобы сдѣлать эту кладку болѣе прочною впослѣдствіи (первый примѣръ этого имѣемъ изъ времени Нерона) вставляли горизонтальные поперечные ряды изъ кирпича. Съ такимъ усовершенствованіемъ эта техника достигла особеннаго совершенства во время Адріана, но потомъ она, по видимому, совсѣмъ не употреблялась. Въ Помпеяхъ находимъ часто op. reticulatum (и o. incertum) въ подобномъ сочетаніи съ кирпичемъ (Overbeck, Pompeji). Въ Римѣ и Лаціумѣ есть достаточно примѣровъ употребленія ретикулата въ сохранившихся остаткахъ древнихъ построекъ разнаго времени (въ томъ числѣ и водопроводныхъ).—

3. Opus laterecium [1]). Существенную роль играетъ цементъ и въ кирпичныхъ постройкахъ, opus latericium. Постройки изъ кирпича были въ употребленіи и на Востокѣ, особенно у Вавилонянъ и Египтянъ, а также и въ Греціи. Но въ Италіи, а особенно у Римлянъ онѣ употреблялись чаще, чѣмъ въ Греціи. Несомнѣнно очень рано употреблялся кирпичъ у Этрусковъ. Августъ, какъ извѣстно говорилъ, что онъ нашелъ

---

[1]) Іорданъ Top. I, 1, стр. 13 сл. Marquardt, Privatleben d. R., II, 599.

Римъ кирпичнымъ; по Варрону antiqui (Римляне) in domibus latericiis habitabant, Цицеронъ могъ сказать: ex latere et caemento urbs effecta est (De divin, 2, 47). Но Витрувій (онъ говоритъ о кирпичныхъ постройкахъ въ 8 главѣ 2 книги), указывая на большія кирпичныя постройки въ Греціи и на Востокѣ, рекомендуетъ Римлянамъ употребленіе кирпича какъ нѣчто новое только для извѣстныхъ построекъ. Чтобы согласить эти противорѣчія, нѣкоторые предполагаютъ, что до послѣдняго столѣтія республики употребляли только необожженный кирпичъ (later crudus), а обожженный (later coctus, coctilis, testa) распространился въ Римѣ только около времени Суллы. Во всякомъ случаѣ онъ употреблялся уже въ значительной мѣрѣ при Августѣ и затѣмъ въ императорскій періодъ былъ весьма распространенъ.

Какъ въ постройкахъ каменныхъ, такъ и кирпичныхъ Римляне достигли большой виртуозности и извѣстной оригинальности. Преимущественно кирпичъ употребляли въ постройкахъ, разсчитанныхъ на долговѣчность: городскихъ стѣнахъ, храмахъ, колодцахъ, цистернахъ, водопроводахъ, баняхъ, термахъ, театрахъ, амфитеатрахъ и гробницахъ. Вслѣдствіи такого распространеннаго употребленія кирпича въ Римѣ въ императорское время и фабрикація его производилась въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Кн. II, 3 Витрувій дастъ нѣкоторые совѣты относительно выбора глины и приготовленія кирпича (Ср. Marqu., Privatleben, II, 618). Для насъ имѣетъ интересъ теперь только стѣнный кирпичъ и водопроводныя гончарныя трубы (tubi, tubuli), о которыхъ будетъ еще нѣсколько словъ сказано ниже. Прекрасная глина для болѣе лучшихъ гончарныхъ издѣлій добывалась въ самомъ Римѣ, на правомъ берегу Тибра (ср. стр. 37) и тамъ были гончарни (О Ватиканскихъ Juven., sat. V.). Кирпичныя заводы (figlinae) находились или въ ближайшихъ окрестностяхъ Рима [1]) или въ другихъ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, откуда кирпичъ ввозился и въ Римъ. Владѣльцы земли, если находили на своихъ участкахъ хорошую кирпичную глину, устраивали кирпичные заводы и гончарни какъ для своихъ потребностей, такъ и для продажи кирпича, трубъ, dolia, амфоръ и под., завѣдывая ими или лично черезъ рабовъ, или отдавали въ аренду.

Это представляло выгодную отрасль промышленности, и капиталисты часто покупали такіе заводы.

---

[1]) Marquardt, Privatleben d. R., II, 644 сл.

[2]) Напр. по via Salara, которая шла отъ Рима къ сѣверу по восточному берегу Тибра.

Кромѣ обыкновенныхъ гражданъ и отпущенниковъ владѣли ими лица всадническаго сословія, сенаторы и высшіе магистраты, очень часто императоры и лица императорской фамиліи, въ особенности женщины.

Такъ достовѣрно извѣстно, что однимъ такимъ заводомъ (близъ Аримина) владѣли Тиберій, Калигула, Клавдій и Неронъ; имѣли собственные заводы Домиціанъ, Траянъ, Адріанъ, Антонинъ Пій, Маркъ Аврелій и др.; послѣдній получилъ много такихъ заводовъ отъ своей матери Луциллы; потомъ они перешли по наслѣдству къ Коммоду. Изъ этихъ личныхъ императорскихъ заводовъ доставлялся матерьялъ для столь многочисленныхъ императорскихъ построекъ въ Римѣ и другихъ мѣстахъ Италіи, (мы ниже увидимъ, сколько строили императоры sua impensa для водоснабженія), но также шелъ несомнѣнно и въ продажу.

Древне-римскій кирпичъ значительно отличается отъ употребляемаго теперь, представляетъ своеобразныя особенности. Во-первыхъ, вслѣдствіе необыкновенно старательнаго приготовленія онъ имѣетъ большую плотность и прочность и красивый видъ (klingelnd harte Ziegel, Моммзенъ). Во-вторыхъ, римскій кирпичъ отличается формою, именно кирпичины принадлежащія лучшему времени очень широки и длинны, но за то необыкновенно тонки. Самыя лучшія кирпичныя постройки принадлежатъ первому вѣку имперіи (Пантеонъ, водопроводныя аркады Нерона (см. ниже), преторіянскій лагерь Тиберія, термы Тита). Значительную перемѣну къ худшему представляетъ уже вторая половина второго вѣка (Северъ и Каракалла); въ послѣдующее время техника приходила все въ большій и большій упадокъ. Форма кирпичей, начиная съ перваго вѣка, съ теченіемъ времени измѣняется довольно правильно, именно постепенно длина и ширина ихъ уменьшается, зато они становятся все толще, такъ что чѣмъ шире, длинѣе и тоньше кирпичины, тѣмъ древнѣе и лучше постройка. Одинъ археологъ (Паркеръ) находитъ даже возможнымъ по уцѣлѣвшимъ постройкамъ вывести съ большою точностью эго соотвѣтствіе; именно онъ высчитываетъ, сколько въ постройкахъ каждаго вѣка приходится кирпичинъ на одинъ футъ высоты стѣны, и находитъ, что въ первомъ столѣтіи на футъ шло 9—10 штукъ, во второмъ—7—8, въ третьемъ—5—6, наконецъ въ четвертомъ столѣтіи всего по четыре, какъ въ современныхъ постройкахъ, и кирпичъ малой плотности. Онъ замѣчаетъ впрочемъ по поводу этихъ цифръ, что онѣ относятся спеціально къ аркамъ, въ которыхъ кирпичъ долженъ выдерживать сильное давленіе, и что въ стѣнахъ въ горизонтальныхъ рядахъ кирпичинъ бываетъ меньше.

Изъ сказаннаго уже видно, что въ кирпичныхъ постройкахъ лучшаго времени цемента употреблялось сравнительно очень немного; но съ теченіемъ времени едва замѣтный слой кирпича все увеличивается, пока не достигаетъ наконецъ почти толщины кирпича (въ четвертомъ вѣкѣ онъ достигаетъ вершка толщины);—и это составляетъ другую характеристическую черту построекъ разныхъ столѣтій.

Упомянемъ здѣсь еще имѣющее важность въ водопроводномъ дѣлѣ Римлянъ т. н. opus Signinum. Это есть родъ гидравлическаго цемента, употреблявшійся для покрытія дна и стѣнокъ водопроводныхъ каналовъ, чтобы сдѣлать ихъ непроницаемыми для воды, а также разныхъ бассейновъ, цистернъ, имплювіевъ и устройства половъ въ домахъ. Онъ приготовлялся изъ истолченныхъ въ порошокъ кусковъ кирпича или черепковъ и свѣжей извести [1]).

Такъ какъ, какъ мы видѣли, отдѣльные періоды въ развитіи римскаго зодчества характеризуются въ извѣстной мѣрѣ особымъ матерьяломъ и особыми техническими пріемами, особенностями каменной или кирпичной кладки, употребленіемъ въ извѣстной мѣрѣ цемента и пр., то по этимъ признакамъ съ большею или меньшею вѣроятностью опредѣляютъ время, къ которому относится данная постройка, опредѣляя сначала по извѣстнымъ примѣрамъ хронологическія границы употребленія каждаго матерьяла или извѣстныхъ особенностей техники. Смотря по тому, изъ пеперина ли, травертина или кирпича сдѣлана стѣна, употребленъ ли ретикулатъ или opus incertum, какія особенности представляетъ кирпичная кладка, археологъ опредѣляетъ вѣкъ постройки. Мы видѣли, какъ въ кирпичныхъ постройкахъ такими важными критеріями для отдѣльныхъ столѣтій имперіи являются характеръ, размѣры кирпичей, количество цемента. Въ этихъ же постройкахъ находимъ еще одинъ, особенно важный, вѣрный хронологическій критерій, именно штемпеля кирпичей, начинающіеся въ Римѣ съ императорскимъ періодомъ (тъ Августа). Каждый заводъ имѣлъ свой штемпель, обыкновенно въ срединѣ изображеніе божества, животнаго, растенія, а вокругъ него имя владѣтеля за-

---

[1]) Плиній, N. H., 35, 165: testis utendo.. tunsis calce addita (по-итальянски coccio-pesto). Названіе Signinum производятъ отъ города Signia, гдѣ это opus будто бы впервые было употреблено. На полахъ домовъ по такой массѣ дѣлались мозаическіе рисунки изъ бѣлыхъ камешковъ. Такія pavimenta Signina часто встрѣчаются въ домахъ Помпей (См. Marquardt, Privatleben, 2, 608).

вода или арендатора, завѣдывающаго, иногда годъ изготовленія. Владѣвшія заводомъ знатныя лица и члены императорской фамиліи не стыдились того, что ихъ имена обозначались на кирпичахъ. Прямое обозначеніе года (консуловъ) на кирпичахъ римскихъ построекъ встрѣчается только начиная съ 110 г. послѣ Р. Х. и до 161 прибл.; но можно также болѣе или менѣе опредѣлять время по встрѣчающимся именамъ императоровъ и другихъ лицъ императорской фамиліи, и частныхъ лицъ; по этимъ даннымъ можно опредѣлить по крайней мѣрѣ время, ранѣе котораго извѣстная постройка не могла существовать или починка не могла быть произведена (См. Іорданъ, Top., I, 1, 22 и 57. Marquardt, Privatleben, I, 157 и II, 643).[1]).

Итакъ мы привели изъ исторіи римскаго строительнаго искусства главнѣйшее, существенное, характерное, что важно и для знакомства съ римскими водопроводами, особенныя условія его развитія, опредѣлявшія его совершенство и своеобразность. Мы видимъ изъ приведеннаго, какое важное значеніе имѣла природа мѣстности и для развитія римскаго строительнаго искусства, какъ она же прямо и косвенно опредѣляла водоснабженіе Рима. Выше мы коснулись вліянія характера мѣстностей Рима и Лаціума на гигіеническія условія города и на зависимость отъ него обилія почвенной воды въ чертѣ его; Тибръ и, какъ увидимъ, Аніенъ имѣли существенно важное значеніе въ исторіи водоснабженія города; обильныя родниковою водою возвышенности, окаймляющія Лаціумъ, давали возможность провести въ городъ высоко воду хорошаго качества. Мѣстныя же условія благопріятствовали и развитію строительнаго искусства. Римъ въ своей чертѣ и ближайшихъ окрестностяхъ имѣлъ своеобразный строительный матеріалъ для прочныхъ построекъ, обусловливавшій раннее развитіе извѣстнаго строительнаго способа; недалеко отъ Рима находился камень Албанскихъ горъ и травертинъ; простое смѣшеніе вулканической

---

[1]) Для опредѣленій хронологическихъ и топографическихъ при изслѣдованіи водопроводовъ большую важность имѣютъ надписи вообще (на медаляхъ и пр.) и въ частности находящіяся на самыхъ водопроводныхъ постройкахъ и вообще разныхъ предметахъ, относящихся къ водопроводамъ; изъ этихъ послѣднихъ кромѣ упомянутыхъ особый большой разрядъ составляютъ надписи на свинцовыхъ водопроводныхъ трубахъ (fistulae plumbeae). Въ своемъ мѣстѣ будутъ приведены или упомянуты и другія, важныя для нашего предмета, надписи, и особо будетъ рѣчь о надписяхъ водопроводныхъ fistulae.

пуццоланы съ свѣжею известью давало знаменитый вѣчный цементъ, благодаря отличнымъ качествамъ котораго выработаны были прочные и дешевые способы строить стѣны и под. изъ щебня; не было недостатка и въ глинѣ отличнаго качества для кирпичей. Не даромъ мы въ самомъ началѣ нашей статьи обратили вниманіе читателя на характеръ почвы Лаціума и окружающихъ его мѣстъ, въ особенности на вулканизмъ ихъ.

Римляне вполнѣ воспользовались указанными благопріятными мѣстными условіями какъ для развитія своего зодчества, такъ и для устройства водоснабженія города. Вмѣстѣ съ естественными условіями, какъ то характеромъ строительнаго матерьяла и пр., великое развитіе ихъ строительнаго искусства, прочность ихъ построекъ обусловливалась и необыкновенною старательностью въ выполненіи работъ, основательностью во всемъ, лежавшею въ характерѣ народа. Римляне при этомъ имѣли передъ собою также уже высоко развитое строительное искусство Грековъ; и эти послѣдніе сами тоже работали для Рима. Римъ притягивалъ со всѣхъ сторонъ выдающіяся силы, сталъ центромъ между прочимъ и для всѣхъ образовательныхъ искусствъ, въ особенности для архитектуры; Римляне при своихъ громадныхъ средствахъ поддерживали обширную строительную дѣятельность столько вѣковъ и слѣдовательно давали цѣлымъ поколѣньямъ строителей обширную и разнообразную практику; въ извѣстные періоды производились многочисленныя и громадныя (иногда колоссальныя) общественныя постройки, и частныя лица строили много. Нѣкоторыя познанія въ архитектурѣ необходимо нужны были гражданину, и какъ отцу семейства и какъ магистрату, завѣдывавшему общественными постройками, отдававшему ихъ на подрядъ и принимавшему ихъ по окончаніи [1]). Вслѣдствіе особенной важности архитектуры у Римлянъ для государственныхъ цѣлей, для увеличенія славы государства и блеска города, а также необходимости ея какъ для государства, такъ и для частныхъ лицъ (Цицеронъ ставитъ архитектуру наравнѣ съ медициною по полезности ихъ, De off., I, 42, 151), и вслѣдствіе того, что это искусство наиболѣе соотвѣтствовало народному генію, оно изъ всѣхъ образовательныхъ искусствъ было у Римлянъ сравнительно самымъ приличнымъ

---

[1]) Фронтинъ напр. требуетъ: non solum scientia peritorum, sed et proprio usu curator instructus esse debet, De aqu., гл. 119.

и для свободнаго человѣка [1]), а также несомнѣнно какъ въ Римѣ, такъ и въ другихъ большихъ городахъ было одною изъ самыхъ прибыльныхъ профессій. Витрувій (6 кн. praef.) сообщаетъ, что въ его время въ Римѣ было такъ много архитекторовъ, что они должны были сами предлагать свои услуги; впослѣдствіи ихъ должно было быть еще больше, и ни въ одной части имперіи не было въ нихъ недостатка; и, хотя и архитекторами были большею частью рабы или волноотпущенники, но и изъ римскихъ гражданъ многіе, подобно Витрувію, посвящали себя этой профессіи какъ въ республиканскій періодъ, такъ и при императорахъ до позднѣйшаго времени [2]). (См. Marquardt, Privatleben, II, 593; Friedländer, Darstell., 5 Aufl., стр. 265 сл. и I, 4 Aufl., 299.).

При всѣхъ указанныхъ условіяхъ высокое развитіе строительнаго дѣла и усовершенствованіе его у Римлянъ является очень понятнымъ. Ихъ строительную технику, выдержавшую великую пробу времени, новые спеціалисты находятъ удивительною. Много еще можно было бы сообщить о ней; кое-что придется привести ниже (напр. ихъ способы нивеллированія); повторю еще уже приведенное сужденіе новыхъ техниковъ, что выполненіе работъ Римлянъ значительно выше ихъ немногихъ техническихъ теорій, извѣстныхъ намъ.

Высокое развитіе строительнаго дѣла Римлянъ вообще было весьма важно и для устройства водоснабженія. Всякія гидравлическія сооруженія, слѣдовательно и водопроводы, требовали особенно хорошаго матерьяла и особенно тщательной техники для надлежащей прочности; ибо, какъ замѣчаетъ и Фронтинъ, nullum opus diligentiorem poscit curam, quam quod aquae obstaturum est (гл. 123); при непрочности сооруженій водопроводы требовали бы тѣмъ болѣе средствъ и труда на содержаніе ихъ въ надлежащемъ состояніи, починокъ. И несмотря на прочность вообще римскихъ работъ, мы слышимъ все таки о многочисленныхъ починкахъ водопроводовъ (о коихъ будетъ упомянуто въ историческомъ очеркѣ водопроводовъ Рима): ductus collapsi, quassati и под.; кромѣ указанной

---

[1]) Впрочемъ даже Витрувій ставитъ его въ одну категорію съ ремесломъ (ars) сапожника, находя существенную между ними разницу только въ сравнительной трудности перваго, какъ вообще у Римлянъ всѣ искусства считались ремеслами. Vitr.. 6 кн. нач. См. Marquardt, Privatleben, II, 589 сл.

[2]) И сочиненій по архитектурѣ у Римлянъ было много, хотя сохранилось только Витрувіево.

причины работы иногда выполнялись не аккуратно, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Фронтинъ (гл. 119). Но многое было сооружаемо съ необыкновенною монументальною прочностью и вообще, какъ стоитъ и теперь часть величественныхъ водопроводныхъ аркадъ, такъ стояло бы въ значительной мѣрѣ донынѣ и остальное; исчезло же оно не отъ разрушающаго дѣйствія „ѣдкаго дождя, безсильнаго аквилона и длиннаго ряда годовъ“ и вѣковъ, а главнѣйшимъ образомъ отъ руки человѣка.....

Высокое развитіе у Римлянъ строительнаго искусства и извѣстная самобытность въ немъ Римлянъ всѣми признаются; равно какъ и то, что они по крайней мѣрѣ въ обширныхъ размѣрахъ, смѣло, послѣдовательно примѣнили сводъ въ своихъ постройкахъ. Указанныя выше особенности римскихъ водопроводовъ суть вполнѣ римское нововведеніе, обусловливавшееся превосходствомъ техническихъ средствъ Римлянъ; въ этомъ уже не приходится намъ отстаивать самостоятельности ихъ по отношенію къ Грекамъ. Но зато надо было, и теперь еще приходится защищать ихъ отъ упрековъ новаго времени въ неумѣстности употребленія этого новаго средства и вообще доказывать необходимость, разумность, практичность ихъ способа проведенія воды. Выше, опредѣляя вообще ихъ прогрессъ въ водопроводномъ дѣлѣ, мы предполагали эту необходимость и цѣлесообразность употреблявшихся у нихъ средствъ и вообще способа веденія воды. Теперь постараемся все это обосновать.

Римляне де, говорили прежде и теперь нѣкоторые повторяютъ—при своемъ способѣ веденія воды по каналамъ на постепенно, но непрерывно понижающихся рядахъ арокъ напрасно тратили трудъ и средства, такъ какъ не знали, что вода подымается къ уровню своего истока, или вслѣдствіе безумной страсти къ грандіознымъ сооруженіямъ. Инженеръ Штукенбергъ (Устройство водопроводовъ и пр., стр. 154) говоритъ: „Римляне конечно не обращались бы къ постройкѣ своихъ громадныхъ акведюковъ, еслибы знали (sic), что вмѣсто ихъ можно устроить водопроводъ и черезъ глубокія долины простою прокладкою чугунной (sic) трубы“.

Прежде всего замѣтимъ, что аркады вовсе не составляютъ однѣ римскихъ водопроводовъ [1]), что онѣ даже не преобладаютъ въ нихъ; напротивъ

[1]) Нѣкоторые писатели по крайней мѣрѣ выражаются о нихъ такъ, какъ будто онѣ главнымъ образомъ составляли водопроводы. Buns., Beschreibung Roms, I, 197: So wie dieser Grund (опасеніе поврежденія врагами) wegfiel, war die Leitung über Bögen die einzig natürliche. Такъ же точно выражается объ этомъ Бекеръ, Topogr., 705, прим.

изъ ниже помѣщаемой нами таблицы девяти римскихъ водопроводовъ по Фронтину видно, что въ римскихъ водопроводахъ длина каналовъ, идущихъ подъ почвою, въ общей суммѣ составляетъ гораздо больше чѣмъ длина надпочвенныхъ, и притомъ какъ на сплошной субструкціи такъ и на аркадахъ вмѣстѣ. Аркады только, какъ находящіяся снаружи и часто дѣйствительно импозантныя сооруженія болѣе всего бросались и бросаются въ глаза, между тѣмъ какъ подземные каналы болѣе извѣстны изслѣдователямъ, не видны, какъ и греческіе подземные каналы, потому были долго забыты и не изслѣдованы.

Слѣдовательно вопросъ о подземномъ способѣ проведенія каналовъ или трубъ или надземномъ, и въ частности на аркадахъ не есть основной, принципіальный: тотъ и другой способъ можетъ имѣть мѣсто въ двухъ водопроводахъ, основанныхъ на двухъ различныхъ принципахъ; и наоборотъ, хотя въ римскихъ водопроводахъ и употреблялись аркады и под., а въ греческихъ были только подземные каналы, веденіе воды обыкновенно устраивалось по одинаковому принципу, именно самотекомъ, т. е. въ постепенно и непрерывно понижавшихся каналахъ. Каждый изъ этихъ двухъ способовъ примѣнимъ и удобенъ въ извѣстномъ случаѣ и имѣетъ какъ свои удобства, такъ и неудобства. Но Римляне вынуждены были—говорятъ—тратить трудъ и деньги на постройку громадныхъ аркадъ вслѣдствіе своего невѣжества; это уже вопросъ принципіальный: если Римлянамъ дѣйствительно неизвѣстенъ былъ гидростатическій законъ равновѣсія однородной жидкости въ закрытомъ каналѣ, законъ сообщающихся трубокъ, или примѣненіе его, значитъ, они могли и вынуждены были устраивать только водопроводы съ естественнымъ паденіемъ воды, самотекомъ, не употребляя даже въ небольшихъ размѣрахъ проведенія воды сифоннымъ способомъ, основаннымъ на упомянутомъ законѣ. Но такое мнѣніе о необходимости аркадъ совершенно неосновательно.

Прежде впрочемъ чѣмъ попытаться рѣшить вопросъ, почему Римляне проводили воду тѣмъ первымъ болѣе простымъ способомъ и насколько они употребляли сифонный, мы остановимся на болѣе частномъ о проведеніи канала надъ землею и подъ землею, на удобствахъ и неудобствахъ того и другого, предполагая пока, что тотъ способъ веденія воды былъ необходимъ и цѣлесообразенъ.

Отъ времени и атмосферическихъ вліяній (vetustate et vi tempestatum, Фронт.), а также и поврежденій со стороны человѣка болѣе страдаютъ тѣ части водопроводовъ, которыя открыты, особенно аркады, и

эти въ особенности скоро портятся, если идутъ черезъ воду; напротивъ менѣе подвержены поврежденію подземные каналы, nec gelicidiis nec caloribus exposita по Фронтину, т. е. менѣе подвержены измѣненіямъ температуры, дѣйствію холода и жары [1]), что важно какъ для качества воды такъ и для прочности каналовъ. Мы уже видѣли, какую выгоду, по мнѣнію Фронтина, представляли подземные каналы въ первыхъ римскихъ водопроводахъ (стр. 80). Въ каждомъ водопроводѣ для вентиляціи, освѣженія воды и очистки канала устраивались на извѣстномъ разстояніи одно отъ другого отверзтія, продушины; при подземномъ каналѣ они легко подвержены разнымъ случайностямъ, если не находятся такъ высоко, чтобы невозможны были или затруднительны засоренія и порча ихъ и черезъ то водопровода.

А самое важное то, что при подземномъ каналѣ очень трудно отыскивать и исправлять испорченныя мѣста канала; такъ Аппіевъ водопроводъ терялъ много воды вслѣдствіе того, что въ подпочвенномъ его каналѣ не легко обнаруживалась течь (Intercidit aliquantum e ductus vitio, qui, cum depressior sit, non facile monationes ostendit, Фронт., гл. 65); за то, какъ сообщаетъ Фронтинъ, внѣ города вслѣдствіе глубины канала нельзя было противозаконно пользоваться водою его, отводя ее посредствомъ трубъ. Напротивъ не трудно было при хорошемъ присмотрѣ держать всегда въ исправности каналъ, шедшій поверхъ земли, что впрочемъ главнымъ образомъ должно быть сказано о каналахъ на аркадахъ (въ нихъ всякое поврежденіе обнаруживается всего скорѣе и исправляется легче).

Аркады, требовавшія несомнѣнно очень прочнаго матерьяла (хотя меньше) и тщательной работы, имѣютъ предъ массивными субструкціями или насыпями то преимущество, что не перерѣзываютъ малыхъ и большихъ путей сообщенія: пролеты арокъ оставляютъ свободный путь, пропускъ и не закрываютъ совсѣмъ поля зрѣнія; онѣ же, переброшенныя черезъ рѣки и рѣчки, иногда служили вмѣстѣ и для водопроводнаго ка-

[1]) Іорданъ считаетъ совершенно неосновательнымъ предположеніе значительной разницы между среднею температурою Рима въ новое время и въ древности. Теперь въ Римѣ жара доходитъ maximum до $+42^{0}$, холодъ до -7^{0}, исключая рѣдкія зимы, когда замерзаютъ фонтаны. Въ возвышенныхъ мѣстахъ, гдѣ начинались нѣкоторые водопроводы, холодъ бываетъ больше. См. Іорданъ, Top., I, 1, 141 сл. Ср. Бекеръ, Top., и Бунзенъ въ Beschreibung R., I.

нала и какъ мосты,—акведукты и віадукты (мостъ съ водопроводнымъ каналомъ въ долинѣ Фіоры близъ Вольчи (Volci), водопроводныя арки надъ дорогами близъ Рима и впослѣдствіи ворота Рима, напр. porta Maggiore, и черезъ улицы въ городѣ). Нѣкоторые водопроводы давали часть воды по пути окрестнымъ жителямъ и этотъ отводъ воды тоже легче было устроить при наружномъ каналѣ.

Но самая важная функція аркадъ (какъ и сплошныхъ субструкцій) заключалась въ томъ, что посредствомъ ихъ поддерживалась требуемая высота канала, для того, чтобы вода достигала мѣста назначенія на высотѣ, необходимой для распредѣленія ея и по высокимъ частямъ города [1]). Разъ употреблялись водопроводы не трубно-сифонные, а простые открытые, непрерывно понижавшіеся каналы, по незнанію ли другого способа веденія или по другимъ причинамъ, для достиженія одной указанной цѣли употребленіе аркадъ являлось безусловно необходимымъ, еслибы онѣ и представляли въ другихъ отношеніяхъ неудобства и во что бы ихъ постройка ни обходилась; а мы видѣли, что аркады при этомъ представляли и въ другихъ отношеніяхъ немаловажныя выгоды, были такимъ образомъ и необходимымъ и самымъ удобнымъ средствомъ. Вотъ Римляне и употребляли ихъ (съ указаннаго выше времени), гдѣ представлялась въ нихъ надобность и между прочимъ каналы древнѣйшихъ водопроводовъ сокращали. Фронтинъ (гл. 18), сказавъ, что каналы нѣкоторыхъ древнѣйшихъ водопроводовъ шли низко, что ихъ нарочно проводили глубоко, чтобы скрыть отъ врага, продолжаетъ: Jam tamen quibusdam locis, sicubi ductus vetustate dilapsus est, ommisso circuitu subterraneo vallium, brevitatis causa substructionibus arcuationibusque trajiciuntur.

Такимъ образомъ достаточно было практическо-техническихъ причинъ, обусловливавшихъ наиболѣе цѣлесообразное устройство водопроводовъ, для употребленія надземныхъ каналовъ и иногда высокихъ на аркадахъ. Нѣтъ поэтому особенной необходимости видѣть причину этого и въ страсти Римлянъ къ грандіознымъ сооруженіямъ; если этотъ мотивъ и имѣлъ дѣйствительно значеніе, по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ придавать ему слишкомъ много значенія; польза дѣла дѣлала водо-

---

[1]) Фронтинъ, гл. 18: Anio Vetus... suffecturus etiam altioribus locis urbis, si, ubi vallium summissarumque regionum conditio exigit, substructionibus arcuationibusque vel erismis erigeretur.

проводныя постройки грандіозными. Какъ ни велика была страсть Римлянъ къ колоссальному, въ частности къ такимъ величественнымъ, богатымъ сооруженіямъ, но мы видимъ однако вмѣстѣ, что обыкновенно ихъ общественныя зданія были въ высшей степени популярны, удовлетворяя въ большихъ размѣрахъ дѣйствительнымъ обыденнымъ потребностямъ населенія или служа для развлеченій, каковы: театры, амфитеатры, термы; вездѣ въ нихъ замѣчаемъ удивительную цѣлесообразность въ устройствѣ. Вѣдь не изъ желанія только импонировать возведена была высокая громада Колизея;— его четыре яруса сдѣлали возможнымъ то, что онъ вмѣщалъ въ себѣ 87,000 зрителей..... Еще больше строгаго соотвѣтствія устройства цѣли мы должны по аналогіи ожидать въ постройкахъ, имѣвшихъ исключительно практическое, полезное назначеніе, еще большая цѣлесообразность должна была быть въ водопроводахъ какъ въ общемъ устройствѣ и способѣ веденія воды, такъ и въ частности въ употребленіи въ нихъ аркадъ.

Однако новые писатели, трактующіе о римскихъ водопроводахъ, при объясненіи причинъ употребленія Римлянами аркадъ даютъ болѣе или менѣе значенія и мотивамъ, лежащимъ внѣ сущности водопроводнаго дѣла. Такъ Фабретти (De aqu, стр. 10.) въ числѣ причинъ, вызвавшихъ, по его мнѣнію, значительныя отступленія водопроводнаго пути отъ прямой линіи, приводитъ, какъ возможное, желаніе нарочно выстроить величественныя аркады, хотя впрочемъ не придаетъ этому мотиву большаго значенія [1]); но мы полагаемъ, что, предполагать такой мотивъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія. (срв. общія аркады для нѣсколькихъ каналовъ).

Другіе предпочтеніе высокихъ аркадъ хотятъ объяснять не простымъ тщеславіемъ, а мотивами патріотическими и эстетическими—что само по себѣ болѣе раціонально. Бунзенъ (Beschreibung R., I, 197), указавъ на практическія выгоды, которыя представляли въ водопроводахъ аркады, на необходимость ихъ, говоритъ: „Затѣмъ, конечно, и величіе этихъ необозримыхъ аркадъ, свидѣтельствовавшихъ наглядно о громадности и благоденствіи города, къ которому издалека со всѣхъ сторонъ высоко неслись потоки воды (hochschwebende Bäche), сдѣлало эти постройки еще особенно дорогими сердцу Римлянина“. К. О. Мюллеръ (Handb. d. Archäol. d. K., § 296) высказывается за эстетическій мотивъ: „Хотя, конечно, вмѣ-

---

[1]) Addam quoque, etsi ratio deesset, speciem magnificentiae *ultro* appeti potuisse, ostentatione altissimorum fornicum и пр.

сто высокихъ аркадъ акведуктовъ и можно было отчасти употребить болѣе дешевыя приспособленія, однако кромѣ другихъ соображеній древнихъ побуждалъ ихъ архитектурный вкусъ предпочесть тѣмъ неказистымъ на видъ приспособленіямъ эти громадные ряды арокъ, которые съ возвышенностей черезъ долины и по равнинамъ стремятся къ многолюдному городу и уже издали предвозвѣщаютъ его".

Но сами древніе Римляне грандіозность водопроводныхъ аркадъ такъ не комментируютъ; они вовсе не говорятъ, чтобы именно грандіозность подобнаго рода построекъ была причиною, что ихъ употребляли; а изъ ихъ прямыхъ замѣчаній относительно этого предмета выходитъ, что въ дѣйствительности они руководились другими мотивами, что ихъ заставляла устраивать величественныя водопроводныя аркады, какъ такое же водоснабженіе съ необходимыми при этомъ аркадами и многое другое въ этомъ родѣ, не столько страсть къ грандіозному, а скорѣе страсть къ полезному: они не щадили ничего, когда дѣло шло о достиженіи великой общеполезной цѣли. Фронтинъ называетъ praecipuum Romani imperii indicium вообще все водоснабженіе Рима, къ которому относились и аркады, какъ необходимый элементъ. Называя водопроводы громадными сооруженіями, онъ вмѣстѣ называетъ ихъ и (во всемъ) *необходимыми* и противопоставляетъ безцѣльнымъ громадамъ египетскихъ пирамидъ и под. (гл. 16: tam multis *necessariis molibus*). Онъ называетъ Клавдіевъ водопроводъ magnificentissimus, но замѣну старыхъ подземныхъ каналовъ аркадными, о которой мы говорили на стр. 84 и 102, объясняетъ только практическимъ соображеніемъ; онъ увѣряетъ (гл. 18), что это дѣлалось только brevitatis causa (не magnificentiae). Ср. также на стр. 102, что онъ говоритъ въ той же главѣ о водопроводѣ Старомъ Аніенѣ.

Новые писатели обыкновенно указываютъ односторонне только на аркады водопроводовъ, какъ на наиболѣе величественную часть ихъ, и въ которой наиболѣе видно тщеславіе Римлянъ, или какъ на требовавшія громадныхъ затратъ на постройку у Римлянъ, не имѣвшихъ де возможности замѣнить ихъ. Но слѣдовало бы по крайней мѣрѣ уже непремѣнно указывать по тѣмъ же причинамъ и на ихъ подземные каналы и туннели, какъ требовавшіе тоже громадныхъ расходовъ на устройство и много труда, тоже достойные удивленія, и какъ аркады, обусловливаемые обычнымъ у Римлянъ способомъ веденія воды. Древніе, признавая равно необходимыми и тѣ и другія, и удивляются имъ въ одинаковой мѣрѣ. Такъ Плиній указываетъ какъ на предметы одинаково, возбуждающія удив-

леніе на аркады, прорытіе горъ и сравненіе долинъ, овраговъ: exstructos arcus, montes perfossos, convalles aequatas (все мѣсто приводится ниже) и все вообще водоснабженіе Рима называетъ предметомъ самымъ удивительнымъ во всемъ мірѣ. Римляне умѣли оцѣнить значеніе и величіе скрытыхъ подземныхъ работъ туннелей и удивляться этимъ труднымъ, дорогимъ и полезнымъ работамъ (не только бросающимся въ глаза аркадамъ). Мы уже привели отзывы ихъ о канализаціи Рима. А ихъ водопроводные туннели и пр. были дѣйствительно замѣчательны. Устройство подземныхъ каналовъ и туннелей въ каменистой почвѣ, какова почва Сабинскихъ горъ и Римской Кампаніи, было дѣломъ не менѣе, а еще болѣе удивительнымъ, чѣмъ возведеніе аркадъ (Бунзенъ, Beschreibung R., I, 197) и требовало часто также громадныхъ затратъ и труда, особенно при тогдашнихъ техническихъ средствахъ. Заботиться императорамъ о томъ, чтобы вода шла къ городу непремѣнно на аркадахъ (Фабретти), можетъ быть, было бы все равно, какъ еслибы они старались доставлять римскимъ бѣднякамъ хлѣбъ изъ Египта на судахъ какъ можно болѣе роскошныхъ? Вѣдь еще болѣе было бы удивительно, еслибы тѣ токи воды являлись въ Римъ по совершенно незамѣтнымъ путямъ и вода ихъ могла подыматься сама въ верхнія части города. Еслибы аркады строили для виду, то, разумѣется, если гдѣ, то въ водопроводахъ столицы аркады должны были быть наиболѣе грандіозны; но въ провинціяхъ, гдѣ условія мѣста требовали, были гораздо болѣе грандіозныя аркады (даже въ нѣсколько этажей). А вѣдь, если несомнѣнно и въ водопроводахъ Рима, гдѣ еще могло скорѣе всего явиться то стремленіе выражать римское величіе и въ водопроводахъ, грандіозныя аркады вызваны были практическими требованіями, тѣмъ болѣе только такіе мотивы должны были вліять въ провинціяхъ.

Итакъ аркады были необходимы въ римскихъ водопроводахъ, другіе мотивы къ ихъ построенію мало вѣроятны; а ихъ строить Римляне могли во-первыхъ потому, что владѣли въ высокой степени сводовой техникой и средствами; могли во-вторыхъ потому, что когда имъ приходилось строить свои главные водопроводы, ихъ могущество обезпечивало полную безопасность и миръ; пока этого условія не существовало, они ограничивались подземными водопроводами.

Какъ не страсть къ грандіозному и под. заставила строить Римлянъ въ водопроводахъ аркады, такъ и не невѣжество, не незнаніе того способа веденія воды, при которомъ аркады являются излишними. Мы пе-

реходимъ къ главному вопросу: знали ли Римляне законъ сообщающихся трубокъ и примѣненіе его въ водоснабженіи, и отчего они употребляли обыкновенно водопроводы съ естественнымъ паденіемъ воды?

„По истинѣ удивительно—говоритъ авторъ статьи о водопроводахъ въ упомянутомъ нами Dictionary of Antiquities—о мнѣніи, будто Римлянамъ былъ неизвѣстенъ законъ равновѣсія однородной жидкости въ сообщающихся трубкахъ—что такая нелѣпая мысль могла когда либо существовать и что и теперь еще это есть обычное объясненіе [1]) того, что Римляне строили акведукты вмѣсто прокладыванія водопроводныхъ трубъ". Въ самомъ дѣлѣ уже a priori представляется невѣроятнымъ, чтобы такой народъ, воспользовавшійся плодами культуры другихъ народовъ, даже не зналъ, не имѣлъ случая убѣдиться, что вода въ сообщающихся закрытыхъ сосудахъ подымается до одинаковаго уровня, или чтобы не дѣлали никакого практическаго примѣненія этого закона Римляне, имѣвшіе впродолженіе вѣковъ столько дѣла съ гидротехническими сооруженіями.

Но вотъ прямыя доказательства ихъ знакомства съ этимъ закономъ и его примѣненіемъ въ водоснабженіи. Витрувій (VIII, 6 и 5) не только знакомъ съ этимъ закономъ, но и описываетъ водопроводъ, основанный на немъ (7 и 6). Плиній (N. H., 31, 6), говоря о водопроводныхъ трубахъ для подъема воды вверхъ, рекомендуетъ свинцовыя трубы, прибавляя, что вода подымается до высоты своего истока (N. H., 31, 6 31): quam surgere in sublime opus fuerit, plumbo veniat. Subit altitudinem exortus sui. Тотъ же Плиній (N. H., 31, 3 (23)) говоритъ, что для того, чтобы вода была холодна, нужно выбирать воду глубокихъ ключей, гдѣ бы вода подымалась изъ глубины, а не выступала изъ сторонъ, и прибавляетъ, что этого же достигаютъ и искусственнымъ образомъ, именно между прочимъ заставляя струю подниматься вверхъ: ut tactu gelida sit, etiam arte contingit, si *exspessa in altum* aut e sublimi deiecta verberatum corripiat aera. Разумѣется, онъ при этомъ имѣетъ въ виду фонтаны и искусственные каскады воды.

Существованіе у Римлянъ многочисленныхъ фонтановъ (водометовъ) въ разныхъ размѣрахъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ Римѣ передъ Колизеемъ стоятъ и теперь остатки большаго кирпичнаго конуса; одна сто-

---

[1]) Теперь это уже не обычное объясненіе, хотя иногда встрѣчается (см. стр. 99). См. правильный взглядъ на дѣло у Бунзена уже въ 1836 году (Beschreibung R., I).

рона его разрушена до проходящаго черезъ него сверху до низу значительной ширины канала; это былъ знаменитый фонтанъ (Meta sudans), устроенный послѣ разрушенія Неронова Золотаго дворца. Вода, бившая вверхъ, падая внизъ, прыгала по террасамъ конуса въ круглый бассейнъ, котораго периметръ реставрованъ изъ найденныхъ частей.

Въ Помпеяхъ[1]) на улицахъ можно видѣть каменные бассейны, возлѣ нихъ кирпичный столбъ, въ которомъ идетъ вверхъ водопроводная труба и устье этой трубы значительно выше верха бассейна, въ который изъ него лилась вода[2]). Въ домахъ этого города было много небольшихъ фонтановъ; водопроводныя трубы, питавшія ихъ, всегда идутъ внизу въ землѣ (и теперь часто ихъ можно видѣть на ихъ первоначальномъ мѣстѣ); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились разныя фигуры (иногда съ дырою для трубы), черезъ которыя выходила вода. Кромѣ того на стѣнѣ одного дома сохранилось полное изображеніе дѣйствія фонтана; именно на пьедесталѣ въ видѣ низкой колонны стоитъ ваза, изъ которой подымается струя воды; пьедесталъ стоитъ тоже въ водѣ (можетъ быть, имплювіѣ дома). Въ Римѣ распредѣленіе по городу воды водопроводовъ (о которомъ рѣчь ниже) устроено было преимущественно трубно-сифоннымъ способомъ, слѣдовательно основывалось на упомянутомъ выше законѣ.

Итакъ и не незнаніе гидростатики заставляло Римлянъ проводить воду, пользуясь естественнымъ паденіемъ ея, между прочимъ и по аркадамъ. Вѣдь хотя кромѣ описанія сифоннаго водопровода у Витрувія сохранились, какъ увидимъ, донынѣ примѣры такихъ римскихъ водопроводовъ въ Италіи и внѣ ея, но въ водопроводахъ Рима внѣ города такой способъ вовсе не былъ примѣненъ (см. ниже). Что же были за причины этому?

Во первыхъ, Римскіе водопроводы (особенно нѣкоторые позднѣйшіе, императорскіе)[3]) несли большое количество воды, каналы слѣдо-

---

[1]) Доколѣ этотъ сдѣлавшійся столь знаменитымъ городъ мы только будемъ называть неправильно „Помпея“, несмотря но благой примѣръ людей науки (гг. Модестова, Цвѣтаева и др.)?

[2]) О назначеніи этихъ столбовъ говоритъ Овербекъ (Pompeji, 3 изд. стр. 207 сл.): Der Zweck dieser localen Erhebungen ist ohne Zweifel den gar zu grossen Fall und Druck des Wassers auf die Röhren abzuschwächen.

[3]) Выше показано, какъ постепенно потребность въ водѣ въ Римѣ увеличивалась и что особенно въ императорское время ея требовалось очень

вательно должны были быть значительныхъ размѣровъ. Это весьма важно помнить для уясненія raison d'être обычнаго у Римлянъ способа веденія воды. Замѣчу впрочемъ тутъ же, что не слѣдуетъ представлять этихъ каналовъ очень большими; но и меньшіе изъ нихъ можно назвать большими сравнительно съ размѣрами водопроводныхъ трубъ. Это говорю въ виду одного свидѣтельства древности; именно Прокопій Кесарійскій говоритъ, что каналы водопроводовъ Рима такихъ размѣровъ, что въ нихъ можетъ двигаться всадникъ на лошади: εἰς τοσοῦτον εὔρους καὶ βάθους διήκοντες (sc. ὀχετοί), ὥστε ἀνθρώπῳ ἵππῳ ὀχουμένῳ ἐνταῦθα ἱππεύειν δυνατὰ εἶναι (Bell Coth., I, 19). Бунзенъ (Beschreib. R. I, 196) поэтому, говоря, что при громадной массѣ воды (ungeheuere Wassermasse), которую несли водопроводы Рима, свинцовыя трубы должны были быть непомѣрной толщины (die Bleiröhren hätten von unerschwinglicher Dicke sein müssen), поясняетъ: die Canäle haben oft über Mannes—, ja Reitershöhe (sic).

Уже давно Фабретти (стр. 145 назв. соч.), указалъ на преувеличеніе въ этихъ словахъ Прокопія [2]) и Ланчани, основательно изучившій остатки водопроводовъ Рима, подтверждаетъ мнѣніе Фабретти (стр. 185 выше привед. сочиненія).

Конечно, такое преувеличеніе у автора, бывшаго въ Римѣ, очень странно. Конечно, если бы слова Прокопія были буквально вѣрны или по крайней мѣрѣ съ небольшимъ ограниченіемъ, то они доказывали бы еще сильнѣе то, что достаточно впрочемъ подтверждается и размѣрами сохранившихся каналовъ. А изъ этихъ есть достигающіе 2,7 метра высо-

---

много. Въ это время, при высшемъ развитіи водопроводной техники и при наибольшей самостоятельности Римлянъ въ водопроводномъ дѣлѣ, мы скорѣе всего могли бы ожидать проведенія сифоннаго водопровода, но въ это же время какъ разъ устроены были и самые большіе водопроводы Рима (съ самыми большими каналами).

[1]) Бекеръ (Topogr. R., стр. 705) и Рейнъ (Pauly, Real-Encyclop., d. cl. Alt., I, стр. 1373 въ примѣчаніи) только проводятъ это мѣсто, не выражая сомнѣнія и вообще своего мнѣнія объ истинности словъ Пр. относительно размѣровъ каналовъ.

[2]) Specus aliarum sex, septemve pedum profunditatis, virum et equum (modo is equum loro apprehensum traxerit) aegre forsan admittebant; Juliae vero, ac Tepulae, latitudinis pedum duorum, profunditatis pedum trium ac semis, ne pygmaei quidem, arietis capraeve dorso insidentes, quales eos describit Plinius, capaces fuerunt.

ты и болѣе одного метра ширины, такъ что, хотя и не весь каналъ, какъ ниже увидимъ, занятъ былъ водою, но во всякомъ случаѣ, объемъ занятой водою части былъ иногда весьма значителенъ. Фронтинъ, (гл. 119), говоря о причинахъ поврежденія водопроводовъ, указываетъ между прочимъ и на тяжесть воды въ водопроводномъ каналѣ, которой де иногда не выдерживаютъ недостаточно прочные столбы построекъ: *Pilae quoque ipsae* tofo exstructae *sub tam magno onere labuntur.*

Далѣе, во-вторыхъ, длина водопроводныхъ каналовъ Рима была тоже очень значительна, какъ видно уже и изъ приведеннаго нами выше (о длинѣ всѣхъ водопроводовъ, а также о размѣрахъ каналовъ и количествѣ воды каждаго водопровода см. въ историческомъ очеркѣ отдѣльныхъ водопроводовъ).

Какъ же было вести эти большіе токи воды на большое разстояніе? О такихъ трубахъ, которыя бы равнялись каналамъ римскихъ водопроводовъ, какими ихъ представляетъ Прокопій, или большимъ изъ сохранившихся не могло быть и рѣчи; но и при гораздо меньшихъ каналахъ вести воду посредствомъ трубъ было по крайней мѣрѣ очень затруднительно. Конечно, на небольшой длинѣ водопровода большія металлическія трубы могли бы быть достаточными; если же длину водопровода положить въ пять разъ большую чѣмъ въ первомъ случаѣ, то воды притекало бы въ туже единицу времени въ пять разъ меньше, чѣмъ въ первомъ случаѣ, или трубы пришлось бы увеличить въ столько же разъ, а слѣдовательно и толщина ихъ должна была бы быть соотвѣтственно увеличена, чтобы онѣ могли выдерживать напоръ воды, или пришлось бы проложить нѣсколько трубъ. Но какія трубы были въ распоряженіи у Римлянъ? (О водопроводныхъ трубахъ еще будетъ рѣчь ниже; теперь приведемъ лишь самое главное и что существенно важно и для занимающаго насъ вопроса).

Намъ нужно знать, изъ чего Римляне дѣлали большія водопроводныя трубы и какія трубы употребляли они для сифоннаго веденія воды внѣ города. Для опредѣленія этого мы имѣемъ съ одной стороны остатки римскихъ сифонныхъ водопроводовъ и съ другой предписанія Витрувія относительно устройства такихъ водопроводовъ.

Римляне были очень искусны въ изготовленіи издѣлій изъ жженной глины (терракотты) и между прочимъ приготовляли изъ этого матерьяла также хорошія и значительныхъ размѣровъ водопроводныя и др. трубы (tubi fictiles). Плиній говоритъ о нихъ: „a fonte duci (aquam) fictili-

bus tubis utillissimum est"; но онъ же, какъ мы видѣли стр. 106, предписываетъ тамъ, гдѣ вода должна подыматься вверхъ, а слѣдовательно въ сифонномъ водопроводѣ и внѣ города, употреблять свинцовыя трубы. Но Витрувій говоритъ прямо объ употребленіи такихъ трубъ въ качествѣ водоподъемныхъ и въ сифонномъ водопроводѣ. Онъ указываетъ на tubuli какъ на болѣе дешевые (minore sumptu) сравнительно съ свинцовыми fistulae; онъ ихъ рекомендуетъ еще потому, что поврежденія въ нихъ легко можетъ исправить всякій, и потому, что вода, идущая по гончарнымъ трубамъ, болѣе здорова, чѣмъ та, которая идетъ въ свинцовыхъ: habent tubulorum ductiones ea commoda: primum in opere quod si quod vitium factum fuerit, quilibet id potest reficere. etiamque multo salubrior est ex tubulis aqua quam per fistulas, quod per plumbum videtur esse ideo vitiosa quod ex eo cerussa nascitur, haec autem dicitur esse nocens corporibus humanis.... itaque minime fistulis plumbeis aqua duci videtur, si volumus eam habere salubrem. Гончарныя же трубы находимъ и въ одномъ отчасти сохранившемся трубно-сифонномъ римскомъ водопроводѣ, именно водопроводѣ города Алетрія (Lanciani, назв. соч. стр. 345).

Но гончарныя трубы, какъ бы хорошо онѣ ни были изготовлены, все же недостаточно прочны, чтобы выдерживать большое давленіе [1]). Въ приведенномъ сейчасъ Алетрійскомъ водопроводѣ эти трубы, вѣроятно, находились не въ той части его, гдѣ былъ самый большій напоръ воды; кромѣ того они были вдѣланы въ очень толстый слой цемента.

Витрувій тоже предписываетъ части такихъ трубъ, выдерживающія наиболѣе давленія, укрѣплять разными способами (см. ниже). Діаметръ гончарныхъ трубъ Алетрійскаго водопровода равенъ 0,345 метра (толщина стѣнокъ 0,061), слѣдовательно ихъ вмѣстимость далеко меньше вмѣстимости каналовъ римскихъ водопроводовъ (срв. Marquardt, Privatleben, II, 620). Витрувій и за нимъ Плиній рекомендуютъ трубы гораздо мень-

---

[1]) Штукенбергъ, Устройство вод., стр. 172: „гончарныя трубы могутъ быть употреблены съ безопасностью только при незначительномъ давленіи, именно до 50 футовъ напора воды, и только тогда, если онѣ не попадаютъ подъ улицы, по которымъ производится значительная ѣзда, причиняющая сотрясеніе и поломку такихъ трубъ" и стр. 299: „главный ихъ недостатокъ для общаго примѣненія заключается въ томъ, что онѣ могутъ выдерживать только малый напоръ воды; поэтому ихъ употребляютъ преимущественно для спуска ненужной воды" и пр. См. Бунге, Химич. техн. воды, 104, а также ниже замѣчаніе Сальо.

шей толщины (ne minus duorum d'gitorum, binum digitorum, = 0,027 метра), а слѣдовательно и гораздо меньшаго діаметра, такъ что эти ихъ предписанія какъ равно и относительно свинцовыхъ не имѣютъ никакого значенія для водопроводовъ Рима.

Далѣе въ одномъ римскомъ сифонномъ водопроводѣ (города Патаръ) употреблены трубы, представляющія цѣльные каменные цилиндры (Saglio въ Diction. des ant., 341 Lanciani, 174 и 342). Такія трубы несомнѣнно могли быть очень прочны, гораздо прочнѣе предыдущихъ, и приготовленныя большихъ размѣровъ весьма бы годились и для сифоннаго водопровода; но сдѣлать ихъ изъ очень твердаго камня не легко сколько нибудь значительной длины, и особенно такія, которыя сколько нибудь приближались по размѣрамъ къ каналамъ водопроводовъ Рима. Витрувій говоритъ только о большихъ камняхъ, въ которые совѣтуетъ вдѣлывать гончарныя трубы сифоннаго водопровода въ извѣстныхъ мѣстахъ.

Въ литейномъ дѣлѣ древніе достигли удивительнаго совершенства; и въ Италіи оно стало извѣстно очень рано (Этруски) и у Римлянъ практиковалось всегда съ большимъ успѣхомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ особенно сохранившіяся донынѣ римскія литыя статуи и пр.,—по-истинѣ spirantia aera. Для литья статуй и многихъ другихъ предметовъ употреблялась главнымъ образомъ мѣдь, которую добывали въ нѣсколькихъ мѣстахъ и въ Италіи (о-въ Эльба) (Marquardt, Privatleben, II, 666 и 688. K. O. Müller, Handb. d. Archöol., § 306). Могли слѣдовательно Римляне тѣмъ болѣе отлить и большія водопроводныя трубы изъ мѣди. Въ упомянутомъ водопроводѣ города Алетрія были употреблены, полагаютъ, между прочимъ и мѣдныя трубы. Ланчани (стр. 345) полагаетъ, что, такъ какъ гончарныя трубы (о которыхъ мы уже упомянули) найдены 20 метровъ выше самаго низкаго мѣста сифона, то возможно, что часть его, находившаяяся подъ давленіемъ десяти атмосферъ (внѣ города), была сдѣлана изъ свинца или другаго какого металла болѣе крѣпкаго (fistulae soledae). И на стр. 190 онъ говоритъ вообще о мѣдныхъ трубахъ болѣе рѣшительно: „Изъ мѣди, кромѣ Фронтиновыхъ calices, дѣлались трубы назначенныя выдерживать высокое давленіе, каковы fistulae soledae (надписи), развѣтвленныя по городу Алатри Л. Ветиліеномъ Варомъ, нѣсколько кусковъ которыхъ найдено, какъ утверждаютъ, подъ домомъ Volpari“. Но больше примѣровъ употребленія мѣдныхъ трубъ въ римскихъ водопроводахъ не имѣется и теперь большія мѣдныя трубы для провода воды не употребляются. „Мѣдныя трубы (онѣ прочнѣе чугунныхъ), говоритъ

Штукенбергъ (назв. соч. стр. 297), дороги, а потому для провода воды употребляются рѣдко". Кромѣ того онѣ подвержены въ извѣстной мѣрѣ химическимъ поврежденіямъ.

Въ настоящее время для главныхъ проводовъ воды какъ внѣ города, такъ и въ городѣ большія трубы употребляются почти исключительно чугунныя. Желѣзо и чугунъ обходятся сравнительно дешево, имѣютъ значительную крѣпость (чугунныя водопроводныя трубы, какъ показалъ опытъ, могутъ служить болѣе 100 лѣтъ) и даютъ возможность изготовлять отдѣльныя звенья трубъ весьма значительной длины. И чугунъ (а еще болѣе желѣзо) покрывается ржавчиной и подвергается химическимъ измѣненіямъ отъ воды; но для устраненія этого чугунныя водопроводныя трубы покрываютъ подходящими составами, и во всякомъ случаѣ эти трубы для большихъ водопроводовъ донынѣ остаются самыми лучшими, незамѣнимыми вполнѣ ничѣмъ. (См. о чугунныхъ и др. водопроводныхъ трубахъ Штукенбергъ, стр. 167 и сл. и Н. Бунге, указ. соч. стр. 105 и сл.).

Но *у древнихъ Римлянъ не было чугунныхъ водопроводныхъ трубъ*; и на это обстоятельство намъ слѣдуетъ обратить также особенное вниманіе. Литье изъ чугуна было въ древности по нѣкоторымъ причинамъ рѣдко (K. O. Müller, Handb. d. Arch., § 307 [1]) Marquardt, Privatleben, II, 668).

Замѣтимъ здѣсь также, что даже самыхъ большихъ чугунныхъ водопроводныхъ трубъ, употребляемыхъ теперь, потребовалось бы по нѣсколько для замѣны большихъ каменныхъ каналовъ водопроводовъ. Въ новомъ Марціевомъ водопроводѣ Рима, устроенномъ въ послѣднее время, внутренній діаметръ чугунныхъ трубъ сифона равенъ шестидесяти сантиметрамъ; легко опредѣлить, сколько нужно такихъ трубъ для замѣны канала Новаго Аніена, высота коего, какъ мы выше видѣли, болѣе двухъ метровъ, а ширина болѣе полтора метра! Этотъ водопроводъ изъ всѣхъ Римскихъ имѣлъ наибольшій каналъ; но и каналы нѣкоторыхъ другихъ нѣсколько подходятъ по размѣрамъ къ каналу этого водопровода.

Наиболѣе употребительныя металлическія водопроводныя трубы у Римлянъ были свинцовыя (fistulae plumbeae, plumbatae).

---

[1]) Mit Eisen machte man mehr Versuche, als dass man es mit Erfolg und dauernd zu Werken der bildenden Kunst angewandt hätte, da das für den Guss geeignete Roheisen im Alterthum ungewöhnlich war.

Трубы изъ этого матерьяла представляютъ многія удобства; онѣ могутъ быть изготовляемы значительной длины и „при своей легкой сгибаемости могутъ быть удобно прокладываемы по всѣмъ направленіямъ, безъ всякаго усилія; соединеніе ихъ также очень просто.... Затѣмъ, при свинцовыхъ трубахъ боковыя отводныя трубы приставляются очень скоро и съ малымъ трудомъ, а равно и исправленіе въ нихъ всякихъ случайныхъ поврежденій весьма легко, не трогая трубъ съ мѣста; кромѣ того свинцовыя трубы дешевле и мало подвержены стиранію. Относительно прочности, даже впродолженіе столѣтій, составъ свинцовыхъ трубъ, находящихся въ землѣ и на воздухѣ, мало измѣняется, такъ что свинецъ въ нихъ сохраняетъ всегда свою цѣну, которая немного удаляется отъ стоимости самихъ трубъ. На воздухѣ свинецъ окисляется быстро, причемъ на его поверхнотти образуется матовый сѣрый покровъ, предохраняющій свинецъ отъ дальнѣйшаго окисленія". (Штукенбергъ, назв. соч. стр. 298).

Мы видѣли, что Витрувій (и Плиній) не совѣтуетъ употреблять для проведенія воды свинцовыя трубы вслѣдствіе ихъ вреднаго дѣйствія на воду[1]). Насколько же дѣйствительно эти трубы подвергаются химическимъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ естественныхъ водъ и вліяютъ на качество проводимой посредствомъ ихъ воды? Этотъ вопросъ вызывалъ многочисленныя изслѣдованія въ виду ядовитости свинцовыхъ соединеній.

Штукенбергъ (стр. 298) говоритъ: „внутри свинцовыя трубы окисляются только насчетъ находящагося въ водѣ кислорода. Жесткая вода, заключающая въ себѣ растворенную углекислую известь и также углекислоту, замѣтно на свинецъ не дѣйствуетъ и во всякомъ случаѣ не въ такой степени, чтобы дѣлать воду вредною для здоровья; но дождевая вода и вообще мягкая, не содержащая солей или очень мало, напротивъ дѣйствуетъ сильно, такъ какъ она содержитъ въ себѣ болѣе кислорода. Поэтому при употребленіи свинцовыхъ трубъ для провода воды нельзя опасаться вредныхъ послѣдствій для здоровья, если только вода въ трубахъ не застаивается и не находится въ соприкосновеніи съ воздухомъ". Такимъ образомъ видимъ, что замѣчаніе Витрувія слишкомъ обще и постольку невѣрно. Бунге (Техн. воды, стр. 106) говоритъ: „свинцовыя

[1]) О вредномъ дѣйствіи свинца на воду В. заключаетъ изъ того, что лица занимающіяся литьемъ изъ свинца (plumbarii) palloribus occupatos habent corporis colores.

трубы могутъ быть употребляемы безъ вреда для провода водъ, содержащихъ мало азотнокислыхъ солей и органическихъ веществъ и много двууглекислыхъ земель, такъ какъ подобныя воды растворяютъ только очень небольшія количества свинца, которыя не могутъ оказывать вреднаго вліянія на здоровье. Такъ какъ однако до настоящаго времени не опредѣлено съ достаточною точностью, при такомъ относительномъ содержаніи солей въ водѣ употребленіе свинцовыхъ трубъ безвредно, то для каждаго отдѣльнаго случая необходимо опредѣлить растворяющее дѣйствіе воды на свинецъ рядомъ тщательныхъ опытовъ (въ примѣч. авторъ указываетъ самый простой опытъ: „Для воды, въ которой полированная пластинка въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не измѣняется, можно безъ вреда употреблять свинцовыя трубы). Во всякомъ случаѣ, при употребленіи свинцовыхъ трубъ, нужно заботиться о томъ, чтобы трубы были всегда наполнены водою и чтобы вода въ нихъ не застаивалась и пр.“.

Итакъ во всякомъ случаѣ свойство свинца подвергаться дѣйствію нѣкоторыхъ водъ составляетъ неудобство этого матерьяла для водопроводныхъ трубъ. Штукенбергъ (стр. 299) совѣтуетъ въ случаяхъ, когда гдѣ (онъ въ частности говоритъ о Россіи) не дѣлается точнаго химическаго изслѣдованія состава воды для водопровода, не употреблять свинцовыхъ трубъ для избѣжанія вредныхъ для здоровья послѣдствій, именно въ тѣхъ частяхъ домовыхъ водопроводовъ, гдѣ вода назначается для употребленія въ питье и пищу.

Гдѣ бы вода, по изслѣдованію, могла портиться отъ свинца, внутренность свинцовыхъ трубъ покрываютъ тоже нерастворимыми для воды составами. (Штук., 298). Но все же въ иныхъ случаяхъ свинцовыя трубы и въ гигіеническомъ отношеніи могутъ быть употреблены безопасно для провода воды и для питья и пищи; а такъ какъ кромѣ этого съ другой стороны свинецъ для водопроводныхъ трубъ представляетъ указанныя выше удобства, а также такъ какъ кромѣ того не было напр. водопроводныхъ желѣзныхъ и чугунныхъ трубъ, то становится совершенно понятнымъ то обстоятельство, что древніе Римляне употребляли весьма часто свинцовыя трубы для своихъ водопроводовъ въ водоснабженіи, такъ что приведенное мнѣніе Витрувія о вредномъ ихъ дѣйствіи на воду, по видимому, далеко не было общимъ, а напротивъ скорѣе мнѣніе одного или нѣсколькихъ спеціалистовъ; да и Витрувій сначала говоритъ о водопроводѣ съ свинцовыми трубами и предписываетъ ихъ размѣры и пр., а потомъ о водопроводѣ съ гончарными трубами, и самыя его слова,

необходимость объясненія вредности свинца [1]) показываютъ, что обычная практика имъ не соотвѣтствовала. Эти трубы находимъ въ различныхъ частяхъ Италіи и имперіи въ большомъ количествѣ и разнаго времени. Витрувій, Фронтинъ, Плиній и не говорятъ о другихъ металлическихъ водопроводныхъ трубахъ, такъ что у нихъ иногда слово fistula употребляется вмѣсто fistula plumbea. (См. приведенное мѣсто Витрувія на стр. 110, также Ланч., стр. 190).

Въ виду несомнѣнно распространеннаго употребленія Римлянами свинцовыхъ трубъ въ водопроводахъ вопросъ о томъ, насколько они въ разныхъ случаяхъ и въ разное время констатировали и сознавали вредное дѣйствіе свинца на воду, не имѣетъ существеннаго значенія въ извѣстномъ отношеніи (въ выборѣ этихъ трубъ), но, конечно, весьма бы важно было знать, насколько эти трубы, играющія такую важную роль въ ихъ водоснабженіи, были безвредны въ водопроводахъ Рима, и приведенные нами выше выводы современной науки относительно дѣйствія свинцовыхъ трубъ на воду при сопоставленіи съ извѣстными данными о составѣ воды этихъ водопроводовъ, можетъ быть, будутъ въ этомъ отношеніи поучительны [2]); интересно также знать, употребляли ли Римляне что нибудь для устраненія неудобства свинцовыхъ трубъ для провода воды, указываемаго Витрувіемъ; Ланчани нигдѣ не говоритъ объ этомъ (хотя слова Витрувія должны были бы дать поводъ къ этому) и изъ его молчанія объ этомъ я заключаю, что нигдѣ ничего такого не констатировано; и Витрувій говоритъ: itaque minime fistulis plumbeis aqua duci videtur, si volumus eam habere salubrem т. е. совсѣмъ не совѣтуетъ употреблять свинцовыхъ трубъ, имѣющихъ однако свои преимущества, а не предлагаетъ никакого средства къ устраненію ихъ недостатковъ,—конечно, не

---

[1]) VIII, haec (cerussa) autem dicitur esse nocens corporibus humanis. ita quod ex eo procreatur si id est vitiosum, non est dubium, quin ipsum quoque non sit salubre. exemplar autem ab artificibus plumbariis possumus accipere, quod palloribus occupatos habent corporis colores и пр.

[2]) Ланчани не касается этого вопроса; сказавъ (стр. 187), что остатковъ гончарныхъ трубъ сохранилось много, но что онѣ по видимому употреблялись только для цѣлей орошенія и под., (хотя (говоритъ) Плиній и Витрувій очень рекомендуютъ ихъ для провода воды для пищи и питья) приводитъ извѣстныя вѣста этихъ писателей, не комментируя ихъ. Насколько мнѣніе Витрувія мѣрно и насколько вообще свинцовыя трубы могутъ быть вредны, онъ ничего не говоритъ.

имѣя таковаго. Отсутствіе болѣе или менѣе вѣрныхъ средствъ для устраненія под. неудобствъ, представляемыхъ вообще металлическими водопроводными трубами, конечно, могло вести къ замѣнѣ ихъ неметаллическими трубами или каменными каналами по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ первыхъ не было такой необходимости, какъ при распредѣленіи воды въ городѣ, а употребленіе послѣднихъ вызывалось кромѣ этого и другими соображеніями.

Но во всѣхъ ли частяхъ водопроводовъ Римляне употребляли свинцовыя трубы? употребляли ли они свинецъ для большихъ водопроводныхъ трубъ и—это особенно важно для нашего вопроса—при большомъ давленіи воды? Послѣ всего сказаннаго, такъ какъ эти трубы вообще для провода воды употреблялись и представляли даже несомнѣнныя выгоды, то ясно, что это зависѣло уже главнымъ образомъ отъ того, насколько свинцовыя трубы прочны и именно насколько онѣ могутъ выдерживать давленіе воды. Какова же ихъ прочность?

Прочность въ этомъ отношеніи свинцовыхъ трубъ менѣе (значительно) прочности желѣзныхъ, менѣе также прочности и мѣдныхъ. Изъ таблицы у Штукенберга на стр. 177 выходитъ, что при одинаковомъ давленіи (именно 10 атмосферъ) толщина стѣнокъ футовой свинцовой трубы должна быть равна 0,48 дюйма, а чугунной такого-же діаметра—0,60. Такъ какъ желѣзныя и мѣдныя водопроводныя трубы у Римлянъ не употреблялись, то выходитъ, что изъ всѣхъ бывшихъ у нихъ въ употребленіи свинцовыя занимаютъ по прочности первое мѣсто. (Срвн. однако слова Сальо въ Diction. des ant, стр. 341) [1]). Мы видимъ, что стѣнки ихъ должны быть такія же почти, какъ чугунныхъ, и слѣдовательно въ трубахъ большаго калибра для сифона должны быть весьма значительной толщины, такъ что—свинецъ дороже чугуна и желѣза—онѣ не были самыми дешевыми (Витрувій, переходя отъ свинцовыхъ трубъ къ другимъ, говоритъ: Sin antem minore sumptu voluerimus и пр.). Свинецъ сравнительно мягокъ и легкая сгибаемость его, представляющая выгоды при трубахъ малаго калибра, представляетъ неудобства при большихъ (свин-

---

[1]) Vitruve ne conseille les aqueducts de ce genre (сифонныхъ) qu' avec l'emploi de tuyaux en plombe ou en poterie. Ils ne pouvaient recevoir d'ailleurs une grande quantité d'eau: autrement la force d'impulsion eût tout rompu, quelle qu' eût été la résistance des conduitis.

цовыя трубы легко пробить напр. гвоздемъ и тонкія даже прогрызываютъ крысы).

Для насъ важно во всякомъ случаѣ констатировать, что въ настоящее время свинцовыя трубы употребляются только небольшого размѣра для провода воды въ домахъ и под.[1]); и мы находимъ, что и у древнихъ Римлянъ онѣ употреблялись преимущественно въ городской части водопровода и тутъ главнымъ образомъ какъ трубы малыхъ размѣровъ. Но по недостатку другого болѣе подходящаго матерьяла для трубъ и большія водоразводныя трубы въ городѣ для распредѣленія воды дѣлались тоже изъ свинца, а также и большія трубы, употреблявшіяся для провода воды отъ источника къ городу и иногда и въ трубно-сифонномъ водопроводѣ.

Вотъ примѣры большихъ свинцовыхъ водопроводныхъ трубъ въ Римѣ: Ланчани (стр. 165) приводитъ со словъ одного прежняго писателя найденную у Рима свинцовую трубу, шириною въ 0,669 метра (3 palmi), изъ которой получено было болѣе 40 фунтовъ свинца. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 127) тотъ же писатель приводитъ найденный въ Римѣ на Марсовомъ полѣ „un enorme sifone"; Донати, писатель 17 вѣка, такъ описываетъ его: cum templi Ignatiani (S. Ignazio) fundamenta egererentur, immanis fistula est inventa, quinguaginta palmos sub terram defossa lato hiantique, qualis majorum bombardarum exstrinsecus solet esse, tubo[2]).

Витрувій (VIII, 7) говоритъ объ устройствѣ водопроводовъ съ свинцовыми трубами, при чемъ, гдѣ требуется, и сифонное веденіе внѣ города устраивается посредствомъ такихъ же трубъ[3]). Свинцовыя же трубы были употреблены въ сифонной части внѣ города Ліонскаго водопровода, который Ланчани называетъ stupenda creazione idraulica (Lanc., стр. 342). (Срв. привед. на стр. 111 слова этого же писателя объ Алетрійскомъ водопроводѣ).

---

[1]) Бунге, стр. 105: „въ настоящее время широкія трубы дѣлаются почти исключительно изъ чугуна, а узкія—изъ желѣза и свинца.... Для трубъ маленькаго калибра свинецъ еще болѣе пригоденъ чѣмъ желѣзо, такъ какъ матерьялъ этотъ обладаетъ значительною гибкостью и изъ него могутъ быть изготовляемы трубы любой длины, прочность которыхъ впрочемъ значительно меньше желѣзныхъ. Ср. стр. 112 н. ст.

[2]) Front., De aqu., ed. Poleni, стр. 73.

[3]) Въ приводимой у Ланчани (стр. 378) надписи, касающейся одного провинціальнаго водопровода, говорится: per quae (мѣста) aqua ducta est per latitudinum structuris pedem decem, fistulis per latitudinem pedes sex.

Изъ приведеннаго нами относительно водопроводныхъ трубъ, бывшихъ въ употребленіи у древнихъ Римлянъ, выходитъ, что у нихъ не было тѣхъ большихъ трубъ, которыя теперь вслѣдствіе дешевизны и прочности признаются самыми удобными и суть наиболѣе употребительныя для провода воды въ значительпомъ количествѣ и при значительномъ давленіи, слѣдовательно они въ отношсніи выбора трубъ для своихъ водопроводовъ были въ худшемъ положеніи сравнительно съ новымъ временемъ.

Нѣкоторое значеніе на выборъ ими для провода (большой массы) воды каменныхъ каналовъ должно было имѣть и это обстоятельство; но само по себѣ не было момептомъ рѣшающимъ, недостатокъ у Римлянъ другихъ трубъ кромѣ бывшихъ у нихъ въ употреблевіи самъ по себѣ не опредѣлялъ способа веденія воды, употребленнаго въ водопроводахъ Рима. Сифонное веденіе практиковалось Римлянами и внѣ городовъ для привода значительнаго количества воды. Такъ какъ и высокія яркады и под. стоили дорого, то, хотя бы и сифонное веденіе тоже требовало большихъ затратъ, они бы устроили его, если бы только оно наиболѣе соотвѣтствовало цѣли, они бы несомнѣнно и въ водопроводахъ Рима, гдѣ требовался сифонъ [1]), могли употребить большія трубы изъ бывшаго у нихъ матерьяла, напр. проложить по нѣскольку большихъ и толстыхъ свинцовыхъ трубъ (для большихъ Римскихъ водопроводовъ требовалось именно по нѣскольку трубъ).

Но при другихъ условіяхъ и названное обстоятельство получало больше значенія при выборѣ способа веденія воды.

Вообще важно было то, что Римляне не могли устроить трубъ, равныхъ по размѣрамъ ихъ водопроводнымъ каналамъ (какъ и теперь, конечно, нигдѣ такія не употребляются). Нѣсколько трубъ, хотя бы онѣ и были достаточны для проведенія значительнаго количества воды, все таки

---

[1]) Теперь обыкновенно сифономъ (σίφων труба) называется небольшая согнутая стеклянная или металическая труба, служащая для переливанія жидкости изъ одного сосуда въ другой, ниже находящіяся или съ нисшимъ уровнемъ жидкости, не трогая съ мѣста самаго сосуда (изобрѣтена по греческимъ преданіямъ Герономъ). Здѣсь у насъ сифонъ (сифонная труба) означаетъ кривую водоподъемную трубу съ кривизною обращенною внизъ, такъ что эта труба по отношенію къ предыдущей трубкѣ, есть какъ бы опрокинутый сифонъ, siphon renversé, sifone rovescio). У Грековъ и Римлянъ этимъ же словомъ обозначается обыкновенный прямой ливеръ, а также насосъ и пожарная труба.

очень невелики сравнительно съ каналами, чтобы не представлять значительныхъ неудобствъ въ другихъ отношеніяхъ, особенно если онѣ сифоны. Итакъ какія бы трубы водопроводныя у Римлянъ ни употреблялись, вообще трубы (устраиваемыя только ограниченныхъ размѣровъ) и трубы —сифоны въ ихъ водопроводахъ представляли бы неудобства; и это еще большее значеніе должно было имѣть для нихъ потому, что они какъ сказано въ отношеніи трубъ какъ матерьяла для нихъ, такъ и вообще всей техники сифоннаго веденія воды были въ худшемъ положеніи сравнительно со строителями такихъ водопроводовъ въ настоящее время.

При устройствѣ водопровода всегда, разумѣется, принимается въ расчетъ не только то, во что обходится постройка его, но также и то, насколько часто и какія возможны будутъ въ немъ поврежденія и какъ легко будетъ ихъ исправлять, вообще что будетъ стоить, насколько легко будетъ содержаніе водопровода всегда въ надлежащемъ состояніи, чтобы не было уменьшенія тока воды и частыхъ остановокъ въ водоснабженіи. Это содержаніе всякаго водопровода въ исправности вслѣдствіе его назначенія представляется дѣломъ весьма важнымъ и содержаніе въ исправности столь многихъ водопроводовъ Рима при ихъ значительной длинѣ и слѣдовательно отдаленности нѣкоторыхъ частей отъ города составляло не только дѣло первостепенной важности, но и очень трудное. Естественно поэтому предположить, что Римлянами, когда они уже знали употребленіе сифонныхъ трубъ, избирался такой способъ веденія воды, который наименѣе затруднялъ содержаніе ихъ водопроводовъ въ надлежащемъ состояніи (tutela ductuum).

Оставляя пока въ сторонѣ техническія трудности, представляемыя сифоннымъ водопроводомъ, и другія поврежденія трубъ, имѣющія мѣсто главнымъ образомъ въ трубномъ и трубно-сифонномъ водопроводѣ, мы остановимся на другомъ важномъ для tutela ductuum вопросѣ о засоряемости трубъ и каналовъ, слѣдствіяхъ этого и устраненія ихъ, удобоочищаемости каналовъ и трубъ.

Очевидно, что всякія водопроводныя трубы, даже большія (а тѣмъ болѣе небольшихъ размѣровъ), даже съ особыми для того приспособленіями представляютъ неудобства для тщательной очистки ихъ, если только есть условія, способствующія ихъ засоренію [1]). Засореніе же всякаго рода, осо-

---

[1]) Штукенбергъ (стр. 140) совѣтуетъ въ случаяхъ, гдѣ водопроводныя трубы могутъ значительно засариваться отъ плотныхъ наростовъ въ нихъ, въ

бенно плотныя и пристающія къ стѣнкамъ, нарушаютъ регулярное теченіе воды, именно производятъ съуженіе проходовъ въ трубахъ, иногда очень значительно, и тѣмъ уменьшаютъ количество притекающей по нимъ воды. А каменный или кирпичный каналъ можетъ быть устроенъ довольно прочный и любой величины и вслѣдствіе большаго размѣра вполнѣ удобоочищаемый. При томъ же вслѣдствіе того же самаго въ каменныхъ каналахъ и засоренія, наросты не могутъ уменьшать столба воды, такъ какъ такой каналъ никогда не бываетъ занятъ весь водою, но верхняя часть его остается свободною (и часть трубы (но не сифонной) могла бы быть не занята водою; но кромѣ ограниченнаго размѣра трубъ это неудобно еще тѣмъ, что воздухъ, освѣжающій воду, можетъ дѣйствовать вредно напр. на свинцовую трубу (ср. слова Штук. на стр. 113). Поэтому, если гдѣ употреблялись каменные каналы, мы должны разсмотрѣть, не вліяло ли это обстоятельство, именно возможность засореній трубъ и каналовъ вообще и удобоочищаемость послѣднихъ на выборъ ихъ для веденія воды.

Итакъ мы должны разсмотрѣть, какія въ водопроводахъ Рима были условія для засоренія трубъ и каналовъ и въ какой мѣрѣ, и, слѣдовательно, насколько этотъ моментъ имѣетъ значеніе въ нашемъ вопросѣ.

Засореніе водопроводныхъ трубъ и каналовъ можетъ происходить или отъ механическихъ примѣсей въ водѣ водопровода (образующихъ осадки въ видѣ рыхлаго ила, мягкой массы) или отъ минеральныхъ веществъ, содержащихся въ ней въ растворѣ, которыя осаждаются въ трубахъ и каналахъ и образуютъ плотныя отложенья, пристающія къ стѣнкамъ трубъ и каналовъ въ видѣ каменныхъ наростовъ. Сначала скажемъ нѣсколько словъ о засореньяхъ перваго рода въ водопроводахъ Рима.

Уменьшеніе дѣйствія обѣихъ названныхъ причинъ засоренія трубъ и каналовъ, конечно, устраняется въ извѣстной мѣрѣ очисткою воды при началѣ водопроводовъ. Римляне производили очистку воды для водопроводовъ несомнѣнно; но только механическую и то только въ отстойныхъ водоемахъ (piscinae limariae) частью при началѣ водопроводовъ [1]), частью

виду недостаточности очистки, дѣлать трубы бо́льшаго размѣра, чѣмъ какія требуются сначала.

[1]) Фронт., гл. 15: Anio Novus.... limosus et turbulentus fluit: ideoque faucibus ductus interposita est piscina limaria, ubi inter amnem et specum (водопровода) consisteret et liquaretur aqua. Sic quoque, quotiens imbres superveniunt, turbida pervenit in urbem.

на пути и особенно близъ Рима (мѣсто называвшееся Piscinae) [1]. Уже a priori, по общимъ соображеніямъ можно утверждать, что средствъ для очистки большихъ массъ воды, въ томъ числѣ и механическихъ (фильтраціи) было гораздо меньше у Римлянъ сравнительно съ тѣмъ, сколько предложено и отчасти употребляется ихъ теперь (См. Бунге, Техн. воды, стр. 59).

Авторы говорятъ при водопроводахъ только объ упомянутыхъ отстойныхъ бассейнахъ и под., слѣдовательно о самомъ элементарномъ водоочищеніи. Механическія примѣси осаждались болѣе или менѣе въ этихъ piscinae (болѣе о нихъ будетъ сказано ниже); но мы слышимъ, что вода нѣкоторыхъ водопроводовъ доходила въ Римъ и съ такими примѣсями, что вода изъ нѣкоторыхъ поэтому, при обиліи лучшей воды, употреблялась для нуждъ орошенія и под. (вода Альзіетскаго водопровода уже сначала не назначалась для употребленія въ питье и пищу). Водопроводы, бравшіе исключительно или отчасти воду изъ рѣки Аніена, часто несли воду мутную; Фронтинъ (гл. 90) говоритъ о нихъ: Duae aquae Anienis minus permanent limpidae; nam sumuntur ex flumine (см. конецъ привед. въ прим. мѣсто гл. 15). Онъ же, говоря, объ улучшеніи воды нѣкоторыхъ водопроводовъ при Нервѣ, восклицаетъ (гл. 89): (Etenim) quando civitas, nostra, cum vel exigui imbres supervenerant, non turbulentas limosasque aquas habuit? (срв. его же гл. 122 привед. ниже). Два водопровода, Аппіевъ и Дѣвы, не имѣли даже вовсе и отстойныхъ бассейновъ, по крайней мѣрѣ во время Фронтина, который (гл. 22) говоритъ: Nec Virgo nec Appia... conceptacula id est piscinas habet. А объ этихъ водопроводахъ англійскій археологъ Паркеръ говоритъ (The Aqueducts, Description of Plate XXI): „Нѣкоторые изъ нихъ (водопроводныхъ каналовъ, specus), которые начинались въ глинистомъ грунтѣ, какъ водопроводовъ Аппіеваго и Virgo, могли засариваться вслѣдствіе большаго количества осадковъ которые оставляла вода, и необходимо было ихъ отъ времени до времени прочищать, какъ и теперь это дѣлается съ каналомъ водопровода Virgo, называемаго нынѣ Acqua di Trevi“. О послѣднемъ водопроводѣ Фабретти (De aqu., стр. 124) говоритъ: et hic Romae, sub Pincio colle, aquam Virginem parum diverse limum, sordes-

---

[1] Фронт., 19: Ex his (водопр.) sex via Latina, intra VII. milliarium, contectis piscinis excipiuntur, ubi quasi respirante rivorum cursu limum deponunt.

que olim deposuisse ex peritis accepimus (именно въ писцинѣ сохранившейся доселѣ въ названномъ холмѣ,—такъ что она, вѣроятно, была устроена послѣ Фронтина). Итакъ видимъ, что механическая очистка воды посредствомъ отстаиванія при началѣ водопровода вовсе не было или не было удовлетворительной и во всякомъ случаѣ вода даже въ Римъ могла доходить мутною.

Гораздо труднѣе чѣмъ отъ механическихъ примѣсей, очищать воду, особенно въ большомъ количествѣ, отъ содержащихся въ ней органическихъ веществъ и растворенныхъ въ ней минеральныхъ примѣсей. Эти элементы удаляются изъ воды или тоже посредствомъ механическаго очищенія (фильтрованія посредствомъ пропусканія черезъ песокъ, уголь, волосъ и т. п.) или физическаго [1]) или наконецъ химическаго. Если бы у Римлянъ и были совершенные способы очищать хорошо такую массу воды, какая поступала въ ихъ водопроводы, то это требовало бы большихъ затратъ; но такой основательной очистки воды ихъ водопроводовъ и отъ этихъ примѣсей тѣмъ болѣе у нихъ не было, да и не было имъ въ этомъ надобности, напротивъ, какъ оказывается, сильная очистка воды ихъ водопроводовъ могла ухудшать ее. Дѣло въ томъ, что основательная очистка (большой массы) воды, представляя большія затрудненія, при этомъ не во всѣхъ отношеніяхъ и полезна. Если принять во вниманіе, говоритъ Бунге (Техн. стр. 60), что фильтрованіе большихъ массъ воды трудно вести съ одинаковою правильностью, и что *при фильтрованіи вода лишается свѣжести и газовъ* [2]), то вышеприведенное мнѣніе (именно, что фильтрованіе не можетъ вполнѣ очистить воду, содержащую много ораническихъ веществъ и сдѣлать ее годною для питья) пріобрѣтаетъ еще большее значеніе. Въ виду этого въ настоящее время для доставленія жителямъ хорошей воды стараются

---

[1]) Физическіе способы очистки т. е. посредствомъ перегонки и заморо-живанія не имѣютъ значенія для очистки большаго количества воды (замораживаніе возможно только въ холодномъ климатѣ и употребляется только для добыванія соли. Римляне, конечно, тоже очищали воду въ небольшихъ размѣрахъ (въ городѣ) отъ минеральныхъ веществъ физическимъ способомъ, именно кипяченіемъ. Всего менѣе можетъ быть здѣсь рѣчь объ очищеніи воды для водопроводовъ химическими способами.

[2]) Курсивы въ приводимыхъ въ нашей статьѣ цитатахъ принадлежатъ вообще намъ.

снабжать города не фильтрованною рѣчною водою, а ключевою водою. Но Римляне давно уже прибѣгали именно къ этому, и поэтому имъ заботиться объ очищеніи воды отъ органическихъ примѣсей (а это самое важное) вообще не было необходимости, а слѣдовательно не было главной причины устраивать тщательное водоочищеніе. Много уже и то значило, что Римъ получалъ въ большомъ количествѣ воду вообще безъ органическихъ примѣсей и холодную изъ источниковъ или верхней части рѣки, хотя бы и съ нѣкоторыми минеральными примѣсями, получалъ во всякомъ случаѣ такую воду, какую пили Сабинскіе горцы.....

Итакъ и трудно вообще удалять изъ воды въ большомъ количествѣ минеральныя примѣси изъ большаго количества воды, и Римляне не дѣлали этого, слѣдовательно эти примѣси могли осаждаться въ трубахъ и каналахъ водопроводовъ. Это уже не представляетъ для насъ теперь гигіеническаго интереса, а главнымъ образомъ только такъ сказать техническій.

Какими же были воды водопроводовъ Рима по характеру и количеству разстворенныхъ въ нихъ плотныхъ минеральныхъ веществъ, могшихъ образовать въ ихъ каналахъ плотныя отложенія и наросты?

Вода отдѣльныхъ рѣкъ и источниковъ неодинакова по характеру и количеству содержащихся въ нихъ въ растворѣ минеральныхъ примѣсей, но въ ключевыхъ водахъ ихъ вообще бываетъ больше чѣмъ въ рѣчной (Невская вода напр. ихъ почти не имѣетъ, Бунге) [1].

---

[1]) Штукенбергъ, стр. 7, сказавъ, что вода, просачиваясь въ землю, освобождается отъ увлеченныхъ съ поверхности земли нечистотъ и пр. и подвергается какъ бы естественному фильтрованію, продолжаетъ: „за то она поглощаетъ изъ водоносныхъ, протекаемыхъ ею пластовъ, другія растворимыя вещества. Поэтому свойство воды обусловливается образованіемъ почвы, пластовъ земли и каменныхъ породъ, съ которыми она приходитъ въ соприкосновеніе; вліяніе это бываетъ сильнѣе при родниковой и вообще подземной водѣ вслѣдствіе ея медленнаго движенія и подъ большимъ давленіемъ, нежели въ видимыхъ потокахъ. Такимъ образомъ вода растворяетъ гипсъ, а когда содержитъ углекислоту, то на счетъ ея поглощаетъ известь... Отъ этого происходитъ, что вода подземныхъ источниковъ, образуемая дождевыми и снѣговыми водами, которыя химически почти чисты, проявляется всегда болѣе или менѣе измѣненною.

Намъ нужно теперь знать минеральныя примѣси водъ, питавшихъ водопроводы древняго Рима; здѣсь слѣдовательно мы должны имѣть дѣло и съ водою источниковъ и рѣки, именно источниками разныхъ мѣстъ и рѣки Аніена. Мы и приведемъ данныя относительъо минеральныхъ примѣсей этихъ источниковъ водъ, и, такъ какъ это обстоятельство обусловливало засореніе водопроводныхъ путей и могло имѣть вслѣдствіе этого, какъ мы предположили, нѣкоторое значеніе при выборѣ способа веденія воды въ Римъ или по крайней мѣрѣ оправдывать его, и такъ какъ намъ пришлось бы объ этомъ говорить еще ниже, какъ важномъ и въ другихъ отношеніяхъ, именно для характеристики воды отдѣльныхъ водопроводовъ и имѣвшемъ важное значеніе въ tutela ductuum, то мы, чтобы не возвращаться болѣе къ этому, поговоримъ объ этомъ обстоятельнѣе, приведемъ всѣ доступныя намъ интересныя и достовѣрныя данныя,—а въ таковыхъ, къ счастью, нѣтъ недостатка,—относительно этого предмета, причемъ придется вмѣстѣ привести и нѣкоторыя другія свѣдѣнія относительно водопроводныхъ каналовъ.

И вода отдѣльныхъ водопроводовъ Рима тоже представляетъ нѣкоторыя различія въ отношеніи содержанія въ растворѣ минеральныхъ веществъ; большинство изъ нихъ представляются очень замѣчательными въ этомъ отношеніи.

Фронтинъ (гл. 122), гдѣ рѣчь идетъ вообще о tutela ductuum всѣхъ его времени, не называя ни одного водопровода въ частности, говоритъ о поврежденіяхъ и починкахъ въ срединѣ водопроводнаго русла (in ipso alveo) и указываетъ именно на порчу штукатурки стѣнокъ его (tectoria corrumputur) и образованіе отъ этого течи въ каналѣ (manationes, quibus necesse est latera rivorum substructiones vitiari), а также и на съуженіе канала отъ засоренія, иногда образовавшаго каменную кору: (Haec duplici ex causa nascuntur:) aut enim *limo concrescente, qui interdum in crustam indurescit, iter aquae coartatur* и пр. Къ этому прямому свидѣтельству древняго автора присоединяются особенно многочисленныя данныя о томъ же предметѣ, добытыя въ новое время при обслѣдованіи водопроводныхъ путей и пр.

Громадную массу воды несли Риму водопроводы, начинавшіеся въ области Сабинскихъ горъ какъ изъ источниковъ, такъ и изъ Аніена, водопроводы восточной стороны, составлявшіе особую топографическую группу. Кромѣ того, что нѣкоторые изъ этихъ водопроводовъ, какъ мы

видѣли, несли воду съ обильными механическими примѣсями (оба Аніена), вода почти всѣхъ ихъ содержала въ значительной мѣрѣ и минеральныя примѣси въ растворѣ.

Воды, вытекавшія изъ известковыхъ Апеннинъ въ древнѣйшій періодъ, именно древне-наносный (аллювіальный) содержали въ себѣ очень много извести въ растворенномъ видѣ, такъ какъ содержали также много углекислоты (изъ внутренности горъ). Вѣдь, какъ извѣстно, (ср. слова Штук. на стр. 1—122) только вода, содержащая свободную углекислоту, можетъ растворять въ себѣ известь и содержать ее въ себѣ въ такомъ видѣ. Но при выходѣ изъ горной области, какъ бываетъ у подошвы всѣхъ вообще известковыхъ горъ, известь постепенно осаждалась, такъ какъ этому способствовало болѣе медленное теченіе воды, большее соприкосновеніе ея съ атмосфернымъ воздухомъ и уменьшеніе давленія. При уменьшеніи давленія на воду большое количество углекислоты уже не могло держаться въ ней въ растворѣ и она выдѣлялась (чему способствовали еще иногда водяныя растенія, притягивающія къ себѣ этотъ элементъ, и треніе у береговъ); тогда вода уже не могла содержать прежнее количество извести въ растворѣ (углекислой) и отлагала ее въ видѣ известковаго камня.

Въ періодъ, о которомъ говоримъ, воды Апеннинъ, какъ сказано, выносили съ собою много свободной углекислоты и потому уносили массу углекислой извести и осаждали ее въ большихъ размѣрахъ по берегамъ рѣкъ (вообще горизонтальными пластами), такъ что берега Тибра и Аніена въ подъапеннинской равнинѣ съ боковыми долинами на извѣстной глубинѣ представляютъ именно такія образованія, т. е. древнѣйшіе прѣсноводные известковые наносы Апеннинъ. Тогда у подошвы Апеннинъ образовались громадныя залежи травертина, служившаго превосходнымъ матерьяломъ для самыхъ монументальныхъ зданій Рима (ср. стр. 88; приводимое здѣсь составляетъ въ тоже время пополненіе къ сказанному на этой страницѣ о травертинѣ). Но этотъ процессъ образованія прѣсноводныхъ известковыхъ осадковъ изъ воды Апеннинъ продолжается въ извѣстной мѣрѣ и до настоящаго времени. И теперь такія известковыя отложенія иногда возвышаютъ русло рѣки, (иногда даже измѣняя направленіе теченія). Особенно близкій примѣръ представляетъ рѣка Аніенъ близъ Тиволи. Въ этомъ городѣ предлагаютъ обыкновенно путешественникамъ разные предметы (тростинки и др.) изъ Аніена какъ бы окаменѣвшіе въ водѣ отъ отложенія на нихъ и въ нихъ

извести (intrartarito) [1]). Такіе же известковые осадки образовали въ водопроводныхъ каналахъ Рима каменные наросты, когда теперь они образуются въ нихъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ вода имѣетъ такія же свой-

[1]) Bescreib. Roms. I. 65: „Noch gegenwärtig sieht man ähnliche (т. е. травертину) Bildungen sich häufig in den Wasserleitungen absetzen, welche alle Theile des alten wie des heutigen Roms mit Wasser versorgen, und wo der Anio bei Tivolis prächtigen Cascaden das mächtige Kalkgebirge der Apenninen verlässt, geschieht seine Erzeugung fast unter unseren Augen noch heute in sehr grossem Massstabe“. И другія рѣки Италіи, вытекающія изъ Апеннинъ, образовали нѣкогда известковый камень и относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ и дрѣвніе свидѣтельствуютъ, что вода ихъ имѣетъ свойства каменить предметы, таковы: Вультурнъ, Сарнъ, протекающій у Помпей, Силарь (Sele) близъ города Песта (Посидоніи), на границѣ древней Луканіи и Кампаніи. Въ Помпеяхъ сначала употреблялся для зданій, какъ самый близкій, подручный матерьялъ, именно известковый камень, осажденный нѣкогда водою рѣки (pietra di Sarno, Sarnokalkstein). См. особенно Nissen, Pompejanische Studien, а также Overbeck, Pomp., 343. О Силарѣ говоритъ Страбонъ (V, 251): Σιλάριδος ποταμοῦ.... ἐφ' οὗ τοῦτ' ἴδιον ἱστοροῦσιν περὶ τοῦ ὕδατος ὄντος ποτίμου τὸ καθιέμενον εἰς αὐτὸ φυτὸν ἀπολιθοῦσθαι φιλάττον τὴν χρόαν καὶ τὴν μορφήν (ср. ниже привод. слова Плинія о томъ же). Очень любопытный и довольно извѣстный примѣръ образованія известковыхъ отложеній представляетъ водоспускный каналъ Велинскаго озера и рѣка Velino (Avens).

Вода, скоплявшаяся въ озерѣ съ вершинъ горъ, несла съ собою большое количество извести, напитавшись въ горныхъ подземныхъ путяхъ углекислотой; въ рѣчкѣ, которая выходила изъ озера, известь отлагалась въ видѣ каменной массы и до того возвысила ложе рѣки, что не могло болѣе быть достаточнаго паденія и слѣдовательно стока озерной воды и мѣстность выше (нынѣ долина Ріети) сдѣлалась болотистою. Извѣстно, что Маній Курій Дентатъ, о которомъ намъ еще придется говорить, послѣ побѣды надъ Сабинянами въ 272 году устранилъ это неудобство, устроивъ водоспускный каналъ; но въ послѣдствіи послѣ долгихъ промежутковъ вода опять все засаривала этотъ каналъ, который приходилось нѣсколько разъ искусственно расширять. Плиній, (N. H., 2, 226) говоритъ: in Piceno lacu Velino lignum diectum lapideo cortice obducitur. Similiter in flumine Sileri ultra Surrentum non virgulta modo immersa, verum et folia lapidescunt, alias salubri potu eius aquae. In exitu paludis Reatinae saxum crescit. Въ равнинѣ Лаціума близъ Тиволи, недалеко отъ Аніена озера отличаются такимъ же свойствомъ воды. Таковы, во первыхъ упомянутыя нами (стр. 31) озера сѣрнистой воды близъ Тиволи.

ства. Штукенбергъ, стр. 190 прим. говоритъ: „Въ чугунныхъ трубахъ, оставляемыхъ безъ очистки, особенно если вода ключевая, содержащая известь, дѣлаются наросты, которые стѣсняютъ проходъ въ трубѣ весьма значительно, до $^1/_3$ и болѣе (ср. стр. 119 прим.“). Любопытное свидѣтельство (хоть и не прямое) о такомъ же характерѣ водъ упомянутой группы водопроводовъ Рима представляетъ одно мѣсто Галена, именно онъ говоритъ, что эта вода была болѣе или менѣе жестка [1]). Такъ какъ мы уже выше (стр. 37 и др.) имѣли въ виду именно это мѣсто, говоря о родникахъ Рима, и оно въ нѣсколькихъ отношеніяхъ очень важно для исторіи водоснабженія города, то мы приведемъ его здѣсь сполна (къ сожалѣнію, за неимѣніемъ греческаго оригинала, въ латинскомъ переводѣ 1576 года, Venetiis apud Juntas). Галенъ De morbis vulgar., IV, стр. 183, говоритъ слѣдующее:

„Romae, sicut et multa alia in ea urbe eximia sunt, ita et fontium elegantia et multitudo est admirabilis: eorum nullo foetidam aquam, aut medicatam, ac turbidam, aut asperam, crudamque effundente, sicut neque Pergami in patria nostra: in multis autem aliis urbibus haud paucae depravatae aquae reperiuntur. Illae sane, quae ex Tibutrinis montibus per lapideas fistulas in Romanam civitatem derivantur, aliis quidem vitiis

---

Подземные ключи, питающіе эти озера, богаты (какъ сѣрнисто-водородистымъ) также углекислымъ газомъ и известью, свидѣтельствуя о вулканическомъ характерѣ мѣстности. Отъ обилія послѣдняго газа вода кажется какъ бы кипящею. Самое большое изъ этихъ озеръ постепенно уменьшается въ глубинѣ и размѣрѣ вслѣдствіе сильныхъ известковыхъ отложеній. Растенія покрывается известковою корою и образуютъ подвижные плавающіе при вѣтрѣ островки (около сажени величиной), отъ которыхъ озеро получило названіе: „озеро плавающихъ острововъ“ (Lago delle isole natanti). Нѣсколько далѣе отъ Тиволи по направленію къ Риму находится Lago dei tartari, вода котораго прежде покрывала растенія каменною известковою корою (intartarire по-итальянски; слово tartaro значитъ: винный камень, каменный осадокъ). Уже въ древности употребляли эти причудливыя фигуры для украшенія фонтановъ, искусственныхъ гротовъ и т. п. (Ср. ниже слова Фабретти). Но самые источники, питавшіе озеро, засорились отъ осадковъ.

[1]) Жесткость воды производятъ слѣдующія соединенія: углекислая известь (самое главное), углекислая магнезія, сѣрнокислая известь, хлористая магнезія и окись желѣза. См. Штукенбергъ, стр. 45.

carentes crudiusculae tamen sunt, ut neque refrigerentur, neque celeriter in ipsis, ut in fontanis aquis, quaecunque inieceris, elixentur legumina et olera, et carnes. ex his autem aliae aliis in locis crudiores sunt, et ab ipsis indigenis durae, gravesque nominantur, quia ventriculum infenstent, et a potu onus quoddam plures percipiant (Ланчани не упоминаетъ объ этомъ мѣстѣ Галена, хотя много говоритъ о водопроводахъ Рима, собралъ важныя данныя относительно каменныхъ наростовъ въ каналахъ водопроводовъ и приводитъ свидѣтельства другихъ древнихъ писателей о водѣ нѣкоторыхъ водопроводовъ Tiburtinae regionis". Я нахожу это мѣсто съ (комментаріемъ) приведеннымъ у Фабретти, De aqu., стр. 100, по поводу Марціева водопров. См. также Фридлендеръ, прив. соч. I, 15.

Особенности въ формѣ, строеніи осадковъ въ каналахъ служатъ теперь вѣрными примѣтами для различенія каналовъ отдѣльныхъ водопроводовъ [1]).

Приведемъ теперь слова очевидцевъ, наблюдавшихъ сохранившіеся донынѣ осадки изъ воды въ каналахъ водопроводовъ Рима и не только водопроводовъ одной упомянутой группы, но и нѣкоторыхъ другихъ.

Такъ, во первыхъ, сохранились такіе древніе осадки и въ первомъ водопроводѣ, Аппіевомъ, именно въ Римѣ въ открытой части канала его между Авентиномъ и Псевдоавентиномъ. Осадки эти очень толстые и темнаго цвѣта; внутри строенія каменнаго, а на поверхности похожи на губку [2]).

---

[1]) Архитекторъ Руджіеро по каменнымъ осадкамъ, находящимся въ водопроводныхъ трубахъ Помпей, заключилъ, что водопроводъ этого города, отъ котораго внѣ города никакихъ нѣтъ слѣдовъ, шелъ (на аркахъ) отъ рѣки Сарна, такъ какъ де только вода этой рѣки настолько много содержитъ извести, что могла образовать въ трубахъ тѣ (известковыя) отложенія (см. Overbeck, Pompeji, 280). Въ текущемъ году (188[illegible]), какъ сообщаютъ изъ Италіи, открытъ „древній подземный водопроводъ" Помпей, со стороны Везувія, именно идущій отъ Boscoreale.

[2]) Фабретти, первый открывшій это мѣсто канала, описываетъ ихъ такъ (стр. 33): ....crassissima circumquaque crustae nigricantis coagmentatio, intus lapidosa et solida, in superficie autem spongiosa quodammodo et cincinnata, eius propemodum figurae ac lapis ille, ex Tiburte agro Romam advectus, quo frequentisime ornamenti causa ad rusticos fontes in urbanis hortis imitandos lautiores isti uti solent. См. также Lanciani, стр. 38 прим.

О каналѣ Стараго Аніена ученые изслѣдователи свидѣтельствуютъ, что его стѣнки обыкновенно бываютъ покрыты большимъ слоемъ каменныхъ осадковъ (incrostazioni di tartari), что и составляетъ отличительный признакъ канала этого водопровода.

Ланчани на стр. 46, въ примѣчаніи приводитъ свидѣтельство итальянскаго ученаго архитектора Канины (Canina) о части канала за Тиволи въ мѣстности называемой „Долина арокъ“ (Valle degli arci), именно, что „субструкціи изъ правильныхъ прямоугольныхъ камней, возвышающіяся немного надъ почвою, принадлежатъ каналу стараго Аніена и покрыты обычною каменною корою (rivestiti della consueta crosta di tartaro)“. О части канала того же водопровода въ Тиволи тотъ же Ланчани (стр. 47) сообщаетъ: „Онъ (каналъ) долженъ былъ имѣть первоначально 1,35 метра ширины, но наросты засорили его на одну треть. Достойно замѣчанія то обстоятельство, что теперешняя поверхность этихъ наслоеній изсѣчена киркою: значитъ, рабочіе (aquarii) для того, чтобы поддерживать свободнымъ проходъ для воды, должны были время отъ времени устранять осадки посредствомъ кирки“. Тоже самое замѣчено этимъ ученымъ и приводится и нами ниже относительно осадковъ въ каналѣ Новаго Аніена. О части канала, открытой въ 1861 году недалеко отъ Рима, близъ porta Maggiore, Ланчани (стр. 49) говоритъ, что она тоже внутри покрыта корой осадковъ. О части канала наконецъ, открытой въ 1879 году въ Римѣ, тотъ же авторъ (стр. 52) говоритъ: „Послѣ этихъ послѣднихъ (именно починокъ послѣдующаго времени) стѣнки канала повысились до 2,36 метра, т. е. на 1,31 м. выше средней высоты ихъ—по причинѣ мнѣ неизвѣстной, можетъ быть отъ того, что, когда наросты съузили каналъ съ 0,62 до 0,22 метра, было прибавлено къ высотѣ его столько, сколько онъ потерялъ въ ширинѣ“.

Онъ же объ этой городской части водопровода прибавляетъ (стр. 52): „Въ этой части канала являются три различные слоя осадковъ: одинъ самый древній, приставшій къ первоначальнымъ стѣнкамъ, одинъ средній и одинъ верхній; первый толщиной въ 27 миллиметровъ, второй—въ 24, третій—въ 38; первый очень темный, второй менѣе темный, третій довольно свѣтлый (причины этой разницы въ цвѣтѣ авторъ не объясняетъ). Должно отмѣтить, что ретикулатъ починокъ времени Августа покрытъ только третьимъ слоемъ; изъ этого я заключаю, что воды мутнаго (tor-

bido) Аніена отлагали первый слой въ періодъ отъ Аппія Клавдія [1]) до Квинта Марція, второй—въ періодъ отъ Квинта Марція, предшественника Августова въ починкѣ водопровода, третій—въ теченіе императорскаго періода" [2]).

О каналѣ водопровода Новаго Аніена, бравшаго воду тоже отчасти изъ той же рѣки, но выше по теченію, именно о части канала на высшей точкѣ перешейка, отдѣляющаго долину арокъ отъ долины рѣки Аніена, Ланчани (стр. 14) говоритъ: „Эта часть канала самая замѣтная, такъ какъ форма канала обозначается не боковыми стѣнками или верхомъ, которые разрушены, но известковою корою, которая не поддалась никакому разрушенію. Просвѣтъ русла представляется засореннымъ почти на три пятыхъ его части. Я отмѣтилъ, что поверхность слоевъ осадковъ болѣе близкихъ къ краямъ представляется изсѣченною ударами кирки, изъ чего заключаю, что русло должно было быть очищаемо время отъ времени въ лучшія времена имперіи (водопроводъ построенъ императоромъ Клавдіемъ) посредствомъ кирки". На стр. 150 тотъ же авторъ говоритъ о castellum aquae (см. ниже) этого водопровода, сохранившемся въ Авреліановой стѣнѣ (представляющемъ изъ себя „cosa bellissima e singolare ad osservare"), что натеки съ канала Новаго Аніена въ послѣднія времена запущенности водопроводовъ покрыли его осадками и известковою корою столь большими и столь странной формы, что онъ кажется естественнымъ гротомъ Тибурскихъ горъ.

Такъ какъ оба послѣдніе водопровода несли воду рѣки Аніена, то естественно въ осадкахъ оставленныхъ водою въ ихъ каналахъ должно было быть извѣстное сходство, однородность.

Уже Фабретти (стр. 30) константировалъ тожественность каменныхъ осадковъ въ каналахъ обоихъ Аніеновъ, опираясь на анализъ ихъ,

---

[1]) Авторъ, конечно, хотѣлъ сказать: „M'. Curio Dentato", ибо это былъ строитель второго водопровода.

[2]) Кромѣ приведеннаго объ осадкахъ въ каналѣ перваго Аніена Ланчани еще на стр. 49 въ примѣч. говоритъ объ открытой имъ части канала какого-то большого водопровода по via Labicana, недалеко отъ Рима,—по его мнѣнію—именно этого Аніена; стѣнки его изъ ретикулата rivestite di tenace incrostazione; на стр. 53 говоритъ объ остаткахъ одной piscina rivestita di tenaci sedimenti calcari, находящейся близъ porta Latina и принадлежавшей къ specus Octaviani того же водопровода.

именно онъ сравнилъ осадки въ каналѣ, который идетъ по аркѣ Друза у воротъ Св. Севастьяна (иначе porta Appia Nuova) и который онъ считаетъ принадлежащимъ specus Octovianus, слѣдовательно Старому Аніену", съ каменной корой, взятой изъ канала Новаго Аніена (ex Anionis Novae specu divulsa), нашелъ въ нихъ сходство (et ut ex eodemmet flumine aquae utriusque Anienis iuxta Frontinum petebantur, ita, ad proportionem tamen distantiae, qua derivabantur, hanc (т. е. crustam) similem invenimus) и химики, къ которымъ онъ обращался за повѣркою своего мнѣнія, нашли, что сходство то было не только внѣшнее, видимое. Фабретти впрочемъ нужно было констатировать сродство осадковъ въ названныхъ каналахъ, чтобы подтвердить этимъ свое мнѣніе, что каналъ на аркѣ Друза есть именно specus Octavianus, но Ланчани (стр. 106) признаетъ его не за specus Octavanus Стараго Аніена, а за fons Antoninianus (Каракаллы) Марціева и наросты, взятые въ термахъ Каракаллы, къ которымъ шелъ тотъ fons, находитъ похожими не на наросты въ каналѣ Стараго Аніена, а на таковые Марціева водопровода (см. ниже у насъ это мѣсто). Онъ говоритъ, что Academia sperimentale del Ciampini (къ которой именно и обращался Фабретти) уже во времена Фабретти дознала химическую тожественность наростовъ обоихъ водопроводовъ (Аніеновъ), различныхъ только въ цвѣтѣ, который болѣе темный въ наростахъ Стараго Аніена, и указываетъ при этомъ именно на приведенное мѣсто Фабретти. Но такъ какъ послѣдній говоритъ только о сравненіи осадковъ въ каналѣ арки Друза, то странно, что Ланчани могъ ссылаться на это мѣсто Фабретти. Во всякомъ случаѣ мысль Фабретти о сходствѣ наростовъ въ каналахъ обоихъ Аніеновъ вѣрна, и мы приведемъ, что онъ сообщаетъ въ томъ же мѣстѣ какъ результатъ химическаго изслѣдованія осадковъ въ Новомъ Аніенѣ для сопоставленія этого съ тѣмъ, что Ланчани на основаніи личнаго изслѣдованія говоритъ объ осадкахъ въ городской части канала Стараго Аніена (мѣсто приведено выше). Фабретти говоритъ (стр. 31): „Mirum certe, simulque periucundum in hac comparatione accidit, varietatem crustae in uno eodemque rivo Anionis Novi reperiisse: ea enim, quae antiquior signino adhaeret, tempore scilicet, quo primum ex ipso flumine aqua deducebatur, efformata, turbidi coloris erat, ut flumen ipsum *quamvis purissimo defluens laco, mobilibus tamen cedentibus, aufert aliquid, quo turbetur* (курсивъ въ этомъ мѣстѣ принадлежитъ Фабретти и означаетъ слова Фронтина); sic Frontinus; quae vero novissime superinducta fuit, postquam *Anienis Novi vi-*

tia Nerva Caesar excludi posse vidit et ommisso flumine repeti ex lacu, ubi limpidissima est, jussit, ut per eundem Frontinum, recentiorem corticem puriorem, atque albentiorem effecit: et ita ex effectu, veritas narrationis Frontini confirmata ostenditur (именно объ улучшеніи воды Новаго Аніена). Однако тоже самое мы видѣли и въ осадкахъ канала Стараго Аніена. О разницѣ между осадками въ каналахъ обоихъ Аніеновъ и причинѣ ея Фабретти говоритъ: Ratio distantiae XXI M passuum inter utriusque ductus initium (Vetus enim a milliario XX ex Frontino, Novus a milliario XXXXII, ex eodem excipiebatur) in caussa fuit, ut illius crusta, obscurior quidem, sed ejusdem cum altera substantiae videatur; prout magis turbidam advenisse aquam longe infra deductam, *pluribus adjacenitibus cultis*, necese erat".

Знаменитая aqua Claudia, тоже шедшая изъ Сабинскихъ горъ и устроенная одновременно съ Anio Novus, не давала каменныхъ осадковъ въ каналѣ. Ланчани (стр. 136) говоритъ о ея каналѣ въ одномъ мѣстѣ за Тиволи: „Стѣны русла покрыты штукатуркою, гладки, безъ слѣда осадковъ (tartaro), что составляетъ вѣрный критерій для отличенія русла Клавдіева водопровода отъ русла Новаго Аніена". Ниже о томъ же каналѣ онъ говоритъ: „они (ост.) отличаются отъ Новаго Аніена прежде всего отсутствіемъ наслоеній осадковъ". На стр. 145 Ланчани говоритъ объ общихъ субструкціяхъ каналовъ водопроводовъ Новаго Аніена и Клавдіева по направленію къ г. Марино, которыя „отчасти и теперь уцѣлѣли, частью дали начала возвышенію, которое могло бы казаться произведеніемъ природы, еслибы не показывались изъ глыбъ земли правильно обдѣланные куски камня и куски каменныхъ осадковъ (pezzi di tartaro)". Во время Фабретти были болѣе уцѣлѣвшіе, чѣмъ нынѣ остатки писцинъ Новаго Аніена и Aqua Claudia по линіи упомянутыхъ субструкцій каналовъ intra septimum milliarium (въ мѣстѣ, называвшемся Piscinae). Что эти остатки принадлежали именно такимъ постройкамъ и притомъ этимъ водопроводамъ, онъ заключаетъ изъ слѣдующаго (стр. 114): „Operis, quod subterraneum esse debuit, cum paullo ante V ab urbe lapidem arcus Claudiae finiantur, parum quamvis, tantum certe remanet, quod conjecturae non improbabili locum faciat. Plurimi namque lapidis quadrati circa hoc aedificium fragmenta et *ingens crustae quae olim rivo accreveret copia*, nedum passim sparsa jacet, sed recentiorum ibi prope parietinarum caementis immixta cernitur". Если одна Claudia не давала осадковъ, то слѣдовательно эта crusta, эти осадки могли при-

надлежать только каналу и писцинѣ Новаго Аніена (Фабретти изъ остатковъ видѣлъ, что обѣ писцины были одна возлѣ другой: conjunctas Claudiae et Anionis Novi piscinas fuisse).

О каналѣ Марціева водопровода, начинавшагося въ Сабинскихъ горахъ изъ источниковъ, воду котораго превозносятъ древніе писатели какъ самую лучшую Рима, Фабретти (стр. 10; см. ниже его слова въ примѣчаніи) и другіе ученые свидѣтельствуютъ, что каменные осадки въ немъ сохранились даже большіе, чѣмъ въ каналахъ нѣкоторыхъ другихъ древнихъ водопроводахъ Рима. Итальянскій ученый Канина (Lanc., 76) о части канала этого водопровода въ долинѣ S. Cosimato за Тиволи говоритъ, что стѣнки его сохранились гладкими, безъ всякаго слѣда осадковъ. Но Ланчани напротивъ говоритъ: „Эти аттрибуты Канина не должны вводить насъ въ заблужденіе. Marcia оставила очень большія наслоенія (enormi incrostazioni) гдѣ болѣе, а гдѣ менѣе,—предполагаю, обратно пропорціонально быстротѣ ея теченія и наклоненности русла (ср. что у насъ сказано о ней стр. 80). Kaccio[1]) описываетъ осадокъ въ каналѣ Марціева вод. какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ по словамъ Канины его нѣтъ: „осадокъ, отломанный отъ канала, находящагося по направленію къ Vicovaro съ запада и имѣющаго внутри въ ширину 4¹/₂ пальмы (т. е. около метра), въ высоту 6¹/₂, найденъ похожимъ на бѣлѣйшій мраморъ усѣянный широкими кристаллическими углубленіями... съ 24 рядами или раздѣлительными линіями, обозначающими многіе періоды, въ которые продолжалось теченіе воды. *Въ толщину осадокъ имѣетъ 5 пальцевъ* (*V dita*).... Въ другомъ боковомъ руслѣ той же величины, хотя почти недоступномъ вслѣдствіе очень большой твердости скалы, можно было однако отломать кусокъ каменныхъ осадковъ, который, такъ какъ онъ былъ очень тонокъ, доставленъ былъ мнѣ вмѣстѣ съ сигниномъ канала“. Блюместиль, строившій новый Марціевъ водопроводъ, Marcia—pia, говоря объ остаткахъ водопроводнаго русла древней Marcia, открытыхъ на пространствѣ первыхъ десяти километровъ, сообщаетъ слѣдующее: „периметръ—занятый водою, текшей въ каналѣ, можно опредѣлить съ достаточною точностью по высотѣ наслоеній, которая въ немъ и теперь весьма значительна и которая указываетъ также,

---

[1]) Итал. ученый прошлаго столѣтія; его сочиненіемъ: „Corso delle acque“ мы не пользовались.

какъ съ годами уровень воды понижался, такъ какъ обыкновенно можно различить три толщины осадковъ на coccio-pesto (сигнинѣ) канала: одинъ слой болѣе тонкій и достигаетъ одного метра высоты надъ дномъ водопровода, второй кончается на высотѣ 0,60 метра и третій, значительно болѣе толстый, не превышаетъ 0,28 или 0,30 сантиметра". Ланчани на стр. 78 о части канала Марціева водопровода выше Тиволи говоритъ: „эти остатки видны и теперь. Когда я ихъ разсматривалъ впервые, мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы они принадлежали чистѣйшей Marcia. Въ самомъ дѣлѣ это мѣсто русла достойно только противнаго и грязнаго Аніена: настолько оно засорено массой известковой, землистой, глинистой и подобной грязи. Въ томъ пунктѣ, гдѣ русло прервано тропинкою.... просвѣтъ его уменьшился съ 1,01 метра до 0,421. (Это Ланчани поясняетъ рисункомъ русла на одной изъ таблицъ, приложенныхъ къ его сочиненію; слой осадковъ видѣнъ также въ изображеніяхъ русла Стараго Аніена на другой таблицѣ. Впрочемъ относительно этихъ осадковъ въ каналѣ Марціева водопровода онъ въ примѣчаніи къ приведенному сейчасъ мѣсту прибавляетъ, что, по его мнѣнію, эти осадки, скорѣе илистые, чѣмъ известковые, произошли при наводненіи Аніена, вода котораго проникала въ русло водопровода). Полени (Frontinus, De aquaeduct. comment., стр. 207) приводитъ мѣсто изъ топографа (Рима) Нардини (17 вѣка) относительно осадковъ въ каналѣ Марціи, именно онъ говоритъ: „Nardinius quaque ....quibusdam crustis duritiem marmoris tribuit: *Antiqui*, scribit, *Marciae Aquaeductus multis in locis pleni sunt pulchri marmoris (quod nomine alabastritis nuncupant)* geniti ex aqua et terra in lapidem conversis". Императоръ Антонинъ Каракалла прибавилъ къ Марціеву водопроводу fons Antoninianus; близъ Рима отъ названнаго водопровода опять отдѣлялась съ тѣмъ же названіемъ „fons Ant." особая вѣтвь водопровода и шла къ термамъ этого императора (thermae Antoninianae или Каракаллы, грандіозные остатки которыхъ сохранились донынѣ). О каменныхъ осадкахъ въ каналѣ этой вѣтви Марціева водопровода Ланчани (стр. 106) говоритъ (Фабретти, какъ мы видѣли, считаетъ эти осадки принадлежащими водѣ Стараго Аніена, именно его вѣтви specus Octavianus): „У меня вотъ въ рабочей комнатѣ очень большой сталактитъ, отломанный въ проходѣ воды между cella tepidaria и cella calidaria термъ (т. е. Антониновскихъ), и я нахожу, что строеніе его вполнѣ и вездѣ подобно строенію осадковъ, которые я отломалъ отъ русла Марціи между Арками и „S. Maria di

aquaregna". О водѣ новаго Марціева водопровода, несущаго воду изъ тѣхъ же мѣстъ и даже источниковъ, изъ которыхъ бралъ ее и одноименный древній водопроводъ, Ланчани (стр. 108), приведши результаты химическаго анализа ея, говоритъ: „Если принять въ соображеніе элементы этого анализа, то неудивительно, если трубы Марціева-Піева водопровода подвержены известковымъ наростамъ. Вода впущена была въ сифонъ 10 сентября 1870 года, а три года спустя онъ уже былъ покрытъ солями на полмиллиметра. Одна свинцовая труба (въ одномъ домѣ въ Римѣ) діаметра въ три сантиметра черезъ короткое время засорилась на одну треть просвѣта".—Въ каналѣ Александровскаго водопровода (Aqua Alexandrina), устроеннаго Александромъ Северомъ и несшаго воду изъ источниковъ близъ города Габій, Фабретти нашелъ каменные осадки до того значительные, что они во многихъ мѣстахъ совсѣмъ засорили русло, уменьшили просвѣтъ его на цѣлыхъ 3 четверти [1]). И Ланчани на основаніи автопсіи подтверждаетъ это (стр. 146): „Въ послѣдней долинѣ по направленію къ истоку ширина русла доходитъ до 0,78 метра. Оно настолько залегло отложеніями, что часто съуживается „ad dodrantis intercapedinem".

Вода новаго Сикстова водопровода (Aque Felice; Сикстъ V, устроившій этотъ водопроводъ, назывался сначала Феликсъ, Феличе Перетти), проведенная изъ того же мѣста, откуда шла древняя Alexandrina, тоже обильна плотными веществами, такъ что трубы, которыми она распредѣляется по городу засариваются въ трехлѣтній періодъ (Lanc., стр. 169—вопреки Фабретти, 50). „Можетъ быть, однако, говоритъ Ланчани (стр. 169), что древній водопроводъ собралъ кромѣ источниковъ Сикстова водопровода и другіе менѣе чистые, и это потому, что вода проведена была исключительно in gratiam thermarum (thermae Alexandrinae на

---

[1]) Именно стр. 10 онъ говоритъ: Arguit.... diutissime formam (водопроводъ) permansisse in usu tam varietas restaurationum, quam *crustae vix credibilis crassities, nedum in ipso rivo pene obstructo, et saepius ad dodrantis intercapedinem restricto*, sed ad latera exteriora ipsius ductus, ubi humor ex eodem exsudans, in ingentes moles, quae vehem foeni onustam imitantur, coaluisse videmus. Quod malum cum aquis Tiburtinae regionis commune habuit: nam et ipsa Marcia... in crustam longe hac, de qua loquimur, spissiorem, magisque compactam induruit: haec namque obscurior, et turbidior, sed aeque rarior, ac fragilior. Ср. Ланчани, стр. 76.

Марсовомъ полѣ), а не для употребленія въ питье“. Паркеръ (The Aqueducts) утверждаетъ (не указывая своего источника), что одинъ изъ источниковъ водопровода Aqua Alexandrina (у него также и Aqua Hadriana), содержавшій много мѣлу, былъ устраненъ инженерами, строившими Сикстовъ водопроводъ. На стр. 87 онъ говоритъ: „Нѣкоторые изъ источниковъ, питавшихъ Адріановъ водопроводъ, были употреблены для водопровода инженерами Aqua Felice, принимавшими эти источники ошибочно за источники Марціева водопровода, обнаруживая тѣмъ свое незнакомство съ линіями водопроводовъ. Одинъ изъ источниковъ, быстрый и имѣвшій значительное количество воды, не употребленъ для означенной цѣли, потому что его вода дурнаго качества, и онъ столь насыщенъ мѣломъ, что представляетъ изъ себя каменящій (petrifying) источникъ. На стр. 88 объ Aqua Felice и A. Alexandrina; „Дурное дѣйствіе этого каменящаго источника было замѣчено инженерами Aqua Felice.... Это открытіе сдѣлано было, вѣроятно, раньше третьяго вѣка (до Р. Х.) и, когда каналъ водопровода въ то время найденъ былъ засореннымъ сталактитомъ, онъ былъ возобновленъ для употребленія съ высшимъ уровнемъ Александромъ Северомъ (ср. стр. 129). И на. стр. 90 о послѣднемъ водопроводѣ: „Большая, длинная аркада, которая идетъ (отъ начала водопровода) до Cento Celle[1]) принадлежитъ двумъ періодамъ, древнѣйшая часть времени Адріана, опоздиѣйшая—третьему столѣтію. Вполнѣ вѣроятно, что первоначальный каналъ былъ засоренъ сталактитомъ въ теченіе одного столѣтія и что онъ былъ возобновленъ на нѣкоторое время Александромъ Северомъ“. Въ объясненіи къ таблицѣ XXI (Description of Plate XXI) онъ тоже повторяетъ какъ уже нѣчто совершенно безспорное: „Одинъ изъ небольшихъ потоковъ, которые были соединены для соединенія Aqua Hadriana, которой начало находится въ окрестностяхъ Габій, былъ каменящій источникъ, совершенно засорившій каналъ водопровода въ теченіе одного столѣтія. Каналъ былъ обновленъ Александромъ Северомъ, но вода, по видимому, тѣмъ не менѣе употреблена была та же самая. Aqua Felice начинается изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, но тотъ каменящій источникъ былъ старательно устраненъ и теперь онъ течетъ въ особую канаву, покрывая каменнымъ слоемъ деревяныя палки и растенія“. На стр. 87 (ниже приведеннаго уже мѣста) онъ сообщаетъ о водѣ и каналѣ того же Александровскаго водопро-

---

[1]) Мѣсто недалеко отъ Рима.

вода слѣдующія интересныя свѣдѣнія (ср. что на стр. 120 приведено о Новомъ Аніенѣ): „Въ разстояніи около четверти мили отъ своего начала каналъ въ двухъ мѣстахъ открытый, такъ что человѣкъ можетъ ходить въ немъ (каналъ приблизительно 6 футовъ высоты и 3 ширины). Небольшія отверзтія оставлены были по сторонамъ канала на равномъ разстояніи одно отъ другого для выпуска обильной мѣломъ воды; падая сверху внизъ, вода оставляла въ каждомъ такомъ мѣстѣ слѣды маленькаго каскада, въ видѣ сталактита, плотное отложеніе мѣла или извести или виннаго камня на сторонѣ столбовъ, по которымъ она стекала. Эти каменныя отложенія продолжаются по всей длинѣ линіи до Cento Celle, и близь этого пункта есть часть линіи, гдѣ камни и кирпичи аркадъ увезены прочь для построекъ, и массы твердаго мѣла остаются поднимаясь надъ почвою маленькими пирамидами и представляя съ виду очень большое сходство съ отдушинами (respirators) подпочвеннаго водопровода. Но эта внѣшность обманчива: въ нихъ нѣтъ отверзтій; онѣ суть просто каменныя массы, образовавшіяся черезъ отложеніе мѣла изъ воды“.

Итакъ мы привели свѣдѣнія объ условіяхъ, благопріятствовавшихъ засоренію водопроводныхъ каналовъ, не относительно всѣхъ водопроводовъ Рима, но все же почти относительно всѣхъ главныхъ; изъ нихъ можно видѣть, какія и въ какой степени были въ ихъ водѣ условія для засоренія трубъ и каналовъ. Всякая вода со временемъ даетъ болѣе или менѣе осадковъ и они, скопляясь въ нихъ, если ихъ оставлять безъ очистки, засоряютъ ихъ; и въ водопроводахъ Рима, мы видѣли, особенно начинавшихся изъ рѣки, было достаточно условій, благопріятствовавшихъ засоренію отъ механическихъ примѣсей; затѣмъ какъ въ этихъ, такъ и въ большинствѣ начинавшихся исключительно изъ источниковъ вода могла давать болѣе или менѣе толстыя, иногда очень значительныя и твердыя каменныя отложенія и наросты въ каналахъ отъ минеральныхъ примѣсей, содержавшихся въ растворенномъ видѣ въ ней и засорять ихъ. При всемъ этомъ вода была недостаточно очищаема при началѣ водопроводовъ и на пути: мы видѣли слѣды засореній въ каналахъ уже на мѣстѣ назначенія, въ Римѣ. Слѣдовательно вообще условій для засоренія водопроводныхъ путей, трубъ въ водопроводахъ Рима было много, и потому моментъ удобоочищаемости этихъ путей имѣетъ несомнѣнно важное значеніе въ нашемъ вопросѣ о причинахъ употребленія въ водопроводахъ Рима большихъ каменныхъ кана-

ловъ, при существованіи выше указанныхъ условій вопросъ объ удобоочищаемости путей многочисленныхъ водопроводовъ Рима и при ихъ значительной длинѣ (стр. 119) долженъ былъ имѣть тѣмъ болѣе существенно важное, рѣшающее значеніе, и то обстоятельство, что Римляне въ отношеніи выбора трубъ для своихъ водопроводовъ были въ худшемъ положеніи сравнительно съ новымъ временемъ, получаетъ большое значеніе при выборѣ способа веденія воды. Трубы значительно меньшія каналовъ (см. стр. 117) представляютъ неудобства для очистки ихъ, если только есть условія, способствовавшія ихъ значительному засоренію; большія же каменныя русла, каналы, легко и просто очищаемые, при такихъ условіяхъ были очень удобны, представляя несомнѣнное преимущество предъ трубами: въ большихъ каменныхъ каналахъ и значительныя засоренія представляютъ небольшое неудобство (см. стр. 120). Мы видѣли въ нѣкоторыхъ каналахъ слѣды того, какъ древніе просто устраняли въ нихъ каменные наросты.—Сказанное о сравнительной неудобоочищаемости трубъ относится къ трубамъ вообще, а слѣдовательно и къ сифоннымъ, и послѣднія, кривыя, въ этомъ отношеніи представляютъ даже еще больше неудобствъ: трубы перваго рода напр., какъ подверженныя сравнительно меньшему давленію, легче можно было имѣть большихъ размѣровъ.

Но трубно-сифонный водопроводъ кромѣ того долженъ былъ представлять еще бóльшія свои спеціальныя неудобства вслѣдствіе особенныхъ техническихъ требованій при его устройствѣ. Какъ очистка водопроводныхъ путей представляетъ затрудненія, такъ и обнаруженіе и исправленіе въ нихъ всякихъ поврежденій при большой длинѣ водопроводовъ. „Употребленіе для провода воды—говоритъ Штукенбергъ, стр. 146—вмѣсто обдѣланныхъ канавъ трубныхъ водопроводовъ была бы во многихъ случаяхъ выгоднѣе, но при значительномъ протяженіи водопровода съ этимъ возникаетъ то неудобство, что случающіяся въ трубахъ поврежденія бываетъ трудно отыскивать и исправлять и пр.“ А поврежденія въ трубносифонныхъ водопроводахъ далеко чаще возможны, чѣмъ въ трубныхъ же съ свободнымъ теченіемъ воды (самотечныхъ) и въ римскихъ съ большой массой воды еще болѣе были бы часты, чѣмъ возможны въ теперешнихъ, по особенной причинѣ. Вѣдь, хотя Римлянамъ и извѣстенъ былъ гидростатическій законъ, на коемъ основано сифонное веденіе воды, и они употребляли таковое, но это не значитъ еще, чтобы они въ этомъ стояли на одинаковой высотѣ съ современной совершенной

техникой; напротивъ, они, какъ уже выше мы сказали, какъ въ отношеніи выбора трубъ для водопроводовъ, такъ и вообще всей техники сифоннаго веденія воды были въ худшемъ положеніи сравнительно со строителями сифонныхъ водопроводовъ въ настоящее время.

При сифонномъ, т. е. вполнѣ закрытомъ съ гидростатическимъ давленіемъ водопроводѣ существенную важность имѣли не только размѣры трубъ и прочность стѣнокъ отдѣльныхъ звеньевъ ихъ, но также и всего трубнаго русла въ цѣломъ, слѣдовательно плотность и прочность соединеній и т. д., а для устройства такихъ соединеній нужно, между прочимъ знать точно коэффиціенты расширенія отдѣльныхъ металловъ. Кромѣ того и при выполненіи этихъ условій, при безукоризненной прочности звеньевъ и соединеній ихъ въ такомъ водопроводѣ все таки для прочности необходимо еще самое тщательное урегулированіе теченія воды во всѣхъ отношеніяхъ, нужно слѣдовательно умѣнье опредѣлить быстроту движенія и силу давленія воды въ разныхъ мѣстахъ, устроить приспособленія для выпуска могущаго скопляться и сгущаться въ трубахъ (и повреждать ихъ). воздуха Ибо, если и по отношенію къ самотечному съ открытымъ русломъ водопроводу (открытый здѣсь значитъ только, что отъ того—открытый или закрытый каналъ, не зависитъ движеніе воды) совершенно вѣрны слова Фронтина (онъ имѣетъ въ виду при этомъ именно такой водопроводъ): „nec ullum opus diligentiorem poscit curam quam quod aquae obstaturum est“ [1]), то тѣмъ болѣе—по отношенію къ закрытой сифонной трубѣ, выдерживающей гораздо большее давленіе, гдѣ вода должна заполнять весь просвѣтъ.

Древніе отлично понимали эти трудности, представляющіяся при сифонномъ веденіи воды, необходимость большой прочности и большихъ предосторожностей при устройствѣ его.

Такъ Витрувій (VIII, 9) указываетъ на причину, дѣлающую необходимыми при сифонномъ веденіи эти предосторожности, совѣтуетъ между прочимъ особенно укрѣплять трубы въ самыхъ низкихъ пунктахъ сифона и при поворотахъ: „vehemens spiritus in aquae ductione solet nasci, ita ut etiam saxa perrumpat, nisi primum leniter et parce a capite aqua immitatur et in geniculis aut versuris alligationibus et pondere

---

[1]) Штукенб., 121: Даже при водопроводахъ съ естественнымъ паденіемъ, самотекомъ нужно избѣгать излишней высоты напора, такъ какъ съ увеличеніемъ его возрастаютъ затрудненія хорошаго и прочнаго содержанія водопровода.

saburra contineatur". Древніе понимали и старались эмпирически преодолѣть эти затрудненія и болѣе или менѣе справлялись съ ними. Какъ во многомъ другомъ они на основаніи только эмпиріи, при сравнительно низкомъ уровнѣ точныхъ научныхъ знаній производили замѣчательное, такъ и водопроводные сифоны устраивали они значительныхъ размѣровъ и нѣкоторые изъ нихъ представляютъ замѣчательные примѣры ихъ эмпиріи, новые ученые находятъ ихъ весьма замѣчательными для того времени. Но современная техника, опирающаяся на высоко разработанную научную механику и химію, безъ всякаго сомнѣнія выше римской [1]); сифоны большіе и надежные устраивать теперь легче. При низшемъ уровнѣ механическихъ знаній римскихъ строителей трубы должны были быть тѣмъ болѣе прочны. То обстоятельство, что Римляне, что касается выбора водопроводныхъ трубъ были въ худшемъ положеніи сравнительно съ новымъ временемъ, имѣло преимущественно значеніе при устройствѣ сифонныхъ водопроводовъ и проведеніи такимъ способомъ большихъ массъ воды. Итакъ съ одной стороны менѣе техническихъ средствъ устраивать достаточныхъ размѣровъ и большой прочности сифоны, а съ другой большая масса воды большихъ водопроводовъ, требовавшая именно весьма большихъ и надежныхъ сифоновъ, и необходимость устраивать ихъ иногда далеко отъ города и, слѣдовательно затруднительность слѣдить за ихъ исправностью и исправлять случающіяся поврежденія, заставляли Римлянъ, конечно, выбирать въ такихъ случаяхъ изъ двухъ способовъ имъ извѣстныхъ болѣе простой, но надежный и вполнѣ удовлетворявшій цѣли.

Если бы сказанное показалось кому нибудь мало убѣдительнымъ, то я долженъ еще указать и на то, что и въ настоящее время, при всемъ совершенствѣ техническихъ средствъ сифонъ для водопроводныхъ путей внѣ городовъ и под. въ большихъ водопроводахъ и длинныхъ не считается безусловно самымъ лучшимъ, какъ бы идеальнымъ способомъ, какъ не считается желѣзнодорожный путь съ неровностями и частыми поворотами, гдѣ его приходится оставлять такимъ, лучше вполнѣ прямолинейнаго, ровнаго, хотя современные инженеры и могутъ

---

[1]) Интересно въ этомъ отношеніи прочитать въ спеціальныхъ сочиненіяхъ о разныхъ способахъ соединеній водопроводныхъ трубъ, употребленіи для этой цѣли каучука и пр.

отлично, съ величайшей точностью сдѣлать постепенными наклоны и повороты, и хотя тутъ именно и является все ихъ искусство. Напротивъ, и теперь приходится еще рѣшать и иногда трудно рѣшить, выгодно ли употреблять сифонъ. Штукенбергъ, утверждающій, что Римляне не строили бы своихъ дорогихъ „акведюковъ" только потому, что не знали будто, что ихъ можно было замѣнить простою прокладкою чугунной трубы по дну долины (см. у насъ стр. 99), говоритъ самъ на стр. 154, чтобы рѣшить, лучше ли въ каждомъ данномъ случаѣ сифонъ или акведуктъ, необходимо предварительное опредѣленіе стоимости работъ, *чтобы изъ обоихъ неудобствъ выбрать наименьшее*. Если же и въ настоящее время сифонный водопроводъ можетъ иногда оказаться менѣе удобнымъ, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ оказываться таковымъ у Римлянъ, и тѣмъ менѣе имъ приходилось колебаться въ выборѣ способа для провода воды И теперь, чтобы провести воду издалека, въ большомъ количествѣ и при большихъ неровностяхъ почвы, употребляютъ иногда исключительно, иногда въ значительной мѣрѣ водопроводы самотечные съ естественнымъ паденіемъ т. е. постепенно и непрерывно понижающійся каналъ, идущій то надъ почвою (иногда на аркадахъ), то туннелями, слѣдовательно простой старинный способъ, гдѣ это оказывается возможнымъ по климату. Новые большіе водопроводы новаго времени суть по типу въ значительной мѣрѣ именно римскіе. И никто, конечно, не можетъ отрицать того, что самый лучшій видъ водопровода, такъ сказать идеалъ водопровода есть именно простой, представляющій изъ себя искусственную постоянно понижающуюся канаву, какъ бы искусственную рѣчку, несущую любое количество воды съ достаточною скоростью, предохраненную отъ нагрѣванія и идущую не по металлическому руслу, которое могло бы покрываться ржавчиной и под., вообще дѣйствовать дурно на воду, а по каменному или вообще не могущему вліять на воду, удобовентилируемую и удобоочищаемую. Если требуется изъ далекихъ источниковъ провесть въ городъ большое количество воды, то это есть способъ, которымъ достигается все, что желательно для хорошаго водоснабженія большихъ городовъ (Штукенбергъ).

Разумѣется, устройство такой искусственной рѣчки иногда обходится весьма дорого, и Римлянъ обвиняли, какъ мы видѣли, за то, что они тратили громадныя средства на постройку своихъ аркадъ; и въ настоящее время употребляютъ большія сифонныя трубы вмѣсто аркадъ въ тѣхъ лишь случаяхъ потому, что, представляя все же и нѣкоторыя дру-

гія удобства (Штукенбергъ говоритъ, что иногда онѣ удобнѣе противъ засоренія и промерзанія), онѣ главное дешевле обходятся дорогихъ громадныхъ аркадъ и туннелей. Но если бы для Римлянъ устраивать сифоны и было также дешево, какъ теперь,—ихъ сифоны не могли быть такихъ размѣровъ и такой прочности, какъ въ современныхъ большихъ водопроводахъ. Разъ несомнѣнно, что водопроводы Рима были самые лучшіе въ своемъ родѣ въ то время, вполнѣ удовлетворяли цѣли, то этого достаточно было, чтобы оправдать и самые громадные расходы на нихъ. Да и новые большіе водопроводы съ сифонами иногда обходились весьма дорого. Теряетъ тотъ, кто, не имѣя капитала, долженъ сокращать расходы на первоначальную солидную постройку; но Римляне, когда строили свои большіе водопроводы, могли не стѣсняться большими расходами, располагая очень большими средствами. Они могли и хотѣли имѣть у себя самое лучшее водоснабженіе, надежное, вѣковѣчное, удовлетворявшее цѣли въ громадномъ масштабѣ, хотя бы и съ громадными затратами. Впрочемъ вся обширная система водоснабженія Рима возникла только въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, и сказанное нами о „выборѣ“ ими способа веденія воды вѣрно не для всѣхъ періодовъ. Въ древнѣйшій періодъ водоснабженія Римлянъ вѣроятно и не были въ состояніи устраивать сифонные водопроводы (ср. слова Іордана у насъ стр. 70); но, такъ какъ позднѣе сифонъ былъ имъ извѣстенъ и употреблялся несомнѣнно иногда и въ главныхъ водопроводныхъ путяхъ внѣ города, то слѣдовательно тогда уже былъ сознательный выборъ способа веденія воды, и неупотребленіе сифоннаго веденія обусловливалось, полагаемъ, выше указанными условіями, причинами и достаточно объясняется ими.

Но мы поставили выше (стр. 100) вмѣстѣ съ вопросомъ о причинахъ неупотребленія Римлянами сифоннаго веденія воды въ извѣстныхъ случаяхъ также вопросъ: насколько они употребляли сифонный способъ?

Для веденія воды внѣ города—а о немъ именно мы теперь и ведемъ рѣчь—въ водопроводахъ Рима, которые мы главнымъ образомъ имѣемъ въ виду, сифонный способъ, кажется, вовсе не былъ употребленъ; но мы все таки имѣемъ хоть нѣсколько примѣровъ примѣненія этого способа внѣ городовъ въ болѣе или менѣе значительныхъ римскихъ водопроводахъ. Слѣдовательно, хотя есть полное основаніе говорить, что римскіе водопроводы во внѣгородскихъ частяхъ обыкновенно не сифонные, а водопроводы самотекомъ съ естественнымъ паденіемъ воды, но съ дру-

гой стороны надо помнить, что строго говоря, римскій водопроводъ—акведуктъ и несифонный водопроводъ не суть два понятія совершенно одинакаго объема. Всѣ извѣстные примѣры употребленія сифоннаго веденія въ римскихъ водопроводахъ внѣ городовъ мы находимъ болѣе удобнымъ привести въ другомъ мѣстѣ, равно какъ въ другомъ мѣстѣ удобнѣе будетъ указать, изъ чего мы заключаемъ объ отсутствіи сифоновъ въ водопроводахъ Рима внѣ города.

Приведу еще мѣсто изъ цитованной статьи о водопроводахъ (Ф. Смита) въ Dictionary of Antiquities В. Смита. Доказавъ неосновательность мнѣнія, будто Римляне не знали закона сообщающихся трубокъ и сифонныхъ водопроводовъ и что поэтому будто исключительно употребляли водопроводы съ естественнымъ паденіемъ воды—свои дорогіе акведукты, авторъ продолжаетъ: „Другая причина, приводимая для объясненія употребленія Римлянами акведуктовъ есть недостатокъ у нихъ матерьяловъ и недостатокъ техническихъ свѣдѣній чтобы приготовить трубы достаточнаго размѣра, и съ другой стороны вмѣстѣ та любовь къ великолѣпію и хвастливое пренебреженіе къ издержкамъ, чѣмъ характерируются архитектурныя произведенія имперіи. Нѣкоторое значеніе безъ сомнѣнія должно быть признано за этими соображеніями [1]), хотя на самомъ дѣлѣ Рим-

---

[1]) Мы не могли найти никакого свидѣтельства въ пользу того, что послѣдній мотивъ самъ по себѣ обусловливалъ выборъ способа веденія воды, между прочимъ постройку аркадъ, а, какъ читатель видѣлъ, привели и нѣкоторыя положительныя свидѣтельства, говорящія противъ этого; съ другой стороны, обычный способъ веденія воды у Римлянъ объясняется, по нашему мнѣнію, достаточно и другими условіями.

Въ числѣ ихъ мы считаемъ и то, что для Римлянъ устройство большихъ сифоновъ представляло больше затрудненій, что у нихъ для этого было сравнительно менѣе средствъ; при этомъ и матерьялъ, который у нихъ былъ въ распоряженіи для изготовленія водопроводныхъ трубъ, и по нашему мнѣнію, долженъ былъ имѣть безъ сомнѣнія извѣстное значеніе.—Въ дополненіе къ сказанному выше о водопроводныхъ трубахъ приводимъ слѣдующее. Широкая древняя водопроводная труба не менѣе двухъ футовъ въ діаметрѣ была найдена въ Римѣ подъ улицей Condotti (на Марсовомъ полѣ) (Parker, The Aqua, 82 Lanciani). Паркеръ (стр. IV), сказавъ что изъ главнаго большаго резервуара на верху Целійскаго холма (куда проведена была вода Клавдіева водопровода и Аніена Новаго на Нероновыхъ аркадахъ), вода разводилась въ разныя стороны; сначала на аркадахъ, а потомъ дальнѣйшее распредѣленіе

ляне употребляли трубы также какъ и водопроводы; но самое главное тутъ это то, что слишкомъ поспѣшно, было предположено, будто акведуктъ [1]) есть не научный способъ проведенія воды въ большой городъ отъ отдаленныхъ источниковъ, или что этотъ способъ принадлежитъ исключительно древнимъ. Самый Лондонъ снабжается водою главнымъ образомъ посредствомъ акведукта, ибо таковъ есть Нью-Риверъ

происходило посредствомъ металлическихъ трубъ, прибавляетъ: „но для главной массы никакія металлическія трубы изъ имѣвшихся въ то. время не были достаточно широки и крѣпки, чтобы выдержать давленіе тока воды въ 4 фута глубиною и въ 2 шириною, пробѣгавшаго по 5 или 6 миль (англ.) въ часъ, если не болѣе". Въ современныхъ большихъ водопроводахъ употребляютъ громадныя трубы и иногда даже такихъ трубъ приходится прокладывать по нѣскольку вмѣстѣ. Штукенбергъ (стр. 155) сообщаетъ, что въ водопроводѣ, доставляющемъ воду въ Парижъ изъ Шампаньи ($73\frac{1}{2}$ верстъ длины) кривыя подъемныя трубы уложены въ два ряда и каждая съ отверстіемъ въ 1 метръ —3,28 фута! а на стр. 157,—что въ Вѣнскомъ водопроводѣ, идущемъ отъ Kaiserbrunnen, Императорскаго колодца, чугунная труба, отверстіемъ въ 3 фута (длиною въ $6837\frac{1}{2}$ сажени) обошлась въ 450.450 рублей; въ главномъ водопроводѣ Вѣны двѣ чугунныя трубы по три фута отверстія и длиною въ $1435\frac{1}{2}$ сажени обошлись въ 176,540 руб.)

[1]) Слово aquaeductus означало въ латинскомъ языкѣ всякій водопроводъ вообще. Но вслѣдствіе того, что римскіе водопроводы были исключительно или главнымъ образомъ простыми самотечными каналами, иногда на аркадахъ и сифонные ихъ водопроводы долгое время вовсе не были извѣстны, такъ что возможно было даже мнѣніе, будто имъ этотъ способъ веденія воды былъ неизвѣстенъ, и въ слѣдствіе того что наиболѣе бросались въ глаза и извѣстны были и водопроводныя аркады, слово это въ новыхъ языкахъ (и только въ нихъ) получило также спеціальное значеніе самотечнаго водопровода въ противоположность сифонному и даже только аркадной части водопровода надъ долинами, рѣками и под. (соотвѣтственно слову „віадуктъ"). (Трудно понять, почему нѣкоторые русскіе писатели предпочитаютъ употреблять слово французское—и то не теперешнее—„акведюкъ". Также точно странно употребленіе слова „систерна", когда латинское „cisterna" означаетъ тоже самое, а Французы говорятъ „cîterne"). Слово aquae ductus означало у Римлянъ также еще право провести воду на свою землю черезъ чужія владѣнія или также изъ источниковъ, находящихся на чужой землѣ, тоже что ius или servitus aquaeductus или aquae ducendae (Aquaeductus est ius aquae ducendae per fundum alienum, Digest. VIII, 3, 1, 1. Срв. actus, [aquae] haustus).

(New River) по принципу, хотя мѣстность, по которой онъ проходитъ, такова, что не требуетъ арокъ и туннелей, подобныхъ аркамъ и туннелямъ римскихъ водопроводовъ; и это же можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ. Все дѣло сводится тутъ къ вопросу о сравнительной выгодности того и другого способа. Съ одной стороны издержки на акведуктъ, съ другой—громадныя (enormous) трубы, которыя потребовались бы для проведенія равнаго количества воды, подверженность ихъ засореніямъ и порчѣ въ мѣстахъ соединеній, уменьшеніе отъ тренія, особенно при поворотахъ, и неравномѣрнаго давленія воды. И дѣйствительно, новѣйшимъ дѣломъ инженерной науки въ этой области было возвращеніе къ римскому акведукту, которому отдано предпочтеніе предъ всякимъ другимъ способомъ проведенія воды въ большомъ количествѣ на значительное разстояніе при большихъ неровностяхъ почвы. Мы укажемъ на водопроводъ, начатый въ 1837 и оконченный въ 1842 году, посредствомъ котораго вода рѣки Кротона доставляется на разстояніи 40 (англ.) миль въ городъ Нью-Іоркъ и который описываютъ слѣдующимъ образомъ: „Искусственный каналъ сдѣланный изъ тесанныхъ прямоугольныхъ камней, лежащій на крѣпкой каменной субструкціи, проходитъ черезъ долины, рѣки, подъ холмами, на аркадахъ и насыпяхъ, или по туннелямъ и мостамъ, на пространствѣ этихъ сорока миль. Не трубы, а какъ бы съуженная рѣчка, покрытая сводомъ для того, чтобы вода сохранялась чистою и здоровою, течетъ, проходя по полуторы мили въ часъ къ Нью-Іорку". Болѣе точнаго описанія древнеримскаго акведукта не можетъ быть дано. (См. Illustrations of Croton Aqueduct. by F. B. Tower, 1843") [1]).

---

[1]) Какъ сопоставленіе большихъ древне-римскихъ водопроводовъ съ таковыми же новаго времени, мы приводимъ еще мѣсто объ этомъ же водопроводѣ у Штукенберга. „Одно изъ громадныхъ (водопроводныхъ) сооруженій новѣйшаго времени есть Кротонскій водопроводъ въ Ньюіоркѣ..... На протяженіи 5 англійскихъ миль или $7^1/_2$ верстъ, основаніемъ водопроводу служитъ большая дамба, а далѣе на 10 англійскихъ миль или 15 верстъ онъ проходитъ по тоннелямъ, канавамъ, мостамъ и дамбамъ, черезъ долины и ущелья. Его шестьнадцать тоннелей составляютъ протяженіе въ 6481 футъ или до 2 верстъ. Самое замѣчательное сооруженіе этого водопровода есть Гарлемскій мостъ, длиною въ 1500 футовъ, вышиною 160 футовъ надъ уровнемъ воды пересѣкаемой имъ рѣки мостъ состоитъ изъ 8 пролетовъ по 80

Итакъ мы видимъ raison d'être обычнаго у Римлянъ способа веденія воды: они употребляли самое лучшее, что только при данныхъ условіяхъ могли. Если Римляне въ большихъ водопроводахъ несомнѣнно не употребляли обыкновенно сифоннаго способа веденія воды, то, очевидно имъ оставалось устраивать аркады, прорывать туннели и под., это дѣлалось въ такомъ случаѣ необходимостью; и, такъ какъ неупотребленіе ими въ извѣстныхъ случаяхъ сифона зависѣло отъ причинъ, вытекавшихъ изъ сущности водопроводнаго дѣла и степени развитія строительной техники, то слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о безумной тратѣ денегъ на постройку аркадъ и под. Новое время подражало имъ, соперничало съ ними въ дѣлѣ водоснабженія, вводя въ немъ тѣ усовершенствованія, какія вызывались и обусловливались прогрессомъ техники. Штукенбергъ (стр. 155) говоритъ: „Въ новѣйшее время возведены тоже грандіозныя сооруженія для проведенія въ большіе города ключевой воды съ дальняго разстоянія и сооруженія эти не только соперничаютъ съ древнеримскими, но даже превосходятъ ихъ по удачному преодолѣнію встрѣтившихся затрудненій и примѣненію разнообразныхъ новыхъ способовъ строительнаго искусства“.

футовъ и изъ пролетовъ по 50 футовъ, перекрытыхъ арками. Для освѣженія воздуха въ тоннеляхъ устроено 39 продушинъ въ шахтахъ, служащія вмѣстѣ и для входа въ тоннели. Кромѣ этого водопровода у Штукенб. приводятся любопытныя данныя о большихъ водопроводахъ Парижа, Бостона, Вѣны, какъ уже указнно на стр. 58.

РИМСКАЯ ЖЕНЩИНА ДО ЭМАНЦИПАЦІИ И ПОСЛѢ НЕЯ.

(Лекція, читанная 13 марта 1882 г. въ пользу недостаточныхъ учениковъ кіевской 2-й гимназіи).

Женщина, безспорно, имѣла и имѣетъ важное значеніе въ жизни государствъ и народовъ. Значеніе ея бываетъ больше или меньше, по мѣрѣ того, въ какія условія она поставлена въ данномъ обществѣ. Женщина въ древнемъ Римѣ успѣла побывать въ разныхъ положеніяхъ, вліяя такъ или иначе на ходъ жизни семейной и общественной. Поэтому исторія римской женщины можетъ выяснить указанное выше значеніе женщины. Съ этою цѣлію и помѣщается ниже краткій очеркъ положенія римской женщины и ея вліянія на жизнь семейную и общественную Рима съ древнѣйшихъ временъ до 2-го вѣка по Р. X.

Каково-же было положеніе женщины въ древне-классическомъ Римѣ?

Обыкновенно считаютъ, что женщина у древнихъ классическихъ народовъ находилась въ состояніи рабства и затворничества. Мнѣніе это основываютъ, съ одной стороны, на законахъ гражданскихъ, которые дѣйствительно противъ свободы женщины, и съ другой на взглядахъ философовъ. Такъ Платонъ, характеризуя дурное управленіе въ демократическомъ обществѣ, изображаетъ въ немъ раба, отказывающагося повиноваться своему господину, и женщину, желающую быть равною своему мужу [1]). А Аристотель идетъ еще дальше. „Конечно, говоритъ онъ: „въ этомъ обществѣ могутъ быть честные женщины и рабы; но, вообще говоря, женщина принадлежитъ къ низщей породѣ, а рабъ совершенно злое существо“. Не лучше отзываются о женщинѣ въ своихъ теорети-

---

[1]) Cic. resp. 1, 43.

ческихъ сочиненіяхъ Цицеронъ, повидимому соглашающійся съ мнѣніемъ Платона, и Сенека—философъ, который утверждаетъ, что женщина „невѣжественное и непокорное существо, безсильное сдерживать свои страсти“. [1]).

Приведенное мнѣніе справедливо лишь въ общемъ по отношенію къ греческой женщинѣ. Что-же касается римской женщины, то законодательство и философскія теоріи остались для нея мертвою буквою: практика жизни освободила Римлянку изъ подчиненнаго положенія. Причину такого освобожденія нужно искать въ возвышенномъ взглядѣ Римлянъ на бракъ, какъ на „соединеніе *двухъ* жизней“, а соединеніе это, разумѣется, могло быть лишь тогда, когда между обоими супругами было все общее. „Когда я вышла за тебя“, говоритъ Бруту благодарная Порція, „то я сдѣлала это не для того только, чтобы, подобно любовницѣ, быть возлѣ тебя за столомъ или на ложѣ, но чтобы брать свою долю во всемъ, что можетъ случиться съ тобою хорошаго и дурнаго“. Такой взглядъ Римлянъ на бракъ ясно выраженъ въ исконной формулѣ, произносившейся при заключеніи брака. Когда новобрачная впервые переступала порогъ дома своего мужа, то онъ обращался къ ней со словами: „Ubi ego Gajus, ibi tu Gaja, т. е. гдѣ я господинъ, тамъ и ты госпожа“. Съ своей стороны новобрачная, съ нѣкоторыми измѣненіями, произносила туже формулу: „Ubi tu Gajus, ibi ego Gaja, т. е. гдѣ ты господинъ, тамъ и я госпожа“. И дѣйствительно, выйдя замужъ, Римлянка становилась госпожею (domina). Такъ называли ее не только рабы и кліенты, но и мужъ, со стороны котораго она встрѣчала вниманіе и уваженіе и вообще въ семьѣ величайшій почетъ. Правда, законъ говоритъ, что женщина изъ-подъ власти отца поступала во власть мужа (conveniebat in manum mariti); но обычай въ этомъ случаѣ оказался сильнѣе закона: женщина, по закону обреченная быть подъ вѣчною опекой, въ дѣйствительности становится товарищемъ, подругой и почти ровней своего мужа. Она засѣдаетъ, или вѣрнѣе, царитъ въ атріумѣ. А *атріумъ* не есть, подобно греческому гинекею или нашему терему, отдѣльный покой, сокрытый и недоступный для другихъ, нѣтъ: это—центръ римскаго жилища, общая зала, гдѣ собиралось семейство и гдѣ принимались друзья и знакомые. Здѣсь возлѣ очага возвышался алтарь богов-ъ-ларовъ и вокругъ этого святилища было собрано все, что было у семейства священнаго и

---

[1]) Const. sap. 14: Animal imprudens, ferum, cupiditatum impatiens.

драгоцѣннаго, именно: брачное ложе, изображенія предковъ, полотна и веретена матери семейства, наконецъ сундукъ, въ которомъ хранились списки домашняго имущества и семейное серебро. Всѣ эти сокровища сберегались женщиной. Кромѣ того, она вмѣстѣ съ мужемъ управляла родовымъ имѣніемъ и домомъ. Считаемъ не лишнимъ прибавить, что работы по кухнѣ были предоставлены прислугѣ. Жена только занималась пряжей и тканьемъ. Но самая главная роль матери семейства является въ воспитаніи дѣтей, которыя долго оставались подъ ея надзоромъ и властію. Такое воспитаніе считалось у Римлянъ очень высоко и обозначалось словами: in gremio matris educari, (быть воспитану на лонѣ матери). Благодаря преимущественно этой своей роли Римлянка пріобрѣла громадное вліяніе и почетъ въ семействѣ и обществѣ. Чтобы показать, какъ велико было вліяніе матери даже на взрослыхъ дѣтей, приведемъ слѣдующій примѣръ. Когда извѣстный Коріоланъ, сначала изгнанникъ, а потомъ врагъ своего отечества, подступилъ къ Риму съ войскомъ Вольсковъ и сталъ осаждать городъ, то дважды посылаемое посольство и затѣмъ жрецы не въ состояніи были склонить его къ миру. Наконецъ отправляется къ нему въ лагерь его мать Ветурія. При видѣ ея Коріоланъ вскакиваетъ съ мѣста и хочетъ заключить ее въ свои объятія. Но та строго говоритъ: „постой, постой! прежде чѣмъ принять твои поцѣлуи, я должна знать, къ врагу-ли я пришла, или къ сыну, плѣнница-ли я въ твоемъ лагерѣ, или мать.... Подъ старость, продолжала она, мнѣ довелось увидѣть въ тебѣ изгнанника и потомъ врага. Могла-ли я подумать, что мой сынъ дерзнетъ когда нибудь опустошать ту землю, которая его вскормила!.,. Если-бы я тебя не родила, Римъ теперь не находился-бы въ осадѣ; если-бы я не имѣла сына, я бы могла умереть свободной въ свободномъ отечествѣ“!... Коріоланъ удалился съ войскомъ изъ-подъ стѣнъ Рима. Примѣръ знаменательный. Человѣкъ, порвавшій всякую связь съ отечествомъ, съ ожесточеніемъ его разоряющій, сдѣлавшись гражданиномъ другого отечества, человѣкъ, не склоняющійся передъ мольбами сенаторовъ и представителей духовенства, безропотно повинуется старушкѣ матери! Вотъ каково было вліяніе и значеніе матери семейства. Объ этомъ значеніи можетъ свидѣтельствовать и то обстоятельство, что все семейство во время женскаго праздника матроналій, 1-го марта, и въ день рожденія приносило матери семейства подарки съ поздравленіями. Свидѣтельствуетъ также объ этомъ и Катонъ Старшій, который говоритъ: „Повсюду мужчины управляютъ женщинами; Римляне-же, управляющіе почти всѣмъ міромъ, сами находятся въ рукахъ у женщинъ“.

Если римская матрона появлялась внѣ дома въ приличной ея званію одеждѣ, то со стороны прохожихъ она встрѣчала должное почтеніе; если она при этомъ была въ интересномъ положеніи, то это почтеніе переходило въ благоговѣніе передъ нею, какъ носительницею будущаго гражданина. До римской матроны, когда она появлялась на судѣ, нельзя было дотронуться, хотя это и требовалось юридическими обычаями (напр. auriculam tangere).

Сообразно съ понятіемъ о матери семейства, какъ ближайшей воспитательницѣ и руководительницѣ дѣтей, сообразно съ ея правомъ и обязанностію вести порядокъ въ домѣ и раздѣлять съ мужемъ домашнее управленіе, отъ Римлянки требовали серьезнаго ума и рѣшительнаго характера. Всѣ свободнорожденныя женщины, въ комедіяхъ Плавта, чужды нѣжности, увлеченій и порывовъ страстей, робости и задумчивости: у нихъ видъ рѣшительный, и говорятъ онѣ твердымъ и рѣшительнымъ тономъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ, какъ видно изъ изученія быта древнихъ, скромны, степенны, цѣломудренны, проникнуты уваженіемъ къ родителямъ, повиновеніемъ мужу и страхомъ къ богамъ.

Въ силу какихъ обстоятельствъ выработался такой именно, а не иной складъ римской женщины?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ вѣрованіяхъ Римлянина, начало и развитіе которыхъ кроется въ глуби древности.

По вѣрованію древняго Италійца, со смертію человѣкъ не погибаетъ, а только переселяется въ иную жизнь, находящуюся вблизи роднаго крова, подъ землею. Изъ этого вѣрованія вытекалъ обычай погребать усопшихъ: въ противномъ случаѣ, души ихъ, лишенныя жилища, становились вѣчными скиталицами, не могшими нигдѣ утолить своего голода, испытывающими разныя невзгоды, которыя онѣ вымѣщали на виновникахъ своихъ страданій, посылая имъ болѣзни, моръ, бездождіе и безплодіе. Хоронили усопшихъ невдалекѣ отъ жилища, въ устроенномъ для этого склепѣ. Чтобы погребеніе было дѣйствительно, для этого нужно было совершить заповѣданные предками обряды и произнести заклятія. Похороненное такимъ образомъ существо не совсѣмъ теряло человѣческія свойства: оно нуждалось въ пищѣ и питьѣ, которыя доставляла ему въ положенные дни его оставшаяся въ живыхъ семья. Удовлетвореніе нуждъ усопшаго его семьей ставилось въ прямую обязанность этой послѣдней. Небрежное отношеніе къ этой обязанности навлекало бѣдствія и на семью, и на усопшаго. Покойникъ, въ такомъ случаѣ, выходилъ изъ

могилы и мстилъ небрежнымъ, посылая имъ разныя бѣдствія. Кто усердно исполнялъ свои обязанности по отношенію къ усопшему, тотъ находилъ въ немъ благодѣтельное божество. Такія божества у Римлянъ назывались Манами или Ларами. Такимъ образомъ усопшій становился по отношенію къ своему семейству богомъ-покровителемъ, если ему въ установленные дни приносились исправно жертвы, и мстителемъ, если къ нему были небрежны.

Но кому умирающій могъ открыть тайны завѣщанныхъ предками молитвъ, которыя онъ творилъ надъ ихъ могилой и которыя должны быть творимы во время приношенія ему могильной трапезы? Вѣра говоритъ, что такимъ лицомъ долженъ быть его сынъ, рожденный отъ законнаго брака, т. е. брака, совершеннаго при незримомъ присутствіи домашняго бога, предъ *домашнимъ очагомъ*, передъ которымъ брачущійся давалъ клятву продолжить, въ лицѣ мужескаго поколѣнія, свой родъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозный культъ своей семьи.—Изъ того обстоятельства, что умершій могъ получать чествованіе только отъ своего *законнаго* сына, вытекала необходимость брака, дабы родъ и культъ не угасли. Кто умиралъ, не оставивъ мужескаго потомства, тотъ въ загробной жизни не только самъ подвергался лютымъ мукамъ, но обрекалъ на это и своихъ предковъ. И такъ *вѣрованіе* это послужило побужденіемъ для устройства семьи.

Рядомъ съ этимъ вѣрованіемъ было еще другое, именно вѣрованіе *въ домашній очагъ*, къ которому Римлянинъ обыкновенно обращался во всѣ минуты жизни и съ которымъ онъ согласовалъ всѣ свои дѣйствія и поступки. Очагъ—это церковь, гдѣ молилась утромъ, въ полдень и вечеромъ семья Римлянина.

Религіи, подъ вліяніемъ которой опредѣлилось чиноначаліе семьи и весь ея строй, принадлежитъ устройство семейной дисциплины. Властью заправляющею является здѣсь семейный богъ (lar familiaris), незримо присутствующій въ домѣ каждаго Римлянина и царящій въ его душѣ и въ душахъ членовъ его семьи. Служителемъ этого лара является pater familias, а его помощницей его супруга—mater familias. Они должны были давать отчетъ, они должны были нести строгое наказаніе, если передъ алтаремъ этого бога совершено что-нибудь нечистое; потому что передъ этимъ алтаремъ, который почитался чистымъ и непорочнымъ, не должно совершаться ничего нечистаго какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Сдѣлавшій дурное дѣло внѣ очага не имѣлъ права подойти къ нему, не совершивъ предварительно разныхъ искупи-

тельныхъ обрядовъ. Такимъ образомъ религія эта предписывала чистоту дѣйствій вообще. Эта чистота прежде всего должна была выражаться въ строгомъ соблюденіи супружеской вѣрности. Супружеская невѣрность, по смыслу религіи, самая тяжкая вина: *ею* оскверняется культъ, вслѣдствіе *ея* разрывается связь между живыми и умершими. Таже религія, опредѣлившая нравственный складъ семьи, опредѣлила и отношенія членовъ семейства другъ къ другу, внѣдривъ въ семейство взаимное уваженіе и любовь и возведя семейныя добродѣтели на степень благочестія (pietas).

Итакъ религія, обосновавшая семью, требовала въ домѣ Римлянина непремѣннаго присутствія женщины. Таже религія опредѣлила права и обязанности женщины въ семействѣ. Поступиться своими правами или допустить нарушеніе обязанностей—было преступленіемъ противъ религіи, преступленіемъ, за которое должна нести наказаніе не только сама виновница, но и окружающіе ее, именно: мужъ и дѣти. Мало того: преступленіемъ этимъ нарушался покой умершихъ, которые жестоко мстили за это, нарушался покой живущихъ, которымъ, вслѣдствіе порванія связи между ними и ихъ усопшими предками, предстояло остаться безъ религіи, а это значило нигдѣ и никогда не найти пріюта для своей совѣсти. Поэтому женщина volens nolens должна была точно пользоваться предоставленными ей правами, быть, въ извѣстномъ смыслѣ, владычицей въ домѣ; а это воспитало въ ней указанныя выше свойства: степенность, повелительную осанку и рѣшительность тона и характера. Съ другой стороны, она непремѣнно должна была исполнять налагаемыя на нее религіей обязанности: отсюда ея страхъ къ богамъ, ея повиновеніе мужу, ея цѣломудріе, Вотъ какія обстоятельства выработали изображаемую нами римскую женщину.

Если взглянуть *поверхностно* на положеніе и роль римской женщины въ изображаемую эпоху, то мы, сыны 19 ст., готовы сказать, что положеніе ея было унизительно, что роль римской женщины заключалась въ тѣсныхъ предѣлахъ дома, семьи, что въ жизни общественной она *лично* не принимала ровно никакого участія, а слѣдовательно не могла имѣть никакого вліянія на эту жизнь. Но внимательное изученіе положенія римской женщины въ связи съ ходомъ жизни общественной и политической Рима показываетъ, что такой взглядъ былъ-бы ошибкой. Правда, римская женщина *личнаго, непосредственнаго* участія въ жизни общественной не принимала въ это время; правда, главная роль ея была въ семьѣ; но не будемъ забывать, что древняя римская семья была про-

тотипомъ всего государственнаго строя Рима, своего рода государствомъ, а mater familias—царица въ этомъ государствѣ. Связь-же семьи съ государствомъ въ Римѣ была больше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было: въ семьѣ насаждалось въ душѣ Римлянина святое чувство къ родинѣ, способное на всевозможныя жертвы для ея процвѣтанія, чувство чести и долга; семья была школой, гдѣ учились искусству повелѣвать и повиноваться, школой, въ которой вырабатывалось и постоянно поддерживалось понятіе о необходимости власти, порядка и законности Однимъ словомъ, здѣсь, въ этой семьѣ посѣяна и выросла та мощная сила, которая создала и возвеличила Римъ, сдѣлала его владыкой всемірнымъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, вѣчнымъ, являющимъ достойный подражанія примѣръ семейнаго благоустройства. „Въ этой семьѣ, говоритъ Горацій, родилось и подъ руководствомъ строгой матери (severae matris) воспиталось то поколѣніе воиновъ, передъ которыми преклонились знамена величайшихъ полководцевъ: Пирра, Ганнибала, Антіоха и др. Великую услугу оказала Риму женщина, пока стояла на высотѣ призванія своего, какъ матери семейства. Поэтому не удивительно, что еще архаическіе поэты (напр. Афраній) такъ прославляли величіе и святость матроны (majestatem nominis matronae et sanctitudinem).

Пять съ половиной столѣтій держался этотъ порядокъ въ Римѣ. Затѣмъ произошли событія, совершенно измѣнившія его.

Въ VI в. отъ основанія Рима начинается сильное вліяніе Греческой литературы на Римскую. Немного спустя, Греція покорена римскимъ оружіемъ. Но, стоя выше въ культурномъ отношеніи, Грекъ вскорѣ изъ побѣжденнаго дѣлается побѣдителемъ. „Побѣжденная Греція, говоритъ Горацій, побѣдила суроваго побѣдителя, внесши искусства въ грубый Латій“. Но не въ этомъ только подчинилъ Грекъ Римлянина: онъ заставилъ его говорить на своемъ языкѣ и перенять свои нравы и обычаи. Въ этомъ случаѣ случилось съ Римляниномъ то, что обыкновенно бываетъ съ подражательною націею (къ сожалѣнію и съ нашей!), именно: что было худшаго въ нравахъ Грека, то Римлянинъ усвоилъ себѣ, забывъ при этомъ преданія и принципы національные. Столкнувшись съ Грекомъ, Римлянинъ увидѣлъ, что тотъ ведетъ себя по отношенію къ семьѣ совсѣмъ не такъ, какъ это водилось въ Римѣ. Грекъ, въ противоположность Римлянину, старался какъ можно меньше быть дома; онъ

искалъ тамъ только самаго необходимаго—крова и пищи. Что же касается излишка, составляющаго прелесть существованія, то онъ добывалъ его себѣ въ другомъ мѣстѣ. У Грековъ былъ обычай открыто раздѣлять жизнь на двѣ части: та, кокорая проводилась дома, была самая короткая и самая скучная, такъ какъ дома не съ кѣмъ было поговорить съ удовольствіемъ. „Есть-ли кто—нибудь, говоритъ Сократъ одному изъ своихъ друзей, съ кѣмъ бы ты меньше говорилъ, чѣмъ съ своею женою"? Кто хотѣлъ дать развлеченіе своему уму и пищу душѣ, тотъ уходилъ изъ дому и внѣ его искалъ того, чего не могла дать ему домашняя жизнь. Такимъ образомъ куртизанка сдѣлалась для Грека естественнымъ дополненіемъ брака. Такое явленіе считалось вполнѣ нормальнымъ и Демосѳенъ совершенно просто говоритъ: „У насъ есть друзья для удовольствій, а жены для того, чтобы рожать намъ дѣтей и вести порядокъ въ домѣ".

Несмотря на то, что подобный порядокъ прямо противорѣчилъ натурѣ Римлянина, положительной, менѣе поэтичной, менѣе артистичной и менѣе любопытной, чѣмъ натура Грека, но, отъ частаго сношенія съ Греками, и у него явился вкусъ къ этому порядку вещей: и онъ сталъ раздѣлять жизнь между куртизанкой и законною супругой. Такъ Антоній проѣхалъ всю Италію въ сопровожденіи двухъ носилокъ, изъ которыхъ въ однѣхъ несли его жену, а въ другихъ извѣстную комедіантку Киѳерису, приковывавшую сердца и помышленія многихъ почтенныхъ отцевъ семейства того времени и причинявшую имъ не мало горя. Примѣровъ этого рода много. Но останавливаться на нихъ мы не будемъ; скажемъ только, что они свидѣтельствуютъ о коренномъ переворотѣ въ нравственныхъ воззрѣніяхъ доброй части римской интеллигенціи, дошедшей до забвенія самыхъ основъ, на которыхъ создалось и которыми поддерживалось зданіе римскаго государства, и до потери національнаго самосознанія и достоинства. Посмотрите, что продѣлываетъ одинъ государственный мужъ, бывшій консулъ Планкъ, въ угоду знаменитой Клеопатрѣ: онъ придѣлываетъ себѣ рыбій хвостъ, окрашиваетъ себя въ морской синій цвѣтъ и, покрывъ голову тростникомъ, пляшетъ танецъ морскаго бога Главка.

Что же дѣлаютъ въ это время римскія женщины? Остаются-ли онѣ равнодушными зрительницами всѣхъ безобразій своихъ мужей? Нѣтъ: онѣ жестоко отомстили за эти безобразія. Видя, что ихъ мужья бѣгутъ ихъ и ищутъ удовольствія въ обществѣ куртизанокъ, онѣ всѣми мѣрами стараются удержать мужей въ своей власти. Вѣрно разсчитавъ, что чѣмъ

меньше будетъ граница между женою и куртизанкой, то тѣмъ менѣе будетъ поводовъ для Римлянина убѣгать изъ подъ власти жены, матроны рѣшились отнять у куртизанокъ самое орудіе ихъ соблазна. Слѣдствіемъ этого было то, что, вмѣсто прежней угловатой матроны, является теперь матрона слишкомъ развязная, вопреки общественному мнѣнію, стала учиться пѣнію и музыкѣ, сдѣлалась чувствительной къ наслажденіямъ легкой литературой; вмѣсто прежней степенности и скромности, пріобрѣла теперъ вѣтренность и нахальство, такъ что дѣйствительно въ своей женѣ Римлянинъ находилъ тѣже качества, которыя такъ раздѣляли Грека между женою и куртизанкой, и вслѣдствіе этого пересталъ избѣгать семью. Римлянинъ, вовремя опомнившись, остановился и не дошелъ до той легкости греческихъ нравовъ, которая ставитъ супругу и куртизанку на одну доску. Такимъ образомъ римскія женщины удержали при себѣ мужей. Но почувствовавъ за собою силу и власть, онѣ становятся недовольными результатами своей побѣды. Заставивъ мужей *состоять* при себѣ, онѣ съ неудержимою силой мчатся впередъ и впередъ. Куртизанка по профессіи была вытѣснена, и ея мѣсто заняли куртизанки въ лицѣ римскихъ матронъ, матерей семействъ. Этимъ ознаменовала римская женщина свою *эманципацію*. Вотъ что говоритъ по этому поводу Горацій:

„Время, обильное преступленіями, впервые осквернило святость брачныхъ узъ, семью и потомство. Происшедшая отсюда язва потекла на отечество и народъ. Уже съ раннихъ лѣтъ дѣвица учится непристойнымъ іонійскимъ тѣлодвиженіямъ и другимъ способамъ, которые пускаются въ ходъ при нечистой любви. Вышедши замужъ, она между гостями мужа отыскиваетъ болѣе молодыхъ, чѣмъ онъ, друзей; позоветъ-ли ее знакомъ торгашъ, или капитанъ корабля, покупающій постыдныя удовольствія за дорогую цѣну, она встаетъ въ присутствіи мужа и гостей и отправляется, чтобы, контрабанднымъ образомъ, гдѣ-нибудь въ потьмахъ, продать свой запрещенный товаръ.“

Къ такому безотрадному положенію пришли Римляне, по словамъ Горяція, вслѣдсвіе забвенія своей религіи, повлекшаго за собою порчу семейныхъ нравовъ и массу разныхъ бѣдъ, обрушившихся на Италію Поставивъ на видъ, что этой религіи и основанной на ней строгой семьѣ Римъ обязанъ своимъ величіемъ, поэтъ съ горестію восклицаетъ: „Все умалилось съ теченіемъ времени! вѣкъ нашихъ отцевъ, который оказался хуже вѣка нашихъ дѣдовъ, создалъ насъ еще худшими; а вотъ за нами послѣдуетъ поколѣніе, еще болѣе порочное“.

Поистинѣ пророческія слова! Поэтъ чуетъ, что въ крови его современниковъ уже зарождались Агриппины, Мессалины, Нероны, Домитіаны и мн. др., составившіе позорную страницу въ исторіи человѣчества.

Такъ произошла эманципація римской женщины. Присмотримся поближе къ этой женщинѣ и къ ея дѣятельности, которую она, какъ существо свободное, ни отъ кого и ни отъ чего независимое, проявила въ разныхъ направленіяхъ.

Для удобства изложенія, считаемъ возможнымъ раздѣлить римскихъ женщинъ на три группы: первыя двѣ группы представляютъ крайности въ направленіи римской женщины послѣ эманципаціи, третья занимаетъ средину между первыми двумя.

Въ первую крайнюю группу помѣстимъ тѣхъ женщинъ, которыя отличались отъ матроны прежней эпохи своимъ лишь образованіемъ солиднымъ, своимъ влеченіемъ къ серьезнымъ литературнымъ произведеніямъ какъ греческихъ, такъ и римскихъ писателей; но въ тоже время онѣ остаются *женщинами*, такъ что даже самая строгая матрона прежней эпохи не посмѣла бы имъ сдѣлать упрекъ въ этомъ отношеніи. Онѣ стояли на высотѣ своего призванія, какъ супруги и матери семейства. Таковы: Агриппина Старшая, обѣ Арріи, Фульвія, мать поэта Персія, Полита, жена Рубелія Плавта, и мн. др.. Какъ вліяетъ на образъ мыслей и чувствъ сосѣдство хорошей женщины, примѣромъ можетъ служить Паулина, жена Сенеки-философа. Грубый взглядъ Сенеки на женщину мы приводили въ началѣ нашей бесѣды. Прибавимъ къ этому его взглядъ на любовь къ женщинѣ: „Любитъ чужую жену“, говоритъ онъ—„преступленіе, любить свою собственную—излишество. Мудрецъ долженъ быть привязанъ къ своей женѣ разумомъ, а не сердцемъ. [1]) Но въ жизни нашъ философъ идетъ въ разрѣзъ съ своими теоретическими воззрѣніями на женщину. Когда онъ говоритъ о Паулинѣ, слова его дышатъ самою живою и самою трогательною привязанностію. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Луцилію онъ говоритъ, что онъ боленъ и что Паулина заставляетъ его лѣчиться. „Такъ какъ жизнь ея“, говоритъ онъ, „зависитъ отъ моей жизни, то я забочусь о себѣ, чтобы заботиться о ней. Что можетъ быть пріятнѣе, какъ быть до такой степени любимымъ своею женою, чтобы, изъ любви къ ней, любить больше самого себя“. [2]) Какъ видите, эта жен-

[1]) De matrim. 89: in aliena uxore omnis amor turpis est, in sua nimius
[2]) Ep 104,2

щина побѣдила стоика, заставила его думать и чувствовать не постоически. Извѣстно, что она хотѣла умереть вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, который ее такъ нѣжно любилъ, и которымъ она такъ гордилась, и что, когда ее насильно возвратили къ жизни, она пережила его только на нѣсколько лѣтъ, свято храня и почитая его память.

Кромѣ семейныхъ добродѣтелей, женщины этой группы вызываютъ къ себѣ симпатію еще своею отзывчивостію къ бѣдственному положенію ближняго. Есть свидѣтельства, что женщины эти занимались дѣлами благотворительности, порознь и составляя для этой цѣли цѣлыя благотворительныя общества. Встрѣчая со стороны женщинъ другого лагеря снисходительно—презрительныя насмѣшки, женщины эти стяжали себѣ добрую славу не только у серьезныхъ современниковъ. но и у потомства Ихъ добрыя дѣянія прославляются на ихъ гробницахъ. Для примѣра приводимъ относящуюся къ этой эпохѣ эпитафію одной женщины, въ которой говорится, что „она имѣла только *одного* мужа, была цѣломудренна, добропорядочна, безупречна“, и затѣмъ прибавляется, что“ она была матерью для всѣхъ, являлась на помощь ко всѣмъ несчастнымъ и никого не опечалила“. Похвала, достойная красоваться даже на гробницѣ христіанки!

Ко второй крайней группѣ относятся женщины, по своему не глупыя, много читавшія, много и красно говорившія о несчастномъ положеніи женщины, о несостоятельности и обветшалости общественнаго строя и этимъ путемъ дошедшія до того, что открыто стали смѣяться надъ общественнымъ мнѣніемъ и жить безъ всякаго стѣсненія, подобно греческой женщинѣ легкаго поведенія. Этого рода женщины своими подвигами обратили на себя всеобщее вниманіе уже въ концѣ Римской республики. Такова была Клодія, достойная сестра прославившагося столь печальною извѣстностію демагога Клодія. Она безцеремонно останавливала на улицѣ молодыхъ людей и приглашала ихъ къ себѣ... на праздники. Такова была и Семпронія (жена Брута), которая отлично знала греческую и римскую литературу, умѣла писать стихи, шутить скромно, какъ подобаетъ матронѣ, нѣжно, какъ подобаетъ дѣвушкѣ, и нагло, какъ подобаетъ женщинѣ легкаго поведенія; „танцовала она, по выраженію Саллюстія“, лучше, чѣмъ подобаетъ честной женщинѣ. Но она, „продолжаетъ историкъ“, менѣе всего заботилась быть честною и даже казаться ею: она ничѣмъ такъ мало не дорожила, какъ своею репутаціей и своею женскою честію. Она дѣлала долги и не платила кредиторамъ, была замѣшана въ постыдныя дѣла мошенничества и даже убій-

ства, жила разными продѣлками, пока, наконецъ, проторговавъ свое нравственное и физическое я и, вслѣдствіе этого, лишась всякаго кредита и дохода, не очутилась въ рядахъ соумышленниковъ государственнаго преступника Катилины, въ лагерѣ котораго, по свидѣтельству Цицерона и Саллюстія, было много такихъ Семпроній, цѣлое „стадо—grex", какъ выражается Цицеронъ.—Не весело теперь и намъ, Русскимъ, говорить объ этомъ стадѣ.!...

Перейдемъ къ *третьей* группѣ женщинъ, занимавшихъ средину между первыми двумя. Впрочемъ, онѣ постепенно удаляются отъ первой группы женщинъ и, сближаясь со второй, сливаются наконецъ въ общемъ хорѣ нравственнаго безобразія.

Первымъ долгомъ римской женщины послѣ эманципаціи было пренебреженіе къ „*пустымъ*" правиламъ общественнаго мнѣнія. Положимъ, что между этими правилами были и пустыя; но ими поддерживались, какъ это бываетъ во всѣхъ обществахъ, болѣе почтенныя правила, и римская женщина вполнѣ оправдала ту истину, что если человѣкъ перестаетъ соблюдать такъ называемыя пустыя правила, то эту привычку онъ распространяетъ и на болѣе серьезныя.

Получивши независимость, отвергнувши существовавшія доселѣ руководящія начала въ жизни и не создавъ на мѣсто ихъ новыхъ, римская женщина, естественно, пошла по скользкому пути и этимъ навлекла на себя столько справедливыхъ упрековъ со стороны многихъ современниковъ, каковы: Тацитъ, Светоній, Мартіалъ, Ювеналъ и др. Больше всего достается тогдашнимъ женщинамъ отъ Ювенала, особенно въ его VI сатирѣ.

VI сатира Ювенала представляется намъ альбомомъ, въ которомъ помѣщены нравственные портреты современницъ поэта. Приступимъ къ разсмотрѣнію этого альбома. Только напередъ я считаю долгомъ извиниться, что иныхъ портретовъ я не покажу, потому что они слишкомъ ужъ рельефно разрисованы древнимъ человѣкомъ, привыкшимъ называть вещи ихъ настоящими именами; нѣкоторые портреты покажу мимоходомъ, нѣкоторые издали и только небольшую часть ихъ вы увидите вблизи; но и тѣ я испортилъ, мѣстами покрывъ ихъ красками XIX столѣтія. Поэтому подлинную картину придется иногда дополнять вамъ воображеніемъ.

„Стыдливость", говорится на первой страницѣ, „не находя для себя мѣста среди людей, давно уже удалилась на небо". Такимъ образомъ на первой страницѣ вы уже догадываетесь (и совершенно основательно), что въ предстоящихъ картинахъ вы найдете все, кромѣ стыдливости и дру-

гихъ выростаемыхъ на ея почвѣ достоинствъ. Что добрая часть римскихъ женщинъ послѣ эманципаціи сдѣлались безстыдными, нахальными, любили привлекать къ себѣ взоры другихъ и блистать своимъ кокетствомъ, объ этомъ, кромѣ Ювенала, свидѣтельствуютъ и другіе писатели Вотъ что, между прочими, говоритъ Порцій Латранъ. „Если матрона желаетъ быть безопасной отъ покушеній смѣльчаковъ, она должна одѣваться лишь настолько хорошо, чтобы не казаться нечистоплотною. Далѣе: она должна окружать себя служанками почтеннаго возраста, одинъ видъ которыхъ удалялъ бы волокитъ. Ей должно ходить всегда съ опущенными глазами. Встрѣтивъ одного изъ любезниковъ, кланяющихся рѣшительно всѣмъ встрѣчнымъ женщинамъ, пусть она лучше покажется ему невѣжливой, нежели слишкомъ предупредительной. Если ей необходимо возвратить поклонъ, пусть она сдѣлаетъ его стыдливо и съ краской на лицѣ. Видъ ея долженъ быть таковъ, чтобы она, если ей кто нибудь рѣшится сдѣлать безчестное предложеніе, лицомъ своимъ прежде, нежели словами отвѣтила: прочь! Вотъ какимъ образомъ женщины должны бы были охранять себя, чтобы сразу обезоруживать искателей приключеній. Но посмотрите, какъ онѣ, вмѣсто этого, являются съ лицомъ, украшеннымъ соблазнами, и одѣты немного болѣе того, чѣмъ еслибы на нихъ вовсе не было одежды; далѣе являются съ такой веселой рѣчью и ласковымъ взглядомъ, что у всякаго является смѣлость подойти къ нимъ. Удивительно ли послѣ этого, что нѣкоторые люди, видя, какъ онѣ обнаруживаютъ свои постыдныя желанія своимъ нарядомъ, походкою, словами и лицомъ, не умѣютъ воздержать себя отъ нападенія на подобныхъ безстыдницъ“.

Впрочемъ улицей и собраніями въ частномъ домѣ не ограничивается арена дѣйствій римской женщины, утратившей то, что въ ней болѣе всего привлекательно, именно женственность. „Загляните“, говоритъ Ювеналъ, „въ театръ или другое общественное мѣсто, гдѣ поютъ, гдѣ танцуютъ, гдѣ идетъ трагедія, комедія или пантомины, и вы найдете тамъ всѣ скамейки полными зрительницъ, страстно вперившихъ глаза въ актеровъ, которыхъ онѣ сдѣлали или жаждутъ сдѣлать своими любовниками. Дамы высшаго общества обыкновенно отдаются пѣвцамъ или актерамъ трагическимъ; дамы средняго круга ищутъ актеровъ низшаго пошиба, актеровъ цирка. Хватитъ-ли, послѣ этого, у порядочнаго человѣка охоты и рѣшимости связать себя цѣпями супружества для того только, чтобы имѣть честь дать свое имя отпрыску одного изъ названныхъ героевъ“?

За этой общей вступительной картиной слѣдуетъ портретъ сенаторской жены, матери нѣсколькихъ дѣтей, Гиппіи. Для предмста своей страсти эта женщина забываетъ все, что обыкновенно удерживаетъ сердце женщины: не внявъ просьбамъ сестеръ и мужа, не внявъ воплямъ малыхъ дѣтокъ, съ своимъ возлюбленнымъ она покидаетъ Римъ и Италію. Выросши въ роскоши и нѣгѣ, она во время путешествія подвергается тысячѣ лишеній (съ милымъ и въ шалашѣ рай!). Она презираетъ всѣ опасности моря Тосканскаго, всѣ бури моря Іонійскаго; остается непоколебимой среди всѣхъ морей, которыя ей нужно было преодолѣть по пути въ Египетъ. „Представься", продолжаетъ Ювеналъ, „законный и честный поводъ подвергнуться этой опасности, тогда отъ страха приходятъ въ состояніе оцѣпенѣнія эти нѣжныя существа; колѣна у нихъ дрожатъ и сгибаются. У нихъ хватаетъ мужества только тогда, когда нужно выкинуть какой нибудь безстыдный и безчестный поступокъ. Если же *мужъ* попроситъ сѣсть на корабль, о! какъ трудно имъ это сдѣлать! Ихъ тогда ужасаетъ запахъ грязи; море производитъ тошноту, послѣдствія которой такъ и сыплются на лицо и платье мужа. Съ *миленькимъ* же она ничего подобнаго не испытываетъ, а напротивъ преаппетитно обѣдаетъ, рѣзвится на палубѣ посреди грязныхъ матросовъ и своими нѣжными ручками играется толстымъ, шереховатымъ корабельнымъ канатомъ". Однимъ словомъ, съ мужемъ ничто не нравится, съ миленькимъ все улыбается! Кто же этотъ счастливый соперникъ? Вы, безъ сомнѣнія, подумаете, что своею красотою и другими прелестями онъ обольстилъ и околдовалъ эту знатную особу. Ошибетесь: Sergiolus (такъ назывался возлюбленный Гиппіи) былъ старъ и безобразенъ: на лицѣ много царапинъ, въ носу огромный полипъ, отъ глазъ буквально капали капли гноя. Чѣмъ же полюбился этотъ чистоплотный красавецъ нашей матронѣ? „Онъ былъ гладіаторъ", говоритъ Ювеналъ, „модный предметъ воздыханій для многихъ современницъ Гиппіи". Вотъ чѣмъ онъ побѣдилъ въ ней чувство стыдливости, вотъ чѣмъ убилъ въ ней природное чувство матери, любовь къ дѣтямъ!... Трудно подыскать въ сферѣ живыхъ созданій Божіихъ хоть одно, которое можно бы было поставить въ параллель съ Гиппіей.

Рядомъ съ этимъ поставленъ портретъ Мессалины, жены императора Клавдія. Но, щадя ваше, мм. гг., нравственное чувство, я не беру на себя отваги показать вамъ этотъ портретъ даже издали: до того онъ гадокъ!—Поищемъ такихъ портретовъ, показать которые представляется хоть какая нибудь возможность. Вотъ вамъ портретъ *женщины богатой, вы-*

шедшей замужъ нарочно за скупца, чтобы блескомъ своего приданаго ослѣпить мужа и тѣмъ самымъ купить себѣ свободу дѣйствій въ другихъ отношеніяхъ. Дальше слѣдуетъ портретъ *женщины съ причудами* Молодая и красивая, она всѣмъ нравится исключительно своими физическими достоинствами. Она знаетъ объ этомъ и вѣрно соображаетъ, что, съ появленіемъ морщинъ на лицѣ, она утратитъ всякое обаяніе. Поэтому она, въ ожиданіи этого, господствуетъ въ домѣ и заставляетъ исполнять всѣ свои капризы. Имя этой женщины *Бибула*. Посмотрите, какъ она требуетъ у своего мужа Серторія возможнаго и невозможнаго: „то ей нужно посмотрѣть на апульскихъ пастуховъ съ ихъ стадами, то на виноградъ, растущій въ Фалерно; то ей нужно имѣть цѣлую толпу рабовъ; если въ домѣ не оказывается чего нибудь такаго, что имѣетъ сосѣдъ, и ей подавай тоже. Въ зимнее время, когда плаванье по морю затруднительно, привези ей мужъ хрустальную заморскую посуду, то драгоцѣнную вазу, то алмазъ, знаменитый тѣмъ, что его нѣкогда носила Вероника, сестра и любовница нечестиваго царя Іудейскаго Агриппы". Вотъ что ей нужно имѣть и нужно для того, чтобы эти трофеи впослѣдствіи воскрешали въ памяти ея прежнее величіе. Но не станемъ долѣе останавливаться на М-ме Бибулѣ и ея супругѣ, такъ какъ этими портретами не удивишь наше время. Затѣмъ слѣдуетъ портретъ *женщины, одержимой грекоманіей*. Для Рима Греція была тѣмъ, чѣмъ для насъ Парижъ и вообще З. Европа. „Тамъ все хорошо, у насъ все мерзко," говоримъ мы часто въ безсознательномъ самобичеваніи. Такъ говорили въ разсматриваемую эпоху Римляне и особенно Римлянки. Вслѣдствіе этого нравы, обычаи и языкъ греческій внѣдрились во всемірной столицѣ. Римлянка считала, что она лишена красоты, если она только не пріобрѣла осанки, тона и языка чистокровной Аѳинянки. Но это еще не все: „Римскія женщины выражаютъ погречески свой ужасъ, гнѣвъ, радость, безпокойство и тайны своей души. Но думаете это все? нѣтъ: онѣ дажѣ безстыдничаютъ по-гречески.

Надѣвъ на себя такое орудіе, римскія женщины стали признавать надъ собою только свою власть, которую часто распространяли и на другихъ. Сдѣлавшись самостоятельными, онѣ въ тоже время дѣлаются вспыльчивыми и надменными, проявляя свою домашнюю власть съ безпощадною жестокостію, грубо обращаясь съ мужьями, особенно когда замѣчали, что тѣ ихъ искренно любятъ, и колотя рабовъ. Жалуясь на соціальный строй, предоставляющій только мужчинамъ отправленіе общественныхъ должностей, нѣкоторыя изъ римскихъ барынь, желая

довести равенство до конца, захватывали себѣ мужескія занятія: были женщины адвокаты, юрисконсулты и даже гладіаторы и атлеты. „Онѣ избѣгали своего пола", говоритъ Ювеналъ, „и брали въ особенности то, что было непріятнѣе всего въ нашемъ".

Я позволяю себѣ пропустить нѣсколько страницъ альбома, гдѣ помѣщены женщины *сутяги*, *женщины*, *ревностію прикрывающія свою супружескую невѣрность*, женщины, до самозабвенія *предающіяся музыкѣ и особенно музыкантамъ*, далѣе женщины, собирающія у встрѣчающихся на улицѣ офицеровъ политическія новости, и женщины, *напивающіяся* до безобразія и въ этомъ состояніи *колотящія мужей и слугъ* или *требующія любовныхъ наслажденій*, и остановлюсь на страницѣ, гдѣ нарисованъ портретъ *женщины ученой*. „Слишкомъ несносна для меня", говоритъ Ювеналъ, „женщина, которая, садясь за столъ, начинаетъ хвалить Виргилія, которая оправдываетъ поступокъ Дидоны, сожигающей себя на кострѣ, сопоставляетъ Виргилія съ Гомеромъ и сравниваетъ ихъ достоинства и недостатки! Учителя грамматики и словесности складываютъ оружіе; молчатъ всѣ присутствующіе: даже адвокатъ, даже глашатай, даже другая женщина не въ состояніи произнести ни слова: *ученая* женщина разразилась такимъ потокомъ словъ, что подумаешь, что это трещитъ тысяча трещетокъ или мѣдныхъ котловъ. Теперь ужъ не нужно прибѣгать къ помощи мѣдныхъ трубъ, чтобы избавиться отъ луннаго затмѣнія (древніе думали, что на затмѣніе луны могъ вліять безпорядочный шумъ, производимый знахарями съ помощію трубъ): ученая женщина сдѣлаетъ это своею болтовнею. Однако есть предѣлъ, гдѣ нужно остановиться и въ вещахъ достойныхъ: ибо та, которая желаетъ казаться слишкомъ ученой и слишкомъ краснорѣчивой, стала одѣваться въ тунику, прикрывающую ноги только до колѣнъ, богу Сильвану (этому богу приносили жертвы только мужчины) приносить въ жертву вепра и купаться въ дешевыхъ баняхъ (гдѣ обыкновенно купались ученые и литераторы, какъ народъ небогатый). Ненавижу я женжины, которая постоянно носится съ реторикой Палемона и съ синтаксическими правилами, которая, въ своей любви къ образованію, читаетъ мнѣ стихи неизвѣстные или ни къ чему не пригодные, которая строго порицаетъ въ словахъ своей деревенской подруги ошибки, на которыя даже мужчина не обратилъ бы никакого вниманія, и страшно обрушивается на мужа, когда тотъ въ разговорѣ случайно допустилъ синтакси ческую ошибку". Изъ приведеннаго мѣста Ювенала видно, что въ его время женщины были охвачены жаждою къ образованію. Но это по-

хвальное стремленіе увѣнчалось достойными результатами только въ меньшинствѣ случаевъ, именно тамъ, гдѣ это стремленіе вызывалось возвышенными и серьезными побужденіями. Большинство же женщинъ *изъ-за моды* стремились сдѣлаться учеными и литераторами. На это уже жалуется Горацій и особенно поэтъ Неронова вѣка Персій, который говоритъ, что слышишь „щебетанье сорокъ, когда войдешь въ рецитаціонную залу". (Въ этихъ залахъ читали публично свои произведенія поэты и поэтесы). Что касается Ювенала, то и онъ нападаетъ на такое модничанье. Онъ не противъ серьезнаго женскаго образованія; его только возмущаютъ преслѣдуемыя при этомъ цѣли и то обстоятельство, что въ результатѣ женскаго моднаго образованія получался самый невыносимый педантизмъ.

„Мудрецъ полагаетъ предѣлъ и для честныхъ занятій", говоритъ Ювеналъ. Женщина же, которая не умѣетъ найти предѣла въ знаніи, перестаетъ быть женщиной: она норовитъ одѣваться, какъ мужчина, какъ онъ, дѣлаетъ и другія вещи; однимъ словомъ, она отрекается отъ привычекъ своего пола и перенимаетъ привычки—обыкновенно самыя дурныя—мужчины. Такая ученость и такое омужчиниванье женщины нашли отголосокъ и въ наше время.

За портретомъ ученой женщины въ альбомѣ Ювенала помѣщенъ портретъ *кокетки*. Если вамъ угодно, Ювеналъ поведетъ насъ въ самое святилище этой кокетки, и мы будемъ присутствовать при ея туалетѣ, когда она собирается на общественное гулянье или хочетъ вызвать къ себѣ удивленіе своихъ обожателей. Мы увидимъ, въ какомъ она волненіи при этомъ, и что достается бѣдной прислугѣ. „Женщина воображаетъ", говоритъ Ювеналъ, „что для нея все позволено, ничего она не считаетъ постыднымъ, когда она окружила свою шею изумрудомъ и вдѣла въ уши серьги чуть-ли не до ногъ. Безобразная на видъ, съ лицомъ, вздувшимся отъ обильной мази, которую изобрѣла Сабина Поппея, она требуетъ поцѣлуя отъ своего бѣднаго мужа, губы котораго должны такимъ образомъ отвѣдать этого отвратительнаго снадобья; къ любовнику она является съ вымытымъ лицомъ. Но посмотрите, она у туалета. Прихорашивается-ли она затѣмъ, чтобы остаться дома? О нѣтъ! для возлюбленныхъ приготовляется помада, для нихъ покупаются индійскіе духи. Но вотъ она снимаетъ первый слой краски, такъ что ея лицо уже можно узнать, и умывается молокомъ ослицъ, которыхъ для этой цѣли она держитъ цѣлое стадо. Но спрашиваю васъ: то лицо, которое попеременно принимаетъ столько медикаментовъ и согрѣвается молокомъ,

лицо, на которомъ налѣплено столько размоченнаго хлѣба, назовете-ли вы его лицомъ, или вередомъ"?

„Но вотъ наступила ночь и мужъ заснулъ. Она прихорашивается болѣе обыкновеннаго: ее вѣдь ждутъ въ саду или у храма Изиды, этой покровительницы нечистой любви. Бѣдная Псека (служанка нашей матроны) съ растрепанными волосами, въ разорванномъ бѣльѣ, съ обнаженною грудью, причесываетъ свою барыню.—„Отчего этотъ локонъ выше? Вѣдь дурно уложенныя волосы—это отвращеніе"! И посыпались удары кнута на бѣдную Псеку. Но что же она сдѣлала? Развѣ она виновата въ томъ, что тебѣ не понравился, напримѣръ, твой безобразный носъ? Является другая служанка причесать лѣвый бокъ и уложить волосы. Затѣмъ призывается женщина почтенныхъ лѣтъ, ex-парикмахеръ, высказать свое мнѣніе относительно прически. Она и высказываетъ его, а за нею должны высказаться меньшія по возрасту и таланту. Глядя на этотъ совѣтъ, подумаешь, что дѣло идетъ о жизни или чести! Вотъ до какой степени женщина мучится желаніемъ казаться красивой! Какъ ея волосы стелются на челѣ! Посмотришь en face—сущая Андромаха. Но посмотрѣть сзади,—это ужь другая женщина. Но чтожъ подѣлаешь, когда природа надѣлила ее маленькою таліею, когда она даже на *высокихъ* подборахъ не выше пигмея, когда, для полученія поцѣлуя, она принуждена подыматься на пальчикахъ. Какова же съ мужемъ наша красавица? „Никакого вниманія къ мужу: живетъ съ мужемъ, словно сосѣдка. Вся интимность ея къ мужу сводится къ его разоренію, благодаря ея безсмысленнымъ расходамъ".

Рядомъ съ этой богатой расточительницей стоитъ портретъ *Огульніи*, представительницы того типа женщинъ, которыя не умѣютъ соразмѣрять приходъ съ доходомъ. Рискуя потерять все, онѣ силятся во всемъ подражать тѣмъ, богатство которыхъ дозволяетъ имъ жить съ блескомъ и роскошью. Чтобы отправиться въ театръ, Огульнія беретъ на прокатъ платье, пышныя подушки и служанокъ, надѣясь такимъ образомъ произвести эффектъ и пріобрѣсть себѣ поклонниковъ. Возвратившись домой, она встрѣчается лицомъ къ лицу съ бѣдностью. „Но она", говор. Ювен., „не уважаетъ своей бѣдности; примѣръ муравья не существуетъ для Огульніи и мысль-предохранить свои старыя дни отъ холода и голода не можетъ явиться въ головѣ этой женшины. Эта расточительница разоряется, не отчаиваясь ни въ чемъ. Она думаетъ. вѣроятно, что деньги выростаютъ въ сундукахъ по мѣрѣ того, какъ ихъ

трятятъ. Никогда она не соображаетъ, во сколько можетъ обойтись то или другое удовольствіе".

Порча нравственная убила въ римской женщинѣ природный инстинктъ. Матронамъ этой эпохи чрезвычайно не нравилось положеніе, изъ котораго женщина выходитъ съ званіемъ матери. Поэтому очутившись въ такомъ положеніи, онѣ, съ помощію медиковъ, старались сейчасъ же выйти изъ него, причиняя этимъ много горя своимъ мужьямъ. „Бѣдный мужъ," восклицаетъ Ювеналъ съ ѣдкой ироніей: „не печалься слишкомъ и самъ поднеси женѣ приготовленное ею питье; потому что если она соблаговолитъ сдѣлаться матерью, то ты, пожалуй, окажешься отцемъ эѳіопа, и твой чернокожій сынокъ вскорѣ сдѣлается твоимъ наслѣдникомъ".

Не щадитъ Ювеналъ и другихъ благородныхъ Римлянокъ, которыя, прибѣгая часто къ средствамъ, предохраняющимъ отъ званія матери, становились наконецъ безплодными. Но, желая скрыть свое благопріобрѣтенное безплодіе и порадовать супруга, онѣ найденышей выдавали за своихъ дѣтей. Мужъ радуется и возсылаетъ молитвы за благополучное разрѣшеніе жены, не зная того, что нарицаемый сынъ его родился не въ его домѣ, а гдѣ нибудь подъ заборомъ. „Насмѣшница Фортуна", говор. Ювен., „призрѣваетъ этихъ бѣдныхъ малютокъ ночью, она улыбается имъ, согрѣваетъ ихъ въ своихъ рукахъ; потомъ вводитъ въ знатные дома и тамъ устраиваетъ втайнѣ комедію". Эти найденыши получали знатныя римскія фамиліи и, по волѣ той же насмѣшницы судьбы, становились жрецами *Саліями* и занимали другія важныя должности. Такимъ путемъ продолжались или, правильнѣе, вырождались знатныя римскія фамиліи.

Но если которой нибудь изъ благородныхъ матронъ, вопреки ея желанію, судьба посылала дочь, то какое воспитаніе получала эта послѣдняя? Всегда и вездѣ ближайшею и надежнѣйшею воспитательницею дочери была мать. Нужно отдать справедливость римской матронѣ: она не жалѣла трудовъ, чтобы воспитать достойную дочь. Даже по выходѣ замужъ, дочь имѣла въ матери надежную руководительницу. Мать. доставляла дочери любовныя письма, мать обманывала или подкупала привратника и остальную прислугу; она же научала дочь искусству притворяться больной, чтобы свидѣться съ любовникомъ, спрятаннымъ подъ альковомъ; мать приглашала доктора, чтобы тотъ предписалъ ея дочери отправиться въ путешествіе или на воды, куда нибудь подальше отъ мужа, и такимъ образомъ далъ возможность погулять съ возлюбленнымъ на свободѣ. Ювеналъ объясняетъ намъ и причину такого непонятнаго поведенія

матери. „Для такихъ женщинъ", говоритъ поэтъ, „дочь честная была бы живымъ укоромъ; поэтому онѣ стараются испортить своихъ дочерей: въ интересѣ этихъ безчестныхъ старухъ сдѣлать своихъ дочерей похожими на себя".

Но наскучило наконецъ римскимъ барынямъ постоянно прибѣгать къ помощи доктора, притомъ же докторъ могъ *приписать свободу* только на время, по истеченіи котораго барыня должна была возвратиться въ домъ мужа, а этотъ будетъ торчать, словно бѣльмо въ глазу, и стѣснять свободу любовныхъ похожденій. И вотъ найдено средство избавиться отъ этого бѣльма. Германикъ, Клавдій и много другихъ славныхъ личностей были отправлены на тотъ свѣтъ, благодаря этому средству. Этотъ примѣръ нашелъ массу подражательницъ, и въ каждомъ домѣ была своя Локуста (женщина, приготовлявшая смертельное снадобіе). Правосудіе безсильно было открыть виновныхъ и Ювеналъ взываетъ къ общественной совѣсти. Но въ Римѣ въ то время погасло всякое нравственное чувство. Мачихи ежедневно посредствомъ отравы отправляли на тотъ свѣтъ мужниныхъ сыновей отъ перваго брака, и никто даже и не думалъ протестовать противъ этого возмутительнаго преступленія. Но что говорить о мачихахъ? Всеобщая нравственная порча зашла такъ далеко, что подавила голосъ природы: *матери отравляютъ собственныхъ, родныхъ дѣтей*, съ цѣлію *воспользоватися ихъ наслѣдствомъ*", „Бѣдные сиротки" восклицаетъ поэтъ: „если вамъ батюшка оставилъ наслѣдство, то берегитесь: охраняйте дни свои; наблюдайте затѣмъ, что вы ѣдите; въ превосходномъ блюдѣ, поданномъ вамъ рукою матери, можетъ скрываться ядъ. Приказывайте отвѣдывать всѣ подносимые вамъ куски, и пусть вашъ старый слуга отпиваетъ сначала изъ вашихъ кубковъ".

Преувеличиваетъ, скажутъ быть можетъ, Ювеналъ: онъ выдумываетъ ужасы, чисто химерическіе. Хотѣлось бы, чтобы это было такъ. Но увы! это правда и съ исторіей въ рукахъ Ювеналъ можетъ представить намъ эту правду во всей ея наготѣ. Въ царствованіе Нерона, высокопоставленная Римлянка Понція, дочь П. Петронія и жена Дримона, отравила двухъ своихъ сыновей, чтобы присвоить себѣ ихъ имущество и доставить комфортъ своему любовнику. Но вотъ послушайте, что она сама говоритъ: „Да, я это сдѣлала, признаюсь въ этомъ; я приготовляла ядъ, меня въ этомъ уличили, и я ихъ отправила.—„И ты, отвратительная змѣя, за трапезой убила ихъ обоихъ!—„И семерыхъ бы убыла, если бы они у меня были".

Фактъ поистинѣ возмущающій душу и чувства! Но еще возмутительнѣе мотивъ къ такому ужасному преступленію. Если бы подобное преступленіе совершила женщина въ минуту гнѣва или ревности, то это было бы до нѣкоторой степени понятно. Но убить собственныхъ дѣтей съ холоднымъ расчетомъ на послѣдствія своего преступленія, именно съ расчетомъ воспользоваться ихъ матеріальнымъ достояніемъ, совершить такое ужасное преступленіе хладнокровно (sana facit ingens scelus) и не почувствовать послѣ этого ни малѣйшаго раскаянія—можетъ только женщина, въ которой не осталось ни искорки не только человѣческаго чувства, но и общаго всѣмъ живымъ тварямъ инстинкта. Это не женщина, это даже не животное, это, по выраженію Ювенала, „обрывокъ скалы", разбивающій головы встрѣчающимся на пути.

Тутъ я закрываю альбомъ Ювенала, извинившись еще разъ, что, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, показалъ вамъ не всѣ портреты. Но и изъ того, что вы видѣли, можно, кажется, составить себѣ понятіе о нравстенномъ складѣ римской женщины Ювеналовой эпохи. Не красивъ этотъ складъ, очень не красивъ; „Порокъ, по выраженію поэта, достигъ въ это время своего апогея, такъ что потомству ничего не осталось прибавлять къ нему". Болью въ душѣ отзываются эти слова! Они прямо указываютъ на то, что уже сгнили столбы, подпиравшіе Римъ, и что это величественное зданіе, этотъ колоссъ древности близокъ къ паденію, которому такъ много содѣйствовала римская женщина· Но къ этому мы еще возвратимся Теперь же считаю умѣстнымъ почтить, хотя краткимъ упоминаніемъ, память тѣхъ личностей, которыя выставлены Ювеналомъ въ видѣ зажженныхъ факеловъ, освѣщавшихъ сады и улицы всемірной столицы. Среди падшаго и измельчавшаго тогдашняго общества, въ моментъ предсмертной агоніи всѣхъ благородныхъ началъ, эти мученики блещутъ свѣтлыми точками посреди мрака и лжи дряхлаго, отживавшаго свой вѣкъ языческаго Рима, указывая читателю христіанину на зародышъ иной, новой жизни, возникавшей на развалинахъ древняго міра. Сгнившій Римъ долженъ былъ или погибнуть, или обновиться новою жизнію, новымъ, нисходящимъ отъ Божественнаго Искупителя, возрожденіемъ. Представителями этого возрожденія и были тѣ факелы, тѣ свѣточи Ювеналовой сатиры, которые и теперь, послѣ многихъ вѣковъ, освѣщаютъ міръ, живятъ и обновляютъ его святою идеею христіанской вѣры.

При этихъ свѣтлыхъ точкахъ, при свѣтѣ этого духовнаго солнца, наблюдатель разсматриваемой эпохи видитъ страшное зіяніе язвъ на Римѣ, страшный позоръ, которымъ покрыла себя римская женщина; онъ

видитъ, какъ эта женщина, подобно тли, разъѣдаетъ зданіе общественнаго организма, безсознательно употребляя всѣ усилія къ его ниспроверженію. Сравнивая эту женщину съ матроной прежней эпохи, онъ замѣчаетъ, что въ жизни римской женщины произошло странное явленіе. Матрона древней эпохи Рима, угловатая и, по сравненію съ женщиной слѣдующей эпохи, почти необразованная теоретически, но носящая въ своей душѣ вѣру, строго выполняющая данное ей природой и освященное этою вѣрой и національными обычаями назначеніе, высоко, держащая знамя супруги и матери семейства, этой вѣрной руководительницы дѣтей, внушающей имъ честные принципы сына и гражданина,—эта простая женщина является громадною *созидающею* силою, такъ явственно проявившеюся, путемъ семьи, въ созданіи политическаго роста и могущества Рима. Но таже римская женщина, поставленная, повидимому, въ несравненно лучшія условія, получившая доступъ къ теоретическому образованію, этому великому пособнику въ жизни честной и полезной; но забывшая или извратившая свою національную религію и налагаемыя ею обязанности, отвергнувшая національныя преданія, разрушившая основанную на этой религіи и строгой честности семью; снявшая съ себя драгоцѣннѣйшее украшеніе всякой женщины, именно печать цѣломудрія и супружеской вѣрности, убившая затѣмъ въ себѣ прирожденныя чувства къ дѣтямъ, которыхъ она начала послѣ этого калѣчить нравственно и истреблять физически до и послѣ рожденія,—эта женщина, напоминающая плодъ, красивый снаружи, а внутри съѣдаемый червями, стала грубо и святотатственно попирать все то, чѣмъ держался государственный строй Рима, являясь такимъ образомъ теперь страшною *разрушительною* силой.

Въ виду повторяемости нѣкоторыхъ явленій въ исторіи человѣчества, исторія Римской женщины представляетъ собою весьма поучительный примѣръ!...

С. Бехъ

О ВОСПИТАНІИ У РИМЛЯНЪ.

(Публичная лекція.)

(Составлена по Грассбергеру, Марквардту, Бернгарди и Шмидту).

На римскомъ воспитаніи рельефно отразились отличительныя черты римскаго народнаго характера—практичность и цѣлесообразность. Эти черты римскаго характера придали извѣстную окраску всей вообще дѣятельности Римлянина. Виргилій въ шестой книгѣ своей „Энеиды" влагаетъ въ уста Анхизу такія пророческія слова на счетъ будущей судьбы Рима:

Excudent alii spirantia mollius aera,
Credo equidem; vivos ducent de marmore vultus;
Orabunt causas melius, caelique meatus
Describent radio et surgentia sidera dicent;
Tu regere imperio populos, Romane, memento
Hae tibi erunt artes, pacique imponere morem,
Parcere subjectis et debellare superbos. Virg Aen. VI, 847,—853.

Поставивъ себѣ такіе идеалы, Римляне старались воспитать и развить ихъ въ своихъ дѣтяхъ, а именно они старались сдѣлать изъ нихъ людей, которые всецѣло посвятили бы себя служенію идеямъ государства. Такимъ образомъ не умственное развитіе дѣтей было цѣлью ихъ воспитанія, нѣтъ,—все ихъ воспитаніе было направлено къ тому, чтобы образовать изъ дѣтей хорошихъ гражданъ, которые, познакомившись съ прошлымъ отечества и получивши къ нему уваженіе, старались бы и далѣе продолжать дѣло своихъ предковъ, строго сообразуясь съ пользой государства и неуклонно стремясь къ разъ намѣченной цѣли. Всѣ науки разсматривались ими съ той точки зрѣнія:—пригодны или непригодны

онѣ для государства, и изучались ими на столько, на сколько это необходимо было для практическихъ цѣлей. Но при такомъ практическомъ взглядѣ на воспитаніе мы видимъ, что Римъ, въ противоположность Греціи, занимаетъ болѣе высокое мѣсто въ дѣлѣ воспитанія, которое у Римлянъ было предоставлено семьѣ. Въ Римѣ, какъ говоритъ Цицеронъ, не находили нужнымъ, чтобы государство устанавливало спеціальные законы для образованія, а также, чтобы и образованіе было одинаково для всѣхъ. (Cic. de republica IV, 3, 3 стр. 354 изд. Müller'a: Principio disciplinam puerilem ingenuis, de qua Graeci multum frustra laborarunt et in qua una Polybius noster hospes nostrorum institutorum negligentiam accusat, nullam certam aut destinatam legibus aut publice expositam aut unam omnium esse voluerunt). Въ Римѣ впервые мать семейства (mater familias) могла оказывать сильное вліяніе на воспитаніе дѣтей. Въ Римѣ женщина не была заперта къ гинекеѣ, подобно греческой женщинѣ, но, напротивъ, она имѣла право быть въ главномъ покоѣ дома—въ атріи, принимала гостей, привѣтсвовала ихъ поцѣлуемъ, за обѣдомъ сидѣла вмѣстѣ съ мужемъ и гостями; на улицѣ всѣ ей уступаютъ дорогу; ей передавались тотчасъ же послѣ свадьбы ключи дома. Она, какъ говоритъ Порція Бруту, выходила замужъ, чтобы брать свою долю во всемъ, что можетъ случится съ мужемъ хорошаго и дурнаго (Plut. Brutus 13).

Будучи поставлена такимъ образомъ, мать семейства могла оказывать сильное вліяніе на воспитаніе дѣтей. Что такъ и было въ дѣйствительности, на это указываютъ намъ многочисленные примѣры, изъ которыхъ мы приведемъ Корнелію, мать Гракховъ, Аврелію, мать Цезаря, Аттію, мать Августа. Даже въ позднѣйшее время, когда общество было уже довольно испорчено, можно указать на матерей, свято исполнявшихъ свое призваніе, состоявшее въ воспитаніи дѣтей; такова напр. Гельвія, мать Сенеки. Отсутствіе спеціальныхъ законовъ по части воспитанія замѣнялось въ Римѣ уваженіемъ къ обычаю. Mos majorum (обычай предковъ) и здѣсь, какъ и въ другихъ отрасляхъ частной и государственной жизни, замѣнялъ собою писанный законъ; такъ напр. цензоры, изгоняя изъ Рима латинскихъ риторовъ въ 92 г. до Р. Х., приводятъ, какъ основаніе такого изгнанія, положеніе, что это не согласно съ обычаемъ предковъ (Suet. De Rhetoricis, 1. Renuntiatum est nobis, esse homines, qui novum genus disciplinae constituerunt, ad quos juventus in ludum conveniat; eos sibi nomen imposuisse Latinos rhetoras; ibi homines adolescentulos dies totos desidere. Majores nostri, quae liberos suos discere et quos in ludos itare vellent, instituerunt. Haec nova, quae praeter con-

suetudinem et morem majorum fuint, neque placent, neque recta videntur. Qua propter et iis qui eos ludos habent et iis qui eo venire consuerunt videtur faciundum ut ostenderemus nostram sententiam, nobis non placere).

Въ силу такого уваженія къ обычаю предковъ Римляне старались, чтобы каждое послѣдующее поколѣніе какъ можно болѣе походило на предыдущее. Въ исторіи римскаго воспитанія различаются два періода. Въ первый періодъ воспитаніе носило строго національный характеръ, а во второй оно подвергалось греческому вліянію, особенно усилившемуся подъ конецъ существованія республики. Сначала мы разсмотримъ воспитаніе дѣтей въ эти два періода, а затѣмъ—воспитаніе юношества. Отецъ, въ силу предоставленной ему patria potestas, т. е. полной власти надъ свободой и жизнью сына, могъ тотчасъ же послѣ рожденія своего дитяти отказаться отъ него и выставить (exponere) его, предоставляя своего ребенка милосердію перваго встрѣчнаго. Въ Римѣ было даже мѣсто, гдѣ чаще всего выставляли дѣтей, это columna lactaria на forum olitorium, въ XI кварталѣ Рима (Festus 118, 6). Это выставленіе дѣтей общій недостатокъ всей древности, и даже лучшіе умы, какъ Платонъ и Аристотель, допускаютъ его. У Римлянъ впрочемъ это выставленіе дѣтей было съ древнихъ временъ ограничено закономъ: еще Ромулу приписывается законъ, которымъ воспрещается выставлять сыновей и перворожденныхъ дочерей (Dionysius 2, 15). Но только начиная съ Александра Севера (222—235 п. Р. Х.) выставленіе и убійство дѣтей наказывалось, какъ убійство вообще. Особенно часто выставлялись дѣти, родившіяся уродами. Выставленныя дѣти иногда умирали; иногда находился такой благодѣтельный человѣкъ, который брался воспитывать ихъ въ качествѣ отца; а то иной разъ дѣти попадали въ руки спекулянтовъ и обращались въ рабовъ; въ позднѣйшее же время они даже похищались нищими и изувѣчивались съ цѣлью возбудить сожалѣніе подающихъ. Если ребенокъ былъ принятъ отцемъ, то дѣвочкамъ на восьмой, а мальчикамъ на девятый день (dies lustricus) давалось имя (praenomen [1]). Этотъ день обыкновенно праздновался торжественно, въ присутствіи родственниковъ, причемъ приносилась жертва, а потомъ устраивался пиръ. Лишь только ребенокъ рождался на свѣтъ, его уже старались всевозможными спосо-

---

[1]) По мнѣнію Моммзена (Römische Forchuchungen стр. 31) имя это какъ постоянное вносилось въ списки гражданъ только при полученіи toga virilis, и съ этого только времени оно дѣлалось неизмѣннымъ.

бами предохранить отъ порчи. Персій во второй сатирѣ описываетъ нѣкоторые пріемы:

Ecce avia aut metuens divum matertera cunis
Exemit puerum, frontemque atque uda labella
Infami digita et lustralibus ante salivis
Expiat. urentes oculos inhibere perita,
Tunc manibus quatit et spem macram supplice voto
Nunc Licini in campos nunc Crassi mittit in aedes.
Hunc optet generum rex et regina! puellae
Hunc rapiant! Quid calcaverit hic, rosa fiat!
Ast ego nutrici non mando vota; negato,
Iupiter, haec illi, quamvis te albata rogarit [1]).

Къ числу такихъ суевѣрныхъ пріемовъ относится обычай вѣшать на шею ребенка ящичекъ, имѣвшій круглую или сердцевидную форму и называвшійся bulla. Обычай этотъ былъ занесенъ изъ Этруріи Въ этомъ ящичкѣ заключался какой нибудь амулетъ; онъ былъ у знатныхъ изъ золота, у бѣдныхъ bullae дѣлались изъ ремня. Bullae снимались мальчиками при вступленіи въ юношескій возрастъ, когда они получали toga virilis, а дѣвушки снимали bulla при выходѣ замужъ. Новорожденнаго ребенка обыкновенно кормила грудью сама мать [2]), или же выбирали кормилицу изъ наиболѣе довѣренныхъ и старыхъ служанокъ дома. Дитя все время проводило съ матерью, которая неусыпно за нимъ наблюдала; если же въ домѣ pater familias жило нѣсколько семействъ, то надзоръ за всѣми вообще дѣтьми поручался одной изъ болѣе почтенныхъ по лѣтамъ женщинъ. Развлеченіемъ для ребенка служили игры и сказки. Что

---

[1]) Pers II 32—40. Вотъ бабушка или богобоязненная тетушка вынимаетъ ребенка изъ колыбели и сначала, какъ искусившаяся въ отводѣ дурнаго глаза, освящаетъ среднимъ пальцемъ и очистительною слюной лобикъ и влажныя губки ребенка, а потомъ пѣстуетъ его на рукахъ и въ своихъ молитвенныхъ желаніяхъ посылаетъ эту маленькую надежду то на поля Лицинія, то въ хоромы Красса. Пусть (молится она) пожелаютъ его себѣ въ зятья царь и царица; пусть дѣвушки берутъ его на расхватъ; гдѣ-бы онъ ни ступилъ, пусть выростетъ роза. А я не поручаю нянькѣ такихъ молитвъ; откажи ей въ нихъ Юпитеръ, хотя-бы она молилась тебѣ въ бѣлой одеждѣ.

[2]) Напр. жена Катона кормила дѣтей собственною грудью. P. Cato major 20 гл.

касается игръ, то онѣ у мальчиковъ состояли обыкновенно въ томъ, что они прыгали, кувыркались, боролись. Кромѣ того любимыми играми были: игра въ цари, о которой упоминаетъ Горацій (Horat. Epistol I, 1, 59. at pueri ludentes rex eris, ajunt, si recte facies) [1]), бросаніе черепковъ въ море или въ рѣку плашмя, чей черепокъ проплылъ дальше и чаще подпрыгивалъ на волнахъ, тотъ изъ мальчиковъ и признавался побѣдителемъ [2]), бѣганіе, и особенно игра въ мячъ, которою занимались охотно не только дѣти, но и юноши и взрослые. Дѣвочки играли цвѣтами, разноцвѣтными камешками, раскрашенными шарами и мячиками и въ особенности куклами; куклы эти, сдѣланные изъ терракотты или изъ слоновой кости, находятся и теперь въ могилахъ дѣтей [3]). Но и въ дѣтскихъ играхъ Римляне признавали необходимымъ строгій надзоръ родителей; по ихъ мнѣнію нужно дозволять только такія игры, въ которыхъ нѣтъ поступковъ противныхъ чести [4]). Иногда и взрослые забавлялись играми съ дѣтьми; такъ поступалъ напр. Августъ [5]). Дѣти росли такимъ образомъ подъ ближайшимъ надзоромъ матери или, какъ говорили Римляне, in gremio ac sinu matris (Cic. Brutus 58). Кромѣ матери въ воспитаніи дѣтей принималъ дѣятельное участіе и отецъ, особенно когда подростали мальчики. Мальчика обыкновенно старались сдѣлать здоровымъ и сильнымъ, такъ какъ по словамъ Катона, болѣе пріятное впечатлѣніе производитъ краснощекій юноша, чѣмъ блѣдный [6]); съ этою цѣлью особенное вниманіе обращалось на діэту дѣтей: на умѣренность въ пищѣ и во снѣ [7]) Кромѣ

---

[1]) Snetonius, Nero гл. 35: Nero privignum Rufum Crispinum Poppaea natum impuberem adhuc, quia ferebatur ducatus et imperia ludere, mergendum mari, adum piscaretur, servis ipsius demandavit.

[2]) Minucius Felix: Octavius гл. 3.

[3]) Friedländer. Sittengeschichte Roms I, 407 стр.

[4]) Cic. de off. I, 29, 103: Vt enim pueris non omnem ludendi licentiam dmus, sed, eam, quae ab honestatis (honestis) actionibus non sit aliena.

[5]) Suetonius, Augustus гл. 83: anîmi laxandi causamodo piscabatur hamo, modo talis aut ocellatis, nucibusque ludebat cum pueris minutis.

[6]) Plutarchus. Cato major 9 гл.: Τῶν δὲ νέων ἔφη χαίρειν τοῖς ἐρυθριῶσι μᾶλλον ἢ τοῖς ὠχριῶσι.

[7]) Gellius (Noctes Atticae IV, 19) приводитъ мнѣніе Варрона, высказанное послѣднимъ въ сочиненіи Catus aut de liberis educandis: Pueros impubes, compertum est, si plurimo cibo nimioque somno uterentur hebetiores fieri ad veterni usque aut eluci tarditatem, corporaque eorum improcera fieri minusque adolescere.

физической стороны старались развить въ мальчикѣ богобоязненность уваженіе къ законамъ, приличіе и скромность въ словахъ и въ обхожденіи, безпрекословное повиновеніе, умѣренность; все это старались развить въ мальчикѣ для того, чтобы сдѣлать изъ него въ будущемъ хорошаго домохозяина и полезнаго гражданина. Поэтому мальчикъ повсюду сопровождаетъ отца. Когда отецъ дома или въ храмѣ, если онъ занималъ жреческую должность, приносилъ жертвы, то дѣти сопровождали его въ качествѣ прислужниковъ (camilli); дѣлалось это во первыхъ для того, чтобы развить и укрѣпить въ мальчикѣ вѣру въ боговъ, а во вторыхъ для того, чтобы потомъ, сдѣлавшись или отцемъ семейства или жрецомъ, онъ былъ знакомъ со всѣми обрядами. Мальчикъ находился при отцѣ, когда тотъ принималъ въ атріи своихъ кліентовъ и давалъ имъ различные совѣты въ ихъ дѣлахъ. Въ древнѣйшій періодъ существованія римскаго государства сыновья при существовавшей тогда простотѣ нравовъ помогали отцу въ обработываніи поля; пахали, сѣяли и жали вмѣстѣ съ отцемъ; они исполняли и разныя другія мелкія работы, напримѣръ: приносили матери для очага срубленныя ими вѣтки [1]). Отецъ училъ дѣтей ѣздить верхомъ, плавать, сражаться оружіемъ и въ кулачномъ бою; отъ отца же дѣти получали и первоначальное образованіе: онъ училъ своихъ дѣтей читать, писать и считать, на сколько это необходимо было для управленія домомъ, и знакомилъ ихъ съ законами [2]). Образцомъ такого отца воспитателя въ древне-римскомъ духѣ является намъ Катонъ старшій. который, по словамъ Плутарха [3]), былъ

---

[1]) Festus стр. 281 1 столбецъ, 22 стр. изд. Müller'а, приводитъ слова Катона: Ego jam a principio in parsimonia atque in duritia atque industria omnem adolescentiam meam abstinui (obstinui). agro colendo, saxis Sabinis, silicibus repastinandis, atque conserendis.

Hor. od. III, 6 36, Rusticorum mascula militum.
Proles, Sabellis docta ligonibus
Versare glaebas et severae
Matris adarbitrium recisas
Portare fustis.

[2]) Plauti Mostellaria 126 ст.: (Patres) Expoliunt, docent litteras, jura, leges suo sumptu et labores. Cic de legibus II, 23, 59: discebamus enim pueri XII, ut carmen necessarium, quas jam nemo discit.

[3]) Plutarchus, Cato major 20 гл.: Αὐτὸς μὲν ἦν γραμματιστής, αὐτὸς δὲ νομοδιδάκτης, αὐτὸς δὲ γυμναστής· οὐ μόνον ἀκοντίζειν οὐδ' ὁπλομαχεῖν οὐδ' ἱππεύειν διδάσκων ὸν υἱόν, ἀλλὰ καὶ τῇ χειρὶ πὺξ παίειν καὶ καῦμα καὶ ψῦχος ἀνέχεσθαι καὶ τὰ δινώδη καὶ τραχύναντα τοῦ ποταμοῦ νηχόμενον ἀποβιάζεσθαι.

для своего сына вмѣстѣ и грамматикомъ и наставникомъ въ законахъ и учителемъ гимнастики, такъ какъ онъ обучалъ его бросать копье, сражаться оружіемъ, ѣздить верхомъ, биться на кулакахъ, переносить жаръ и холодъ и переплывать бурныя и опасныя мѣста рѣки. Этотъ же самый Катонъ собственноручно написалъ исторію большими буквами для того, чтобы онъ могъ по ней обучать своего сына чтенію. Особенное вниманіе при воспитаніи обращали на то, что бы развить въ мальчикѣ патріотизмъ и національную гордость; съ этою цѣлью мальчика знакомили съ исторіей его отечества и съ ея дѣятелями. Всякій разъ какъ отецъ открывалъ хранилища изображеній своихъ предковъ, онъ бралъ своего сына и разсказывалъ ему славныя дѣянія его предковъ; присутствуя за обѣдомъ [1]), дѣти слушали пѣсни, въ которыхъ воспѣвались подвиги славныхъ героевъ; присутствуя на похоронахъ, дѣти слушали надгробныя рѣчи, въ которыхъ прославлялись подвиги умершаго. Такимъ-то образомъ въ душѣ мальчика, который знакомился въ стариной и слушалъ часто бесѣды старшихъ, складывалось мало по малу сознаніе цѣли собственной жизни; въ немъ пробуждалась жажда славныхъ подвиговъ и желаніе трудиться на благо отечеству. Вотъ въ этомъ-то и кроется причина того, что въ Римѣ явилось столько людей, съ величайшимъ самоотверженіемъ работавшихъ на пользу государства, съ яснымъ сознаніемъ его цѣлей и стремленій. Необходимо еще упомянуть объ одномъ обычаѣ, существовавшемъ въ старину въ Римѣ, а именно, что сенаторы имѣли право приводить съ собою своихъ дѣтей отъ 12 лѣтъ до 17 лѣтъ въ сенатъ для того, чтобы съ ранняго возраста посвятить ихъ въ искусство управленія государствомъ; обычай этотъ прекратился во время второй Пунической войны, но затѣмъ былъ опять возобновленъ Августомъ въ интересахъ сенаторскаго сословія [2]). Такимъ образомъ все воспитаніе и физическое и духовное лежало на обязанности отца, если же его не было въ живыхъ, то обязанность эта переходила къ старшему родственнику, (обыкновенно къ дядѣ по отцу, patruus.) [3]) Хорошій отецъ ни за что не

[1]) Plutarchus. Quaestiones Romanae 33.: διὰ τί τὸ παλαιὸν οὐκ ἐδείπνουν ἔξω χωρὶς τῶν υἱῶν ἔτι τὴν παιδικὴν ἡλικίαν ἐχόντων.

[2]) Lange, Römische Alterthümer т. II.

[3]) Plinii Epist VIII, 144: suus cuique parens pro magistro aut cui parens non erat maximus quisque et vetustissimus pro parente.

поручалъ воспитанія сына кому нибудь другому, [1]) а въ особенности рабу. Катонъ напримѣръ, хотя и имѣлъ ученаго раба, который обучалъ дѣтей другихъ, не рѣшился ввѣрить ему воспитаніе собственнаго сына. Старшіе въ присутствіи дѣтей должны были себя вести себя какъ можно скромнѣе и воздержнѣе, чтобы не только словами но и поступками подавать примѣръ своимъ дѣтямъ [2]) Катонъ выгналъ сенатора Манлія изъ сената за то, что тотъ поцѣловалъ свою жену въ присуствіи дочерей.

Что касается вообще наказаній, то нужно сказать, что тѣлесное наказаніе дѣтей не было особенно употребительно; по крайней мѣрѣ Катонъ, этотъ Римлянинъ стараго закала, говоритъ, что тотъ, кто бьетъ свою жену или своихъ дѣтей, оскорбляетъ самыя дорогія святыни, какія могутъ существовать для человѣка. [3]) Напротивъ Цицеронъ говоритъ, что матери бьютъ своихъ дѣтей, которыя дозволяютъ себѣ шутить во время домашней скорби. [4]) Такимъ образомъ если и наказывали дѣтей, то это дѣлала по преимуществу мать. Что касается физическаго воспитанія, которое способствовало развитію и укрѣпленію здоровья, необходимаго для Римлянина, какъ для будущаго воина, то оно у Римлянъ не выдѣлилось въ особую науку, какъ это была у Грековъ. Физическое развитіе являлось слѣдствіемъ частаго пребыванія на воздухѣ, при занятіи полевыми а также и другими домашними работами. Кромѣ того, какъ мы уже видѣли, мальчики съ дѣтства упражнялись въ управленіи оружіемъ, въ плаваніи и въ кулачномъ бою, что также вліяло на ихъ физическое развитіе. Упражненія обнаженныхъ мальчиковъ въ палестрѣ Римляне считали развратомъ. Таково было домашнее воспитаніе у Римлянъ, цѣлью котораго было подготовить хорошаго домохозяина и честнаго гражданина, любящаго свое отечества и работающаго для него. Въ древнѣйшую пору существованія римскаго государства этимъ домашнимъ воспитаніемъ и ограничивалось вообще образованіе; но уже

---

[1]) Cic. Epist ad. Atticcum VIII, 4; 1. Ciceronesque nostros meo potius labore subdoceri, quam me alium iis magistrum quaerere (mallem).

[2]) Plinii Epist VIII, 14, 4. Erat autem antiquitus institutum, ut a majoribus natu non auribus modo verum etiam, oculis disceremus, quae facienda mox ipsi ac per vices quasdam tradenda minoribus haberemus.

[3]) Plutarchi, Cato major гл. 20.

[4]) Cic Tusc. disput. III, 27 гл. § 64: pueros enim matres et magistri castigare etiam solent nec verbis solum sed etiam verberibus, si quid in domestico luctu hilarius ab eis factum est aut dictum plorare cogunt.

очень рано стали появляться у Римлянъ и школы. Согласно преданію школы въ Италіи вообще столь же древни, какъ и самъ городъ Римъ: по извѣстію Плутарха основатель Рима Ромулъ и его братъ Ремъ учились читать въ Габіяхъ [1]). У Тита Ливія мы находимъ указанія, что школы, какъ въ Римѣ, такъ и въ другихъ городахъ Италіи существовали въ V и IV вѣкахъ до Р. Х. Школы дѣлились на низшія и высшія и были у Римлянъ вполнѣ частными заведеніями; онѣ открывались частными лицами на свой страхъ. Государство не вмѣшивалось ни въ способы преподаванія, ни въ распредѣленіе предметовъ; оно не опредѣляло ни школьнаго возраста и не ограничивало числа учениковъ. Школы не получали никакого пособія отъ государства и не несли никакого надзора.

Наиболѣе древними въ Римѣ являются низшія школы, въ которыхъ совмѣстно обучались мальчики и дѣвочки [3]). Въ школахъ этихъ преподавали такъ называемые litteratores, grammatistae или ludimagistri.

Школы помѣщались въ pergula (такъ называлась открытая веранда при домѣ, которая служила для различныхъ цѣлей и между прочимъ для выставки товаровъ). Преподаваніе въ нихъ сосредоточивалось обыкновенно въ рукахъ одного учителя, и только въ позднѣйшее время въ большихъ школахъ упоминаются учителя письма—notarii и учителя счета—ариѳметики—calcularii. За обученіе вносилась извѣстная плата, размѣръ которой вполнѣ зависѣлъ отъ взаимнаго соглашенія родителей ученика съ учителями.

Вознагражденіе учителя получали за 8 учебныхъ мѣсяцевъ, такъ какъ отъ іюньскихъ до октябрскихъ календъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ были каникулы. Деньги платились учителямъ или помѣсячно, или по контракту, въ концѣ учебнаго года, въ мартѣ. Кромѣ условленной платы учителямъ обыкновенно подносились подарки въ праздники; такими праздниками были квинкватріи (праздникъ въ честь Минервы), сатурналіи, день новаго года, праздникъ cara cognatio и septimontium. Но нужно сказать, что вознагражденіе, получаемое учителями низшихъ школъ, было весьма скудно. Одинъ изъ такихъ учителей—

---

[1]) Plutarchi Rom. 6.

[2]) Посѣщеніе школы Вергиніей Liv. III, 44. V, 27 и VI, 25.

[3]) Мальчики изображены вмѣстѣ съ дѣвочками и на картинѣ, представляющей внутренность школы; картина эта найдена въ Геркуланѣ (Herculanum),

Орбилій, по свидѣтельству Светонія [1]), написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ Perialogos (по другому чтенію Περιαλγής), въ которомъ онъ жалуется на жалкое положеніе учителей и на обманы со стороны родителей въ платежѣ денегъ [2]). Этотъ же самый Орбилій, по словамъ того же Светонія, принужденъ былъ на старости лѣтъ жить въ бѣдности, гдѣ-то подъ крышей [3]). На плату за уроки оказывала вліяніе также и конкурренція:—наиболѣе дешевый учитель всегда скорѣе находилъ себѣ учениковъ. Впрочемъ иной разъ случалось, что получали лучшее вознагражденіе тѣ учителя, которые не условливались впередъ на счетъ платы, а полагались только на щедрость родителей [4]). Такое полюбовное заключеніе условія относительно вознагражденія за уроки существовало вплоть до времени Діоклетіана, въ эдиктѣ котораго мы находимъ опредѣленіе maximum'а платы, которую должны были получать начальные учителя; согласно этому эдикту такіе учителя получали въ мѣсяцъ по 50 денаріевъ [5]), а calcularius (учитель счета) и notarius (учитель письма) —по 75 денаріевъ. Наставники среднихъ и высшихъ школъ—грамматики и риторы получали, какъ мы увидимъ послѣ, болѣе значительное вознагражденіе. Скудость платы за уроки заставляла иногда учителей обращаться къ постороннимъ занятіямъ:—изъ одной надгробной надписи мы знаемъ, что одинъ изъ такихъ учителей въ Капуѣ занимался писаніемъ завѣщаній. Но не смотря на жалкое вознагражденіе, которое получали обыкновенно за уроки, многіе все-таки искали этого занятія, желая хоть чѣмъ-нибудь обезпечить свое существованіе; поэтому большинство учителей занималось преподаваніемъ изъ-за денегъ, а не по призванію. Это можно заключить изъ того, что даже знаменитѣйшіе

---

[1]) Suetonius de grammaticis 9, 11.

[2]) Suetonius de grammaticis 9: (Orbilius) librum etiam, cui est titulus Perialogos (по др. чт. Περιαλγής) edidit continentem querelas de injuriis, quas professores neglegentia aut ambitione parentum acciperent.

[3]) Ibidem: Namque jam persenex pauperem se et habitare sub tegulis quodam scripto fatetur.

[4]) Ib. § 7 M. Antonius Gnipho—fuisse dicitur—comi facilique natura, nec umquam de mercedibus pactus eoque plura ex liberalitate discentium consecutus.

[5]) Edictum Diocletiani. C. I. L. т. 3, стр. 831: magister, institutor litterarum in singulis pueris menstruos denarios quinquaginta (Денарій Діоклетіана, по мнѣнію Моммзена, равнялся 9 нѣмецкимъ пфеннигамъ).

грамматики Рима въ I ст., о которыхъ намъ сообщаетъ Светоній [1]), въ большинствѣ случаевъ пришли случайно къ этому занятію, иногда даже уже послѣ того, какъ имъ не повезло на другомъ поприщѣ. Извѣстный Орбилій, о которомъ я упоминалъ выше, сначала былъ служителемъ при должностномъ лицѣ (apparituram meruit), а затѣмъ служилъ въ войскѣ, и только по окончаніи военной службы онъ принялся за учительство. Знаменитый Валерій Пробъ изъ Берита обратился къ учительству тогда только, когда потерялъ надежду получить званіе центуріона, къ которому онъ долго стремился. Одинъ изъ учителей былъ сначала кулачнымъ бойцомъ, другой былъ актеромъ [2]). Начало своему образованію учителя полагали въ то время, когда они прислуживали въ качествѣ или рабовъ, или вольноотпущенныхъ при ученыхъ, а также и тогда, когда они сопровождали сыновей своихъ господъ въ школу [3]).

Въ школахъ обыкновенно всѣ ученики учились вмѣстѣ, и только нѣкоторые учителя по словамъ Квинтиліана (Inst. oratoriae I, 2, 23) раздѣляли своихъ учениковъ на классы и вели такимъ образомъ преподаваніе сообразно со способностями и съ знаніемъ учащихся. Въ низшую школу отдавали дѣтей съ семилѣтняго возраста, но Квинтиліанъ требуетъ, чтобы первоначальныя основанія знанія сообщались дѣтямъ еще во время игръ. Уроки въ такихъ школахъ начинались съ ранняго утра, о чемъ не разъ свидѣтельствуютъ сами римскіе писатели, какъ напр. Ювеналъ и Марціалъ. Ювеналъ говоритъ, что грамматикъ уже съ полуночи сидитъ за своимъ дѣломъ, когда еще не занимается работой ни кузнецъ, ни шерстопрядъ; у него горитъ столько лампъ, сколько сидитъ учениковъ, такъ—что сочиненія Флакка и Виргилія чернѣютъ отъ дыма и покрываются копотью [4]). Марціалъ въ одной изъ своихъ эпиграммъ

---

[1]) Suetonius de grammaticis, стр. 257—267 по изданію Roth'а.

[2]) Friedländer Sittengeschiche Rom's I т., стр. 283.

[3]) Suetonius de grammaticis 23.

[4]) Iuv. Sat. VII стр. 222 и сл.

Dummodo non pereat mediae quod noctis ab hora:
Sedisti, qua nemo faber, qua nemo sederet,
Qui docet obliquo lanam deducere ferro:
Dummodo non pereat, totidem olfecisse lucernas,
Quot stabant pueri, cum totus decolor esset.
Flaccus et haereret nigro fuligo Maroni.

жалуется, что отъ учителя съ ранней поры просто житья нѣтъ [1]; въ другой эпиграммѣ, обращаясь къ такому учителю, Марціалъ говоритъ [2]: еще пѣтухи не пропѣли, а ты уже производишь страшный шумъ своимъ ужаснымъ ворчаньемъ и ударами [3]. Въ школу мальчики ходили обыкновенно сами неся въ лѣвой рукѣ доску и ящичекъ, который служилъ имъ для сохраненія разныхъ классныхъ принадлежностей [4]. Впослѣдствіи книги и школьныя принадлежности у болѣе состоятельныхъ сталъ носить особый рабъ, спеціально для этого назначенный и называвшійся capsarius. Въ школу мальчика сопровождалъ или наиболѣе довѣренный рабъ, носившій названіе custos, или-же самъ отецъ, какъ это дѣлалъ отецъ Горація [5]. При входѣ ученики обыкновенно кланялись учителю, который возсѣдалъ на каѳедрѣ; ученики сидѣли въ школѣ на скамьяхъ; когда они отвѣчали учителю и когда декламировали, то при этомъ вставали. Дисциплина въ школахъ была очень суровая: розги были въ большомъ употребленіи; наказаніе розгами часто упоминается римскими писателями. Горацій своему учителю Орбилію даже далъ прозваніе „plagosus", т. е. драчливый. Светоній, говоря объ этомъ же Орбиліи, указываетъ тоже на его сердитый нравъ (Fuit autem naturae acerbae, non modo in antisophistas, sed etiam in discipulos) и приводитъ слова Домиція Марса: Si qnos Orbilius ferula scuticaqne cecidit. Марціалъ называетъ палку скипетромъ педагоговъ [6]. До нашего времени сохранилась въ Геркуланѣ (Herculanum) картина, изображающая съ одной стороны

---

[1] Martialis Epigrammata XII, 57 ст. 4 и 5 Negant vitam
Ludimagistri mane, nocte pistores,
Aerariorum marculi die toto. См. также IX, 68.

[2] Mart. Epigrám. IX, 68: Nondum cristati rupere silentia galli:
Murmure jam saevo verberibusque tonas.

[3] Впрочемъ нужно замѣтить, что движеніе начиналось въ Римѣ съ ранняго утра, это видно изъ ранняго пріома кліентовъ (salutationes matutinae, officia antelucana).

[4] Hor. Sat. I, 6, стр. 72 и слѣд. Noluit in Flavi ludum me mittere magni
Quo pueri magnis e centurionihus orti
Laevo suspensi loculos tabulamque lacerto,
Ibant octonis referentes idibus aera.

[5] Hor. Sat. I, 6 ст. 81. Ipse (pater) custos incoruptissimus omnis
Circum doctores aderat.

[6] См. также Juv. I cam., 15 ст. Et nos ergo manus ferulae subduximus; Plauti Bacchides III, 3, 16 (427):

внутренность школы, въ которой помѣщаются вмѣстѣ мальчики и дѣвочки, а съ другой стороны—наказаніе розгами: одинъ мальчикъ держитъ на спинѣ подвергающагося наказанію, другой держитъ его же за ноги, а человѣкъ, одѣтый въ плащъ, производитъ наказаніе [1]). Въ римской школѣ розга господствовала до самаго позднѣйшаго времени, такъ напр. Св. Августинъ говоритъ, что и онъ самъ не разъ подвергался наказанію розгами. Другой римскій писатель IV в. Авзоній (Idyllia IV, 24), посылая своего внука въ школу, увѣщевалъ его не очень бояться злаго лица стараго грамматика, ни его криковъ, не бояться ни кучи палокъ, ни плетей, говоря, что его отецъ и мать прошли все это и потому сдѣлались хорошими людьми. По кодексу Θеодосія (XVI, 19, 1; V т. стр. 220) даже болѣе взрослые учащіеся, если они только не поступали такъ, какъ этого требовало достоинство науки, подвергались публичному наказанію плетью и отсылались домой. Впрочемъ и въ Римѣ встрѣчались сторонники болѣе мягкаго обращенія съ учениками; къ числу сторонниковъ такого обращенія принадлежали Веррій Флаккъ [2]) и Квинтиліанъ [3]). Само собою разумѣется, что домашніе учителя обращались съ учениками гораздо мягче; къ нимъ-то и слѣдуетъ относить слова Горація: Pueris olim dant crustula blandi Doctores elementa velint ut discere prima (Hor. I cam. I кн. 25 и 26 стихи).

Въ низшихъ школахъ учились тому, что Римляне называли prima litterarum elementa (rudimenta) или prima litteratura, т. е. въ нихъ обучали чтенію, письму и искусству считать [4]). Читать обыкновенно учили такъ: сначала заучивали названія буквъ и порядокъ ихъ слѣдованія, а затѣмъ уже ихъ форму и значеніе. Противъ такого способа обученія возстаетъ Квинтиліанъ, говоря, что такой спо-

---

Inde de hippodromo et palaestra ubi revenisses domum,
Cencticulo praecinctus in sella apud magistrum adsideres,
Quom librum legeres, si unam peccavisses syllabam
Fieret corium tam maculosum, quamst nutricis pallium.

[1]) См. Rich. Dictionnaire des antiquités Romaines, ст. 378. Оттуда-же заимствованъ рисунокъ Duruy Histoire des Romains т. 5, стр. 246.

[2]) Suetonius de grammaticis 17 (264 стр. издан. Roth'a).

[3]) Quintiliani Institutionis oratoriae I, 3, 14. Bernhardy Geschichte der römischen Litteratur стр. 48, 26 прим.

[4]) Augustini Confessiones I, 13: illas primas, ubi legere et scribere et numerare discitur.

собѣ обученія чрезвычайно затрудняетъ мальчиковъ, потому что они, усвоивъ названія буквъ и порядокъ ихъ слѣдованія чисто механически, должны употребить еще много времени на то, чтобы привыкнуть узнавать ихъ въ разбивку. Квинтиліанъ напротивъ совѣтуетъ при изученіи азбуки переставлять буквы и заставлять читать ихъ снизу вверхъ, пока ученики не научатся хорошо узнавать ихъ по внѣшнему виду (facie), а не только по порядку ихъ слѣдованія [1]). Послѣ старательнаго изученія азбуки переходили къ складамъ; при изученіи складовъ учителю обыкновенно помогали знающіе ученики: они повторяли склады прежде, а вслѣдъ за ними повторяли уже младшіе и менѣе знающіе. По мнѣнію Квинтиліана не слѣдуетъ спѣшить при изученіи складовъ (syllabis nullum compendium est), а нужно напротивъ заставить учениковъ тщательно изучить всѣ склады, чтобы они потомъ не встрѣчали затрудненій при связномъ чтеніи [2]). Только послѣ изученія складовъ приступали къ чтенію и притомъ вначалѣ каждое слово читалось по складамъ; къ бѣглому чтенію приступали только тогда, когда ученикъ привыкалъ охватывать цѣлое слово и произносить его безошибочно. При чтеніи особенное вниманіе обращалось на то, чтобы ясно произносился каждый отдѣльный звукъ, каждый отдѣльный слогъ—какъ долгій, такъ и короткій. Вообще нужно сказать, что въ школахъ обращалось чрезвычайно большое вниманіе на выработку хорошаго чтенія. Для чтенія обыкновенно служили законы XII таблицъ, которые при этомъ заучивались на память, и такъ называемыя dictata magistri (такъ какъ въ древности, при отсутствіи книгопечатанія, не могло быть значительнаго количества учебниковъ, то ихъ замѣняли dictata magistri, т. е. выдержки изъ разныхъ писателей, которыя наставники диктовали своимъ ученикамъ); при этомъ разные поучительные разсказы и притчи заучивались наизусть. Рядомъ съ обученіемъ чтенію велось и обученіе письму. Обученіе письму велось слѣдующимъ образомъ: учитель сначала слегка чертилъ буквы на вощеной дощечкѣ, а ученикъ затѣмъ уже наводилъ по чертамъ учителя [3]), или же писали по прописямъ, причемъ учитель водилъ рукою ученика. Кромѣ чтенія и письма въ школѣ обучались еще искусству считать; этимъ искусствомъ считать и ограничивалось у Римлянъ обученіе ариѳметикѣ.

---

[1]) Quintiliani Institutionis oratoriae I, 1, 24, 25, 26.

[2]) Quintiliani Institutionis oratoriae I, 1, 30.

[3]) Ibidem I, 1, 27.

Искусство быстро и правильно считать чрезвычайно цѣнилось Римлянами; безъ этого искусства для хозяина дома не возможно было веденіе приходо-расходной книги (tabulae accepti et expensi); да и вообще деньги у Римлянъ пользовались большимъ почетомъ, въ особенности въ позднѣйшее время, на что не разъ указываютъ намъ римскіе сатирики—Горацій и Ювеналъ [1]); поэтому-то и въ школахъ обращали особенное вниманіе на обученіе искусству считать, и счетъ тамъ былъ самымъ важнымъ и самымъ труднымъ предметомъ. Ученики бывали обыкновенно довольно сильны въ счетѣ, какъ показываютъ намъ слова того же самаго Горація [2]); такъ что они умѣли высчитывать сотыя доли асса и производить разныя дѣйствія надъ дробными частями асса. Счетъ производился или по пальцамъ, или при помощи камешковъ и счетной доски, называвшейся abacus. Счетъ по пальцамъ былъ во всеобщемъ употребленіи съ древнѣйшихъ временъ и на Востокѣ, и въ Греціи [3]). Въ Италіи счетъ по пальцамъ былъ во всеобщемъ употребленіи вплоть до среднихъ вѣковъ. Относительно Римлянъ мы знаемъ, что тамъ счетъ по пальцамъ употреблялся не только въ обыденной жизни, но его употребляли и ораторы въ публичныхъ рѣчахъ, и вообще всѣ образованные люди; не знать его считалось признакомъ человѣка, вполнѣ необразованнаго [4]). Счетъ по пальцамъ состоялъ въ томъ, что посредствомъ 18 фигуръ лѣвой руки выражали девять единицъ и девять десятковъ, а посредствомъ со-

---

[1]) Horatii Epistolae I кн. 1, ст. 52: Vilius argentum est auro, virtutibus aurum.
O cives, cives, quaerenda pecunia primum est,
Virtus post nummos'. Haec Ianus summus ab imo
Prodocet; haec recinunt juvenes dictata senesque
Laevo suspensi loculos tabulamque lacerto
Si quadringentis sex septem millia desunt,
Est animus tibi, sunt mores, est lingua fidesque,
Plebs eris.

[2]) Hor. Epistola ad Pisones 323 ст. Romani pueri longis rationibus assem
Discunt in partis centum diducere. Dicat
Filius Albini: si de quincunce remota est
Uncia, quid superat? poteras dixisse „Triens". Eu!
Rem poteras servare tuam. Redit uncia, quid fit?
Semis.....

[3]) О счетѣ по пальцамъ говоритъ Геродотъ (II) VI кн. 63 гл.

[4]) Quint: Instit orat. I, 10, 35.

отвѣтствующихъ положеній правой руки выражали девять сотенъ и девять тысячъ; десять тысячъ и большія цифры обыкновенно выражались посредствомъ прикосновенія одной изъ двухъ рукъ къ какой-нибудь части тѣла. Кромѣ этого счета существовалъ еще счетъ посредствомъ камешковъ (calculi) и посредствомъ счетной доски (abacus); камешки эти имѣли различное значеніе, смотря по мѣсту, куда они ложились.

Что касается искусствъ, то у Римлянъ не только не учили танцамъ пѣнію и музыкѣ, но напротивъ все это считалось непристойнымъ для свободорожденнаго Римлянина. Особенное негодованіе вызывали танцы [1]). Тѣмъ не менѣе, когда былъ введенъ такъ назыв. graecus ritus, согласно Сивиллинымъ книгамъ, то знатные римскіе юноши и дѣвушки принимали участіе въ пѣсняхъ на праздникахъ въ честь Аполлона и на общественныхъ молитвахъ; поэтому со времени второй Пунической войны знатные мальчики и знатныя дѣвочки учились музыкѣ и танцамъ. Не смотря на это, въ Римѣ ни пѣніе, ни танцы никогда не признавались образовательными средствали; на нихъ смотрѣли какъ на забаву или какъ на средство для развлеченія. Вотъ такое образованіе получали у Римлянъ дѣти въ низшихъ школахъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ были и древнѣйшими въ Римѣ и въ Италіи. Вообще нужно сказать, что первоначальное образованіе было у Римлянъ довольно распространено не только въ Римѣ, главномъ городѣ, но вообще во всѣхъ областяхъ Римскаго государства. На большое количество людей, получавшихъ первоначальное образованіе, указываетъ намъ между прочимъ то обстоятельство, что уже во времена Полибія пароли въ лагеряхъ давались обыкновенно письменно. Съ теченіемъ времени такое образованіе не удовлетворяло уже потребностямъ Римлянъ; и вотъ, начиная со второй Пунической войны начало входитъ подъ греческимъ вліяніемъ мало по малу въ моду обученіе у такъ назыв. грамматиковъ: (grammaticus—это греческое названіе, а римское названіе ихъ было litterati). Смотря по тому, на какомъ языкѣ они преподавали и какихъ авторовъ читали, они дѣлились на грамматиковъ греческихъ и грамматиковъ латинскихъ (grammatici graeci и grammatici latini), какъ они себя и сами называютъ въ надписяхъ [2]) Grammatici graeci

---

[1]) Cic. pro Murena VI гл. § 13 Nemo fere saltat sobrius, nisi forte insanit, neque in solitudine, neque in convivio moderato atque honesto.

[2]) См. Wilmanns Exempla № 2483, Aemilius Epictetus sive Hedonius grammaticus graecus; № 2482 Domitius Isquilinus gramm. graecus; напротивъ въ

явились въ Римѣ раньше, чѣмъ grammatici latini. Положеніе и вознагражденіе граматиковъ было несравненно лучше, чѣмъ низшихъ учителей. Грамматики, бывшіе сначала рабами и вольноотпущенными, при Цезарѣ получили право гражданства, а при императорахъ нѣкоторые изъ нихъ получили даже доступъ въ сенатъ. Самъ Светоній говоритъ, что вознагражденіе грамматиковъ было довольно значительно (de grammaticis § 3: pretia grammaticorum tanta, mercedesque tam magnae). Мы знаемъ также, что знаменитый грамматикъ Веррій Флаккъ получалъ въ качествѣ учителя внуковъ Августа сто тысячъ сестерцій, а Реммій Палемонъ (Remmius Palaemon) получалъ изъ школы дохода ежегодно 400000 сестерцій. Кромѣ того мы знаемъ, что со времени Антонина Пія грамматики получали плату отъ городовъ (такъ наз. salarium). И нужно отдать справедливость грамматикамъ: они много работали въ области изученія латинскаго языка и древнихъ римскихъ писателей. Мы находимъ у нѣкоторыхъ римскихъ писателей указаніе на то, какіе вообще предметы преподавались грамматиками. Варронъ говоритъ [1]): „grammatica est scientia eorum, quae a poetis historicis oratoribusque dicuntur ex parte majore. Другой писатель Цицеронъ говоритъ такъ о грамматикѣ (De oratore I, 42 § 187): „in grammaticis vero poetarum pertractatio, historiarum cognitio, verborum interpretatio, pronuntiandi quidem sonus. Наконецъ Квинтиліанъ такъ объясняетъ названіе—грамматикъ (I, 2, 14): grammaticus, si de loquendi ratione disserat, si quaestiones explicet historias exponat, poemata enarret. Но яснѣе другихъ говоритъ Діомедъ, грамматикъ (жившій во второй половинѣ IV в. п. Р. Х.): „tota grammatica consistit praecipue intellectu poetarum et scriptorum et historiarum prompta expositione et in recte scribendi loquendique ratione [2])“. Въ школу грамматиковъ обыкновенно поступали мальчики по достиженіи 12 лѣтъ. Здѣсь преподаваніе состояло преимущественно въ чтеніи какого-нибудь поэта [3]);

№ 2485 упоминается грамматикъ латинскій: L. Me(m)mo Prob(o) Cluniensi gramma(ti)co latino см. также № 2159.

[1]) Wilmanns. De M. Terentii Varronis libris grammaticis, стр. 208.

[2]) Diomedis ars grammatica изд. Keil'я стр. 426 и Eckstein'а Lateinischer Unterricht стр. 487.

[3]) Совершенная противоположность древне-римскимъ понятіямъ: по словамъ Катона, у древнихъ Римлянъ и poeticae artis honos non erat. Si quis in ea re studebat aut sese ad convivia adplicabat, grassator vocabatur (Gellius. Noctes Atticae XI, 2). См. также Cic. Tusc. disput. I кн. 2 гл.

главнымъ образомъ читали Гомера. Позже, когда появились уже grammatici latini, стали читать латинскій переводъ Одиссеи Гомера, сдѣланный Ливіемъ Андроникомъ [1]), читали также комедіи Теренція, а позже—сочиненія Виргилія, Горація и другихъ позднѣйшихъ писателей. Поэты избирались для чтенія въ видахъ развитія ума, чувства и вкуса (Cic. Tusc. III, 2). При этомъ чтеніи требовалось, чтобы читали правильно, съ пониманіемъ и съ чувствомъ, для чего избранное мѣсто прочитывалъ сначала самъ учитель, который непремѣнно долженъ былъ быть хорошимъ лекторомъ. Когда вслѣдъ затѣмъ читалъ и ученикъ, то учитель указывалъ ему правильный выговоръ словъ, заставлялъ его правильно раздѣлять предложенія одно отъ другаго, дѣлать удареніе на нѣкоторыхъ мѣстахъ и читать съ извѣстной интонаціей. Для такого чтенія нужно полное пониманіе даннаго произведенія [2]). Съ этою цѣлью при чтеніи сообщались свѣдѣнія по части языка, грамматики и стилистики. Кромѣ того сообщались также свѣдѣнія по исторіи литературы, философіи, географіи, миѳологіи и исторіи, или скорѣе по древностямъ. При этомъ давались даже нѣкоторыя понятія по части астрономіи, особенно о времени восхода и захода небесныхъ свѣтилъ, такъ какъ ими часто пользуются поэты для опредѣленія времени [3]). Помимо этого чтенія ученики должны были изготовлять и письменныя работы, въ которыхъ они описывали жизнь какого-нибудь знаменитаго мужа или разбирали его изреченіе—по матеріалу, данному учителемъ. Дѣлалось это съ тою цѣлью, чтобы ознакомленіемъ со славною стариною поддержать и укрѣпить привязанность къ отечеству и къ его славному прошлому. При преподаваніи исторіи (in historiarum enarra-

---

[1]) Ливій Андроникъ (284—204 до Р. Хр.)—плѣнный Грекъ, выучившійся латинскому языку; онъ перевелъ Одиссею Гомера древнимъ италійскимъ размѣромъ—сатурніевымъ.

[2]) Quintil. Inst orat. I, 8, 2 Superest lectio, in qua puer ut sciat, ubi suspendere spiritum debeat, quo loco versum distinguere, ubi claudatur sensus, unde incipiat, quando attollenda vel summittenda sit vox, quid, quoque flexu quid lentius celerius, concitatius, lenius dicendum: demonstrari nisi in opere ipso non potest. Unum est igitur, quod in hac parte praecipiam, ut omnia ista facere possit, intelligat.

[3]) Quint. Inst. I, 4, 4. Tum neque citra musicen grammatice potest esse perfecta, cum ei de metris rythmisque dicendum est, nec si rationem siderum ignoret, poetas intelligat, qui, ut alia omittam, totiens ortu occasuque signorum in declarandis temporibus utuntur.

tione) по мнѣнію Квинтиліана, нужно строго соблюдать мѣру: достаточно излагать то, что уже принято, какъ несомнѣнное, или то, что разсказано знаменитыми писателями, а излагать все то, что сказалъ когда-нибудь всякій презрѣнный человѣкъ, значитъ напрасно только обременять умъ [1]). Но вообще преподаваніе исторіи велось не систематически, а отрывочно: сообщались только тѣ свѣдѣнія, которыя были необходимы для пониманія попавшагося мѣста. На такое преподаваніе исторіи особенно негодуетъ Тацитъ въ своемъ сочиненіи „Dialogus de oratoribus"; онъ говоритъ, что слишкомъ мало употребляется времени на ознакомленіе съ древностью [2]). Кромѣ всего этого ученики для лучшаго запоминанія объясненнаго въ школѣ должны были перелагать стихи прозою, писать маленькіе разсказы на основаніи прочитаннаго въ школѣ, составлять также хріи на темы, заданныя учителемъ. Иногда здѣсь занимались и геометріей, польза которой, по словамъ Квинтиліана, признавалась всѣми, особенно для нѣжнаго возраста (teneris aetatibus); по его словамъ геометрія упражняетъ духъ, изощряетъ умъ и развиваетъ быстроту соображенія [3]). Таково было преподаваніе въ школѣ грамматиковъ; но однако не существовало такого строгаго раздѣленія сферы занятій низшихъ учителей отъ занятій грамматиковъ и, въ свою очередь, занятій грамматиковъ отъ риторовъ: часто одинъ изъ нихъ заходилъ въ область преподаванія другаго, смотря по степени образованія самого учителя. Особенно часто грамматики заходили въ область риторики до появленія въ Римѣ особыхъ учителей риторики (риторовъ). Воспитаніемъ у грамматиковъ собственно и заканчивался у Римлянъ курсъ общаго образованія (ἐγκύκλιος παιδεία), которое по ихъ понятіямъ было необходимо для практи-

---

[1]) Quintil. Institut. oratoriae I, 8, 18.

[2]) Taciti Dialogus 30 гл. Transeo prima discentium elementa, in quibus et ipsis parum laboratur, nec in auctoribus cognoscendis nec in evolvenda antiquitate nec in notitia vel rerum vel hominum vel temporum satis operae consumitur.

[3]) Польза отъ изученія геометріи получается во время самаго изученія, а не послѣ того, какъ она изучена, какъ это бываетъ въ другихъ наукахъ. Quintil. Instit. oratoriae 1, 10, 34. In geometria partem fatentur esse utilem teneris aetatibus. Agitari namque animos et acui ingenia et celeritatem percipiendi venire inde concedunt; sed prodesse eam, non ut ceteras artes cum perceptae sint, sed cum discatur, existimant. Id vulgaris opinio est.

ческой жизни, и много было такихъ людей, которые прямо изъ школы грамматиковъ уже выступали на арену общественной дѣятельности и становились прекрасными общественными дѣятелями. [1])

Уже появленіе въ Римѣ школъ грамматиковъ нужно приписать греческому вліянію. Вліяніе высшей греческой образованности на Римлянъ стало становиться все болѣе и болѣе замѣтнымъ послѣ войны съ Пирромъ, но особенно усилилось оно послѣ завоеванія Греціи, когда Греки цѣлыми толпами начали стекаться въ Римъ, и, въ свою очередь, Римляне стали часто посѣщать Аѳины. Знаніе греческаго языка стало съ того времени необходимымъ для каждаго образованнаго человѣка. [2]) Во всѣхъ болѣе знатныхъ домахъ появились ученые греческіе рабы, за которыхъ платили очень дорого. [3]) Римляне, перенимая все греческое въ ущербъ своему родному и не замѣчали, быть можетъ, сначала, что это ведетъ къ гибели добрыхъ старыхъ нравовъ, добраго стараго семейнаго начала. Причина такого дурнаго вліянія знакомства съ Греками заключается въ томъ, что знакомство это началось въ моментъ упадка Греціи, когда въ самой Греціи началъ вывѣтриваться духъ старинныхъ учрежденій, когда, по словамъ Моммзена, исчезли отечество, народная вѣра, семейственность, всякая благородная дѣятельность; когда философія, поэзія и исторія были сильно истощены. Картины тогдашней жизни Грековъ прекрасно обрисованы въ комедіяхъ Менандра—лучшаго представителя новой греческой комедіи. Картины эти слишкомъ ярки даже въ передѣлкѣ Плавта, сохранившейся до нашего времени.

Не мало способствовало также всеобщему развращенію римскихъ нравовъ накопленіе громадныхъ богатствъ послѣ покоренія Карѳагена и азіатскихъ провинцій. Болѣе дальновидные Римляне, будучи глубоко пре-

---

[1]) Suetonius de grammaticis § 4: Audiebam etiam, memoria patrum quosdam e grammatici statim ludo transisse in forum atque in numerum praestantissimorum patronorum receptos.

[2]) Мы знаемъ напр., что Сципіонъ старшій, Эмилій Павелъ—покоритель Македоніи, Титъ Фламиній, Тиберій Гракхъ и многіе другіе знатные Римляне хорошо говорили и писали на греческомъ языкѣ. Первые римскіе анналисты—Фабій Пикторъ, Цинцій и Ацилій тоже писали свои анналы на греческомъ языкѣ.

[3]) За греческаго раба, свѣдущаго въ литературѣ, было заплачено 200,000 сестерцій (Моммзенъ, Римская исторія т. 2, стр. 404, русскій переводъ).

даны своему отечеству, видѣли весь вредъ, который могъ произойти и отъ этого вліянія, и отъ излишней роскоши, но старанія ихъ—противодѣйствовать этому злу оказались безсильными. Въ числѣ лицъ, боровшихся противъ греческаго вліянія и противъ усиливающейся роскоши, на первомъ планѣ стоитъ Маркъ Порцій Катонъ, этотъ образецъ истаго Римлянина, жившій отъ 234—149 до Р. Хр.; но всѣ усилія Катона [1]) ни къ чему не повели: ни законами, ни даже личнымъ примѣромъ нельзя было сдержать легкомысленныхъ Римлянъ, жадно стремившихся отвѣдать чего-то новаго. Даже самъ Цицеронъ, получившій вполнѣ греческое образованіе, приводитъ мнѣніе своего дѣда: nostros homines similes esse Syrorum venalium: ut quisque optime Graece sciret, ita esse nequissimum (Cic. de oratore II, 66, 265). Вредное вліяніе греческое, какъ я уже разъ сказалъ, преимущественно отразилось на семейномъ быту вообще и затѣмъ уже на семейномъ воспитаніи дѣтей. А какъ низко пала нравственность въ семействахъ, это намъ показываютъ римскіе сатирики. Горацій въ своей одѣ (III, 6, 17 стр.) говоритъ такъ о своемъ времени: „Богатый преступленіями вѣкъ прежде всего осквернилъ браки, родъ и семейства; а изъ этого источника гибель распространилась на все отечество и на народъ“. Затѣмъ онъ эту же оду заканчиваетъ такъ: „Поколѣніе родителей, худшее, чѣмъ были дѣды, произвело насъ, болѣе слабыхъ, которые дадутъ еще болѣе развратное потомство“. Въ этой-же одѣ современной распущенности противопоставляетъ онъ прежнія поколѣнія энергическихъ воиновъ—крестьянъ, выросшихъ въ суровой домашней школѣ, которые окрасили море карѳагенскою кровью, которые поразили Антіоха и ужаснаго Ганнибала.

Другой сатирикъ, жившій позже (60—140 по Р. Хр.), Ювеналъ, въ XIV сатирѣ въ такихъ же точно, если еще не въ болѣе яркихъ красках, рисуетъ печальную картину состоянія семейныхъ нравовъ въ Римѣ: „есть много дурнаго даже и въ томъ, на что указываютъ и что передаютъ дѣтямъ сами родители,—если старику пріятна игра въ кости, то и наслѣдникъ его, еще носящій буллу (bulla), изъ маленькаго рожка

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя его выраженія: „Dicam de istis Graecis suo loco, Marci fili, quid Athenis exquisitum habeam et quod bonum sit illorum litteras inspicere non perdiscere, vincam. Nequissimum et indocile genus illorum, et hoc puta vatem dixisse: quondoque ista gens suos litteras dabit omnia corrumpet. (Plini historia naturalis XXIV, 14).

бросаетъ тоже самое оружіе (кости); юноша отъ своего мота-отца выучивается отыскивать трюфели, приправлять шампиньоны и поливать этимъ соусомъ жареныхъ птицъ; когда сыну минетъ седьмой годъ, то, хотя бы ты къ нему приставилъ тысячу учителей, онъ все-таки пожелаетъ пиршествовать роскошно; дочери отъ матерей научаются развратничать; насъ скорѣе и быстрѣе портятъ домашніе примѣры пороковъ; за немногими исключеніями всѣ дѣти слѣдуютъ по стопамъ своихъ отцевъ. Вотъ какія наставленія даетъ отецъ сыну: прибыль хорошо пахнетъ, откуда-бы она ни получилась; никто не спрашиваетъ тебя, откуда ты имѣешь, но нужно только имѣть, [1]) и конечно сынъ, слушаясь такихъ наставленій, не можетъ быть побужденъ ни къ чему хорошему". Въ этой сатирѣ самымъ непригляднымъ образомъ рисуется картина домашняго воспитанія въ Римѣ, и вся порочность дѣтей ставится въ вину отцамъ, которые сами ей способствуютъ. Знаменитый римскій историкъ Тацитъ въ діалогѣ, трактующемъ объ упадкѣ ораторскаго искусства въ Римѣ (гл. 29), такъ говоритъ о современномъ ему воспитаніи у Римлянъ: „Теперь дитя поручается какой-нибудь греческой рабынѣ, въ помощь ей дается кто-нибудь изъ рабовъ, по большей части самый негодный, неспособный ни къ какому серьезному занятію, и души ничего еще не знающихъ дѣтей подвергаются вліянію разныхъ басенъ и заблужденій, и въ цѣломъ домѣ никто не думаетъ надъ тѣмъ, что дѣлаетъ и что говоритъ въ присутствіи дитяти, да и сами родители пріучаютъ своихъ дѣтей не къ честности и скромности, а къ своеволію и несдержанности". И такъ мы видимъ изъ приведеннаго мѣста, что родители перестали заниматься непосредственно воспитаніемъ дѣтей, а начали поручать ихъ всецѣло рабамъ; такимъ образомъ въ Римѣ мало по малу начинаютъ появляться такъ называемые педагоги (paedagogus).

Въ педагоги обыкновенно избирался рабъ, знающій хорошо греческій языкъ. Рабъ этотъ повсюду сопровождалъ мальчика, присутствовалъ въ школѣ при его занятіяхъ, дома напоминалъ ему при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ слѣдуетъ себя вести [2]); но главная обязанность его состояла въ томъ, чтобы научить мальчика правильно и хорошо го-

---

[1]) Lucri bonus est odor ex re qualibet. Unde habeas quaerit nemo, sed oportet habere.

[2]) См. Senecae epistolae 94, 8, 9 sic incede, sic coena... haec paedagogus puero, haec avia nepoti praecipit.

ворить по-гречески, такъ какъ во Римѣ вошло въ обычай обучать дѣтей греческому языку сейчасъ же, какъ только они начнуть учиться; это подтверждаетъ и Квинтиліанъ [1]). Обязанность педагога продолжалась до того времени, пока мальчикъ не получалъ toga virilis, т. е. до совершеннолѣтія мальчика. Педагоги являются въ Римѣ въ послѣднія времена существованія республики:-такъ педагоговъ имѣли: Антоній [2]). Октавіанъ [3]), Гай Цезарь [4]), и съ этого времени они все чаще и чаще упоминаются въ надписяхъ. Конечно нельзя сказать, чтобы всѣ такъ мало обращали вниманія на воспитаніе дѣтей: встрѣчались люди, которые старались противодѣйствовать такому отношенію къ дѣлу и указывали на ошибки родителей; къ числу такихъ людей принадлежали императоръ Августъ, издававшій законы, покровительствующіе семейной жизни, Горацій, Ювеналъ, Тацитъ и др. Я уже привелъ выше ихъ слова, исполненныя искренняго негодованія. Къ числу такихъ-же людей принадлежалъ и Плиній младшій, который въ одномъ изъ своихъ писемъ [5]). высказываетъ свой взглядъ на важность выбора учителя для дѣтей; въ другомъ письмѣ онъ проситъ Тацита выбрать учителя для своихъ знакомыхъ, такъ какъ Тацитъ, благодаря своей извѣстности, имѣетъ много знакомствъ среди образованныхъ людей. Но самымъ яркимъ примѣромъ искренней привязанности и нѣжной заботливости къ маленькимъ дѣтямъ служитъ императоръ Маркъ Аврелій; стоитъ прочесть переписку Фронтона, чтобы наглядно убѣдиться въ этомъ. Какъ ни малы дѣти Марка Аврелія, но ихъ болѣзни мучатъ его; съ какою грустью онъ говоритъ о горловыхъ жабахъ своихъ дочерей и объ упорномъ кашлѣ своего милаго маленькаго Антонина; это прелестное, маленькое гнѣздышко, какъ онъ ихъ назыветъ, занимаетъ его почти столько-же, сколько и имперія [6]). Та-же заботливоть о дѣтяхъ слышится и въ словахъ философа Фаворина, когда онъ убѣждаетъ матерей кормить дѣтей собственною

---

[1]) Quintiliani Instit. oratoriae I, 1, 12.

[2]) Dio Cassius, 46.

[3]) Ibidem 48, 33.

[4]) Suetonius: Octavianus 67.

[5]) Plinii Epistulae II, 18: Quid a te mihi jucundius potuit injungi, quam ut praeceptorem fratris tui liberis quaererem... Debeo enim, tibi debeo memoriae fratris tui hanc fidem, hoc studium, praesertim super tanta re.

[6]) См. Буасье Римская религія стр. 472 (русск. перев.).

грудью [1]). Такимъ образомъ мы видимъ, что раздавались голоса и противъ такого безпечнаго отношенія родителей къ своимъ дѣтямъ, и нельзя сказать, чтобы они не оказали вліянія, такъ какъ во времена Антониновъ существовало нѣкоторое улучшеніе въ отношеніяхъ къ дѣтямъ. Здѣсь бросается намъ въ глаза такое явленіе: на защиту дѣтей, покидаемыхъ родителями, спѣшатъ само государство, забота котораго о дѣтяхъ выразилась въ устройствѣ такъ называемыхъ alimenta, т. е. благотворительныхъ питательныхъ учрежденій. Эти питательныя учрежденія состояли въ ежемѣсячной раздачѣ пищи дѣтямъ бѣдныхъ семействъ Рима и вообще всей Италіи. Собственно въ Римѣ это учрежденіе было прибавлено только къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя существовали еще прежде; очеркъ его былъ набросанъ еще при Гракхахъ. Здѣсь удовольствовались тѣмъ, что къ двумъ стамъ тысячамъ гражданъ, получавшимъ казенный хлѣбъ, прибавили пять тысячъ дѣтей, которымъ оказали ту-же милость; дѣти эти наравнѣ со взрослыми получали контрмарки (tesserae), въ которыхъ было означено, въ какой день они должны были явиться въ портикъ Минуція для полученія назначенной имъ мѣры хлѣба. Но это было только въ Римѣ,-вся остальная Италія и другія провинціи не принимали никакого участія въ этихъ благодѣтельныхъ учрежденіяхъ. На провинціи дѣйствіе этихъ учрежденій стало распространяться только при императорахъ. Нерва первый изъ императоровъ возвелъ въ правило вспомоществованіе бѣднымъ дѣтямъ; по извѣстію, передаваемому Авреліемъ Викторомъ, онъ приказалъ по всей Италіи воспитыввсь на общественный счетъ [2]) мальчиковъ и дѣвочекъ бѣдныхъ родителей. Свидѣтельство Аврелія подтверждается изображеніемъ на монетѣ:здѣсь представленъ Нерва, протягивающій руку мальчику и дѣвочкѣ, возлѣ которыхъ стоитъ женщина; эта монета съ такою н·дписью: tutela Italiae [3]). Дѣло, начатое Нервой, продолжалъ съ большимъ усердіемъ его наслѣдникъ Траянъ

---

[1]) Gllii Noctes Atticae XII, 1. Cum mater puellae parcendum esse ei diceret adhibendasque puero nutrices... oro te, inquit, mulier sine eam totam integram matrem esse fllii sui. Quod est enim hoc contra naturam imperfectum atque dimidiatum matris genus, peperisse ac statim a se abjecisse, aluisse in utero sanguine suo nescio quid, quod non videret, non alere nunc suo lacte, quod videat jam viventem, jam hominem, jam matris officia implorantem.

[2]) Aurelius Victor Epit. XII, 4: Pueros puellasque parentibus egestosis natos sumptu publico per Gllica oppida ali jussit (Nero).

[3]) Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. стр, 183.

онъ старался превратить это учрежденіе въ нѣчто постоянное, чтобы оно не могло подвергаться никакимъ случайностямъ; съ этою цѣлью было придумано слѣдующее: деньги, жертвуемыя императоромъ для этихъ учрежденій, не поступали въ городскую казну, а отдавались за умѣренный процентъ владѣльцамъ имѣній, лежавшихъ вблизи того города, для дѣтей котораго предназначалось это пожертвованіе. Проценты эти (5% или $2^1/_2$%) шли на содержаніе бѣдныхъ дѣтей; обезпеченіемъ служили имѣнія заемщиковъ, которыя предварительно оцѣнивались; сумма займа была гораздо ниже оцѣнки. До нашего времени сохранились отъ временъ Траяна двѣ большія надписи, въ которыхъ означено, сколько какому владѣльцу занято денегъ, и сколько онъ обязанъ вносить процентовъ; одна надпись относится къ колоніи Ligures Baebiani [1]), а другая—къ колоніи Велейи [2]). Первая надпись сохранилась въ довольно испорченномъ видѣ; она относится къ 101 г. по Р. Хр.; здѣсь капиталъ, пожертвованный императоромъ, равнялся 414,390 сестерціямъ, распредѣленныхъ между 67 собственниками по $2^1/_2$ процента, такъ что процентный взносъ равнялся $10{,}373^1/_4$ сестерціямъ. Другая надпись, относящаяся къ Велейи, дошла до насъ въ лучшемъ видѣ; она относится по всей вѣроятности къ 102 или 103 г. по Р. Хр.; капиталъ, пожертвованный императоромъ за два раза, равнялся здѣсь одному милліону 116 тысячамъ состерцій, распредѣленнымъ между 52 собственниками по 5%; процентный взносъ равнялся 55,800 сестерціамъ; изъ этихъ взносовъ выдавалось пособіе тремъ стамъ дѣтямъ: двумъ стамъ шестидесяти четыремъ мальчикамъ и тридцати шести дѣвочкамъ. Этими учрежденіями разомъ достигались двѣ цѣли: во-первыхъ, мелкимъ землевладѣльцамъ предоставлялся кредитъ за незначительные проценты, а во-вторыхъ, оказывалась несомнѣнно помощь бѣднымъ, не имѣвшимъ средствъ для воспитанія дѣтей. Пособіе это выдавалось ежемѣсячно, по 16 сестерцій мальчикамъ, а дѣвочкамъ—по 12 сестерцій, и это продолжалось вплоть до достиженія мальчиками 18 лѣтъ, а дѣвочками—14 лѣтъ [3]). Гадріанъ;

[1]) Колонія эта находится въ области Беневента, куда эти Лигурійцы были переселены консулами Бебіемъ и Корнеліемъ (Baebius et Cornelius) въ 183 г. до Р. Хр. см. Wilmanns Exempla № 2844.

[2]) Колонія эта находилась въ циспаданской Галліи, недалеко отъ Плацентіи. См. Wilmanns Exempla № 2845.

[3]) См. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines стр. 183 и 184. Буассье Римская религія стр. 478 (рус. пер.) и Die Antonine Champagny въ нѣмецкомъ переводѣ Doehler'a.

царствовавшій послѣ Траяна, увеличилъ еще число мальчиковъ и дѣвочекъ, получавшихъ пособіе [1]). Антонинъ [2]) и Маркъ Аврелій [3]) тоже увеличили число подобныхъ воспитательныхъ учрежденій въ честь своихъ супругъ, изъ которыхъ каждая носила имя Фаустины, а Александръ Северъ учредилъ alimenta въ честь своей матери Маммеи [4]). Вслѣдъ за императорами и частныя лица начали жертвовать въ пользу бѣдныхъ дѣтей.

Мы знаемъ одну надпись, относящуюся ко времени Августа, въ которой сказано, что нѣкто Гельвій далъ Атинатцамъ 400,000 сестерцій, чтобы изъ доходовъ, получаемыхъ съ этихъ денегъ, давался дѣтямъ хлѣбъ и денежное вспомоществованіе, пока они не придутъ въ возрастъ [5]). Затѣмъ Плиній, современникъ и другъ императора Траяна, пожертвовалъ пятьсотъ тысячъ сестерцій, проценты съ которыхъ въ количествѣ 30,000 сестерцій, должны были идти на содержаніе бѣднымъ дѣтямъ свободорожденныхъ его роднаго города Кома [6]). Это пожертвованіе поименовано и въ благодарственной надписи, начертанной на памятникѣ, воздвигнутомъ ему благодарными жителями роднаго города [7]). Кромѣ того мы встрѣчаемъ еще въ Террачинѣ надпись, въ которой упоминается тоже о пожертвованіи; имя жертвовавшей неизвѣстно, сумма же денегъ, опредѣленная ею для бѣдныхъ, равняется милліону сестерцій; на проценты, получаемые съ этихъ денегъ, содержали сто дѣтей,—мальчикамъ выдавали ежемѣсячно по 5 денаріевъ вплоть до достиженія ими шестнад-

---

[1]) Spartiani Hadrianus, гл. 7: pueris ac puellis, quibus etiam Trajanus alimenta detulerat, incrementum liberalitatis adjecit.

[2]) Capitolini Antoninus Pius, гл. 8: puellas alimentarias in honorem Faustinae Faustinianas constituit.

[3]) Capitolini Marcus Antoninus philosophus, гл. 26: novas puellas Faustinianas instituit in honorem uxoris mortuae.

[4]) Lampridii Alexander Severus, гл. 57: puellas et pueros, quemadmodum Antoninus Faustinianas instituerat, Mammaeanas et Mammaeanos instituit.

[5]) C. I. L. томъ X № 5056.

[6]) Plinii Epistulae VII, 18: Nam pro quingentis milibus nummum, quae in alimenta ingenuorum ingenuarumque promiseram, agrum ex meis longe pluris actori publico mancipavi: eundem vectigali imposito recepi, tricena milia annua daturus.

[7]) Эта надпись находится у Wilmanns'a Exempla inscriptionum latinarum № 1628: dedit in alimenta puerorum et puellarum plebi (urbanae) HS.

цатилѣтняго возраста, а дѣвочкамъ—по 4 денарія до достиженія ими 14 лѣтъ [1]). Одинъ житель въ Сиккѣ [2]) далъ милліонъ триста тысячъ сестерцій, и на проценты съ этой суммы кормилось 300 мальчиковъ и 200 дѣвочекъ,—мальчики, начиная съ трехъ лѣтъ и до 15, должны были получать по $2^1/_2$ денарія, а дѣвочки—отъ трехъ до тринадцати лѣтъ—по 2 денарія [3]). Пожертвованіе съ такою-же цѣлью упоминается и въ надписи, относящейся къ городу Hispalis (нынѣ Севилья); только надпись эта сохранилась въ весьма испорченномъ видѣ [4]). Что касается администраціи этихъ учрежденій, то пріемъ и выдача процентовъ, равно какъ и веденіе реестра въ каждой общинѣ, все это лежало на обязанности городскаго чиновника, который назывался quaestor alimentariorum, quaestor pecuniae alimentariae или arcae alimentariae; иногда впрочемъ обязанность эта возлагалась просто на городскаго квестора. Высшій-же надзоръ надъ этими учрежденіями принадлежалъ такъ называемымъ praefecti alimentorum; каждый изъ нихъ наблюдалъ надъ этимъ учрежденіемъ въ своемъ участкѣ (такихъ участковъ въ Италіи было нѣсколько). Иногда эта обязанность соединялась съ должностью praefectus viarum того-же самаго участка. По мнѣнію Гиршфельдера, въ Римѣ, начиная съ Марка Аврелія и до Макрина, былъ только одинъ praefectus alimentorum, которому принадлежалъ надзоръ надъ всѣми питательными учрежденіями; но съ этимъ мнѣніемъ не согласенъ Моммзенъ. Установленіемъ этихъ питательныхъ учрежденій императоры старались внушить Римлянамъ любовь къ семейной жизни. Съ этою-же цѣлью первый императоръ римскій Августъ издавалъ даже законы, покровительствовавшіе семейной жизни [5]). Но, несмотря на всѣ эти мѣры, возвратъ къ прежнимъ семейнымъ отношеніямъ былъ труденъ; семейная жизнь пришла въ упадокъ.

Греческое вліяніе сказалось не только въ семейной жизни, но оно выразилось даже въ такихъ мелочахъ, какъ дѣтскія игры: теперь у дѣтей вошли въ моду такія игры, какъ игра въ кости и игра

---

[1]) См. Wilmanns Exempla № 2846.

[2]) Sicca Veneria—колонія въ сѣверной Африкѣ, въ Нумидіи.

[3]) Wilmanns Exempla № 2847.

[4]) Wilmanns Exempla № 2848.

[5]) Августъ издалъ законъ, дозволявшій всѣмъ гражданамъ, исключая сенаторовъ, жениться на вольноотпущенныхъ; онъ также награждалъ тѣхъ, у кого были дѣти, и оказывалъ семейнымъ людямъ всякія преимущества; наконецъ онъ издалъ извѣстный законъ leges Iuliae de adulteriis et de pudicitia.

въ обручъ; первая презиралась истинными Римлянами, какъ азартная, а вторая—какъ неприличная мущинѣ [1]). Но нужно сказать, что до последняго времени существованія Римскаго государства подростки продолжали сходиться на Марсово поле для того, чтобы упражняться въ бѣганіи, прыганіи, плаваніи, въ кулачной борьбѣ, въ бросаніи копья и въ верховой ѣздѣ. Насколько гибельно было вліяніе греческое на семейныя отношенія, на столько же вліяніе это способствовало расширенію образованія:—благодаря вліянію грековъ, появились въ Римѣ школы грамматиковъ; слѣдовательно прежнее обученіе, которое состояло въ изученіи предметовъ, необходимыхъ въ самомъ простомъ быту, признавалось уже неудовлетворительнымъ; помимо практическихъ цѣлей, явилось стремленіе къ высшему умственному развитію. Нужно однако замѣтить, что практическій складъ ума Римлянъ никогда не посволялъ имъ заниматься наукой ради самой науки; даже наиболѣе образованные люди, какъ напр. Цицеронъ, хотя и смотрѣли на занятіе наукою, какъ на самое лучшее препровожденіе времени, но допускали его только въ томъ случаѣ, когда человѣкъ свободенъ отъ высшаго занятія, которое состояло въ занятіи какой-нибудь государственной должности и въ посильномъ служеніи на пользу своего отечества. Подъ греческимъ-же вліяніемъ развилось и научное занятіе латинскимъ языкомъ. Это случилось въ промежутокъ времени между первой и второй Пунической войной; тогда прибылъ въ Римъ отъ пергамскаго царя Аттала посолъ, по имени Кратесъ; онъ случайно попалъ въ отверстіе клоаки и сломалъ себѣ ногу; во время своего выздоровленія Кратесъ читалъ приходившимъ къ нему Римлянамъ лекціи о языкѣ [2]). Кратесъ былъ стоикъ, т. е. онъ принадлежалъ къ школѣ, очень много занимавшейся грамматикой, и такимъ образомъ въ Римъ проникла грамматическая система стоиковъ, которая и оставалась тамъ всегда господствующею [3]).

Греческому-же вліянію обязана своимъ существованіемъ въ Римѣ и методика обученія:—въ Римѣ стали заниматься изысканіемъ способовъ

---

[1]) Hor. Od. III, 34, стр. 54, и сл.

[2]) Suetonius de grammaticis § 2.

[3]) Наиболѣе извѣстными языковѣдами въ Римѣ являются: Элій Стилонъ, Юлій Цезарь, Варронъ и Веррій Флаккъ.

наилучшей системы воспитанія и обученія; этимъ занимались: Катонъ Старшій [1]), Варронъ, Цицеронъ [2]), Плутархъ [3]), Квинтиліанъ [4]); нѣкоторыя замѣчанія на счетъ воспитанія встрѣчаются и у Сенеки, а также въ письмахъ Плинія, въ діалогѣ Тацита объ ораторахъ и въ твореніяхъ Лукіана, который, бичуя съ своимъ ѣдкимъ остроуміемъ нравственный упадокъ своего времени, высказываетъ мысль, что нравственное состояніе государства въ его время можетъ улучшиться только тогда, когда улучшится и воспитаніе, и подаетъ совѣтъ обратиться къ древнегреческому воспитанію. Вопросъ объ обученіи полнѣе другихъ разсматриваетъ Квинтиліанъ въ сочиненіи, названномъ мною выше, которое главнымъ образомъ имѣетъ въ виду образованіе хорошаго оратора. Благодаря греческому вліянію, и государство обратило вниманіе на школы: императоры стали покровительствовать учителямъ школъ: такъ мы уже говорили, что Цезарь далъ грамматикамъ право гражданства и нѣкоторые императоры открыли имъ даже доступъ въ сенатъ. Но вообще взглядъ на образованіе, какъ на дѣло государства, прививался довольно туго: только во второмъ вѣкѣ нашей эры, со времени Веспасіана, начали выдавать пособія отъ государства сначала только учителямъ высшихъ школъ и только уже Антонинъ Пій приказалъ выдавать изъ городскихъ и общинныхъ суммъ содержаніе грамматикамъ въ числѣ прочихъ высшихъ учителей [5]); Антонинъ Пій издалъ относительно провинціи Азіи распоряженіе освобождающее отъ муниципальныхъ повинностей въ большихъ городахъ по 5 грамматиковъ, въ среднихъ—по 4 грамматика и въ

---

[1]) Заглавіе сочиненія Катона неизвѣстно. Мы можемъ только сказать, что онъ составилъ для своего сына руководство по хозяйству, по медицинѣ по краснорѣчію и военному искуству; онъ также написалъ для сына правила жизни Teuffel, Geschichte der römischen Litteratur, 4 изд., стр. 189.

[2]) Ciceronis de oratore, а также и во многихъ другихъ сочиненіяхъ.

[3]) По крайней мѣрѣ Плутарху приписывается сочиненіе о воспитаніи: de liberis educandis.

[4]) Quintiliani Institutiones oratoriae libri XII.

[5]) Lex metalli Vipascensis, Ephemeris epigraphica III т., стр. 185, 188 см. также Wilmanns Exempla № 2485, гдѣ говорится объ одномъ грамматикѣ, которому община Тритій (Tritium) въ Испаніи назначила salarium (т. е. содержаніе).

маленькихъ—по 3. Иногда впрочемъ и частныя лица содѣйствовали открытію школъ и помогали имъ изъ своихъ средствъ: такъ, Плиній Младшій, о которомъ мы уже не разъ упоминали, узнавъ, что въ его родномъ городѣ Комѣ нѣтъ школъ, вслѣдствіе чего родители посылаютъ своихъ дѣтей учиться въ Миланъ, убѣдилъ отцевъ семействъ собрать сумму, необходимую для учрежденія у себя общественныхъ школъ [1]).

Теперь я перейду къ воспитанію юношества въ древнее и въ позднѣйшее время существованія Римскаго государства. Собственно юношескій возрастъ (juventus) начинался у Римлянъ съ 17 лѣтъ [2]). Переходъ изъ отроческаго возраста ознаменовывался у нихъ перемѣной одежды:—свободорожденные мальчики, вышедшіе уже изъ дѣтскаго возраста, носили у Римлянъ такъ называемую toga praetexta, т. е. тогу, украшенную по краямъ пурпуровыми полосами; съ наступленіемъ-же юношескаго возраста они надѣвали toga virilis, т. е. тогу бѣлую (иначе она называлась toga pura, vestis pura). Обыкновенно эта перемѣна одежды сопровождалась разными церемоніями. Чаще всего для этой церемоніи избирали 17 марта [3]), когда праздновали Liberalia (праздникъ въ честь бога Либера, отождествляемаго съ Вакхомъ). Рано поутру собиралось все семейство, отецъ подносилъ toga virilis, а сынъ самъ надѣвалъ ее предъ домашними божествами, къ которымъ и обращались съ молитвою. При этомъ всѣ отроческія принадлежности—bulla и toga praetexta онъ слагалъ передъ домашними ларами. Богамъ посвящались также и волосы, которые теперь впервые обрѣзывались (мальчики у Римлянъ не стриглись). Домашній праздникъ заканчивался жертвой, приносимой богамъ. Послѣ принесенія жертвы, юноша (если это было въ Римѣ), одѣтый въ бѣлую тогу, въ сопровожденіи родныхъ и близкихъ отправлялся на форумъ; это называлесъ deductio in forum, deducere in forum; затѣмъ вся эта процессія двигалась въ Капитолій, гдѣ приносили жертвы Юпитеру, Либеру и богинѣ Juventas (богиня юности), и въ храмѣ этой богини юноша обык-

---

[1]) Буасье, Римская религія, стр. 472 (р. пер.) Plinii epistulae IV, 13. Родители сами нанимали учителей.

[2]) Иногда впрочемъ встрѣчались нѣкоторыя отступленія особенно въ императорскій періодъ: Калигула надѣлъ toga virilis 19 лѣтъ, Неронъ—14 лѣтъ.

[3]) Иногда избирали и другіе дни, но всѣ эти случаи относятся къ позднѣйшему времени.

новенно бросалъ какую нибудь монету; тогда-же заносили его въ списки гражданъ. Праздникъ затѣмъ заканчивался торжественнымъ пиромъ. Если toga virilis надѣвалъ какой-нибудь членъ императорской фамиліи, то при этомъ раздавались народу дары. Съ этой церемоніи оканчивался періодъ обученія, и продолжать дальнѣйшее образованіе предоставлялось уже на волю самого молодаго человѣка. Съ этой поры юноша признавался годнымъ къ военной службѣ [1]), и получалъ jus suffragii; т. е. право подавать голосъ въ народномъ собраніи, но онъ все-таки еще оставался подъ властью отца, потому что patria potestas по римскимъ законамъ прекращалась только тогда, когда умиралъ отецъ. Если-же этотъ юноша состоялъ подъ опекой, то съ этихъ поръ онъ получалъ возможность распоряжаться своимъ имуществомъ самостоятельно [2]), дѣлать завѣщаніе, а также и вступать въ бракъ. Однако, никто изъ надѣвшихъ toga virilis не вступалъ сейчасъ-же во всѣ свои права: онъ еще долженъ былъ пройти tirocinium, такъ называлось время между принятіемъ мужеской тоги и между вступленіемъ въ военную службу или-же выступленіемъ на арену общественной дѣятельности; срокъ этотъ до времени имперіи длился одинъ годъ [3]). Въ теченіи этого года молодой человѣкъ какъ-бы подготовлялся къ общественной дѣятельности. Смотря по тому, готовился-ли онъ къ военной службѣ, или къ административной дѣятельности, это tirocinium и раздѣлялось на tirocinium militiae и на tirocinium fori. Желавшій подготовиться къ военной дѣятельности отправлялся обыкновенно въ лагерь съ рекомендаціями къ полководцу и проводилъ начальную военную службу не въ качествѣ простаго солдата, а въ качествѣ contubernalis или comes imperatoris, т. е. въ свитѣ полководца. Здѣсь старались на дѣлѣ познакомиться со всѣми пріе-

---

[1]) По отношенію къ военной службѣ обыкновенно существовало такое дѣленіе: воины отъ 17 до 45 лѣтъ, называвшіеся juniores, признавались годными къ полевой военной службѣ, а seniores—отъ 45 до 60 признавались годными только къ гарнизонной службѣ.

[2]) Нужно замѣтить однако, что, согласно закону Плеторія (lex Plaetoria), всякій договоръ съ юношей до 25 лѣтъ не признавался дѣйствительнымъ, если помимо юноши не подписывался кураторъ, назначаемый городскимъ преторомъ.

[3]) Cic. pro Caelio 5 II; Nobis quidem annus erat unus ad cohebindum brachium toga constitutus et ut exercitatione ludoque campestri tunicatus uteremur eademque erat si statim stipendia coeperamus, castrensis ratio ac militaris.

мами военнаго искусства. Если юный Римлянинъ думалъ посвятить себя государственной дѣятельности, то онъ обыкновенно поступалъ подъ руководство какого-нибудь знаменитатаго государственнаго человѣка, за которымъ и слѣдовалъ повсюду, сопровождалъ его на форумъ, присутствовалъ при произнесеніи имъ рѣчей. Такъ мы знаемъ изъ словъ самого Цицерона, что онъ сначала находился подъ руководствомъ превосходнаго правовѣда Муція Сцеволы [1]), а затѣмъ—подъ руководствомъ верховнаго жреца Кв. Сцеволы. Впослѣдствіи и у самого Цицерона были такіе ученики, которыхъ онъ обучалъ краснорѣчію въ часы, свободные отъ правительственныхъ дѣлъ; учениками Цицерона были: Целій [2]), Панса и Долабелла. Кромѣ практическаго знакомства съ искусствомъ краснорѣчія, римскій юноша знакомился въ это время и съ правовѣденіемъ, лично присутствуя при рѣшеніи разныхъ тяжебныхъ дѣлъ на форумѣ. Такое воспитаніе, по словамъ Тацита [3]), приносило громадную пользу для юноши, такъ какъ онъ, слѣдуя повсюду за своимъ учителемъ знакомился и съ другими дѣятелями, которые являлись противниками его руководителя въ судебномъ или общественномъ дѣлѣ; онъ также практически знакомился со всѣми пріемами, необходимыми для оратора въ судебныхъ и въ общественныхъ дѣлахъ, и при этомъ самъ лично могъ наблюдать за впечатлѣніемъ, которое производили извѣстные пріемы краснорѣчія. И только послѣ такой подготовки юноша римскій рѣшался выступать на арену общественной дѣятельности, да и то въ какомъ-нибудь частномъ дѣлѣ на форумѣ. Но уже къ концу существоввнія Римской республики въ Римѣ появились высшія школы для образованія юношества, это были школы риторовъ, т. е. учителей краснорѣчія. Онѣ явились тогда, когда, вслѣдствіе знакомства съ греческими образцами краснорѣчія, въ Римѣ значительно развился вкусъ, и увеличились требованія отъ рѣчей ораторовъ. Сначала въ Римѣ появились греческіе риторы, но затѣмъ въ

---

[1]) Ciceronis de amicitia I, 2.

[2]) Cic. pro Caelio 4, 9.. См. также Cic. Epist. IX, 16, 7, 18: in morem praeceptoris cotidie dicens audiensque.

[3]) Taciti, Dialogus de oratoribus 34: Ergo apud majores nostros juvenis ille qui foro et eloquentiae parabatur, imbutus jam domestica disciplina deducebatur a patre vel a propinquis ad eum oratorem, qui principem in civitate locum obtinebat, hunc sectari, hunc prosequi,hujus omnibus dictionibus interesse sive in judiciis sive in contionibus assuescebat.

началѣ I в. до Р. Хр., стали появляться и латинскіе риторы. Первымъ латинскимъ риторомъ былъ Плоцій; но впрочемъ греческіе риторы всегга пользовались большимъ авторитетомъ въ дѣлѣ преподаванія, чѣмъ латинскіе. Это видно изъ словъ Цицерона, приводимыхъ Светоніемъ; здѣсь говорится о томъ, что Цицеронъ желалъ учиться у латинскаго ритора а образованнѣйшіе люди отсовѣтовали ему это, говоря, что греческіе риторы лучше развиваютъ способности [1]: Риторы вмѣстѣ съ философами не разъ подвергались въ Римѣ изгнанію [2], но все-таки требованіе времени брало свое, и число ихъ постоянно увеличивалось. Да и само государство не относилось къ нимъ всегда враждебно, напротивъ оно само мало по малу стало оказывать имъ свое покровительство; починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Цезарю, который далъ всѣмъ риторамъ право гражданства. Съ этихъ поръ и латинскіе риторы стали завоевывать себѣ положеніе наравнѣ съ греческими; съ теченіемъ времени латинскіе риторы стали даже вытѣснять греческихъ. Даже государственные люди обращались иногда къ помощи риторовъ для усовершенствованія въ краснорѣчіи: по свидѣтельству Светонія [3] Помпей занимался у латинскаго ритора для того, чтобы быть въ состояніи помѣряться силами съ молодымъ Куріономъ, Маркъ Антоній постоянно держалъ въ своемъ домѣ ритора, а Октавіанъ даже во время Мутинской войны не прекращалъ своихъ упражненій. Но особеннымъ покровительствомъ государства стали пользоваться риторы при императорахъ: императоръ Веспасіанъ назначилъ греческимъ и латинскимъ риторамъ въ Римѣ содержаніе изъ

---

[1]) Suetonius de rhetoribus § 2: Equidem memoria teneo pueris nobis primum docere coepisse Plotium quendam. Ad quem cum fieret concursus, quod studiosissimus quisque apud eum exerceretur, dolebam mihi idem non licēre. Continebar autem doctissimorum hominum auctoritate, qui existimabant, Graecis exercitationibus ali melius ingenia posse.

[2]) Первое изгнаніе произошло въ 161 г. до Р. Хр.; тогда были изгнаны греческіе риторы; въ 92 г. до Р. Х. были изгнаны латинскіе риторы; цензорскій эдиктъ, изгонявшій ихъ, я уже привелъ выше. Причина изгнанія латинскихъ риторовъ заключалась, по всей вѣроятности, въ томъ, что они, не будучи серьезно подготовлены къ дѣлу, занимались пустымъ словоизверженіемъ. Риторы и при императорахъ подвергались изгнанію: они были изгнаны при Домиціанѣ въ 94 г. по Р. Х.

[3]) Suetonius de rhetoribus § 1.

фиска въ годъ 100,000 сестерцій [1]), и съ этого времени они стали получать содержаніе то изъ казны, то изъ городскихъ и общинныхъ суммъ. Вообще нужно сказать, что положеніе риторовъ въ матеріальномъ отношеніи было довольно хорошо; обыкновенное ихъ вознагражденіе по словамъ Ювенала равнялось 2000 сестерціямъ, по кодексу Өеодосія риторы должны были получать вдвое большую плату чѣмъ грамматики; а иногда ихъ содержаніе достигало громадныхъ суммъ; такъ риторъ Евменій въ Августодунѣ получалъ 600,000 сестерцій.

Общественное положеніе риторовъ было несравненно лучше, чѣмъ положеніе грамматиковъ; многіе изъ нихъ получали при императорахъ доступъ къ высшимъ должностямъ въ имперіи: при Неронѣ нѣкоторые изъ нихъ были возведены прямо изъ самаго низкаго званія въ званіе сенаторовъ; знаменитые риторы въ II и даже въ I в. по Р. Хр. получали вліятельныя мѣста императорскихъ секретарей; извѣстный учитель краснорѣчія Квинтиліанъ получилъ знаки отличія консульскаго достоинства. Благодаря такому положенію это занятіе выбирали себѣ даже лица изъ всадническаго сословія; это сдѣлалъ въ первый разъ нѣкто Бландъ (Blandus) при Августѣ [2]). Въ школу риторовъ ходили и юноши и отроки (pueri), такъ что здѣсь возрасты смѣшивались [3]). Что касается дисциплины въ этихъ школахъ, то нельзя сказать, чтобы она была строгая, напримѣръ Августинъ жалуется на чрезвычайную распущенность юношества въ риторской школѣ въ Карөагенѣ, что заставило его перейти въ Римъ, гдѣ дисциплина была строже; такая распущенность легко объясняется тѣмъ, что риторы потакали юношеству, лишь бы только завлечь его въ свои школы, такъ какъ конкурренція была слишкомъ велика [4]). Занятія у риторовъ преимущественно сосредоточивались на изученіи прозаическихъ образцовъ: такимъ путемъ старались выработать чистый плавный и живой слогъ; для чтенія обыкновенно избирались Демосөенъ, Лисія, Геродотъ, Өукидидъ и Цицеронъ. При чтеніи историческихъ сочиненій, нѣкоторые факты подвергались критикѣ: возможно или невозможно, чтобы они происходили. При чтеніи ораторскихъ рѣчей раз-

---

[1]) Suetonii Vespasianus 18: Primus e fisco Latinis Graecisque rhetoribus annua centena constituit.

[2]) Friedländer Sittengeschichte Rom's I т. стр. 289.

[3]) Quintil. Instit. orat. II, §§ 2, 3 и 14. Seneca rhetor Controv. III praef. 15.

[4]) Taciti Dialogus. гл. 28.

сматривали обыкновенно inventio и elocutio (изобрѣтеніе и изложеніе—развитіе темы); иногда читались рѣчи съ ошибками въ развитіи темы, и ученики должны были находить ошибки въ такихъ рѣчахъ. Затѣмъ уже ученики сами упражнялись въ составленіи рѣчей. Было два рода такихъ рѣчей: suasoriae (совѣтовательныя рѣчи) и controversiae (собственно судебныя рѣчи). Suasoriae признавались болѣе легкими и потому поручались болѣе молодымъ и начинающимъ [1]); здѣсь требовалось посредствомъ рѣчи заставить сдѣлать что-нибудь или отклонить отъ чего нибудь. Для того, чтобы познакомиться съ тѣмъ, какія темы избирались для этихъ рѣчей, я приведу нѣсколько такихъ темъ изъ дошедшихъ до нашего времени въ сочиненіи ритора Сенеки [2]): trecenti Lacones contra Xerxem missi deliberant, an pugnent; Cicero deliberat, an scripta sua comburat promittente Antonio incolumitatem, si fecisset. Послѣ достаточнаго упражненія въ составленіи такого рода рѣчей переходили къ судебнымъ рѣчамъ (controversiae), въ которыхъ слушатели были и обвинителями и защилниками; по словамъ Светонія [3]) въ старину темами для такихъ рѣчей служили событія, случившіяся въ дѣйствительности, или же историческіе факты, а позже для такихъ темъ стали выбирать событія вымышленныя; требовалось только чтобы оно было какъ можно болѣе запутано. Вотъ одна изъ такихъ темъ: Одинъ человѣкъ, имѣвшій слѣпаго пасынка, былъ однажды утромъ найденъ мертвымъ на половинѣ, занимаемой мачихой, въ ранѣ былъ найденъ кинжалъ сына и на дорогѣ къ комнатѣ сына стѣна носила отпечатокъ окровавленныхъ пальцевъ. Спрашивается, кто совершилъ убійство—сынъ или мать [4]). Одинъ изъ слушателей долженъ былъ обвинять сына, а другой—мать. До нашего времени дошли нѣкоторыя темы suasoriae и controversiae въ сочиненіи ритора Сенеки. Oratorum et rhetorum sententiae divisiones et colores а именно: одна книга suasoriae, содержащая семь темъ, и 5 книгъ controversiae, содержащихъ 35 темъ, и въ сочиненіи, приписываемомъ Квинтиліану

---

[1]) Tacitus Dialogus de oratoribus гл. 35: duo genera materiarum apud rhetoras tractantur, suasoriae et controversiae; ex lis suasoriae quidem etsi plane leviores et minus prudentiae exigentes pueris delegantur, controversiae robustioribus adsignantur.

[2]) Seneca rhetor отецъ философа Сенеки.

[3]) Suetonius de rhetoribus § 1 стр. 269 изд. Roth'a.

[4]) Quintiliani Declamationes I.

Declamationes—19 большихъ и 145 малыхъ. Конечно, подобныя рѣчи, темами для которыхъ служили событія, не происходившія въ дѣйствительности или даже мало вѣроятныя, не могли способствовать образованію истиннаго оратора, какъ справедливо замѣтилъ еще Тацитъ [1]), онѣ пріучали только къ пустому словоизверженію. Кромѣ школъ риторовъ, гдѣ обучались краснорѣчію, иногда молодые люди отправлялись путешествовать; цѣлью такихъ путешествій бывали обыкновенно города, гдѣ существовали извѣстныя школы. Наиболѣе посѣщаемымъ городомъ были Аѳины, которыя все таки оставались средоточіемъ древней образованности. Сюда по преимуществу отправлялись люди, желавшіе познакомиться хорошенько съ философіей, которая со времени знакомства съ Греками у Римлянъ стала входить въ моду: заниматься ею у Римлянъ стало почетнымъ дѣломъ и необходимымъ для каждаго человѣка, который захотѣлъ-бы завершить свое образованіе. Такъ въ Аѳины для завершенія образованія Цицеронъ послалъ своего сына; туда же ѣздилъ и Горацій и др. Въ Родосъ ѣздили съ цѣлью образованія ораторскаго искусства, такъ какъ онъ славился своими риторскими школами. Съ цѣлью удовлетворить потребностямъ юношества, а также съ цѣлью способствовать вообще развитію науки императоры заботились объ открытіи и поддержаніи высшихъ школъ. Императоръ Гадріанъ устроилъ въ Римѣ, въ самомъ Капитоліи, нѣчто въ родѣ академіи или университета, подъ названіемъ Аѳеней, куда собирались слушать знаменитыхъ ораторовъ и поэтовъ [2]). Въ Аѳинахъ были учреждены Маркомъ Авреліемъ каѳедры философіи, риторики и грамматики, преподаватели которыхъ получали жалованье частью отъ города, частью изъ императорской казны [3]) По распоряженію Антонина Пія и Александра Севера [4]) по всѣмъ городамъ имперіи были риторы и философы, получавшіе содержаніе то отъ казны, то отъ городовъ. Кромѣ того въ Римѣ появились библіотеки, открытыя для публики. Первымъ открывшимъ свою библіотеку публикѣ былъ знаменитый Азиній Полліонъ. Наиболѣе извѣстными библіотеками были двѣ библіотеки Августа и библіотека Траяна называвшаяся bibliotheca Ulpia (самая замѣчательная по части рѣдкостей и древнихъ источниковъ).

---

[1]) Taciti Dialogus. гл. 36.

[2]) Aur. Vic. Caesares 14, 3.

[3]) Dio Cassius, 71, 31.

[4]) Capitolini Antoninus Pius II, 3. Lampridii Alexander Severus 44, 4.

Изъ нашего краткаго очерка римскаго воспитанія. мы видимъ, что греческое вліяніе правда расширило у Римлянъ кругъ образованія; появились новые предметы для изученія; пожалуй отъ этого люди сдѣлались болѣе знающими; но между тѣмъ мы не видимъ, чтобы эти школы производили великихъ и честныхъ дѣятелей, какъ это было прежде; причина этому кроется въ испорченности семейной жизни,вліянія которой не можетъ замѣнить ни одна школа.

РИМСКІЙ ФОРУМЪ.*

Важное значеніе форума до конца имперіи. Состояніе, въ которомъ онъ находился въ началѣ настоящаго столѣтія. Раскопки Пьетро Розы. Опытъ реставраціи Дютера.

Все въ Римѣ располагаетъ посѣщающихъ его нынѣ заняться преимущественно древностями: кажется, до сихъ поръ событіями 1870 г. воспользовались наиболѣе антикваріи. Новое правительство многимъ было обязано древнимъ воспоминаніямъ; для того чтобы утверждать, что Римъ заслуживаетъ быть свободнымъ и самостоятельно распоряжаться собою, что Италія имѣетъ право требовать обратно Римъ, какъ свою столицу, охотно опирались на исторію республики и имперіи, безпрестанно упоминали о сенатѣ, форумѣ, Капитоліи, и современныя требованія Италіи о возвратѣ Рима много выигривали подъ эгидою этихъ великихъ наименованій.—Это долгъ, сдѣланный итальянскимъ правительствомъ относительно прошлаго, и который оно принялось уплачивать тотчасъ послѣ водворенія своего въ Римѣ. Начиная съ 8 ноября 1870 г., декретомъ королевскаго намѣстника учреждена была коммиссія, для главнаго надзора за раскопками въ городѣ и провинціи, а предсѣдателемъ ея назначенъ искусный изслѣдователь Палатина г. Пьетро Роза; спустя 8 дней послѣ этого назначенія уже начались работы по раскопкѣ форума.

Совершенно понятно, почему ихъ начали именно съ форума: онъ во всѣ времена былъ и оставался центромъ и сердцемъ Рима. Во всѣхъ почти нашихъ современныхъ столицахъ дѣятельность и жизнь перемѣщаются съ вѣками; въ Парижѣ онѣ послѣдовательно перешли съ лѣваго

---

* Изъ сочиненія Г. Буассье: Археологическія прогулки по Риму и Помпеямъ.

берега Сены на правый и съ одного конца города на другой. Римъ оставался болѣе вѣрнымъ своимъ древнимъ преданіямъ. Начиная съ того дня, какъ, по сказанію Діонисія Галикарнасскаго, Ромулъ и Тацій, расположившіеся одинъ на холмахъ Палатинскомъ и Целійскомъ, а другой на Капитолійскомъ и Квиринальскомъ, рѣшили соединиться, чтобы потолковать объ общихъ дѣлахъ въ этой сырой и нездоровой долинѣ, простирающейся отъ Капитолія до Палатина, она никогда не переставала быть мѣстомъ собраній и совѣщаній римскаго народа. Въ первые годы не было другого общественнаго мѣста, и форумъ удовлетворялъ всѣмъ нуждамъ. Утромъ здѣсь продавались всякаго рода припасы, днемъ производился судъ, вечеромъ гуляли. Со временемъ такихъ мѣстъ явилось много; были рынки особые для скота, для овощей, для рыбы (forum boarium, olitorium, piscatorium); но древній форумъ Ромула сохранялъ всегда свое первенствующее значеніе. Даже сама имперія, такъ много все измѣнявшая, не лишила его этого преимущества. Вокругъ форума устроили болѣе обширныя, болѣе правильныя и великолѣпныя площади; но на нихъ всегда смотрѣли только какъ на принадлежности и прибавленія того, что упорно называли „римскій форумъ" по преимуществу. Онъ устоялъ противъ разрушеній первыхъ нашествій и пережилъ взятіе Рима Вестготами и Вандалами. Послѣ каждаго переполоха начинали его реставрировать, какъ умѣли, и даже сами варвары, какъ напр. Теодорикъ, иногда старались возстановить разрушенное ими. Древняя площадь и ея зданія существовали еще въ началѣ 7-го вѣка, когда сенату пришла несчастная идея посвятить отвратительному тирану, Ѳокѣ ту колонну, о которой Грегоровій говоритъ, „что Немезида исторіи сохранила ее, какъ послѣдній памятникъ низости Римлянъ". Начиная съ этого времени, нагромождаются развалины. Каждая война, каждое нашествіе низвергаетъ какой нибудь древній памятникъ, котораго уже никто не возстановляетъ. Храмы, тріумфальныя арки украшаются по бокамъ башнями и увѣнчиваются зубцами, какъ крѣпости; онѣ громятся постоянно при борьбѣ партій, раздѣляющихъ Римъ, потрясаются бѣшенными осадами и штурмами, наконецъ разрушаются и покрываютъ землю своими обломками. Каждый вѣкъ увеличиваетъ груду этихъ развалинъ. Когда въ 1536 г. Карлъ V, возвращаясь изъ своего похода въ Тунисъ, проѣзжалъ черезъ Римъ, Папа пожелалъ, чтобы мститель христіанства прошелъ подъ арками Константина, Тита и Севера и не щадилъ ничего, чтобы проложить наилучшую дорогу; Рабле, бывшій свидѣтелемъ этого,

говоритъ: „разрушили и сломали болѣе двухсотъ домовъ, и три или четыре церкви сравняли съ землею“. Нѣсколько лѣтъ спустя Сиктъ V, не зная, говорятъ, гдѣ сложить матеріалы для производимыхъ имъ въ другихъ мѣстахъ построекъ, велѣлъ свезти ихъ на это пустое мѣсто. Все древнее закрылось и потерялось подъ слоемъ обломковъ, имѣвшемъ болѣе 10 метровъ толщины. Начиная съ этого времени, форумъ обратился въ поле для скота campo vaccino и принялъ тотъ видъ, въ которомъ и находился до начала настоящаго столѣтія. Это была пыльная площадь, окруженная церквами посредственной постройки, а вокругъ нея до половины надъ землею возвышалось нѣсколько колоннъ;— печальное и пустынное мѣсто, располагающее къ размышленіямъ о суетѣ и недолговѣчности всякаго земнаго величія и превратностяхъ судьбы. Въ такомъ видѣ форумъ изображенъ у Пуссена, въ его маленькой картинѣ, принадлежащей галереѣ Доріа, и Клодомъ Лорреномъ въ пейзажѣ, находящемся въ Луврѣ.

Эти до половины погребенныя колонны должны были, казалось, возбуждать любопытство ученыхъ. Какъ могло случиться, что никто изъ нихъ, начиная съ эпохи возрожденія, не вздумалъ дорыться до основанія колоннъ, чтобы открыть ту почву, на которой онѣ стоятъ? Это вѣдь была почва форума, гдѣ несомнѣнно должны были оказаться разбросанными историческія развалины, между тѣмъ никто никогда серьезно не подумалъ предпринять работы, обѣщавшія богатыя открытія. Только въ первые годы настоящаго столѣтія начались ученыя изслѣдованія; но ихъ слишкомъ часто прерывали, и потому они создали еще больше загадокъ, чѣмъ разрѣшили уже существовавшихъ: указанія, которыя дали эти изслѣдованія, были такъ недостаточны, что между археологами поднялись ожесточенные споры. Каждый давалъ различныя наименованія открытымъ зданіямъ, каждый рисовалъ себѣ свой особый планъ форума; никто не зналъ ни точныхъ границъ его, ни даже настоящаго положенія: одни предполагали, что форумъ долженъ былъ простираться отъ арки Севера до арки Тита, т. е. съ сѣвера на югъ, другіе предполагали его въ совершенно противоположномъ направленіи, т. е. отъ храма св. Адріана до храма св. Ѳеодора, и всѣ, казалось, находили у древнихъ писателей тексты, подтверждающіе ихъ мнѣнія. Чтобы разсѣять эти недоразумѣнія, необходимы были новыя раскопки. Онѣ и были предприняты съ цѣлію въ этотъ разъ окончательно открыть форумъ. Недостаточно было уже только пробовать измѣрить глубину и мѣстами добраться до древней

почвы, рѣшили освободить и разчистить совершенно древній форумъ отъ покрывающихъ его обломковъ; это былъ единственный способъ добиться наконецъ истины въ этомъ загадочномъ царствѣ.

Г. Роза сначала продолжалъ отрывать Юліеву базилику, которая отчасти была уже откопана во времена прежняго правительства, и въ тоже время окончилъ разчистку окружающихъ ее храмовъ. Когда эти работы были окончены, то увидѣли, что отрыта цѣлая сторона форума, простирающаяся на востокъ, отъ покатости Капитолія до первыхъ окраинъ Палатина. Тогда направили рабочихъ, впередъ, т. е. къ западной сторонѣ, и остановились у окраины церквей святой Мартины и св. Адріана. Римскій городской совѣтъ не позволилъ рыть дальше: онъ не хотѣлъ допустить уничтоженія улицъ, которыми сообщаются различные кварталы современнаго города. Какъ ни непріятно такое препятствіе, но можно удовольствоваться и тѣмъ, что сдѣлано. Надо отдать справедливость г. Роза: руководимыя имъ работы велись энергически. Надо было вынуть болѣе 120000 кубическихъ метровъ земли, но за то подъ этими обломками нашли много древнихъ памятниковъ, которые до того времени извѣстны были только по имени, и во многихъ пунктахъ топографія форума была утверждена. Жаль, что римская администрація не сочла нужнымъ издавать журналъ, гдѣ бы подробно описывались эти интересныя раскопки; но пробѣлъ этотъ пополненъ отчасти трудами молодаго французскаго стипендіата въ Римѣ г. Фердинанда Дютера въ запискахъ, изданныхъ имъ о форумѣ, которыми я здѣсь часто буду пользоваться. Дютеръ былъ свидѣтелемъ работъ г. Роза; онъ день за днемъ слѣдилъ за ихъ успѣхами, шелъ по слѣдамъ рабочихъ, собирая и срисовывая малѣйшіе остатки украшеній, и самые незначительные обломки скульптуры, по мѣрѣ того какъ они попадались ему на пути.

Его сочиненіе не только можетъ познакомить не видѣвшихъ форума въ его нынѣшнемъ состояніи и напомнить посѣщавшимъ его знакомые имъ уже предметы; но и показать читателю, каковъ долженъ былъ быть форумъ въ древности. Онъ возстановляетъ развалившіеся храмы, подымаетъ свергнутыя колонны, устанавливаетъ статуи на ихъ базы и живо рисуетъ намъ всѣ эти великолѣпныя зданія, отъ которыхъ едва сохранилось нѣсколько обломковъ. Я знаю, что въ подобнаго рода произведеніяхъ всегда очень много предположеній, но реставрація г. Дютера, опирающаяся обыкновенно на точныя указанія, въ общемъ весьма правдоподобна. Встрѣ-

чаются только нѣкоторые пропуски и ошибки, которыхъ при настоящемъ состояніи нашихъ познаній, весьма трудно избѣжать.

Работы по раскопкѣ форума еще продолжаются, и ничего еще пока вполнѣ не доведено до конца. Рабочіе заняты раскопкою его окрестностей, сама же площадь не могла быть еще вполнѣ очищена. Поэтому въ настоящее время еще нельзя пытаться начертать его общую топографію. Нужно ожидать, что позднѣйшія открытія разъяснятъ задачи, кажущіяся теперь неразрѣшимыми, и докажутъ неправильность мнѣній, считающихся въ настоящее время правильными. Слѣдуетъ поэтому двигаться весьма осторожно на этой невѣрной почвѣ, остерегаться утверждать что нибудь слишкомъ настойчиво, держаться болѣе вѣроятностей и напередъ приготовиться къ обличеніямъ, которыя намъ готовитъ будущее.

II.

Священная дорога. Споры о направленіи ея. Мѣста, гдѣ, съ увѣренностью можно сказать, она проходила. Форумъ царей и республики. Мѣсто, гдѣ находились комицій и курія. Первая трибуна для произнесенія рѣчей. Старыя и новыя лавки. Устройство базиликъ.

Быть можетъ въ виду трудностей изученія, которое мы намѣрены предпринять, удобнѣе будетъ не начинать нашихъ изслѣдованій прямо изъ центра форума. Разсмотримъ сначала его окрестности и постараемся войти въ него тѣмъ же путемъ, по которому нѣкогда туда обыкновенно стекался народъ. Я предполагаю, что мы отправляемся отъ Колизея и арки Константина; предъ нами большая древняя улица, сохранившая свои широкія плиты, по которымъ катятся еще и теперь экипажи современнаго Рима. Улица эта идетъ прямо, подымаясь на довольно крутой холмъ, до арки Тита. Мы находимся на священной дорогѣ.

Названіе это вызываетъ тотчасъ же въ насъ самыя славныя воспоминанія о Римѣ; говорятъ, эта улица названа была такъ потому, что въ извѣстные дни на ней совершались религіозныя церемоніи [1]); намъ она можетъ напоминать только патріотическія празднества Римлянъ. По ней направлялись въ Капитолій тріумфальныя шествія; здѣсь преимущественно собиралась толпа, чтобы поглазѣть на процессію, полюбоваться добычею и рукоплескать побѣдителю [2]). Мы съ почтеніемъ вступаемъ

---

[1]) Festus, стр. 290.

[2]) Проперцій III, 4, 22: Mi sat erit sacra plaudere posse via.

на дорогу, по которой прошло столько великихъ людей; намъ хотѣлось бы пройти ее всю и послѣдовать по тріумфальному пути до конца; къ сожалѣнію нынѣ это невозможно. Едва открыли священную дорогу подъ аркой Тита, какъ слѣдъ ея уже тотчасъ теряется. Археологи ожесточенно спорятъ, стараясь добиться, въ какую сторону она отсюда направлялась. Каждый изъ нихъ держится своей системы и оспариваетъ предположенія другихъ; и такъ мы еще и не вошли въ форумъ, а уже начинаются недоразумѣнія.

Чтобы разсѣять ихъ, въ 1880 г. рѣшились разчистить все пространство между базиликой Константина и дорогой, идущей вдоль дворца Цезарей. Тамъ сдѣлали открытія, не лишенныя значенія. Улица, по которой мы шли отъ Колизея, подъ аркой Тита вдругъ поварачиваетъ на право и идетъ по возвышенной обширной терасѣ, куда ведутъ нѣсколько ступеней; это та тераса, гдѣ Гадріанъ построилъ свой храмъ Рима и Венеры, отъ котораго остались великолѣпныя развалины.

Возлѣ базилики Константина, улица поворачиваетъ налѣво; проходитъ вдоль базилики и храма Ромула (церкви святыхъ Козьмы и Демьяна), затѣмъ спускается къ форуму, и входитъ въ него близъ храма Антонина и Фавстины. Она грубо вымощена; всѣ соглашаются съ тѣмъ, что она принадлежитъ поздней эпохѣ, и выстроили или подчинили ее Папы, но подъ нею находится другая болѣе древняя, устроенная дѣйствительно Римлянами. Мы тотчасъ узнаемъ, что съ одной стороны улица шла вдоль общественныхъ зданій, а по другой сторонѣ ея находились дома частныхъ лицъ. Раскопки раскрыли цѣлый древній кварталъ, состоящій изъ тѣсно прижатыхъ другъ къ другу домовъ, которые повидимому принадлежатъ первымъ вѣкамъ имперіи. Между ними проходятъ большія подпорочныя стѣны, на которыхъ были построены зданія быть можетъ предшествовавшаго вѣка. Этотъ кварталъ повидимому испыталъ весьма много видоизмѣненій даже въ самой древности. Императоры хорошіе и дурные, Августъ и Неронъ, Домиціанъ и Траянъ, были одержимы страстью къ постройкамъ. Всѣмъ имъ желательно было связать свое имя съ какимъ нибудь знаменитымъ памятникомъ; и для того, чтобы придать своей щедрости болѣе блеска, они старались строить на мѣстахъ, наиболѣе посѣщаемыхъ народомъ. Вотъ почему форумъ и его окрестности такъ часто измѣняли свой видъ.

Но дѣйствительно ли улица, которую мы прослѣдили отъ арки Тита до форума, составляетъ продолженіе священной дороги? Нѣкоторые

ученые не хотятъ этому вѣрить. Они не допускаютъ, чтобы священная дорога могла такъ уклоняться изъ стороны въ сторону, и предполагаютъ, что она шла къ форуму по болѣе прямому направленію; между тѣмъ у насъ есть точныя извѣстія, гдѣ о базиликѣ Константина и храмѣ Ромуна, ясно говорится, что они находятся „у священной дороги". Правда эти извѣстія принадлежатъ писателямъ времени первыхъ годовъ среднихъ вѣковъ, но въ нихъ слышится голосъ послѣднихъ годовъ имперіи, точно сохраненный преданіемъ. Слѣдовательно несомнѣнно, что тогда священною дорогою называли именно улицу, открытую во время послѣднихъ раскопокъ.

Но было ли такъ и въ болѣе древнія времена? На это не легко отвѣтить: вопросъ сталъ тѣмъ болѣе труднымъ, что, какъ кажется, и въ древности онъ не былъ особенно ясенъ. Примѣръ Помпей показываетъ, что тогда улицы не имѣли табличекъ съ надписями; названіе ихъ только дѣлалось извѣстнымъ вслѣдствіе обычнаго употребленія, и потому могло быть много неточностей и неясностей въ обозначеніи. Такъ Варронъ и Фестъ говорятъ, что народъ хорошо не зналъ, что именно слѣдуетъ называть „священной дорогой" [1]). Разумѣется мы въ настоящее время еще менѣе это знаемъ. Существуетъ на этотъ счетъ три различныя мнѣнія, которыя горячо защищались весьма извѣстными археологами. Одни думаютъ, что священная дорога шла прямо отъ арки Тита до Капитолійскаго холма вдоль Палатина, храма Кастора и Юліевой базилики. Допуская эту гипотезу, слѣдовало бы еще раскопать одну часть форума, скрытаго подъ пыльной дорогой, ведущей къ дворцу Цезарей. Другіе напротивъ полагаютъ, что свящ. дорога это именно та, о которой мы говорили, т. е. идущая къ базиликѣ Константина и храму Ромула; но доведя ее до того мѣста, гдѣ она входитъ въ форумъ, т. е до храма Антонина, мнѣнія ученыхъ опять раздѣляются. Нѣкоторые думаютъ, что свящ. дорога продолжалась прямо и проходила подъ аркой Севера; другіе предполагаютъ, что она поворачивала налѣво, и шла вдоль храма Цезаря, потомъ дойдя до храма Кастора снова поворачивала и поднималась на Капитолій, вдоль Юліевой базилики.

Этотъ послѣдній путь, окружающій форумъ съ двухъ сторонъ, со-

---

[1]) Varro De lingua lat., V, 8, и Festus, стр. 290.

вершенно открытъ. Прибавимъ къ этимъ мнѣніямъ еще убѣжденіе эклектиковъ, какъ Бунзенъ, что въ этомъ случаѣ всѣ правы, потому что всѣ улицы, проходившія чрезъ форумъ, назывались священною дорогою; не слѣдуетъ также забывать, что есть ученые, которые полагаютъ, что священная дорога не всегда шла по одному и тому же мѣсту, потому что постройка большихъ зданій могла въ извѣстныя эпохи измѣнять ея направленіе—весьма вѣроятное предположеніе, признавши которое, можно, быть можетъ, примирить всѣхъ.

По счастью эта печальная неувѣренность не распространяется на все протяженіе священной дороги. Въ длинномъ сомнительномъ пути ея есть двѣ несомнѣнныя точки, не подлежащія никакимъ спорамъ, которыя даютъ намъ возможность воскресить всѣ историческія воспоминанія, связанныя съ священною дорогою.—Мы видѣли священную дорогу подъ аркою Тита; всѣ соглашаются съ тѣмъ, что она здѣсь проходила, и что мостовая, на которой мы теперь стоимъ, и есть священная дорога. Затѣмъ снова находимъ ее у подножія Капитолія въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся всѣ улицы форума. Въ какую бы сторону она ни направлялась, непремѣнно ей слѣдовало пройти между храмами Сатурна и Веспасіана. Весьма важное значеніе имѣетъ увѣренность въ достовѣрности этихъ двухъ крайнихъ точекъ.

Итакъ, мы дошли до входа въ форумъ; улица, начинающаяся у храма Антонина, какъ бы она ни называлась, ведетъ насъ въ него. Но прежде чѣмъ войти въ форумъ и попытаться его описать, мнѣ кажется полезно будетъ остановить на минутку читателя у его входа. Есть нѣсколько важныхъ оговорокъ, которыя нужно сперва сдѣлать, если желаемъ избѣжать важныхъ ошибокъ. Не слѣдуетъ забывать, что форумъ, который мы намѣрены посѣтить, есть форумъ временъ имперіи.

Большей части памятниковъ времени царей или славныхъ временъ республики, которые намъ бы прежде всего хотѣлось отыскать, тамъ уже нѣтъ; форумъ такъ часто перестраивался и передѣлывался, столько разъ мѣнялъ свой наружный видъ, что древніе памятники исчезли почти безслѣдно. Они существуютъ для насъ только въ текстахъ древнихъ писателей, гдѣ о нихъ упоминается; но эти тексты, хотя темные и немногочисленные, днако такъ разумно были разъяснены ученою критикою, что въ настоящее время, можно безъ затрудненія и съ большою вѣроятностью рас-

предѣлить эти бѣдные памятники первыхъ временъ существованія Рима на почвѣ, загроможденной зданіями другого вѣка [1]).

Для этой цѣли знакомство съ видомъ и естественными очертаніями мѣста будетъ намъ очень полезно.

Мы уже видѣли, что согласно Діонисію Галикарнасскому Ромулъ и Тацій сошлись въ одномъ мѣстѣ форума для совѣщаній, и что это мѣсто, названное съ тѣхъ поръ comitium (собраніе), стало постояннымъ сборнымъ мѣстомъ римскихъ граждан. Но гдѣ слѣдуетъ искать этого пункта? Долгое время его предполагали вездѣ, даже въ глубинѣ долины. Здравый смыслъ однако указывалъ, что комицій долженъ былъ находиться на мѣстѣ болѣе возвышенномъ, которое не подвергалось бы наводненіямъ. Форумъ въ своемъ первобытномъ состояніи былъ болотомъ [2]). Тарквиній устроивъ большой сточный каналъ, найденный теперь подъ портикомъ Юліевой базилики, отвелъ стоячую воду въ Тибръ, и первый сдѣлалъ эту низменность удобною. До него не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы здѣсь устроивать публичныя собранія. Слѣдовательно нѣсколько выше, въ сухомъ мѣстѣ, на склонѣ холма слѣдуетъ искать мѣста, гдѣ былъ комицій. У древнихъ авторовъ говорится, что онъ находился на сѣверозападѣ форума, по направленію въ той части, гдѣ нынѣ находятся арка Севера и церкви св. Мартины и св. Адріана. Это было четырехугольное пространство, возвышающееся на нѣсколько ступеней надъ уровнемъ земли, окруженное перилами и довольно просторное, такъ что тамъ могли помѣщаться куріатскіе комиціи. Выше комиція построена была курія, гдѣ собирался сенатъ. Относительно куріи

---

[1]) Для ясности пониманія послѣдующаго, я помѣщаю съ нѣкоторыми измѣненіями планъ, который г. Детлефсенъ приложилъ при своемъ сочиненіи о комиціи (1860 г.). Хотя здѣсь дѣло идетъ только о первобытномъ форумѣ, но невозможно было представить себѣ положеніе древнихъ памятниковъ, не руководствуясь памятниками послѣдующей эпохи; во избѣжаніе же недоразумѣній послѣднія обозначены менѣе рѣзкими чертами и меньшими буквами. Весьма понятно, что стараясь возвратиться къ временамъ столь отдаленнымъ, и отъ которыхъ до насъ почти ничего не дошло, нельзя и требовать мелочной точности. Планъ Детлефсена старается дать намъ только приблизительное понятіе о форумѣ эпохи царей и республики.

[2]) Овидій, Fast, VI, 401: Hoc, ubi nunc fora sunt, udae tenuere paludes.

всѣ согласны, что она находилась приблизительно тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ церковь св. Адріана; нѣсколько выше куріи довольно обширная площадь была занята различными зданіями, именно Грекостазомъ, гдѣ иностранные послы ожидали, когда сенатъ захочетъ ихъ принять, и храмомъ Согласія, развалины котораго существуютъ и до нынѣ; по нимъ оказалось возможнымъ обозначить и положеніе всего остальнаго [1]).

Итакъ мы можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о древнемъ римскомъ форумѣ, хотя отъ него почти ничего не осталось. Вообразимъ себѣ у подошвы Капитолія и цитадели серію терасъ, возвышающихся одна надъ другою. Болотистая равнина въ самомъ низу и есть собственно форумъ, гдѣ собирались плебеи; нѣсколько выше—комицій, представляющій четырехугольную площадь, мѣсто собранія благородныхъ, т. е. настоящихъ гражданъ, управляющихъ Римомъ; еще выше,—курія, гдѣ происходили засѣданія сената, и по отношенію въ которой комицій представлялъ нѣчто въ родѣ вестибула [2]); итакъ расположеніе форума представляетъ точный образъ политическаго устройства римскаго государства; различные этажи, на которые онъ подраздѣляется, соотвѣтствуютъ различнымъ степенямъ соціальной іерархіи, всякій классъ помѣщается выше согласно степени его настоящей силы, знать выше плебеевъ, а сенатъ выше всѣхъ.

Это такъ строго устроенное государство, гдѣ всѣ классы общества такъ хорошо разграничены и подчинены одинъ другому, не представляетъ однако государства деспотическаго. Аристократія, держащая въ своихъ рукахъ власть и желающая ее упрочить, не похожа на аристократію венеціанскую, совѣщавшуюся во мракѣ и запрещавшую говорить. Самые важные вопросы разбираются въ комиціи среди бѣлаго дня, и всѣмъ управляетъ *слово*. На мѣстѣ общественныхъ собраній возвышается трибуна для ораторовъ и на нее смотрятъ какъ на священное мѣсто (templum). Это маленькая, довольно возвышенная, и просторная тераса безъ перилъ, съ которой оратора можно было видѣть во весь ростъ и отовсюду, что заставляло его драпироваться приличнымъ образомъ, прини-

---

[1]) Плиній XXXIII, 1, 6: aedem Concordiae... in Graecostasi, quae tunc supra comitium erat.

[2]) Титъ Ливій, XLV, 24: comitium vestibulum urbis.

LE FORUM
dans les premiers siècles de la république

Templum Vespasiani
Templum Concordiae
VOLCANALE
SENACVLVM
CARCER
Clivus Capitolinus
Basilica Porcia
Templum Saturni
GRAECOSTASIS
Rostra Capitolina
arcus Severi
arcus Tiberii
COMITIVM
CVRIA HOSTILIA
Curia Julia
ROSTRA VETERA
TABERNAE VETERES
Basilica Julia
Sacra Via ?
TABERNAE NOVAE
Basilica Aemilia
Sacra Via ?
Templum Castoris
Rostra Julia
Templum Faustinae
TEMPLVM VESTAE ?

D'après Detlefsen

мать благородныя позы и дѣлать изящныя движенія. Поддерживающая трибуну стѣна оригинально украшена: на ней укрѣплены желѣзныя носы (rostra), взятые съ судовъ, найденныхъ Римлянами въ заливѣ Анціума, послѣ взятія этого города. Суда они сожгли, не зная, что съ ними дѣлать, а носы взяли съ собою, какъ трофей, долженствующій украсить форумъ. Мѣсто, гдѣ находилась трибуна, можно указать довольно точно. Мы знаемъ что она находилась близъ куріи [1]): сенатъ, понимавшій великое значеніе слова, хотѣлъ наблюдать за нимъ вблизи. „Онъ глядитъ на трибуну, говоритъ Цицеронъ, и держитъ ее подъ рукою, чтобы не позволить ей быть дерзкою и удерживать ее въ границахъ долга“ [2]). Одно мѣсто у Плинія показываетъ, что трибуна должна была стоять насупротивъ Грекостаза т. е. по другую сторону церкви св. Адріана [3]).

Мы знаемъ наконецъ, что она была построена на самомъ концѣ комиція. Оттуда оратора могли слышать всѣ, и голосъ его достигалъ до всѣхъ этажей форума [4]). Въ первыхъ вѣкахъ существовало правило, что ораторъ, произнося рѣчь, долженъ обращаться лицомъ къ комицію; и преимущественно адресоваться къ благородному собранію, которое въ дѣйствительности управляетъ городомъ. Позднѣе Лициній Крассъ, или по словамъ другихъ авторовъ, Гракхи, осмѣливаются преступить этотъ древній обычай и впервые начинаютъ обращаться къ плебеямъ: власть уже перемѣнила свое мѣстопребываніе.

Такъ какъ форумъ былъ наиболѣе посѣщаемымъ въ городѣ мѣстомъ, то естественно, что туда направилась и торговля: говорятъ, что, начиная съ эпохи царей, онъ былъ окруженъ магазинами. Западная сторона, противоположная комицію, представляла болѣе свободнаго пространства,

---

[1]) Асконій, въ Cic., Pro Mil., 5: erant enim tunc rostra non eo loco quo nunc sunt, sed ad comitium, prope jnucta curiae.

[2]) Cic. Pro Flacco, 24: speculatur atque obsidet rostra vindex temeritatis et moderatrix officii curia.

[3]) Плиній Nat. Hist. VII, 60. Онъ говоритъ, что для того чтобы узнавать полдень, наблюдали солнце между Грекостазомъ и рострами. Грекостазъ находился рядомъ съ храмомъ Согласія, направо отъ куріи, слѣдовательно ростры должны были находиться налѣво.

[4]) Діонъ Кассій говоритъ, (XLIII, 49), что трибуна находилась посреди форума.

поэтому она прежде всего и застроилась: тамъ появились такъ называемыя *старыя лавки* (tabernae veteres). Когда здѣсь уже все было застроено, перешли на другую сторону, на мѣсто, оставшееся свободнымъ возлѣ комицiя и курiи, и тамъ построили *новыя лавки* (tabernae novae). Въ нихъ, особенно въ первое время, должно быть продавались весьма разнородные предметы. Школа, въ которую шла Виргинiя, когда ее схватили слуги трiумвира Аппiя, была на форумѣ. Когда отецъ рѣшился ее умертвить, чтобы спасти свою честь, онъ пошелъ купить ножъ на выставкѣ у мясника, въ *новыхъ лавкахъ*. Позднѣе купцы, вытѣсненные изъ форума великолѣпными зданiями, которыя здѣсь начали строить, удалились въ окрестности его. Большинство ихъ размѣстилось въ кварталѣ священной дороги. Рядомъ съ лавками фруктовщиковъ или торговцевъ съѣстными припасами, должно быть находились и болѣе изящные магазины,—парфюмеровъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ювелировъ. Тамъ же во времена Юлiя Цезаря, т. е. до начала христiанства, жилъ тотъ „ювелиръ священной дороги“ въ эпитафiи котораго говорится, что онъ былъ милосердъ и „любилъ бѣдныхъ“ [2]).

Старый форумъ, остававшiйся почти неизмѣннымъ въ теченiи пяти вѣковъ, много измѣнился въ 570 году, когда Катонъ выстроилъ на немъ первую базилику. Катонъ, этотъ хранитель древнихъ обычаевъ, часто являлся революцiонеромъ, и не стѣсняясь вводилъ въ городъ новые обычаи; этотъ врагъ Грековъ не задумываясь подражалъ имъ, когда находилъ это полезнымъ. Онъ болѣе всего старался нравиться народу, для котораго и былъ любимѣйшимъ кандидатомъ. По дѣламъ или для развлеченiя народъ часто посѣщалъ форумъ, но форумъ не всегда былъ прiятнымъ мѣстомъ. Въ Римѣ часто бываетъ очень жарко, и не рѣдко идутъ дожди: вотъ въ эти дождливые или жаркiе дни дѣловые и праздные люди не знали, гдѣ прiютиться на этомъ открытомъ мѣстѣ. Чтобы устроить для нихъ убѣжище, Катонъ и построилъ базилику. Постройки этого рода, какъ извѣстно, служили для многихъ цѣлей: тамъ не только продавали, покупали, производили судъ, но часто собирались и безъ всякаго дѣла,—поговорить, поиграть, посмѣяться. Естественно, что народъ, чрезвычайно

---

[1]) Торговцы фруктами священной дороги были знамениты въ Римѣ. См. Варрона De re rust. 1, 2, и Овидiя, Ars. am., II, 265.

[2]) Corp. insc. lat. I, 1027.

любившій всякаго рода развлеченія, весьма былъ благодаренъ тѣмъ, кто устроивалъ для него мѣста для собраній и свиданій [1]). Къ сожалѣнію это средство понравиться народу не всѣмъ было по карману. Нельзя было выстроить базилики, не скупивши предварительно лавки и дома частныхъ владѣльцевъ, а дома эти, какъ находившіеся въ лучшемъ кварталѣ города, стали весьма дороги. Цицеронъ, много хлопотавшій о базиликѣ, которую намѣренъ былъ построить Цезарь, говоритъ, что одно мѣсто для нея стоило 60 мил. сетерцій (около $3\frac{1}{2}$ мил. руб.). „Домовладѣльцы, говорилъ онъ Аттику, были ужасно несговорчивы“ [2]). Но расположеніе народное приносило такъ много выгодъ, что за него никогда нельзя было заплатить слишкомъ дорого. Вотъ почему форумъ мало по малу украсился превосходными памятниками, остатки которыхъ найдены во время послѣднихъ раскопокъ.

III.

Форумъ временъ имперіи. Какимъ образомъ узнали и опредѣлили главные мѣста, гдѣ находились, памятники. Стаціи и статуя Домиціана. Храмъ Цезаря. Юліева базилика. Храмы Сатурна и Кастора. Храмы Веспасіана и Согласія. Восточная сторона форума. Центръ форума. Clivus capitolinus.

Теперь мы можемъ приступить къ изученію форума въ томъ видѣ, какъ онъ представляется намъ въ настоящее время, и, мысленно возстановляя покрывающія его развалины, представить себѣ его такимъ, какимъ онъ должно быть былъ въ концѣ имперіи. Пойдемъ туда по новооткрытой улицѣ, идущей вдоль храма Ромула и храма Антонина. У входа, между храмомъ Антонина и церковью св. Дѣвы-Искупительницы, находящейся у подножія Палатина, мы встрѣчаемъ развалины небольшаго зданія. Отъ него осталась только подземная часть строенія, но и этого достаточно, чтобы узнать въ немъ бывшій храмъ.

Фасадъ, который былъ обращенъ къ Капитолію представляетъ любопытную особенность. Ступени лѣстницы не занимаютъ всего ея протяженія, какъ обыкновенно бываетъ, а посрединѣ идетъ стѣна изъ пепе-

---

[1]) Цицеронъ Ad Att. IV, 16: nihil gratius illo monumento, nihil gloriosius.

[2]) Id. ibid: cum privatis non poterat transigi minore pecunia. О римскихъ базиликахъ, см. Jordan Top. II, 216.

рина, покрытая мраморными плитками, по обѣимъ же сторонамъ ея двѣ узкія лѣстницы [1]). Эта стѣна поддерживала нѣчто въ родѣ платформы, съ которой представляется видъ на весь форумъ. Станемъ на этомъ удобномъ и центральномъ мѣстѣ и оттуда взглянемъ на раскрывающійся предъ нами видъ [2]).

Не удивительно, если первый не удовлетворитъ нашихъ ожиданій. Чтобы соединить два квартала современнаго Рима, необходимо было среди раскопокъ оставить безобразную шоссейную дорогу, которую называютъ мостомъ Утѣшенія; она раздѣляетъ форумъ на двѣ части и мѣшаетъ обнять его цѣликомъ. Поэтому, для того чтобы увидѣть настоящій форумъ, необходимо мысленно устранить это неудобное препятствіе. Сдѣлавши надъ собой это первое усиліе, слѣдуетъ сдѣлать и еще одно. Предъ нами только развалины часто безформенныя. Эти скученые обломки весьма непривлекательны для глазъ; для того, чтобы они могли окрылить наше воображеніе, нужно, чтобы намъ сказали, какому зданію они принадлежатъ, какъ оно называлось и какая его исторія.

Послѣ долгихъ попытокъ и сомнѣній наконецъ и это стало возможнымъ. Ученые теперь почти не расходятся во мнѣніяхъ относительно правильнаго наименованія различныхъ памятниковъ форума. Я удовольствуюсь тѣмъ, что приведу наиболѣе важные тексты, на которыхъ основаны эти убѣжденія.

Въ царствованіе Домиціана сенатъ, зная, какъ онъ любитъ почести, задумалъ воздвигнуть въ честь его громадную статую, какъ нѣкогда Нерону. Она была поставлена по срединѣ форума, и Стацій, поэтъ льстецъ, воспѣлъ ее сооруженіе въ стихахъ, гдѣ, забывая всякую скромность и всякое правдоподобіе, онъ прославляетъ Домиціана, особенно за его мягкость, ставитъ его гораздо выше Цезаря и говоритъ, что древніе герои республики приносятъ ему славословія. По счастью, сообщая намъ эти гнустныя пошлости, онъ сумѣлъ оказать намъ важную услугу: описывая статую, онъ перечисляетъ и окружающія ея зданія, онъ называетъ ихъ по имени и указываетъ мѣсто, гдѣ они находятся, и все

---

[1]) Это расположеніе встрѣчается и въ храмѣ Юпитера въ Помпеѣ.

[2]) Смотри на планѣ Дютера № 1. Это то мѣсто, на которомъ я ставлю наблюдателя.

это съ такою точностью, что благодаря ему, мы и теперь можемъ оріентироваться среди всѣхъ этихъ развалинъ. Но, чтобы воспользоваться его указаніями, надо прежде всего узнать, въ какую сторону была обращена статуя. Стацій говоритъ и объ этомъ, притомъ весьма точно: „Глава твоя, говоритъ онъ императору, превышаетъ всѣ самые высокіе храмы. Ты глядишь на свой дворецъ, не лучше ли онъ красуется послѣ истребившаго его пожара, и слѣдишь, не погасъ ли священный огонь въ уединенномъ убѣжищѣ, гдѣ его должны поддерживать". Другими словами это значитъ, что статуя обращена была лицомъ къ храму Весты и Палатину. А вотъ слѣдуетъ и перечень памятниковъ, среди которыхъ статуя была поставлена; мы увидимъ, что трудно было описать яснѣе и точнѣе ихъ положеніе. „За тобою возвышаются храмъ Веспасіана, твоего отца, и храмъ Согласія; съ одной стороны у тебя базилика Юлія, съ другой Эмиліева. Предъ собою ты видишь памятникъ того, кто первый открылъ нашимъ властителямъ путь къ небу", т. е. храмъ воздвигнутый Юлію Цезарю послѣ его обоготворенія [1]).

Такимъ образомъ это зданіе, стоявшее предъ статуей Домиціана и на которомъ мы теперь расположились, чтобы смотрѣть на форумъ, былъ храмъ Цезаря. Этотъ памятникъ имѣетъ весьма любопытную исторію. Мы знаемъ, что вслѣдствіе починокъ, сдѣланнныхъ въ комиціи и куріи, Цезарь построилъ другую трибуну для произнесенія рѣчей. Эта новая трибуна (rostra Julia) была театромъ страшной драмы, совершившейся послѣ смерти великаго диктатора [2]). Туда принесли его тѣло въ день погребенія, тамъ же Антоній возбудилъ толпу, раскрывъ въ удачно выбранный моментъ тогу Цезаря и показавъ народу его кровавыя раны;

---

[1]) Стацій, Silves I, 1, 22.—Думали, что найдены посреди форума, близь колонны Фоки (на планѣ № 2) ряды камней, на которыхъ стоялъ колоссъ Домиціана. Еслибы это было такъ, то слѣдуетъ предполагать, что низвергая послѣ смерти императора статую, оставили пьедесталъ ея, это кажется едва ли вѣроятно. Іорданъ думаетъ, что скорѣе эти еще видимые ряды камней поддерживали знаменитую статую Константина.

[2]) Іорданъ утверждаетъ, что Цезарь, разрушивъ древнюю трибуну комицій, перенесъ ее не туда, гдѣ позднѣе построенъ былъ его храмъ и гдѣ были rostra Julia, а напротивъ, близъ арки Севера.—Смот. Capitol, Forum und sacra via. Jordan 1881 г.

тутъ же тѣло было сожжено народомъ, опьянѣвшимъ отъ скорби и злобы, вмѣстѣ съ скамьями и стульями, взятыми изъ сосѣднихъ зданій. Нѣсколько дней спустя на этомъ же мѣстѣ воздвигли въ честь Цезаря алтарь и колонну въ 20 фут., гдѣ стали приносить ему жертвы. Когда восторжествовала партія Цезаря, и когда его оффиціально признали богомъ, алтарь обратился въ храмъ, торжественно освященный Августомъ. Теперь отъ этого храма остались только подземныя части, а платформа на которой мы стоимъ, быть можетъ, составляетъ единственные остатки трибуны Цезаря, съ которой Цицеронъ произносилъ свои Филиппики [1]).

Налѣво отъ насъ, вдоль улицы, идущей къ Капитолію, вниманіе останавливается на развалинахъ большаго зданія, самого красиваго изъ всѣхъ, до сихъ поръ открытыхъ на форумѣ; и оно носитъ имя Цезаря: это Юліева базилика (basilica Julia). Постройка ея была начата диктаторомъ, а окончена его племянникомъ; но едва только она была доведена до конца, какъ пожаръ все уничтожилъ, и пришлось начинать съизнова. Августъ воспользовался этимъ, чтобы сдѣлать ее больше и красивѣе. Нынѣ отъ всего этого осталась мраморная мостовая, поднятая на нѣсколько ступеней надъ окружающими ее улицами и занимающая пространство въ 4500 метровъ. Такъ какъ на ней сохранились слѣды коллонъ и столбовъ, поддерживавшихъ своды зданія, то представляется возможность возстановить планъ ея. Базилика состояла изъ центральной залы, въ которой производился судъ. Она была достаточно обширна, чтобы помѣстить всѣ четыре трибунала, которые судили вмѣстѣ или порознь [2]). Здѣсь рѣшались самые важные гражданскіе процесы временъ имперіи, здѣсь Квинтиліанъ, Плиній Младшій и другіе знаменитые адвокаты произносили свои лучшія рѣчи. Эту большую залу окружалъ двойной рядъ портиковъ. Портики были въ то время любимыми мѣстами прогулокъ и

---

[1]) Въ одномъ мѣстѣ Филиппикъ читаемъ (VI, 5): adspicite a seinistra illam equestrem statuam. Эта статуя, говоритъ нѣсколько дальше Цицеронъ, стояла предъ храмомъ Кастора; поэтому, если кто стоялъ на трибунѣ Цезаря, то храмъ Костора находился у него слѣва, это, кажется, доказываетъ, что рѣчь была произнесена съ этой трибуны.

[2]) Квинтиліанъ (XII, 5, 6) разсказываетъ, что когда четыре трибунала судили порознь, и базилика была полна шума, ораторъ Трахалъ, говорившій предъ однимъ изъ этихъ трибуналовъ, умудрился такъ, что его слышали и ему аплодировали и всѣ другіе трибуналы.

развлеченіе для лицъ обоего пола. Овидій рекомендуетъ молодому человѣку, который „хочетъ совершить свою первую любовную кампанію" отправиться туда въ жаркій день; толпа тамъ такъ многочисленна и смѣшана, что ему легко будетъ найти то, чего онъ ищетъ [1]). И не только молодые франты и женщины легкаго поведенія, ищущіе приключеній, прогуливались подъ портиками Юліевой базилики, туда приходило и много простаго народа, праздныхъ и праздношатающихъ людей, которыхъ было множество въ этомъ большемъ городѣ, гдѣ правители и богачи брали на себя заботу кормить и забавлять бѣдныхъ. Эта публика оставила свои слѣды на мостовой базилики. Мраморныя плиты ея испещрены множествомъ круговъ и квадратовъ, пересѣкаемыхъ прямыми линіями, образующими отдѣльныя клѣтки. Это были своего рода шашечницы, служившія Римлянамъ для игры. У этихъ незанятыхъ людей страсть къ игрѣ была развита до невѣроятной степени. И не всегда только темныя личности упражнялись въ этомъ; Цицеронъ въ Филиппикахъ говоритъ объ одномъ довольно важномъ человѣкѣ, который не стыдился предаваться игрѣ на форумѣ въ виду всѣхъ [2]). Эту манію старались подавить въ концѣ республики закономъ, но закона этого никто не соблюдалъ; играли во все время имперіи, и совсѣмъ свѣжіе слѣды, бороздящіе плиты Юліевой базилики, показываютъ, что играли еще и въ послѣдніе дни существованія Рима [3]). Древняя базилика должно быть была довольно высока. Надъ первымъ рядомъ портиковъ былъ еще другой, куда вела лѣстница, слѣды которой еще и теперь видны. Съ этого этажа можно было все видѣть и слышать; оттуда Калигула бросалъ народу деньги, для того чтобы любоваться, какъ народъ, собирая ихъ, давилъ другъ друга [4]). Оттуда можно было также видѣть, что происходитъ внутри базилики и слѣдить за препирательствами адвокатовъ. Плиній разсказываетъ, что въ

---

[1]) Овидій, Ars. am., I, 65 и слѣд.

[2]) Cic. Phil., II, 23: hominem nequissimum, qui non dubitaret vel in foro alea ludere.

[3]) Нѣкоторыя изъ этихъ фигуръ, служившихъ для игры, и которыхъ такое множество встрѣчается на помостѣ древнихъ памятниковъ, носятъ весьма любопытныя надписи. Вотъ одна изъ нихъ, которую прочли въ Юліевой базиликѣ: Vincis, gaudes; perdes, plangis. Смот. интерессную статью отца Бруцца озаглавленную: Tavole lusorie del castro pretorio (Bullet. arch. munic., 1877).

[4]) Свет., Calig., 37.

одномъ важномъ дѣлѣ, когда онъ защищалъ одну дочь, лишенную отцемъ наслѣдства, потому что въ 80 лѣтъ старикъ увлекся какою то интриганткою, толпа была такъ велика, что наполнила не только залу, но даже верхнія галереи были заняты мужчинами и женщинами, пришедшими слушать его [1]).

Какъ только мы уже знаемъ, гдѣ была Юліева базилика, намъ легко узнать и названія окружающихъ ее памятниковъ. Императоръ Августъ въ надписи, найденной въ Анкирѣ, говоритъ: „я окончилъ базилику, начатую моимъ отцемъ и находящуюся между храмами Кастора и Сатурна". Слѣдовательно здѣсь ясно названы сосѣднія зданія. Храмъ Сатурна, гдѣ хранились сокровища государства, стоитъ у подножія ограды Капитолія. Нынѣ отъ него осталось 8 колоннъ, довольно грубой работы. Онѣ были реставрированы въ концѣ имперіи, въ промежуткѣ времени между двумя нашествіями, но работа эта производилась такъ поспѣшно и небрежно, что куски стержня колонъ положены были иногда вверхъ ногами. Другой храмъ, сосѣдній съ Палатиномъ, это храмъ Кастора или Діоскуровъ, который у Цицерона называется: „самый знаменитый изъ памятниковъ, свидѣтель всей политической жизни Римлянъ" [2]). Отъ него остались три колонны, служившія во всѣ времена предметомъ изученія и восхищенія художниковъ. Въ настоящее время онѣ еще болѣе поражаютъ насъ, такъ какъ раскопки открыли ихъ до основанія, и смотрѣть на нихъ можно снизу, отсюда онѣ кажутся еще прекраснѣе и смѣлѣе. Для того чтобы закончить обзоръ этой стороны форума, намъ остается еще розыскать храмъ Весты и прилежащія къ нему зданія, какъ напр. жилище или, если хотите, монастырь Весталокъ и домъ великаго Понтифика, который называли Regia. Хотя со стороны Палатина и нашли фундаменты нѣсколькихъ круглыхъ зданій, но они показались слишкомъ незначительными, чтобы предположить въ нихъ остатки знаменитаго святилища, гдѣ хранился священный огонь [3]). Во всякомъ случаѣ, храмъ Весты не могъ стоять особенно далеко отсюда: изъ положительныхъ текстовъ извѣстно, что онъ находился въ сосѣдствѣ съ храмомъ

---

[1]) Плиній Epist., VI, 33.

[2]) Цицер., Verr., V, 72.

[3]) Въ одномъ изъ этихъ памятниковъ предполагали трибуналъ претора, который назывался Puteal Libonis, и гдѣ производился судъ.

Кастора [1]) и потому надѣются еще открыть основанія его, когда будетъ дозволено снести посредственной архитектуры церковь св. Маріи Искупительницы.

Противъ насъ, въ глубинѣ форума возвышается большая современная стѣна, весьма безобразная, составляющая часть дворца думы, и покоющаяся на древнихъ субструкціяхъ. Эти зданія принадлежали эпохѣ республики, и найденная на нихъ надпись свидѣтельствуетъ, что ихъ воздвигъ Лутацій Катулъ, докончившій постройку Капитолія послѣ смерти Суллы. Это было замѣчательное зданіе, гдѣ хранились государственные документы и которое называлось Aerarium populi romani (казнохранилище римскаго народа), или Tabularium. Оно состояло изъ высокаго цоколя, сложеннаго изъ пеперина, на которомъ, по мнѣнію г. Дютера, находилось два этажа портиковъ. Общій видъ этого зданія, которое должно быть не было такъ высоко, какъ современная стѣна, и не закрывало собою Капитолія, величественно заканчивалъ форумъ съ сѣверной стороны. Ниже находятся два храма, которые, какъ помните, назвалъ намъ Стацій. Одинъ—храмъ Веспасіана, построенный сыномъ его Домиціаномъ рядомъ съ храмомъ Сатурна; отъ него теперь осталось три колонны. Другой—храмъ Согласія; слѣдовъ котораго не сохранилось вовсе. Это былъ великолѣпный памятникъ, изъ котораго сдѣлали нѣчто въ родѣ музея. Тамъ любовались художественными произведеніями греческихъ мастеровъ, гравированными камнями, достопримѣчательностями природы. Во времена имперіи сохранился обычай приносить туда и посвящать богинѣ Согласія, чтобы расположить ее къ себѣ, драгоцѣнныя вещи изъ золота и серебра. Въ числѣ ихъ находились и приношенія преданныхъ подданныхъ въ честь императоровъ. Среди обломковъ храма найдена была надпись, въ которой просятъ богиню продлить жизнь Тиберія и называютъ его „лучшимъ и справедливѣйшимъ изъ государей“ [2]).

Итакъ мы знаемъ теперь три стороны форума, одна только восточная сторона осталась не раскопанною. На ней расположенъ кварталъ новаго Рима, и чтобы открыть ее, надо разрушить всѣ дома, начи-

---

[1]) Марціалъ 1, 70: vicinum Castora canae Transibis Vestae, virgineamque domum.

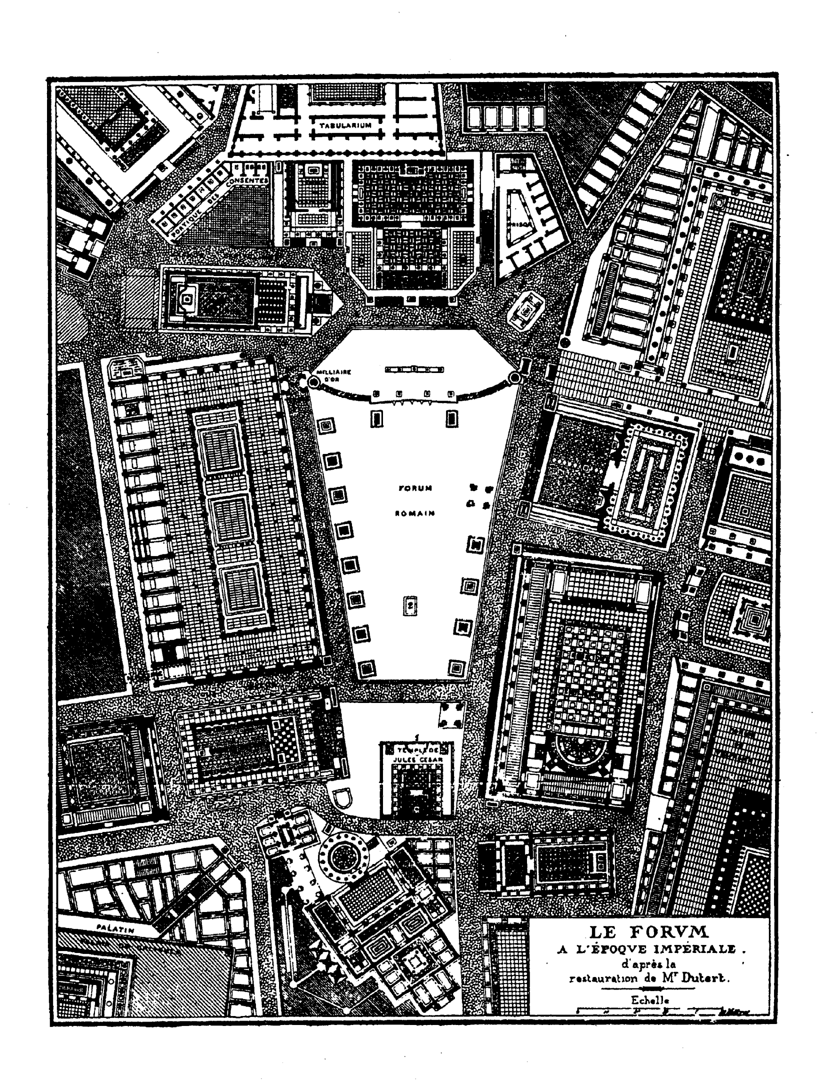
[2]) Іорданъ, Sylloge insc. Fori, № 13 (въ Ephemeris épigraphica, III, стр. 227.

ная отъ San Lorenzo in miranda (храмъ Антонина) до храма св. Мартины. Вѣроятно это вскорѣ и будетъ сдѣлано: городской совѣтъ Рима пойметъ, что невозможно оставить начатое имъ дѣло неоконченнымъ. Впрочемъ мы почти знаемъ все, что тамъ должно найтись. Древніе авторы достаточно ясно указываютъ намъ на это, а одно любопытное открытіе почти дѣлаетъ ихъ указанія наглядными. Въ раскопкахъ, произведенныхъ близь колоны Фоки, нашли два барельефа, вѣроятно принадлежащіе концу перваго вѣка, которые были заложены въ постройкѣ, относящейся ко времени среднихъ вѣковъ. Изображенный на нихъ сюжетъ породилъ много споровъ, но всѣ соглашаются въ одномъ, именно, что мѣсто дѣйствія форумъ, и что цѣль художника была изобразить главнѣйшіе моменты жизни на форумѣ. На одномъ изъ этихъ барельефовъ легко можно узнать храмы Сатурна и Кастора, равно какъ и Юліеву базилику, т. е. зданія западной стороны форума. Такъ какъ другой барельефъ долженъ быть поставленъ насупротивъ перваго въ pendant къ нему, то на нихъ слѣдовательно изображены зданія окружающія форумъ съ противоположной т. е. восточной, единственной до сихъ поръ не открытой стороны. Тамъ изображены Эмиліева базилика и курія Цезаря: такимъ образомъ мы уже и теперь имѣемъ необходимыя данныя для изученія форума во всемъ его объемѣ.

Впрочемъ до сихъ поръ мы старались описать не собственно форумъ, а только окружавшія его величественныя зданія. Древніе не смѣшивали ихъ съ собственно форумомъ [1]); этимъ именемъ они называли только внутреннее пространство, лежащее между названными храмами и базиликами. Эта площадь, которую трудно было себѣ представить, когда она была загромождена обломками, теперь извѣстна. Часть ея открыта и позволяетъ намъ представить себѣ и остальное. Площадь была ограничела со всѣхъ сторонъ, и окружена улицами, на которыя выходили различныя указанныя нами зданія. Форма площади не представляетъ длиннаго четырехугольника, какъ прежде думали, а скорѣе трапецію, потому что площадь шире со стороны Капитолія, чѣмъ на противоположномъ концѣ. Она вымощена плитами изъ пеперина, на которыхъ возвышаются большія глыбы камней, поддерживавшихъ должно быть статуи и колонны, загромождавшія какъ извѣстно форумъ. Вдоль улицы насупротивъ Юліевой базилики ихъ насчитываютъ восемь. Вверху площади

---

[1]) Фестъ, стр. 347. aedes Concordiae, inter Capitolium et Forum.

TABULARIUM
PORTIQUE DES CONSENTES
PRISON
MILLIAIRE D'OR
FORUM
ROMAIN
TEMPLE DE JULES CÉSAR
PALATIN
LE FORVM
A L'ÉPOQVE IMPÉRIALE.
d'après la
restauration de Mr Dutert.
Echelle

возлѣ арки Севера видна стѣна, покрытая еще нѣсколькими мраморными плитками и съ глубоко пробитыми въ ней дырами; часть этой стѣны по несчастью задѣлана въ каменный валъ моста Утѣшенія. Эта стѣна должно быть поддерживала платформу другой ораторской трибуны, и полагаютъ, что дыры пробиты тамъ для того, чтобы вставлять въ нихъ, по обычаю, носы судовъ [1]). Близь этой трибуны, насупротивъ храма Сатурна, Августъ воздвигъ „золотой милліарій" [2]), центръ римскаго міра, откуда выходили всѣ дороги имперіи [3]). Въ этомъ мѣстѣ сходились всѣ улицы форума а затѣмъ всѣ вмѣстѣ направлялись къ высотамъ Капитолія, и здѣсь, какъ я сказалъ выше, мы съ увѣренностью снова находимъ священную дорогу, въ какую бы сторону она ни направлялась. Въ тотъ моментъ, когда тріумфаторъ вступалъ на крутой склонъ, носившій названіе clivus capitolinus, отъ веселой толпы, сопровождавшей его колесницу, отдѣлялась мрачная процесія. Это вели побѣжденнаго, котораго цѣлый день водили по улицамъ Рима за побѣдителемъ, для удовлетворенія оскорбительнаго любопытства толпы. По окончаніи празденства несчастнаго уводили въ Мамертинскую тюрьму, чтобы пре-

---

[1]) Итакъ мы насчитали три ораторскія трибуны: 1) республиканская (rostra vetera) въ Comitum, т. е. возлѣ храма св. Адріана; 2) трибуна Цезаря (rostra Iulia), предъ посвященнымъ ему храмомъ; наконецъ 3) находившаяся близь арки Севера и которую нѣкоторые ученые называютъ rostra Capitolina. Онѣ означены на планѣ форума временъ республики, здѣсь прилагаемомъ. Іорданъ полагаетъ, что древняя трибуна въ Comitium была окончательно разрушена Цезаремъ и что во времена имперіи оставалось только двѣ трибуны: Iulia и rostra Capitolina, построенныя одна насупротивъ другой, въ двухъ крайнихъ концахъ форума. Эту послѣднюю трибуну, остатки которой хорошо видны близъ арки Севера, онъ считаетъ оффиціальной трибуной имперіи, съ которой императоры говорили къ народу. Онъ думаетъ, что вторая служила только для нѣкоторыхъ особыхъ, исключительныхъ случаевъ, какъ напр., когда нужно было произнесть надгробную рѣчь кому нибудь изъ членовъ семейства Юліевъ (bifariam laudatus est: prc aede divi Iulü a Tiberio et pro rostris veteribus a Druso, Tiberü filio. Suét., Aug., 100). Прибавимъ еще, что во времена республики ораторы часто говорили не съ трибуны, а въ другихъ мѣстахъ, и что демагоги не разъ возбуждали народъ со ступеней храма Кастора. (Dion XXXXIII, 6).

[2]) Тацитъ, Hist., 1, 2: milliarium aureum sub aedem Saturni.

[3]) Смотри на планѣ № 3.

дать его смерти [1]). Такая судьба постигла двухъ самыхъ благородныхъ враговъ Рима, Югурту и Верцингеторига, виновныхъ въ томъ, что мужественно защищали независимость своей родины.

Въ то же время побѣдитель, продолжая свое шествіе, проходилъ мимо маленькой терасы, гдѣ находился изящный портикъ „dii consentes", и лавокъ, которыя считаютъ лавками скрибовъ [2]); а затѣмъ входилъ въ знаменитый храмъ Юпитера, стоявшій у Тарпейской скалы; основанія его нынѣ открыты подъ дворцомъ Кафарелли [3]).

IV.

Впечатлѣніе, которое на первый взглядъ производитъ форумъ.—Отсутствіе симметріи.—Незначительная величина площади.—Весьма разнообразное употребленіе, для котораго она служила. Политическія собранія.—Какимъ образомъ заставляли себя слышать ораторы?—Какъ вмѣщала въ себѣ площадь всѣхъ тѣхъ, кто долженъ былъ на ней собираться?

Теперь мы приблизительно знаемъ положеніе и исторію главныхъ зданій форума, намъ не трудно въ воображеніи нашемъ возстановить и воздвигнуть вновь всѣ эти развалины и представить себѣ, какою должно быть была эта площадь до тѣхъ поръ, пока. не дошла до состоянія, въ какомъ является намъ теперь. Постараемся дать себѣ отчетъ въ томъ, какое бы она произвела на насъ впечатлѣніе, еслибы намъ возможно было увидѣть ее въ послѣднія времена имперіи, наканунѣ нашествія варваровъ, когда форумъ составлялъ еще предметъ восхищенія для посѣщавшихъ его иностранцевъ.

Я думаю, что для полноты впечатлѣнія необходимо сдѣлать надъ собой нѣкоторое насиліе и начать съ того, чтобы на время забыть наши привычки и предразсудки, что всегда очень трудно сдѣлать. Мы привыкли считать однимъ изъ главныхъ достоинствъ общественной площади ея правильность, симетрію, обширность. Надо сознаться что этого отчасти недостаетъ форуму. Онъ страдаетъ недостаткомъ, присущимъ всему, что не строилось по разъ опредѣленному плану. Можно сказать, что его

---

[1]) Цицеронъ, Verr., V, 30: cum de foro in Capitolium currum flectere incipiunt illos duci in carcerem jubent.

[2]) Іорданъ справедливо замѣчаетъ, что эти маленькія лавки, разбросанныя на небольшой площади dii consentes, слишкомъ темны для того, чтобы въ нихъ могли работать писцы.

[3]) Bull. arch. munic., 1877.

создавали вѣка; тамъ не было архитектора, который бы предварительно установилъ размѣры площади и распредѣлилъ вокругъ нея зданія. Мы видѣли, что форумъ въ началѣ состоялъ изъ различныхъ по виду и неравномѣрныхъ этажей: надъ болотистою равниною возвышался comitium, надъ которымъ опять высилась курія, затѣмъ vulcanal, откуда по крутому всходу доходили до Капитолія.

Впослѣдствіи постройка большихъ зданій отчасти скрыла эти неровности почвы; но зданія, построенныя случайно, въ весьма различныя эпохи, не всегда соотвѣтствуютъ одно другому, они нагромождены безпорядочно и тѣсно прижаты одно къ другому. Великіе люди, управлявшіе республикой старались оставить по себѣ память на самомъ знаменитомъ пунктѣ Рима, возлѣ площади не осталось ни одного незастроеннаго мѣстечка. Тамъ находимъ нѣсколько базиликъ, семь или восемь храмовъ, одинъ дворецъ для сената, три пассажа или Ianus для дѣловыхъ людей, пять тріумфальныхъ арокъ. Даже часть находящаяся между зданіями и долженствовавшая оставаться не застроенною для удобствъ публики, была загромождена трофеями, капличками, колонами и преимущественно статуями, которыя, согласно выраженію Шатобріана, представляли цѣлый міръ мертвецовъ среди живущихъ людей. Тщеславіе до того размножило эти сооруженія, что сенатъ иногда принужденъ былъ приказывать убрать часть ихъ [1]). Между колонами нѣкоторыя должны были занимать много мѣста; такъ какъ были окружены балкономъ, съ котораго видѣнъ былъ весь форумъ; въ тѣ дни, когда счастливый кандидатъ изъ чувства благодарности давалъ народу какое нибудь представленіе, потомки тѣхъ, въ честь кого была воздвигнута колона, имѣли право занять со своимъ семействомъ эту своего рода трибуну и смотрѣть оттуда на гладіаторовъ и атлетовъ. Итакъ слѣдуетъ опасаться, что съ перваго взгляда форумъ можетъ не понравиться, что это скопленіе сокровищъ немного утомитъ умъ, и явится сожалѣніе, отъ чего здѣсь нѣтъ больше порядка, простоты, симетріи.

Но это первое впечатлѣніе скоро пройдетъ, если мы станемъ думать о тѣхъ событіяхъ и личностяхъ, которыхъ намъ напоминаютъ всѣ эти зданія. Именно здѣсь слѣдуетъ сказать съ Цицерономъ: „Куда ни поставишь ногу, повсюду пробудишь воспоминаніе“ [2]).

---

[1]) Плиній XXXIV 6, 14.

[2]) Цицер., De Fin., V, 2: quaecumque ingrediemur, in aliquam historiam vestigium ponimus. Цицеронъ здѣсь говоритъ объ Аѳинахъ.

Форумъ нельзя сравнивать съ тѣми общественными площадями, какія мы встрѣчаемъ почти въ каждомъ городѣ, и несправеддиво было бы примѣнять къ нему обыденныя правила. Нельзя требовать, чтобы онъ и общимъ планомъ и размѣрами походилъ на другія площади: форумъ имѣетъ тотъ особый характеръ и тотъ исключительный родъ красоты, что въ немъ заключается исторія цѣлой страны. Громадное число находящихся на немъ памятниковъ, сперва насъ нѣсколько удивившее, объясняется и оправдывается тѣмъ обиліемъ славныхъ дѣлъ, память которыхъ они должны были сохранить. Какъ только примиримся съ этимъ прежде всего оскорбляющимъ нашъ вкусъ обстоятельствомъ, то скоро, я полагаю, глазъ привыкнетъ къ нѣсколько безпорядочному зрѣлищу, и мы найдемъ здѣсь даже извѣстнаго рода прелесть, которой не встрѣчаемъ въ торжественной и холодной правильности нашихъ большихъ площадей.

Нѣсколько труднѣе оправдать форумъ отъ другого взводимаго на него обвиненія, которое кажется какъ бы вполнѣ заслуженымъ. Что прежде всего поражаетъ, когда смотришь на форумъ въ цѣломъ, это то, что онъ кажется такимъ маленькимъ. Видя, какъ онъ не глубокъ и не обширенъ, спрашиваешь себя, какъ могъ онъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ, для которыхъ былъ предназначенъ.

Древніе авторы говорятъ, что въ Римѣ форумъ былъ наиболѣе посѣщаемымъ мѣстомъ. Праздные люди, которыхъ всегда такъ много въ большихъ городахъ, назначали тамъ другъ другу свиданія: Горацій говоритъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе тамъ прогуливаться [1]) каждый вечеръ. Онъ шелъ по обыкновенію вдоль священной дороги и въ тотъ день, когда встрѣтилъ того несноснаго человѣка, который пошелъ за нимъ слѣдомъ, и во что бы то ни стало требовалъ, чтобы Горацій представилъ его Меценату [2]). Форумъ вполнѣ могъ удовлетворить и всякому праздному любопытству; не говоря уже о шарлатанахъ всякаго рода, которыхъ тамъ было множество, иногда бывали и настоящія выставки картинъ; послѣ паденія Греціи великія произведенія ея художниковъ часто выставлялись подъ портиками или въ храмахъ и привлекали толпы любителей. Побѣдоносные полководцы, чтобы возвысить эфектъ своихъ побѣдъ, иногда заказывали искуснымъ художникамъ изображенія битвъ, въ которыхъ они

---

[1]) Горац., Sat., 1, 6, 113.

[2]) Sat., 1, 9, 1: Ibam forte via Sacra sicut meus est mos.

участвовали, и выставляли эти картины на форумѣ. Одинъ изъ нихъ, преторъ Манцинъ былъ даже до того любезенъ, что стоялъ возлѣ картины, изображающей его подвиги, чтобы давать любопытнымъ свои объясненія. Эта вѣжливость восхитила народъ, и въ слѣдующемъ году Манцинъ былъ избранъ консуломъ [1]) У подножія трибуны собирались вѣставщики и политики; они составляли оживленныя группы, страстно спорили другъ съ другомъ, сильно шумѣли, предлагая проекты законовъ и планы сраженій, не щадили ни государственныхъ людей, не пользовавшихся счастьемъ быть популярными, ни тѣхъ полководцевъ, которымъ не удавалось съ перваго похода тотчасъ одержать побѣду [2]). Туда же подъ солнечные часы [3]), имѣла обыкновеніе стекаться модная молодежь, франты, тщательно выщипавшіе себѣ бороду, и такіе, которые носили хорошо подстриженную бороду (aut imberbes, aut bene barbati). Невдалекѣ оттуда, близь Эмиліевой базилики находилась биржа. Банкиры имѣли свои лавки вокругъ извѣстнаго рода проходовъ со сводами, носившихъ названіе Janus; этихъ банкировъ ежедневно можно было видѣть у столиковъ записывающими въ свои книги счеты деньгамъ или имъ довѣреннымъ или ими выданнымъ подъ надежные залоги и за громадные проценты. Здѣсь можно было встрѣтить и управляющихъ большими домами, и всадниковъ, принимавшихъ какое либо участіе въ дѣлахъ откупа, и негоціантовъ, и ростовщиковъ, и людей, занимающихъ деньги; тамъ велись серьезныя дѣла, весьма быстро можно было разбогатѣть и еще скорѣе снова стать бѣднякомъ: сколько состояній, считавшихся солидными, потерпѣли крушеніе, по выраженію Горація, между двуми Янусами [4])!

На форумѣ иногда давались и народныя зрѣлища, особенно бои гладіаторовъ. Легко себѣ представить до какой степени переполненъ народомъ былъ тогда форумъ. Цицеронъ говоритъ, что эти игры народъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ и принималъ въ нихъ страстное участіе. Чтобы лучше видѣть, толпились не только близь арены, но и на ступеняхъ храмовъ или терасахъ базиликъ, и вдоль улицъ, ведущихъ въ Ка-

---

[1]) Плиній XXXV, 4, 7.

[2]) Ихъ называли Subrostrani. Цицеронъ Ep. fam. VIII, 1.

[3]) Цицеронъ, Pro Quint., IV: non ad solarium, non in campo, non in conviviis versatus est.

[4]) Sat., II, 3, 18.

питолій или Квириналъ. Празднество продолжалось иногда нѣсколько дней и заканчивалось обыкновенно пиршествомъ, на которомъ угощались всѣ присутствующіе. На площади разставляли столы, и кто хотѣлъ садился за нихъ [1]). Для того, чтобы солнечный жаръ не мѣшалъ смотрѣть и ѣсть вволю, Цезарь вздумалъ покрыть весь форумъ огромныхъ размѣровъ покровами, которые защищали всѣхъ отъ зноя въ теченіи трехъ или четырехъ дней, пока продолжалось празднество [2]); Діонъ говоритъ, что эти покровы были шелковые [3]). Эта роскошь тотчасъ вошла въ обычай, и во времена Августа однажды по причинѣ знойнаго лѣта покровы оставались натянутыми во все продолженіе его [4]). Болѣе обыкновенное зрѣлище, чѣмъ битвы гладіаторовъ, представляли похороны важныхъ особъ. Похоронная процесія всегда проходила черезъ форумъ: шли музыканты, игравшіе на флейтахъ, трубахъ и рожкахъ, оглушая всѣхъ присутствующихъ; затѣмъ плакальщицы, царапавшія себѣ лица и рвавшія на себѣ волосы, толпа друзей, кліентовъ, слугъ, принадлежавшихъ каждому знатному дому, наконецъ слѣдовали колесницы или носилки съ изображеніями предковъ; число этихъ изображеній должно быть было очень значительно, если фамилія была древняя. На похоронахъ Марцелла ихъ было болѣе шести сотъ. Особенно замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что похоронная процесія не сворачивала съ форума, даже если онъ уже былъ занятъ какими нибудь другими собраніями. Можно себѣ представить, какая давка происходила тогда на площади. Это извѣстно изъ одного знаменитаго анекдота, разсказаннаго Цицерономъ, который послѣ него повторяли и другіе. Однажды ораторъ Крассъ защищалъ одного изъ своихъ друзей противъ М. Брута, очень злаго человѣка, безчестившаго славное имя предковъ; расточивъ все свое состояніе, онъ избралъ себѣ ремесломъ ябедничество. Пренія были самые оживленные, потому что Брутъ былъ человѣкъ ловкій, а въ припадкѣ злобы иногда дѣлался и краснорѣчивымъ. Въ тотъ день онъ именно говорилъ весьма остроумно и засыпалъ своего противника самыми ѣдкими насмѣшками. Вдругъ въ то время, когда Крассъ отвѣчалъ, чрезъ форумъ проходила похоронная процесія: несли на костеръ женщину изъ рода Брутовъ, окружен-

---

[1]) Титъ Ливій XXXIX, 46.

[2]) Плиній XIX, 1, 6.

[3]) Діонъ LIII, 31.

[4]) Діонъ LIX, 23.

ную изображеніями своихъ предковъ. Крассъ мгновенно воспользовался этимъ случаемъ и обращаясь къ своему сопернику сказалъ: „Чего сидишъ? О чемъ хочешь ты, чтобы эта старая женщина доложила о тебѣ твоему отцу, всѣмъ этимъ великимъ людямъ, изображенія которыхъ ты видишь, и тому Л. Бруту, который освободилъ народъ отъ ига царей? Какимъ славнымъ и похвальнымъ дѣломъ скажетъ она, что ты занимаешься" [1])? И онъ продолжалъ упрекать недостойнаго потомка славнаго рода за его поведеніе и за всю его жизнь. И такимъ образомъ обыденное зрѣлище, театромъ котораго былъ форумъ, дало одному изъ великихъ ораторовъ Рима поводъ вдохновиться и создать прекрасный образецъ высокаго ораторскаго краснорѣчія.

Но болѣе всего привлекали толпу на форумъ, политическія собранія. Они были трехъ родовъ: 1) законодательныя комиціи, гдѣ голосовались законы; 2) обыкновенныя собранія (conciones), гдѣ ничего не голосовали, и которые созывало должностное лицо, желающее что либо сообщить народу; 3) процесы политическіе, происходившіе въ присутствіи всѣхъ предъ присяжными, избранными по жребію, и подъ предсѣдательствомъ претора. Изъ этихъ трехъ родовъ собраній самымъ важнымъ, но и самымъ рѣдкимъ были законодательныя комиціи. Какъ бы сильна ни была манія свободныхъ народовъ постоянно мѣнять свое законодательство, но не возможно ежедневно постановлять или отмѣнять законы [2]). И еще нужно замѣтить, что этого рода собранія можетъ быть и посѣщались менѣе усердно, чѣмъ другія. Серьезныя рѣчи, въ которыхъ развиваются общія идеи, обсуждаются государственные интересы, болѣе подходящи для ограниченнаго собранія людей просвѣщенныхъ, чѣмъ для народныхъ собраній. Толпа обыкновенно находитъ въ нихъ мало удовольствія, онѣ слишкомъ спокойны и холодны для нея. Для возбужденія страстнаго участія толпы, въ Римѣ необходимо было, чтобы къ преніямъ примѣшивался и какой нибудь личный вопросъ; и потому такое важное значеніе придавалось тамъ политическимъ процесамъ; въ Римѣ они были также часты, какъ въ Аѳинахъ, и государственные люди проводили всю жизнь свою въ томъ, что обвиняли и защищали. У партій не было другого средства накинуться одна на другую, какъ привлечь къ суду

---

[1]) Cicer. de orat. 11, 55.

[2]) Изъ всѣхъ сохранившихся до нынѣ рѣчей Цицерона, существуетъ весьма немного, только три-четыре, сказанныхъ предъ народомъ, съ цѣлію посовѣтовать ему давать голоса за или противъ какого либо законоположенія.

своихъ вожаковъ. Весьма драматичнымъ былъ тотъ моментъ, когда на форумъ являлось какое нибудь высоко поставленное лицо, окруженное своимъ плачущимъ семействомъ, кліентами и друзьями, чтобы защищать свою честь и свое состояніе; и толпа стремилась на форумъ, желая присутствовать при этомъ интересномъ зрѣлищѣ. Не менѣе многочисленно было стеченіе народа, когда какіе либо государственные люди созывали собранія, чтобы поговорить съ народомъ. Демократія всегда и вездѣ весьма требовательна и подозрительна; въ Римѣ, какъ и вездѣ, она желала, чтобы люди, которымъ она довѣрила какой нибудь государственный постъ, давали ей отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Это обязательство нужно было выполнить, если желательно было сохранить довѣріе народа. Катонъ, одинъ изъ совершеннѣйшихъ типовъ популярнаго государственнаго дѣятеля, всегда поддерживалъ сношенія съ своими вѣрителями. Онъ постоянно созывалъ народъ и подробно разсказывалъ ему о своихъ подвигахъ тѣмъ шутовскимъ и энергическимъ языкомъ, который такъ нравится толпѣ, онъ сообщалъ народу свои мысли, говорилъ о себѣ и другихъ, не щадя своихъ противниковъ, которыхъ охотно называлъ гуляками и мошенниками, и постоянно хваля себя за умѣренность и честность. Народу чрезвычайно нравились эти бесѣды, потому что давали ему чувствовать силу своей власти. Въ минуты общественныхъ волненій, когда извѣстно было, что какой нибудь трибунъ будетъ говорить противъ сената или толковать о какомъ нибудь жгучемъ вопросѣ, ремесленники оставляли работы, лавки запирались, и изъ всѣхъ народныхъ кварталовъ толпа валила на форумъ. Въ такіе дни переполненный народомъ форумъ долженъ былъ казаться очень тѣснымъ. Еще болѣе тѣснымъ оказывался онъ тогда, когда созывались на немъ тѣ законодательныя комиціи, о которыхъ я говорилъ выше. Тогда необходимо было принять нѣкоторыя особенныя мѣры для порядка при подачѣ голосовъ; т. е. раздѣлить площадь на 35 отдѣльныхъ частей, и отгородить трибы одну отъ другой, устроить тѣсные проходы, называвшіеся мостами, по которымъ граждане могли проходить только гуськомъ, для того чтобы положить свои голоса въ корзины. Когда теперь посмотришь на форумъ и увидишь, какъ мало онъ занимаетъ мѣста, дѣйствительно не возможно понять, какъ онъ когда либо могъ удовлетворять всѣмъ этимъ потребностямъ и вмѣщать въ себя собравшійся римскій народъ.

Правда, площадь какъ мы уже говорили, которую мы видимъ нынѣ, не форумъ республики, а форумъ имперіи. Нѣкоторые предполагаютъ, что

онъ принялъ такіе незначительные размѣры только во времена имперіи, когда народъ уже не подавалъ голоса ни за какіе законы; но это предположеніе не выдерживаетъ критики. Исключая колонъ и статуй, загромождавшихъ все болѣе и болѣе центръ форума, и тріумфальныхъ арокъ, стѣснившихъ сосѣднія улицы, всѣ прочія зданія были построены на мѣстахъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, лежащихъ за чертою границъ собственно площади форума. Отъ этихъ зданій онъ не только не дѣлался тѣснѣе, а еще увеличился, какъ говоритъ Цицеронъ [1]). Въ тѣ дни, когда собраніе было многочисленно, народъ могъ размѣщаться на ступеняхъ и въ вестибулахъ храмовъ [2]). Не нашедшіе мѣста близь трибуны собирались въ двухъ этажахъ базиликъ, откуда все было очень хорошо видно и слышно. Поэтому несправедливо предполагать, что построенныя вокругъ форума зданія когда либо мѣшали засѣданіямъ народныхъ собраній, и что форумъ вмѣщалъ въ себѣ большее количество народа до постройки ихъ.

Еще одно обстоятельство не допускаетъ возможности, чтобы форумъ былъ когда либо такъ великъ, какъ того хочетъ наше воображеніе, а именно то, что необходимо было имѣть въ виду, чтобы ораторовъ могли слышать всѣ. Какія бы сильныя легкія не предполагать у какого нибудь Цицерона или Демосѳена, но не возможно представить себѣ ихъ произносящими рѣчь напр. на площади Согласія въ Парижѣ. Древнія республики были въ весьма затруднительномъ положеніи, когда приходилось устраивать общественныя площади; онѣ должны были одновременно быть и на столько обширными, чтобы вмѣстить весь народъ, и на столько тѣсными, чтобы въ нихъ не терялся голосъ оратора. Но такъ какъ римскій форумъ въ теченіи многихъ вѣковъ былъ постояннымъ мѣстомъ политическихъ собраній, то должно быть онъ и удовлетворялъ вполнѣ этимъ двумъ условіямъ. Это фактъ, съ которымъ нужно согласиться, даже и въ такомъ случаѣ, если не совсѣмъ хорошо его понимаешь. Итакъ прежде всего намъ слѣдуетъ допустить, что на форумѣ голосъ оратора былъ слышенъ всѣмъ, и, если даже его не совсѣмъ внимательно слушали, что онъ

---

[1]) Цицер., Ad. Att., IV, 16: ut forum laxaremus.

[2]) Множество гражданъ могли размѣститься на ступеняхъ этихъ храмовъ, если они были весьма возвышены надъ землею, какъ храмъ Кастора. Люди моихъ лѣтъ помнятъ, какъ въ 1848 г. въ Парижѣ. во время одного изъ празднествъ республики на ступеняхъ церкви св Магдалины поставлены были ученики всѣхъ парижскихъ гимназій т. е. болѣе пяти тысячъ молодыхъ людей, и къ удивленію всѣхъ казалось, что они занимаютъ весьма мало мѣста.

могъ голосомъ своимъ покрыть шумъ, производимый многочисленною толпою, которую сравнивали съ взволнованнымъ моремъ; здѣсь и ругались, и плевали другъ другу въ лицо, и бросались камнями и скамьями. Понятно, что этого нельзя было сдѣлать безъ особенныхъ усилій: надо было усвоить себѣ особенное искусство владѣть голосомъ, такъ сказать пѣть свою рѣчь, а главное сопровождать ее выразительной мимикой, способствующей пониманію произносимаго: отсюда вся важность ритма и жестовъ въ древнемъ краснорѣчіи. Вотъ благодаря всѣмъ этимъ средствамъ, ораторы и заставляли себя слушать. Отчасти и самое положеніе форума поможетъ намъ повѣрить тому, что съ перваго взгляда кажется невѣроятнымъ. Форумъ расположенъ въ нѣкотораго рода лощинѣ съ крутыми краями. Къ Капитолію онъ представляетъ просто пропасть; съ противоположной стороны, къ аркѣ Тита, спускъ менѣе крутъ, хотя все таки довольно чувствителенъ: на форумъ, какъ выражались, со всѣхъ сторонъ надо было „спускаться". Итакъ если принять еще въ соображеніе это мѣстоположеніе площади, незначительность ея протяженія, удобство для резонанса голоса холмовъ и зданій, ее окружающихъ, то не такъ уже трудно допустить, что ораторовъ дѣйствительно можно было слышать, и что рѣчи ихъ могли пуоизводить такія сильныя впечатлѣнія, какъ передаютъ о томъ древніе.

Надо также допустить, какъ это ни странно намъ покажется, что форумъ, кажущійся намъ такимъ тѣснымъ, могъ вмѣщать въ себѣ всѣхъ, желавшихъ присутствовать при какомъ нибудь замѣчательномъ процесѣ, или обязанныхъ подать свой голосъ во дни выборовъ. Прежде всего очень можетъ быть, что число избирателей было совсѣмъ не такъ велико, какъ мы думаемъ; и затѣмъ тоже вѣроятно, что многіе изъ имѣвшихъ право придти сюда оставались дома. Къ концу республики, по мѣрѣ того какъ народныя собранія дѣлались все болѣе бурными, разумные и умѣренные люди, всегда и вездѣ наиболѣе робкіе, взяли себѣ за правило не ходить на форумъ. Когда увидѣли, что собранія оканчиваются обыкновенно кровавыми драками, люди, боявшіеся шума, тоже перестали посѣщать ихъ. Цицеронъ съ горечью жалуется на это опустѣніе комицій и говоритъ, что нѣиоторые законы голосовались только нѣсколькими гражданами, да и то такими, которые не имѣли права голоса. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что столько Римлянъ такъ легко признали имперію; имъ было совершенно безразлично лишиться тѣхъ политическихъ правъ, отъ которыхъ они сами уже отказались.

Однако въ концѣ концовъ во время имперіи форумъ оказался таки тѣснымъ; народныхъ собраній тогда уже больше не было, но гуляющихъ, праздныхъ, любопытныхъ становилось все больше и больше, а иностранцы стекались сюда со всѣхъ концовъ міра. Рѣшились не увеличивать древній форумъ, чего нельзя было сдѣлать, не разрушивъ историческіе памятники, а построить вокругъ него новые форумы. Начало этому положилъ Цезарь, другіе стали ему подражать, и такъ какъ каждый желалъ затмить своихъ предшественниковъ, то затраты дѣлались все больше и больше, а постройки все великолѣпнѣе. Такимъ образомъ въ центрѣ города удалось создать лучшее собраніе памятниковъ и общественныхъ площадей, какимъ не можетъ похвалиться никакой другой городъ въ мірѣ. Иностранецъ, входившій въ Римъ по Фламиніевой дорогѣ, пройдя форумы Траяна, Нервы, Веспасіана, Августа и Цезаря входилъ наконецъ въ древній римскій форумъ, гдѣ красота зданій возвышалась еще величіемъ историческихъ воспоминаній, и останавливался здѣсь пораженный всѣмъ видѣннымъ. Какое бы высокое понятіе ни составилъ онъ себѣ дома о чудесахъ Рима, но долженъ былъ сознаться, что всѣ его мечты были гораздо ниже дѣйствительности; онъ чувствовалъ, что находится въ столицѣ міра и, возвращаясь домой въ восторгѣ, уносилъ неизгладимое впечатлѣніе о вѣчномъ городѣ, на который устремлены были взоры всей вселенной, и который, начиная со втораго вѣка, не называли иначе, какъ „священный городъ"!

О ГЕОРГИКАХЪ ВИРГИЛІЯ.

Георгики Виргилія принадлежатъ къ прекраснѣйшимъ произведеніямъ поэзіи всѣхъ временъ и народовъ. Не смотря на такой повидимому прозаическій сюжетъ, какъ сельское хозяйство, Виргилій съ такимъ талантомъ и искусствомъ съумѣлъ обработать этотъ сюжетъ, что читатель невольно увлекается имъ. Тайна такой прелести Георгикъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что поэтъ съ горячею любовью относится къ природѣ вообще и къ сельской жизни въ особенности. Впрочемъ Георгики—плодъ не только поэтическаго вдохновенія, но и основательнаго, продолжительнаго изученія предмета. Вообще Виргилій принадлежитъ къ тѣмъ поэтамъ, которые вмѣстѣ съ талантомъ соединяютъ и основательную ученость.

Родившись близъ Мантуи (въ деревнѣ Андахъ въ 70 г. до Р. Х.) отъ бѣдныхъ родителей, Виргилій не смотря на то успѣлъ получить основательное образованіе. Сначала воспитывался онъ въ Кремонѣ, славившейся въ то время своими школами, а затѣмъ довершилъ свое образованіе въ Римѣ. Здѣсь прежде всего Виргилій занимался реторикой у Епидія оратора, который былъ также учителемъ Антонія и Цезаря Октавіана. Но съ особеннымъ увлеченіемъ онъ предался впослѣдствіи занятіямъ философіею подъ руководствомъ Сирона Епикурейца, о которомъ съ похвалою отзывается Цицеронъ. Впрочемъ занятій философіей Виргилій не покидалъ никогда и даже, окончивъ Энеиду, мечталъ посвятить философіи всю свою остальную жизнь. Для того же чтобы вполнѣ постигнуть ее, онъ занимался также медициной и особенно математикой. Съ такою научною подготовкою Виргилій началъ свою поэтическую дѣятельность.

Первымъ безспорно принадлежащимъ ему произведеніемъ были Буколики, изданные имъ въ теченіи 712—715 г. Хотя Буколики

обнаруживають несомнѣнный талантъ ихъ автора, но они одни не дали бы Виргилію славы первостепеннаго поэта. Въ этотъ періодъ времени случилось съ нашимъ поэтомъ происшествіе, имѣвшее рѣшительное вліяніе на его жизнь. Онъ былъ выгнанъ изъ своего помѣстья ветеранами, которымъ тріумвиры раздавали земли въ вознагражденіе за ихъ службу, и даже въ спорѣ съ однимъ изъ нихъ едва не лишился жизни. Отправившись снова въ Римъ, онъ нашелъ тамъ покровительство Мецената, а чрезъ него и Августа, которые вознаградили потерю поэта.

Затѣмъ Виргилій приступилъ, по совѣту Мецената, къ сочиненію Георгикъ, которыми онъ занимался въ теченіи 9 лѣтъ, и въ 725 году въ присутствіи Мецената читалъ ихъ Августу. Но впослѣдствіи дѣлалъ въ нихъ многія поправки и измѣненія. Изъ этого видно, какъ тщательно обработана была Виргиліемъ эта дитактическая поэма. Что касается степени оригинальности ея, то хотя Виргилій имѣлъ предшественниковъ въ этомъ родѣ поэзіи и у Грековъ (Гезіодъ, Аратъ) и нѣкоторымъ образомъ даже у Римлянъ (Лукрецій), хотя коментаторы находятъ въ поэмѣ многія заимствованія, но обработка этого матеріала принадлежитъ безспорно Виргилію. Мало того: мысль и чувства, которыми проникнута поэма, налагаютъ на нее печать національности и личности Виргилія. Зная, въ какомъ почетѣ было земледѣліе въ первыя времена существованія Римскаго государства, (*) и до какого упадка дошло оно въ послѣднее время (**), желаніе Виргилія—обратить вниманіе соотечественниковъ на сельское хозяйство и возбудить въ нихъ снова любовь къ этому предмету должно признать вполнѣ патріотическимъ, а сельское хозяйство дѣломъ національнымъ для Римлянъ. Это понимали всѣ современники Виргилія, особенно Августъ и Меценатъ, по совѣту котораго,

---

(*) Hanc olim veteres vitam coluere Sabini,
Hanc Remus et frater, sic fortis Etruria crevit.
Scilicet et rerum facta est pulcherrima Roma,
Septemque una sibi muro circumdedit arces.

(Такую жизнь любили древніе Сабиняне, такую—Ремъ съ братомъ, такимъ образомъ возвеличилась храбрая Етрурія, итакъ образовался великолѣпнѣйшій городъ Римъ и окружилъ для себя стѣною семь холмовъ вмѣстѣ).

(**) non ullus aratro
Dignus honos; squalent abductis arva colonis.

(Селяне изгнаны, осиротѣли кущи,
Безъ славы дремлетъ плугъ, на полѣ тернъ и плющи.)

Переводъ Раича.

какъ говоритъ Виргилій, и написаны Георгики. Послѣднему впрочемъ свидѣтельству Виргилія не слѣдуетъ придавать буквальнаго значенія. Нѣтъ сомнѣнія, что мысль о Георгикахъ самобытно зародилась въ душѣ поэта, какъ бываетъ со всякою поэтическою мыслію, и она получила только одобреніе со стороны Мецената, какъ политика и государственнаго человѣка. Къ созданію этой поэмы Виргилій подготовленъ былъ всею своею прежнею жизнію и врожденными наклонностями. Только такая чистая душа, какъ Виргилія, могла находить отраду въ созерцаніи природы, только человѣкъ, чуждый по своему характеру политическихъ волненій городской жизни, могъ испытывать наслажденіе въ тихихъ радостяхъ сельскаго быта. Любовью къ природѣ и къ своей родинѣ проникнута вся поэма, и эти чувства даютъ ей печать самобытности. Эти же чувства составляютъ главную причину и самобытности ея внѣшней поэтической формы, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію.

Послѣднимъ произведеніемъ Виргилія была Энеида, эпопея, которая по мысли поэта должна была явиться всестороннимъ выраженіемъ жизни Римскаго народа того времени. Но римскому народу не суждено было имѣть эпопею, достойную его великихъ дѣяній. Не смотря на многія достоинства Энеиды, обнаруживающія огромный талантъ и мастерское искусство Виргилія, Энеиду нельзя считать полной выразительницей духа и жизни Римскаго народа. Отсюда постоянное недовольство поэта своимъ послѣднимъ произведеніемъ, отсюда желаніе поправить и передѣлать его, отсюда наконецъ завѣщаніе поэта сжечь Энеиду. Но Августъ воспротивился исполненію послѣдней воли поэта относительно Энеиды и поручилъ Варію и Туккѣ издать ее, ничего не исправляя и ничего не добавляя. Такимъ образомъ Энеида дошла до насъ, не получивъ окончательной отдѣлки автора.

Виргилій умеръ въ 19 г. до Р. Х., на 52 году жизни, въ Брудузіи, сопровождая Августа при возвращеніи послѣдняго въ Италію съ похода на востокъ. Вообще нашъ поэтъ былъ слабаго здоровья и часто страдалъ разными болѣзнями. Эта болѣзненность въ связи съ нѣкоторыми печальными событіями его жизни, а также съ мрачными политическими обстоятельствами того времени имѣла вліяніе на характеръ Виргилія, отличавшійся часто меланхолическимъ настроеніемъ, которое замѣчается почти во всѣхъ произведеніяхъ нашего поэта.

Очертивъ кратко поэтическую дѣятельность Виргилія, мы постараемся подробнѣе познакомить читателя съ Георгиками.

Для того, чтобы читатель самъ до извѣстной степени могъ судить о достоинствахъ Георгикъ Виргилія, мы разскажемъ по возможности подробнѣе содержаніе каждой пѣсни порознь и представимъ замѣчанія къ нимъ—съ цѣлью объяснить нѣкоторыя мѣста и указать на красоты этой поэмы.

Въ первой пѣсни, съ самаго начала, Виргилій опредѣляетъ сюжетъ своей поэмы. Отсюда мы узнаемъ, что предметомъ пѣснопѣнія будетъ земледѣліе (I п.), разведеніе деревьевъ и особенно винограда (II п.), скотоводство (III п.) и пчеловодство (IV п.).

За тѣмъ В. обращается къ богамъ, и богинямъ, покровителямъ сельскаго хозяйства, умоляя ихъ благословить его трудъ, а въ концѣ этого воззванія обращается также къ Августу, какъ будущему небожителю, прося его, чтобы онъ, благосклонно взглянувъ на это смѣлое предпріятіе, вдохновилъ поэта и, сжалившись надъ темными земледѣльцами, сталъ имъ путеводною звѣздою, привыкнувъ уже теперь выслушивать молитвы смертныхъ.

Послѣ введенія и воззванія начинается изложеніе главнаго предмета первой пѣсни, т. е. правилъ земледѣлія. Прежде всего В. говоритъ о занятіяхъ земледѣльца до посѣва.

Уже раннею весною слѣдуетъ начинать пахать землю; пахать ее нужно прилежно, помня, что тотъ только соберетъ обильную жатву, чья нива испытала дважды солнечный зной и зимнюю стужу. Но прежде, чѣмъ бороздить землю, нужно узнать климатъ страны и свойства ея почвы, чтó она производитъ и въ чемъ отказываетъ. Въ одномъ мѣстѣ растетъ хорошо хлѣбъ, въ другомъ виноградная лоза, здѣсь плодовыя деревья, тамъ роскошная трава. Всѣмъ извѣстно, что только Тмолъ *) посылаетъ намъ пахучій шафранъ, Индія слоновую кость, Африка ладанъ, съ южныхъ береговъ Чернаго моря получается лучшее желѣзо, изъ Понта бобровая струя, изъ Епира благородные скакуны. Эти законы не измѣняетъ природа съ тѣхъ поръ, какъ впервые Девкаліонъ разбросалъ камни, откуда произошелъ черствый родъ людской. Итакъ, тучную почву нужно тотчасъ въ первые же мѣсяцы года глубоко вспахать, чтобы ее пропекло жгучее лѣтнее солнце. Если же почва не жирная, то достаточно тонко вспахать и то только въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Въ первомъ случаѣ слѣдуетъ опасаться, чтобы сорныя травы не заглушили богатыхъ всходовъ; во второмъ—чтобы не было недостатка въ благодатной влажности. Нужно также позволять отдыхать полю и перемѣнять посѣвъ. Сѣй тамъ полбу, откуда ты собралъ прежде овощи или

*) Гора въ Лидіи.

овечій горошекъ и лупинъ. Хотя истощаетъ почву ленъ, овесъ и макъ, но при плодоперемѣнной системѣ не трудно получить урожай: не жалѣй только удобренія навозомъ и золою. Такимъ образомъ съ перемѣною посѣвовъ отдыхаютъ нивы, и земля постоянно приноситъ доходъ. Не безполезно бываетъ также сожигать стерно на поляхъ: можетъ быть этимъ вызываются скрытыя силы земли и жирные соки, или уничтожается излишняя влажность ея, или отъ этого въ почвѣ раскрываются поры, черезъ которыя проходятъ новые соки въ травы, а можетъ быть огонь уплотняетъ землю и уничтожаетъ щели, чрезъ которыя пагубно дѣйствуетъ на посѣвъ мелкій дождь, солнечный жаръ и сильный холодъ. Много также помогаетъ нивамъ тотъ, кто дробитъ граблями земляныя глыби вспаханнаго поля и волочитъ землю боронами, и кто, вспахавъ поле вдоль, перепахиваетъ его въ поперегъ—однимъ словомъ, кто часто тревожитъ землю и обращается съ нею деспотически.

Затѣмъ Виргилій изглагаетъ условія урожая. Первое условіе урожая—это благопріятная погода, а именно—мокрая во время солнцестояній и ясная зимою. Нечего говорить уже о томъ, какъ полезно тотчасъ вслѣдъ за посѣвомъ разбивать глыбы и комья глеистой почвы, производить искусственное орошеніе, пуская воду съ горъ по канавкамъ въ жаркое лѣто, а также спасывать скотомъ слишкомъ роскошные всходы, когда они сравнялись уже съ бороздами; наконецъ—осушать болота и лужи, случайно образовавшіяся отъ разлитія рѣкъ въ осенніе и весенніе мѣсяцы. Но при всѣхъ этихъ трудахъ еще не обезпечена богатая жатва. Вредитъ посѣвамъ и гусь, и журавль, и сорныя травы, и недостатокъ свѣта. Впрочемъ и самъ небесный отецъ (Юпитеръ) не желалъ, чтобы все легко давалось людямъ, и первый потревожилъ поля искусственною обработкою, изощряя трудомъ умъ человѣка.

Слѣдуетъ описаніе беззаботной жизни человѣка до временъ Юпитера и жизни, полной трудовъ и заботъ, впослѣдствіи. „Все превозмогъ упорный трудъ“, такъ оканчиваетъ поэтъ свое описаніе, „и гнетущая въ тяжелыхъ обстоятельствахъ нужда“.

Первая Церера научила людей обработывать землю желѣзомъ. Но вскорѣ явилась болѣзнь на хлѣбѣ; злокачественная ржа стала ѣсть стебли,—и защетинился на нивѣ репейникъ.

Такимъ образомъ, заключаетъ этотъ отдѣлъ своей пѣсни Виргилій, если ты не будешь вести войну противъ сорныхъ травъ, если не будешь отгонять птицъ и устранять тѣнь отъ посѣвовъ, наконецъ не будешь молить боговъ о благопріятной погодѣ, то тебѣ останется только съ за-

вистью смотрѣть на запасы сосѣда, утоляя голодъ свой въ лѣсахъ желудями.

Но для успѣшнаго занятія земледѣліемъ необходимы нѣкоторыя орудія: прежде всего плугъ, далѣе телѣги, терки (для молотьбы), а также грабли; кромѣ того мелкая утварь, какъ то: сита, корзины и вѣялки. Изъ этихъ орудій В. останавливается на плугѣ. Плугъ, по описанію В., состоялъ изъ слѣдующихъ главныхъ частей: изъ криваго, крючкообразнаго деревяннаго обрубка (buris), дышла (temo), сошника (dentalia) и рукоятки (stiva). Чтобы добыть этотъ крючкообразный обрубокъ, нужно отыскать въ лѣсу молодой илимъ и, пока онъ молодъ и гибокъ, согнуть его, заставивъ его рости такъ дальше. Впослѣдствіи, срубивъ дерево и отдѣливъ согнутую часть, къ ней съ той стороны, гдѣ былъ корень, прикрѣпляютъ сверху восьмифутовое дышло, а снизу сошникъ. Этотъ сошникъ состоялъ изъ двухъ колѣнъ, которыя, въ началѣ разъединенныя, соединялись на концѣ въ остроконечный лемехъ. По обѣимъ сторонамъ сошника находились двѣ перпендикулярно стоящія доски, называемыя ушами (aures), которыя могли способствовать образованію высокихъ рыхлыхъ грядъ. На заднемъ концѣ сошника находилась рукоятка для направленія, поворачиванья и углубленія плуга; впереди сошника, у дышла, были два низкихъ колеса (currus imi), на которыхъ покоилось дышло, имѣя на самомъ концѣ ярмо (iugum).

Описавъ плугъ и давъ нѣкоторые совѣты относительно устройства его, а именно—изъ какого дерева какая часть должна быть сдѣлана, и какъ это дерево для крѣпости должно быть высушено и закопчено,—Виргилій предлагаетъ слѣдующія практическія наставленія. Токъ долженъ быть тщательно перекопанъ, укрѣпленъ глиною и выровненъ каткомъ, тогда только онъ не заростетъ травою, не покроется пылью, и въ немъ не заведутся звѣрьки и насѣкомыя. Весною по миндальному дереву можно судить объ урожаѣ пшеницы. Если въ лѣсу много цвѣта на этомъ деревѣ,—будетъ урожай пшеницы; напротивъ, если оно покрыто богато листвою, то получишь мало зерна. При посѣвѣ нужно обращать вниманіе на сѣмена. Нѣкоторые обливаютъ сѣмена стручковыхъ растеній растворомъ селитры и отстоемъ деревяннаго масла, для того чтобы зерна въ стручкахъ были больше, и чтобы они скорѣе размягчались при варкѣ. Сѣмена нужно постоянно сортировать, иначе они перерождаются. Такъ все, говоритъ В., по волѣ судьбы стремится къ худшему и упадая мало по малу возвращается назадъ. Эта мысль поясняется подобіемъ ладьи, которую насилу гонятъ противъ теченія веслами, и которая, какъ скоро руки перестаютъ дѣйствовать, быстро уносится рѣкою внизъ по теченію.

Работы земледѣльца располагаются сообразно съ временами года, состояніемъ погоды и перемѣнами дня и ночи. Прежде всего земледѣлецъ долженъ наблюдать теченіе свѣтилъ небесныхъ, положеніемъ которыхъ опредѣляется время года. Это также необходимо для земледѣльца, какъ и для мореплавателя, потому что положеніемъ нѣкоторыхъ свѣтилъ обусловливается состояніе погоды. Такъ извѣстнымъ положеніемъ на небесномъ сводѣ Арктура, созвѣздія Козлятъ и Змѣя опредѣляется не только время занятій земледѣльца, но и періодъ бурь на морѣ.

Съ осенняго равноденствія начинай посѣвъ ячменя, а также льна и мака, и приступай къ оранкѣ подъ пшеницу. Весною посѣвъ бобовъ; въ Апрѣлѣ люцерны и затѣмъ проса. Но если ты будешь воздѣлывать землю для пшеницы и полбы, и настойчиво заниматься одними колосовыми хлѣбами, то не ввѣряй сѣмянъ ихъ и вмѣстѣ надежду будущаго года негостепріимной землѣ прежде конца Ноября мѣсяца. Многіе начинаютъ сѣять этотъ хлѣбъ послѣ 20-го Октября, но богатые всходы обманываютъ ихъ пустыми колосьями. Если же будешь сѣять вику, фасоль и чечевицу, то начинай сѣять ихъ съ 29-го Октября и дотяни посѣвъ до середины изморозей.

Поэтому необходимо слѣдить за движеніемъ солнца, которое въ теченіи года проходитъ чрезъ двѣнадцать знаковъ зодіака. Пять зонъ (поясовъ) занимаютъ небо, изъ которыхъ одна жаркая двѣ холодныхъ, гдѣ царствуетъ вѣчный ледъ и туманы; между ними двѣ умѣренныхъ, которыя предоставлены богами бѣдному человѣчеству; по нимъ и по жаркой зонѣ проходитъ косой путъ солнца, обозначаемый 12 знаками зодіака. Міръ точно такъ, какъ возвышается къ сѣверному полюсу, понижается къ южному: первый всегда надъ нами, второй же въ противоположной сторонѣ, его видитъ адъ и усопшія души. Возлѣ сѣвернаго полюса извивается Змѣй, проходя черезъ двѣ Медвѣдицы, которыя никогда не погружаются въ волны океана. Тамъ, какъ говорятъ, или царствуетъ вѣчная ночь, или туда возвращается отъ насъ Аврора и уводитъ день, и какъ скоро на зарѣ повѣетъ съ востока вѣтерокъ, тамъ багряный Вечеръ зажигаетъ уже огни. Слѣдя за этимъ круговымъ движеніемъ солнца, мы можемъ предсказывать непогоды, опредѣлять день жатвы и время посѣва, а также когда удобнѣе пѣнить веслами морскую рябь и выводить въ море флотъ или рубить въ лѣсахъ деревья.

Непапрасно также наблюдаемъ мы за восходомъ и заходомъ созвѣздій и за годовымъ кругомъ времени, раздѣленнымъ на четыре равныя, но различныя по своимъ свойствамъ части. Если случится, что холодный

дождь задержитъ земледѣльца дома, то и въ это время можно многимъ заняться и не спѣша приготовить то, что потомъ когда прояснится, нужно будетъ сдѣлать поспѣшно: такъ, въ это время пахарь исправляетъ притупленный лемехъ, долбитъ изъ дерева посуду, накладываетъ клейма на скотъ и ярлыки на запасы хлѣба; иной же заостриваетъ колья и вилы и приготовляетъ перевязи для виноградной лозы. Въ это время можно плесть корзины изъ ежевичныхъ прутьевъ, сушить зерно и молоть его. Дозволяется также производить нѣкоторыя работы даже въ праздничные дни, какъ напр. спускать воду въ прудахъ, ограждать посѣвы изгородью, ставить силки для птицъ, выжигать терновникъ, купать овецъ въ спасительной для нихъ отъ болѣзней водѣ. Часто также въ праздникъ пахарь везетъ въ городъ на своемъ осленкѣ деревянное масло или овощи на продажу и возвращается оттуда съ жерновомъ или со смолою.

И луна своимъ теченіемъ по небосклону указываетъ намъ на нѣкоторые благопріятные для работъ дни. Избѣгай пятаго послѣ новолунія дня: въ этотъ день явились на свѣтъ блѣдный Оркъ и Евмениды. Кромѣ того, въ этотъ же день земля породила титановъ Цея и Япета и сторукаго Тифея вмѣстѣ съ братьями Отомъ и Ефіалтомъ, замыслившими сокрушить небо. Напротивъ, семнадцатый день благопріятенъ и для посадки винограда, и для пріученія быковъ къ упряжи, и для начала ткацкой работы; девятый же день, какъ день полнолунія, удобнѣе для рабовъ, задумавшихъ бѣжать отъ своего господина, чѣмъ для воровъ.

Нѣкоторыя работы производятся даже успѣшнѣе ночью или на зарѣ, чѣмъ днемъ. Ночью легче косить стерно и сухіе луга, потому что ночная сырость размягчаетъ солому и траву. Иной не спитъ до поздней ночи при свѣтѣ зимней лучины, слушая пѣніе жены, которая сопровождаетъ имъ свои работы, то пробѣгая челнокомъ по основѣ, то вываривая на огнѣ водянистыя частицы изъ сладкаго винограднаго сока и снимая съ него пѣну листьями. Напротивъ, жатва и молотьба производятся среди дневнаго жару. Паши и сѣй неустанно; зима лѣнивое время года для поселянина. Въ зимнее время поселяне живутъ большею частью на прежнія пріобрѣтенія и веселясь устраиваютъ между собою пирушки. Къ тому приглашаетъ веселая зима, которая дозволяетъ поселянину отложить многія работы, подобно тому какъ отдыхаетъ мореплаватель, когда онъ достигъ гавани и возложилъ на корму вѣнки. Хотя нужно сказать, что зимнее время весьма удобно и для собиранія желудей, а также ягодъ лавра и мирта. Въ это же время ставятъ силки для журавлей и сѣти

для зайцевъ. Зимою также, когда лежитъ глубокій снѣгъ и идетъ ледъ по рѣкамъ, удобнѣе всего охотиться на быстрыхъ ланей.

Нельзя не сказать объ осеннихъ буряхъ, бывающихъ въ извѣстные періоды времени, и о томъ, какъ въ эти періоды слѣдуетъ быть на сторожѣ людямъ. Нельзя не сказать и о весеннихъ буряхъ, когда на поляхъ защетинилась жатва, и когда уже налились колосья. Я видѣлъ страшный бой вѣтровъ даже тогда, когда уже пожелтѣла жатва, и когда земледѣлецъ начиналъ жать ячмень. Въ одно мгновеніе уничтожались надежды земледѣльцевъ.

За этимъ слѣдуетъ у Виргилія описаніе бури.

Боясь этого, наблюдай теченіе мѣсяцевъ и созвѣздій, а особенно молись богамъ и приноси ежегодныя жертвы Церерѣ въ серединѣ весны. Пусть чествуетъ богиню вся твоя сельская молодежь. Въ честь ея, по завѣту предковъ, ты приноси вмѣстѣ съ домочадцами обычныя жертвы, и пусть никто не осмѣливается приступить къ жатвѣ, прежде чѣмъ, украсивъ голову свою вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ, почтитъ богиню своими нехитрыми танцами и пѣснопѣніями.

Но для того чтобы мы могли предугадывать погоду, самъ отецъ Юпитеръ установилъ особые признаки. Чуть поднимается вѣтеръ, какъ тотчасъ или начинаютъ рости встревоженныя волны моря, и слышится уже сухой трескъ на высокихъ горахъ, или берега далеко стонутъ отъ прибоя волнъ, и учащается ропотъ лѣсовъ. Уже тогда порядочно хлещетъ волна бока кораблей, когда съ моря несутся гагары, оглашая берега своимъ крикомъ, а также когда на сушѣ играютъ морскія лысухи, и цапля, оставляя знакомыя болота, поднимается выше облаковъ. Часто также при предстоящемъ вѣтрѣ ты увидишь быстро падающія съ неба звѣзды, оставляющія за собою бѣловатыя полосы, часто ты замѣтишь, что легкая солома и упавшія листья носятся на поверхности земли, и перья, плавающія по водѣ, сталкиваются между собою. Но когда блеститъ въ сторонѣ свирѣпаго Борея (съ сѣвера), когда оглашается громомъ жилище Евра и Зефира (на востокѣ и западѣ), тогда навѣрное всѣ канавы и поля покроются водою, и всѣ мореходы уберутъ мокрые паруса.

Никогда, впрочемъ, дождь не заставалъ врасплохъ опытныхъ хозяевъ. При приближеніи его ты замѣтишь, что или журавли несутся изъ глубокихъ долинъ, или телка, кидая взглядъ на небо, жадно вдыхаетъ ноздрями воздухъ, или говорливая ласточка быстро летаетъ вокругъ озера, или лягушки заводятъ въ болотѣ свою жалобную пѣсню. Еще

чаще случается, что предъ этимъ и муравей выноситъ изъ муравейника свои яйца, и появляется радуга, и стаи вороновъ проносятся надъ твоею головою, шумя своими густыми крыльями. Кромѣ того можно видѣть, какъ различныя морскія птицы то подхватываютъ крыльями воду, то окунаютъ въ нее голову, то бѣгаютъ по водѣ и безъ устали дѣлаютъ купаясь разнообразныя движенія. Далѣе зловѣщая ворона изъ всей мочи своимъ противнымъ крикомъ призываетъ дождь и одиноко важно прогуливается на сухомъ песку. Даже дѣвушки, прядущія свой урокъ въ ночное время, бываютъ хорошо предупреждены на счетъ зимней бури, замѣчая неровное сверканіе горящей лампадки и большой нагаръ на фитилѣ.

Также вѣрно можно предсказать, на основаніи извѣстныхъ признаковъ, тотчасъ послѣ дождя солнечную и вообще ясную погоду. Тогда не тусклымъ свѣтомъ горятъ звѣзды и луна, не носятся по небу облака, похожія на клочья шерсти, не расправляютъ крыльевъ на тепломъ солнцѣ на берегу моря либимцы Θемиды гальціоны (птицы), не разрываютъ своимъ рыломъ и не разбрасываютъ вязанки соломы неопрятныя свиньи. Да и туманъ держится больше внизу и прилегаетъ къ землѣ, и сова, сторожа заходъ солнца, заводитъ съ высоты свои позднія пѣсни. Въ прозрачномъ воздухѣ появляется морской орелъ и неустанно преслѣдуетъ бѣлую цепуру. Тогда и вороны повторяютъ свое карканье и на высокихъ гнѣздахъ часто шумятъ между собою въ листьяхъ—не знаю, чему радуясь: можетъ быть имъ пріятно послѣ дождей снова увидѣть свое молодое поколѣніе и дорогія имъ гнѣзда. Нельзя, впрочемъ, думать, что животныя одарены даромъ предвидѣнія, но сухость или влажность воздуха, которую они чувствуютъ, вызываетъ въ нихъ то или другое настроеніе: отсюда, при приближеніи ясной погоды, пѣніе птицъ на поляхъ, игривость скота и радость вороновъ.

Если же ты будешь наблюдать быстрое солнце и луну въ ея фазахъ, то никогда не обманешься на счетъ завтрашняго дня и не попадешься впросакъ, любуясь ясностью ночи. Когда въ третій день новолунія рога луны покрыты темнымъ цвѣтомъ, то предстоитъ страшный дождь, когда же она покроется румянцемъ, то будетъ вѣтеръ: предъ вѣтромъ всегда краснѣетъ золотая Феба (луна). Но если въ четвертый день новолунія луна будетъ блистать чистымъ свѣтомъ, то будетъ ясная и теплая погода не только въ слѣдующій день, но и до конца мѣсяца. Солнце также и при восходѣ и при закатѣ своемъ дастъ тебѣ вѣрнѣйшіе признаки предугадывать погоду. Такъ, когда при восходѣ оно окутано въ туманъ и испещерено пятнами или совсѣмъ темно въ

серединѣ своего диска, то можно предполагать, что предстоитъ дождь, потому что тогда съ моря грозитъ южный вѣтеръ, гибельный и для посѣвовъ, и для скота. Но когда вскорѣ послѣ восхода между густыми облаками прорвутся въ разныя стороны лучи солнца, или когда, покидая ложе Тиѳона, встанетъ блѣдная Аврора, тогда предстоитъ страшный градъ. На цвѣтъ солнца при его заходѣ еще болѣе нужно обращать вниманіе: темный цвѣтъ предвѣщаетъ дождь, красноватый—вѣтеръ. Но если на красноватомъ солнцѣ будутъ еще замѣчены темныя пятна, то быть великой бурѣ и проливному дождю. Никто въ эту ночь не соблазнитъ меня, отвязавъ канатъ отъ берега, идти въ открытое море. Но если и при появленіи и удаленіи своемъ солнечный дискъ будетъ свѣтелъ, то напрасно будешь опасаться дождя: напротивъ ты увидишь лѣсъ колеблющимся отъ приносящаго ведро Аквилона. Наконецъ, какая погода будетъ вечеромъ, откуда пригонитъ вѣтеръ не дождевыя облака, что замышляетъ влажный западный вѣтеръ,—обо всемъ этомъ солнце дастъ тебѣ вѣрныя свѣдѣнія. Оно даже часто предваряетъ о предстоящихъ людскихъ волненіяхъ, измѣнѣ и войнахъ.

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе солнечныхъ затменій и другихъ страшныхъ явленій, сопровождавшихъ смерть Цезаря и предвѣщавшихъ гражданскую войну при Августѣ. Страшась за судьбу Рима, Виргилій молитъ боговъ не возбранять Августу придти на помощь людямъ, живущимъ въ столь извращенный вѣкъ. „Уже давно, говоритъ онъ, достаточно омыли мы своею кровью клятвопреступленіе Лаомедонтовой Трои, но не смотря на то небожители съ завистью смотрятъ на насъ изъ-за тебя, Цезарь, и жалуются, что ты заботишься о тріумфахъ на землѣ, гдѣ извратились всѣ понятія людей, гдѣ свирѣпствуетъ столько войнъ, гдѣ столько разнообразныхъ преступленій и нѣтъ никакого почета плугу; нивы съ изгнаніемъ поселенцевъ въ запустѣніи, и косы перековываются въ суровые мечи. Съ одной стороны поднимаютъ войну жители Евфрата, съ другой—Германцы; сосѣдніе города, разорвавъ союзы, возстаютъ другъ на друга: жестокій Марсъ свирѣпствуетъ по всему земному шару". Этотъ разгаръ страстей въ мірѣ В. сравниваетъ съ бѣшенымъ бѣгомъ колесницъ въ циркѣ, когда онѣ съ каждымъ мгновеніемъ ускоряютъ свой бѣгъ: съ ними несется возница, напрасно натягивая возжи, потому что кони уже не слушаются узды.

Такою печальною картиною Виргилій заканчиваетъ первую пѣснь Георгикъ.

Излагая подробно содержаніе Виргиліевой поэмы, мы хотимъ ближе

познакомить читателей съ познаніями древнихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Хотя въ поэтическомъ произведеніи нельзя искать точнаго и подробнаго изложенія сельскаго хозяйства, но и здѣсь оно должно явиться въ главныхъ, существенныхъ своихъ чертахъ, особенно подъ перомъ такого поэта, какъ Виргилій, который знакомъ былъ со всѣми главнѣйшими сочиненіями по этому предмету, какъ иностранными, преимущественно греческими, такъ и туземными. Не даромъ его Георгики цитируются позднѣйшими авторами сельскаго хозяйства у Римлянъ.

На какой же степени развитія представляется намъ земледѣліе у древнихъ народовъ временъ Виргилія?

Земледѣліе, смѣло можно сказать, достигло у нихъ значительной степени развитія. Древніе не только оставляли поочередно часть полей подъ паромъ, но ими практиковалась уже и плодоперемѣнная система. Они хорошо понимали пользу тщательной обработки земли и обрабатывали ее сообразно ея свойствамъ, а также понимали пользу различнаго рода удобренія. Въ то время засѣвались почти всѣ тѣже полевыя растенія, не исключая и кормовыхъ травъ, какія и теперь въ ходу у земледѣльцевъ. Земледѣльческія орудія тоже достигли значительной степени совершенства, такъ что даже молотьба производилась не руками человѣка, а работою животныхъ. Нечего и говорить о системѣ орошенія полей и, въ случаѣ нужды, дренажа ихъ, который прилагался у древнихъ иногда въ такомъ широкомъ размѣрѣ, какъ рѣдко прилагается и нынѣ. Что же касается изслѣдованія почвы и климата страны, то и на этотъ предметъ обращено въ Георгикахъ вниманіе земледѣльцевъ. Время обработки земли и посѣва точно опредѣлено на основаніи теченія свѣтилъ небесныхъ. Если въ этомъ отношеніи встрѣчаются у Виргилія нѣкоторыя недоразумѣнія для насъ, то слѣдуетъ обратить вниманіе на значительное различіе между нашимъ климатомъ и климатомъ Италіи. Могутъ показаться также невѣрными нѣкоторые метеорологическіе признаки, по которымъ Виргилій полагаетъ возможнымъ предсказаніе погоды, но вѣрные признаки и до сихъ поръ не найдены; во всякомъ случаѣ самое указаніе на нихъ свидѣтельствуетъ о наблюдательности ума древнихъ. За то астрономическія свѣдѣнія, на сколько они изложены въ этой пѣсни Георгикъ, весьма близки къ нашимъ и могутъ служить твердымъ основаніемъ для опредѣленія всѣхъ частей времени года, точнымъ знаніемъ которыхъ обусловливается успѣшность трудовъ земледѣльца. Что касается практическихъ совѣтовъ Виргилія по земледѣлію, то они носятъ на себѣ печать долговременной опытности, основанной на близкомъ, непосредственномъ знакомствѣ поэта съ предметомъ, а нѣкоторые изъ

нихъ проникнуты высокимъ нравственнымъ чувствомъ. Вообще должно сказать, что и изъ этой пѣсни можно вывести понятіе о Виргиліи, какъ о глубоко нравственномъ человѣкѣ. Онъ требуетъ упорнаго труда отъ земледѣльца, но еще болѣе теплой молитвы къ богамъ. Изъ этой же пѣсни можно заключить, что поэту не чуждо было то высокое чувство, которое почти неизвѣстно было древнимъ, а именно чувство любви къ своимъ ближнимъ, а особенно къ меньшимъ братьямъ. Онъ соболѣзнуетъ о темныхъ земледѣльцахъ (mecum miseratus ignaros viae agrestes); онъ всѣми мѣрами старается помочь имъ, живо сочувствуя ихъ горю и радостямъ. Но вообще у поэта слышится болѣе грустный, чѣмъ веселый тонъ, и печальной картиной заканчиваетъ онъ свою пѣснь. Единственную отраду въ современныхъ политическихъ явленіяхъ онъ видитъ въ образѣ Августа, который, по его мнѣнію, призванъ Провидѣніемъ уврачевать общественныя язвы, возстановивъ спокойствіе и мирную жизнь на земномъ шарѣ. Вотъ почему поэтъ чуть не боготворитъ Августа и съ такою любовью всякій разъ говоритъ о немъ въ своей поэмѣ. Нельзя согласиться съ тѣми, которые видятъ въ этихъ обращеніяхъ желаніе Виргилія заискать у сильнаго человѣка; въ нихъ столько искренности и теплоты, что скорѣе здѣсь слышится чувство благодарности и личной, и общественной и убѣжденіе, что этотъ великій человѣкъ призванъ умиротворить Римъ и подвластные ему народы.

Эти мысли и чувства Виргилій съумѣлъ представить въ поэтическихъ образахъ и гармоническомъ стихѣ. Описываемая имъ природа дышетъ жизнію, потому что онъ проникнутъ искреннею, горячею любовью къ ней. Это можно видѣть почти въ каждой строкѣ пѣсни, такъ что даже самые обыденные, тривіальные предметы подъ его перомъ пріобрѣтаютъ жизнь или по крайней мѣрѣ картинность. Даже изъ нашего сухаго изложенія содержанія этой пѣсни читатель не можетъ не замѣтить этой жизни и изобразительности, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы, говоря о предсказаніяхъ погоды, ближе придерживались подлинника. Но нѣкоторые эпизоды отличаются особенною художественностью. Вотъ напр. описаніе грозы:

Jpse Pater media nimborum in nocte corusca
Fulmina molitur dextra; quo maxima motu
Terra tremit; fugere ferae et mortalia corda
Per gentes humilis stravit pavor; ille flagranti
Aut Athon, aut Rodopen, aut alta Ceraunia telo

Dejicit; ingeminant austri et densissimus imber;

Nunc nemora ingenti vento, nunc litora plangunt. (*)

Такъ и видишь молніи, бороздящія небо, и слышишь раскаты отдаленнаго грома, гулъ лѣсовъ и стоны морскаго берега отъ страшнаго вѣтра. Нельзя не замѣтить, что постройка стиха припаровлена къ содержанію и удивительно гармонируетъ съ нимъ. Такую же особенную гармонію между звуками и картиною, изображаемою этими звуками, замѣчаемъ также при описаніи воды, катящейся съ горъ на поля земледѣльца:

illa cadens raucum per levia murmur

Saxa ciet scatebrisque arentia temperat arva (**).

а также въ описаніи преслѣдованій чепуры морскимъ орломъ:

Quaqumque illa levem fugiens secat aethera pennis,

Ecce inimicus, atrox, magno stridore per auras

Insequitur Nisus; qua se fert Nisus ad auras,

Illa levem fugiens raptim secat aethera pennis (***).

Считаю также не излишнимъ по крайней мѣрѣ упомянуть о нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ въ этой пѣсни, выдающихся по своему особенному искусству.

Къ такимъ мы относимъ вступленіе въ поэму, т. е. первые четыре стиха, отличающіеся скромностью, особенною изящною простотою и задушевностью, приданною имъ обращеніемъ къ Меценату. Торжественнымъ тономъ запечатлѣно воззваніе къ богамъ, помѣщенное въ началѣ поэмы, которое иногда, особенно въ концѣ воззванія, переходитъ въ нѣжную молитву. Здѣсь особенно замѣчательны естественность перехода изъ одного

(*) 328. Самъ Отецъ (Юпитеръ) бросаетъ десницей среди мрачныхъ какъ ночь тучъ блестящія молніи, и отъ этого движенія дрожитъ вся земля; убѣжали звѣри (въ свои логовища) и унизительный страхъ повергъ во прахъ слабыя людскія сердца; онъ (Юпитеръ) пылающею стрѣлою поражаетъ или Аѳонъ, или Родопу, или вершины Керауна; страшно усиливается вѣтеръ и ливень; то лѣса, то берега стонутъ отъ бури.

(**) 109. Она, пробѣгая по камнямъ, чуть-чуть журчитъ, и своими струйками освѣжаетъ пышущія жаромъ поля.

(***) 406. Куда она (чепура) ни стремится, разсѣкая крыльями легкій воздухъ, повсюду, съ шумомъ по воздуху преслѣдуетъ ее враждебный, неумолимый Низъ. Куда устремится Низъ по воздуху, тамъ она стремительно убѣгая, разсѣкаетъ крыльями легкій эѳиръ.

тона въ другой и то исскуство, съ которымъ В. умѣетъ избѣжать крайностей при обращеніи къ Августу, пользуясь миѳическими сказаніями о божественномъ происхожденіи рода Юліевъ (ciugeus materna tempora myrto) и миѳологіей (Nec repetita sequi curet Proscrpina matrem), для того чтобы представить Августа человѣкомъ выше обыкновенныхъ смертныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выставить кротость его нрава, не впадая, впрочемъ, при этомъ въ низкую лесть и угодничество (et votis jam nunc adsuesce vocari). Далѣе, съ какимъ искусствомъ и какъ умѣстно воспользовался Виргилій сказаніемъ о золотомъ вѣкѣ Сатурна и о трудовой жизни человѣка, начавшейся для смертныхъ послѣ воцаренія Юпитера (*). Тяжелымъ чувствомъ проникнуто описаніе этой жизни, но оно умѣряется трезвымъ и бодрымъ взглядомъ на жизнь въ заключительныхъ стихахъ Виргилія:

Labor omnia vicit
Improbus et duris urg ens in rebus egestas (**).

Наконецъ, нельзя не указать на эпизодъ о знаменіяхъ, сопровождавшихъ смерть Цезаря и предвѣщавшихъ гражданскую войну при Августѣ.(***) Что можетъ быть печальнѣе для поэта-патріота, какъ не гибель великаго человѣка (Цезаря) и кровавая брань въ средѣ самаго народа. Такія мрачныя событія вызываютъ у Виргилія чувство безъисходной скорби и леденящаго ужаса. Эти чувства выразились въ тѣхъ картинахъ явленій, наводящихъ суевѣрный страхъ, которыя здѣсь изображены. Подобныя чувства и картины столь естественны, что ими воспользовался даже такой геніальный поэтъ, какъ Шекспиръ, въ трагедіи „Макбетъ", по случаю умерщвленія короля Дункана.

Мы привели только частности, особенно бросающіеся въ глаза, но можно сказать вообще, что чувства и мысли поэта всегда и вездѣ находятъ себѣ соотвѣтствующую изящную форму въ необыкновенно удачныхъ эпитетахъ и описательныхъ выраженіяхъ, въ искусномъ употребленіи словъ въ переносномъ значеніи и въ соотвѣтственномъ сочетаніи звуковъ стиха. Это внѣшнее выраженіе кромѣ того отличается такою точностью, что напоминаетъ собою формы, вышедшія изъ-подъ рѣзца ваятеля. Въ

(*) 125—145 ст.

(**) Чего непобѣдитъ неутомимый трудъ,
Когда и сердца скорбь и нужды насъ гнетутъ?
Раичъ.

(***) 466—488 ст.

этомъ отношеніи Виргилій представляется великимъ мастеромъ древности. И неудивительно, —такъ какъ при своемъ поэтическомъ талантѣ онъ обладалъ необыкновеннымъ трудолюбіемъ, и стихи, которые онъ имѣлъ обыкновеніе диктовать, какъ говорятъ его біографы, своему писцу утромъ, онъ цѣлый день потомъ исправлялъ и обработывалъ, такъ что къ концу дня изъ нихъ оставалось только весьма малое число, которые уже тогда окончательно и заносились въ кодексъ. Его чувствительность и требовательность относительно художественной обработки поэтическихъ произведеній превосходила даже надлежащую мѣру. Такъ извѣстно, что, не смотря на неоднократныя поправки Энеиды, онъ всетаки считалъ ее до того необработаннымъ произведеніемъ, что завѣщалъ своимъ друзьямъ сжечь это образцовое во многихъ отношеніяхъ произведеніе Римскаго генія.

Во второй пѣсни Георгикъ Виргилій говоритъ о деревьяхъ дикихъ и плодовыхъ, а особенно о виноградной лозѣ.

Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ о предметѣ предъидущей пѣсни, Виргилій обращается къ Вакху, который считался покровителемъ не только винодѣлія, но и садоводства, и лѣсоводства. Затѣмъ онъ переходитъ къ предмету своей пѣсни, и съ самого начала говоритъ о естественныхъ способахъ распространенія деревьевъ. По его мнѣнію деревья или сами собою появляются, (*) покрывая поля и извилистыя берега рѣкъ, какъ напр. верба, дрокъ, тополь и ива, или размножаются посредствомъ посѣва, какъ напр. каштаны и дубы, или наконецъ пускаютъ отпрыски отъ корней; къ такимъ принадлежатъ вишни, вязы и даже лавръ. Но есть и искусственные способы размноженія деревьевъ. Такъ иногда отрѣзываютъ корневые побѣги и слегка прикрываютъ ихъ землею. Отрѣзываются также черенки и накрестъ расчлененные или заостренные сажаются глубоко въ землю. Иногда вѣтви пригибаются къ землѣ и прикрываются ею въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ образуютъ дугу, оставаясь въ связи съ материнскимъ стволомъ, пока не пустятъ корней въ той же почвѣ. Отъ иныхъ же деревьевъ плантаторъ не боится поручать землѣ даже срѣзанную верхушку. Иногда раскалываютъ стволъ и расколотыя палочки сажаютъ въ землю, какъ это дѣлается съ маслиною; и, удивительное дѣло, изъ этихъ повидимому сухихъ палокъ пробиваются корни. Еще удивительнѣе, что вѣтви одной породы дерева, безъ вреда для него, могутъ быть превращены въ вѣтви другой породы; такъ мы

(*) Такъ по крайней мѣрѣ кажется на первый взглядъ.

часто видимъ, что на грушевомъ деревѣ растутъ привитыя яблоки и на костливомъ деревѣ краснѣютъ сливы.

Объяснивъ въ общихъ чертахъ способы распространенія деревьевъ, Виргилій энергически приглашаетъ земледѣльцевъ заняться этимъ дѣломъ, чтобы земля не лежала впустѣ, безъ пользы; такъ какъ иныя мѣста, неудобныя для хлѣбнаго посѣва, удобны для разведенія винограда и маслины.

Затѣмъ, съ трогательнымъ чувствомъ любви и уваженія обращаясь къ Меценату, проситъ его вниманія къ своему труду и поддержки въ этомъ обширномъ морѣ, обѣщая съ своей стороны придерживаться берега, т. е. излагать только реальные факты и конкретныя явленія, не увлекаясь фантазіею и не пускаясь въ длинныя разглагольствованія.

Послѣ этого небольшаго отступленія Виргилій переходитъ снова къ главному предмету своей пѣсни и говоритъ о воспитаніи деревьевъ.

Деревья, появившіяся на свѣтъ сами собою, хотя не приносятъ надлежащихъ плодовъ, но отличаются силою и роскошью растительности, потому что почва вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ свойствамъ. Однако и эти также, будучи привиты и пересажены, теряютъ свой лѣсной характеръ и при тщательномъ уходѣ слѣдуютъ волѣ садовника. Перемѣнится къ лучшему даже безплодное дерево, происшедшее отъ корневаго отпрыска, если будетъ перенесено на открытое мѣсто, такъ какъ въ такомъ случаѣ его не будутъ заслонять отъ солнца вѣтви и листья матери и тѣмъ замедлять его ростъ и лишать его соковъ во время плодоношенія. Кромѣ того нужно замѣтить еще, что деревья, происшедшія отъ посѣва, медленно растутъ, давая тѣнь только позднимъ внукамъ, и плоды ихъ, перерождаясь, дѣлаются хуже, забывъ свое первоначальное происхожденіе.

Такимъ образомъ всякое дерево требуетъ труда: всѣхъ ихъ нужно сажать въ борозды и воспитывать съ большимъ стараніемъ. Но маслина лучше удается изъ черенковъ, виноградныя же лозы отъ отводковъ, а миртъ отъ крѣпкаго ствола. Отпрысками разводятся и крѣпкій орѣшникъ, и громадный ясень, и серебристый тополь, и могучій дубъ, даже стройная пальма и корабельная ель. Что же касается прививки, то прививается даже морская вишня черенкомъ орѣха, и безплодные платаны приносятъ полновѣсныя яблоки, покрывается букъ бѣлымъ цвѣтомъ каштана, а ольха — груши, и на вязахъ растутъ жолуди. (*)

(*) Безъ сомнѣнія эти примѣры приведены Виргиліемъ какъ диковинка, какъ курьезъ; по мнѣнію же нашихъ садовниковъ такая прививка не удастся, такъ какъ прививка принимается только на однородныхъ деревьяхъ.

Относительно прививки деревьевъ, нужно различать прививку черенкомъ (щепленіе) отъ прививки глазкомъ (окулировка). Прививка глазкомъ дѣлается слѣдующимъ образомъ: въ томъ мѣстѣ, гдѣ почки (gemmae) пробиваютъ заболонь и лубъ (tunica, liber) и верхнюю кожицу, или эпидерму (cortex), дѣлаютъ маленькое углубленіе (sinus), куда вкладываютъ глазокъ (germen) отъ другого дерева и стараются, чтобы онъ вросъ въ сочный (udus) лубъ. При прививкѣ же черенкомъ гладко срѣзывается стволъ, и сверху посрединѣ при помощи клинушка въ немъ дѣлается разщепъ; туда (сбоку) вставляется плодовый черенокъ, и не пройдетъ много времени, какъ дерево уже простираетъ къ небу плодовыя вѣтви, удивляясь новымъ листьямъ и чуждымъ для него плодамъ.

Далѣе, различаютъ много разновидностей какъ среди дикихъ деревьевъ, такъ особенно среди фруктовыхъ. Не одного сорта бываютъ и жирныя маслины: иныя имѣютъ продолговатую форму, другія овальную, третьи отличаются своею мясистостью и терпкимъ вкусомъ. Также разнообразны сорта яблонь и другихъ фруктовыхъ деревьевъ, да и разные сорта грушъ отличаются видомъ своихъ вѣтвей: такъ неодинаковы вѣтви у грушъ Крустумійскихъ, Сирійскихъ и тяжеловѣсныхъ *волемъ*. Также не такой виноградъ растетъ на нашихъ лозахъ, какой срываютъ жители острова Лесбоса; есть и Ѳазосскія (островъ въ Архипелагѣ) виноградныя лозы, есть и Мареотидскія (въ Египтѣ) бѣлыя--первыя требуютъ легкой почвы, а послѣднія тучной; далѣе есть Псиѳійскій виноградъ (въ Греціи), который выгоднѣе для выдѣлки секта (*); есть Лагейскій, вино котораго дѣйствуетъ на ноги и связываетъ языкъ; есть пурпуровый и рано поспѣвающій; есть и Ретійскій (въ сѣверной Ломбардіи), который выше всѣхъ похвалъ, но все же вино изъ него должно уступить Фалернскому (въ Кампаніи); есть и Аминейскія лозы (въ Пицентійской области), отъ нихъ весьма прочное вино, предъ которымъ должны преклониться Тмолійское (въ Лидіи) и даже знаменитое Фанейское (на островѣ Хіосѣ); есть еще Аргосскій виноградъ (въ Пелопоннезѣ) небольшой величины, съ которымъ не можетъ спорить никакой другой ни по количеству получаемаго отъ него вина, ни по прочности этого вина; нельзя пройти молчаніемъ и Родосскія лозы, отъ которыхъ вино употребляется для возліяній и за десертомъ, а также *бумастъ* съ

(*) Вино, выдѣлываемое изъ сухаго винограда и отличающееся терпкимъ вкусомъ.

громаднымъ гроздіемъ. Но довольно. Сортамъ и названіямъ виноградныхъ лозъ нѣтъ числа, и желать перечислить всѣ сорта и названія все равно что хотѣть узнать, какъ много песчинокъ поднимается Зефиромъ, и сколько волнъ приходитъ къ берегамъ Іоніи, когда жестокій Эвръ напираетъ на корабли.

Да и не всякая почва способна все производить. По берегамъ рѣкъ растутъ вербы, на болотистыхъ мѣстахъ ольха, на каменистыхъ горахъ безплодные ясени, морской же берегъ особенно благопріятенъ для миртовъ, наконецъ виноградная лоза любитъ открытые холмы, а тиссъ холодныя высокія горы. Пробѣги мысленно всѣ страны земнаго шара, и ты увидишь, что у деревьевъ различное отечество.

Такъ одна Индія раститъ черное дерево, у однихъ Сабеянъ (въ Аравіи) есть кустарникъ, доставляющій ладонъ. Къ чему стану я тебѣ говорить о бальзамѣ, капающемъ съ благовоннаго кустарника (Іудеи) и ягодахъ вѣчно зеленаго аканѳа (*) (въ Египтѣ)? Къ чему говоритъ о кустарникахъ хлопчатника у Эѳіоповъ и о томъ, какъ Серы (въ Индіи) собираютъ шелкъ съ листьевъ, или о томъ, какой громадной высоты рощи имѣетъ Индія вблизи океана, такъ что стрѣла не можетъ достигнуть вершины ихъ деревьевъ. Мидія въ свою очередь производитъ съ горькимъ вкусомъ и съ сильнымъ запахомъ счастливое яблоко. (**) Оно составляетъ вѣрное средство противъ отравы. Дерево это громадной величины и видомъ весьма похоже на лавръ, такъ что, еслибы далеко не распространяло отъ себя другого запаха, нельзя было бы отличить его отъ лавра: листья не падаютъ ни отъ какого вѣтра, и цвѣтъ держится весьма крѣпко; Мидійцы лечатъ имъ задышку и дурной запахъ изо рта.

Не смотря на все богатство другихъ странъ, не смотря на то, что онѣ представляютъ міръ чудесъ и диковинокъ, поэтъ все таки отдаетъ предпочтеніе своей родной Италіи и распространяется въ похвалахъ о ней.

Послѣ этого эпизода Виргилій снова возвращается къ главному предмету пѣсни и далѣе говоритъ о свойствахъ почвы, какая для каждой растительности пригодна, и какіе признаки каждой почвы. Скупая почва и даже скверные холмы, гдѣ тощій мергель и камешки, весьма благопріятны для маслины. Доказательствомъ тому служитъ множе-

---

(*) Родъ акаціи, а можетъ быть и особый видъ терновника.

(**) Вѣроятно лимонъ.

ство дикой маслины, растущей на такихъ мѣстахъ. Но жирный черноземъ, пропитанный прѣсною влагою и потому покрытый густою травою, какой мы часто находимъ въ долинахъ, куда ручьи приносятъ плодородный илъ, и притомъ на открытомъ южному вѣтру мѣстѣ,-черноземъ, который покрывается ненавистнымъ кривому плугу папоротникомъ, несомнѣнно возраститъ тебѣ крѣпкія виноградныя лозы, которыя будутъ изобиловать и ягодами и дадутъ кромѣ того много вина.

Если ты любишь быковъ и телятъ, или овецъ и козъ, то ищи такія заросшія кустарникомъ высоты, какія въ окрестностяхъ Тарента, или такія равнины, какія потеряла несчастная Мантуя, равнины, питавшія своими травянистыми источниками бѣлоснѣжныхъ лебедей; тамъ не будетъ недостатка ни въ ключевой водѣ, ни въ травахъ для твоихъ стадъ, и сколько скотъ съѣстъ въ теченіи долгаго лѣтняго дня, столько же въ короткую ночь снова возраститъ прохладная роса.

Земля почти чернаго цвѣта и жирная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рыхлая— самая лучшая для пшеницы; съ нея только получается обильный урожай, да еще съ земли изъ-подъ выкорчеваннаго лѣса. Сухая же песчаная почва пахатнаго поля едва даетъ для пчелъ приземистый вшивый ягодникъ и розмаринъ. А шереховатый туфъ и мѣлъ доставляютъ только обильную пищу змѣямъ и удобное для нихъ жилище. Но если почва дымится тонкими испареніями, если она и всасываетъ влагу, и, когда нужно, сама изъ себя испускаетъ ее, если кромѣ того она всегда покрыта зеленою травою и не портитъ желѣза ѣдкою ржавчиной, то такая почва дастъ тебѣ и роскошныя виноградныя лозы, и обильный урожай маслины. и много корма для скота, и обильную жатву. Такую землю пашутъ жители богатой Капуи и окрестностей горы Везувія, а также жители береговъ Кланія (также въ Кампаніи).

Что касается до распознаванія почвы, то если хочешь узнать, легкая ли почва или тяжелая, такъ какъ одна хороша для пшеницы, другая для винограда, именно тяжелая больше годится для посѣва пшеницы, а самая легкая для разведенія виноградной лозы,—то, избравъ мѣсто, сначала прикажи вырыть въ материкѣ глубокую яму и затѣмъ засыпь ее снова землею, утоптавъ плотно ногами. Если она вся снова войдетъ въ яму, то это будетъ признакомъ, что почва тамъ легкая и болѣе удобная для скота и для живительныхъ лозъ. если же земля не войдетъ въ яму, а, наполнивъ ее, еще останется, то это вѣрный признакъ почвы тяжелой; на ней будутъ большіе комья и твердые гребни, и она дастъ много работы сильнымъ молодымъ быкамъ. Соленую почву и такъ на-

зываемую горькую, которая не годится для плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ, потому что они на ней перераждаются, можно узнать слѣдующимъ образомъ: возьми корзину или сито и напихай сюда той скверной земли, поливъ ее чистой водою; вода скоро просочится, и вкусъ ея горькосолоноватый ясно покажетъ качество почвы. Жирную, тучную землю мы узнаемъ потому, что она, сколько ни мни ее въ рукахъ, не трескается, но какъ смола пристаетъ къ пальцамъ. Влажная почва роститъ слишкомъ высокія травы и сама собою покрывается растительностью, болѣе богатою, чѣмъ слѣдуетъ. О, пусть не показываетъ она мнѣ своего чрезмѣрнаго плодородія, обманывая слишкомъ длинными (но пустыми) колосьями! Тяжелая почва легко узнается по вѣсу, а также и легкая. Очевидно для всякаго, что такое черноземъ, и вообще какой цвѣтъ имѣетъ почва. Но узнать вредныя свойства почвы не всегда бываетъ легко; только смолистыя деревья и тиссы или темный плющъ иногда открываютъ слѣды ея.

Выбравъ мѣсто еще задолго до посадки виноградной лозы, нужно разрыхлить землю и перекопать ее длинными рвами, выставивъ на холодъ переворочённыя глыбы. Самая лучшая почва для винограда-та, которая разрывлена: объ этомъ должны позаботиться вѣтры и изморози, а также неутомимый грабарь. Если же плантаторъ человѣкъ особенно заботливый, то для успѣха дѣла онъ выберетъ одинаковыя мѣста, и гдѣ первые отводки украсятся вѣтвями, и куда впослѣдствіи они будутъ пересажены въ порядкѣ, При этомъ даже обозначаютъ на корѣ страны свѣта, съ тою цѣлію, чтобы возстановить то положеніе, въ какомъ отводки находились прежде относительно юга и сѣвера: такъ много значитъ привычка въ юныхъ саженцахъ. Сначала рѣши, на холмѣ или на равнинѣ лучше тебѣ сажать виноградную лозу. Если изберешь тучную равнину, сади густо: густота не мѣшаетъ плодородію виноградной лозы; если же выберешь холмъ или покатую мѣстность, дѣлай просторные ряды, и при размѣрахъ ихъ соблюдай особенную точность, такъ, чтобы всякій рядъ пересѣкался другимъ рядомъ на совершенно равномъ разстояніи. Размѣщеніе виноградныхъ лозъ сравниваетъ Виргилій съ построеніемъ Римскаго легіона. Такимъ образомъ виноградныя лозы (да и всѣ фруктовыя деревья) обыкновенно сажались въ формѣ quincunx или Римской цифры V, и ряды имѣли слѣдующій видъ:

. . . . .
. . . .
. . . . .

Такая посадка, какъ говоритъ Виргилій, дѣлается не для того, чтобы получить красивыя, прямыя аллеи, но потому главнымъ образомъ, что иначе земля не даетъ всѣмъ саженцахъ одинаковыхъ силъ, и не будетъ свободнаго мѣста для распространенія вѣтвей во всѣ стороны.

Относительно глубины рвовъ должно замѣтить, что виноградныя лозы можно сажать даже въ мелкія борозды; глубже сажается дерево, особенно дубъ, который также глубоко сидитъ въ землѣ, какъ высоко поднимается къ небу. Поэтому его не вырвутъ ни непогоды, ни вѣтры, ни дожди. Онъ стоитъ неподвижно, переживая внуковъ и многія поколѣнія людей и, простирая во всѣ стороны свои сильныя и длинныя вѣтви, сохраняетъ въ серединѣ непроницаемую, густую тѣнь.

Не сажай виноградныхъ лозъ на мѣстѣ, открытомъ къ западу, и не сажай между ними лѣснаго орѣха; не бери для посадки самыхъ верхнихъ побѣговъ (такъ велика у растеній любовь къ землѣ!); не срѣзывай саженцевъ тупымъ ножемъ и не прививай маслину на дичкахъ, потому что, въ случаѣ пожара, по обрѣзкѣ сгорѣвшаго ствола, поднимется съ своими горькими листьями безплодная дикая маслина.

Не слушай также мудраго совѣта сажать виноградъ въ окоченѣвшую землю, когда дуетъ Борей, и зима сковываетъ ее морозомъ, не дозволяя оцѣпенѣлому корню прикрѣпиться къ землѣ. Самое лучшее время для посадки виноградныхъ лозъ—когда весною появляется бѣлоснѣжная птица, ненавистная длиннымъ змѣямъ, или около первыхъ изморозей осени, когда горячее солнце еще не коснулось своею колесницей созвѣздій зимы, а лѣто уже прошло. Весна еще болѣе полезна для посадки деревьевъ. Слѣдуетъ эпизодъ съ описаніемъ весны и животворнаго вліянія ея на растительность.

Затѣмъ Виргилій продолжаетъ. Посадивъ прутики, обсыпь ихъ жирнымъ навозомъ, и не забудь прикрыть ихъ достаточнымъ слоемъ земли, зарой туда или пористый камень или шероховатыя раковины, чтобы легче просачивалась вода, и проникалъ воздухъ. Нѣкоторые совѣтуютъ также класть сверху камни и черепки: это можетъ послужить защитою отъ проливныхъ дождей и отъ жгучаго солнца въ серединѣ лѣта. Посадивши саженцы, остается почаще разрыхлять землю, дѣйствуя крѣпкой мотыкой, или перепахивая ее плугомъ; затѣмъ нужно поставить тростинки и тычки облупленной вѣтки, ясеневыя колья и крѣпкія вилы, съ помощью которыхъ могли бы виноградныя лозы подниматься вверхъ, презирать вѣтры и постепенно ползти шпалерами къ верхушкамъ вязовъ (*).

(*) Римляне сажали виноградныя лозы около вязовъ, для того чтобы онѣ вились вокругъ этихъ деревьевъ.

Но пока виноградная лоза не окрѣпла, должно съ нею обходиться бережно, и пока она быстро гонитъ вверхъ свои вѣтви, еще нельзя ее обрѣзывать, но нужно сосчипывать отпрыски пальцами, и то съ разборомъ. Когда же она, обхвативъ сильными побѣгами вязы, поднимется далеко въ высоту, тогда уже обрѣзывай верхніе побѣги, тогда укорачивай боковые (до того же времени она боится желѣза), тогда только покажи свою власть, обуздывая разростающіяся во всѣ стороны вѣтви.

Необходимо также огородить плантацію, защитивъ ее отъ скота, особенно пока лозы еще не окрѣпли. Имъ вредятъ кромѣ суровыхъ зимъ и жгучихъ лучей солнца лѣсные буйволы и шкодливыя козы; ихъ объѣдаютъ озцы и жадныя телки; и не столько вреда приноситъ имъ излишній холодъ или жаръ, сколько стада, дѣлая раны на стволѣ своими ядовитыми зубами. Поэтому-то повсюду закалывается въ честь Вакха козелъ, и эти жертвоприношенія сопровождаются сценическими играми.

Упомянувъ о сценическихъ играхъ въ Греціи, изъ которыхъ произошла трагедія и комедія, и описавъ ихъ нѣсколько подробнѣе у жителей Италіи, Виргилій говоритъ далѣе объ уходѣ за виноградною лозою. Труды винограда ря никогда не прекращаются, потому что необходимо три или четыре раза перекапывать всю почву, постоянно разбивать комья земли мотыками и обрѣзывать вѣтви. Труды эти продолжаются въ теченіи цѣлаго года, періодически повторяясь изъ года въ годъ. Уже тогда, когда упадутъ послѣднія листья съ лозъ, и холодный вѣтеръ сорветъ съ деревьевъ ихъ украшеніе, уже тогда заботливый поселянинъ начинаетъ думать о будущемъ годѣ, дѣлая правильную обрѣзку обнаженной лозы. Первымъ копай землю, первымъ сжигай свозимые во дворъ прутья и сноси колья подъ крышу,—послѣднимъ производи сборъ винограда.

Дважды возобновляется на лозахъ тѣнь отъ листьевъ, дважды заростаетъ плантація густымъ бурьяномъ; тяжелъ тотъ и другой трудъ: хвали большія плантаціи, воздѣлывай малую. Нужно еще наготовить тростника и прутьевъ иглицы и ивы для привязыванія вѣтвей виноградной лозы.

Но вотъ уже перевязаны лозы, уже онѣ не требуютъ серпа, уже раздается пѣсня виноградаря въ послѣднемъ ряду лозъ, но все таки необходимо тревожить землю и поднимать пыль, разбивая комья. И даже послѣ всѣхъ заботъ и хлопотъ уже зрѣлый виноградъ можетъ быть уничтоженъ дождемъ и градомъ.

Напротивъ маслина не требуетъ никакого ухода и не нуждается ни въ кривомъ серпѣ, ни въ цѣпкой мотыкѣ, какъ только однажды укрѣпилась она на поляхъ и перенесла перемѣны температуры; сама земля, какъ скоро взрываютъ ее кривымъ зубомъ плуга, доставляетъ саженцамъ достаточную влагу, а впослѣдствіи и полновѣсные плоды. Поэтому разводи жирную и пріятную Миру маслину.

Также и прочія фруктовыя деревья, какъ только онѣ пріобрѣли крѣпкій стволъ и силу, быстро сами собою поднимаются вверхъ, не нуждаясь въ нашей помощи. Равнымъ образомъ безъ всякой заботы съ нашей стороны обременяются плодами и другія деревья, и краснѣютъ кровавыми ягодами дикія чащи, даже цитизы даютъ намъ листья для корма скота, а высокія сосны лучину для освѣщенія въ ночное время. И не смотря на то люди еще колеблются разводить деревья и ухаживать за ними! Къ чему говорить о большихъ деревьяхъ? Ивы и низкорослые дроки и тѣ доставляютъ или листья скоту, или тѣнь пастухамъ, а также огорожу для плантацій и кормъ для пчелъ. А какъ пріятно смотрѣть на рощи, волнующіяся букомъ и сосною, не требующія ни мотыки, ни другого ухода со стороны человѣка. Даже безплодные лѣса на вершинахъ Кавказа, которые ломаются и разносятся буйными вѣтрами, доставляютъ пользу: сосны даютъ необходимый матеріалъ для кораблей, кедры и кипарисы—для домовъ. Изъ нихъ добываютъ земледѣльцы спицы для колесъ; изъ нихъ дѣлаютъ колеса для телѣгъ и кривое дно для судовъ. Ивы обильны прутьями, вязы листьями, а миртъ годенъ для крѣпкихъ ратовищъ, деренъ для стрѣлъ, тиссы сгибаются въ отличные луки. А развѣ легковѣсная липа или поддающійся рѣзцу букъ не принимаютъ желанной формы и не долбятся острымъ желѣзомъ, а мягкая ольха, пущенная на рѣку, развѣ не плаваетъ по стремительнымъ ея волнамъ? Да и пчелы устраиваютъ свои рои въ полой корѣ и въ пнѣ сгнившаго дуба. Такую ли пользу приносятъ дары Вакха?—Вино подавало иногда поводъ даже къ преступленіямъ. Вспомнимъ только Центавровъ Рея, Фала и Гилея, которыхъ вино довело до ссоры съ Лапиѳами и погубило въ борьбѣ съ Геракломъ.

Этимъ оканчивается дидактическая часть второй пѣсни Георгикъ. Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ, въ которомъ Виргилій рисуетъ картину счастливой жизни земледѣльца. Сначала онъ представляетъ мирныя удовольствія сельской жизни въ параллель съ шумомъ, блескомъ и роскошью города. Затѣмъ говоритъ о своихъ личныхъ симпатіяхъ—о любви къ наукамъ и искусству. Но если бы, продолжаетъ онъ, природа отказала мнѣ

въ этихъ высокихъ удовольствіяхъ, то я желалъ бы безславно проводить жизнь среди полей, лѣсовъ, рѣкъ и студеныхъ источниковъ долинъ. Счастливъ тотъ, кто можетъ изслѣдовать причины вещей и освободиться отъ суевѣрнаго страха преисподней, но блаженъ и тотъ, кто познал сельскихъ боговъ—Пана, старика Сильвана и сестеръ Нимфъ. Его не соблазнитъ блескъ политической жизни, соединенный часто съ преступленіемъ и всегда съ лихорадочнымъ безпокойствомъ. Въ параллель съ этой жизнію Виргилій снова рисуетъ картину спокойнаго труда, довольства, тихихъ семейныхъ радостей и увеселеній земледѣльца. Этою жизнію, говоритъ онъ, жили древніе Сабиняне и Ремъ съ братомъ. Она возвеличила Этрурію и Римъ, она же была удѣломъ человѣчества и въ вѣкъ Сатурна, когда еще не слышно было звуковъ военной трубы, и не выковывались мечи на твердыхъ наковальняхъ.

Виргилій оканчиваетъ эту пѣсню слѣдующимъ двустишіемъ:

Sed nos immensum spatiis confecimus aequor,

Et jam tempus equum fumania solvere colla. (*)

Изъ приведеннаго содержанія второй пѣсни Георгикъ мы видимъ, что Виргилій коснулся въ ней всѣхъ существенныхъ вопросовъ, какіе могутъ представиться сельскому хозяину при разведеніи деревьевъ и кустарниковъ. Сказавъ о происхожденіи деревьевъ естественномъ и искусственномъ, а также о способахъ размноженія деревьевъ дикихъ и облагороживанія этихъ послѣднихъ, онъ перечисляетъ различные виды деревьевъ и описываетъ различные извѣстнѣйшіе въ древности сорта виноградной лозы. Такъ какъ разнообразіе это зависитъ не только отъ климата, но и отъ почвы, то Виргилій, имѣя въ виду практическую пользу, обращаетъ особенное вниманіе на то, какая почва къ чему пригодна, и какъ распознавать различные виды почвы. Затѣмъ Виргилій говоритъ о посадкѣ виноградной лозы и деревьевъ и объ уходѣ за ними, давая при этомъ весьма практическіе совѣты и дѣлая весьма полезныя наставленія. Такимъ образомъ и эта пѣсня Георгикъ доказываетъ, что Виргилій близко изучилъ свой предметъ и теоретически, и практически, и что познанія древнихъ и въ этой области сельскаго хозяйства были довольно обширны и основательны. Но какія бы достоинства не имѣло

(*) Но мы совершили огромный путь, и пора уже дать отдыхъ усталымъ конямъ.

внутреннее содержаніе поэтическаго произведенія, главная сила его въ способѣ выраженія. Языкъ поэзіи долженъ дѣйствовать главнымъ образомъ на воображеніе и чувство читателя. Для такого дѣйствія необходимо, чтобы поэтъ прежде всего съ искреннею любовью относился къ предмету своего пѣснопѣнія. Этою горячею любовью къ сельской природѣ проникнутъ вполнѣ Виргилій. Для него природа не представляется мертвою матеріею, но живымъ существомъ. Отсюда такое богатство метафоръ и вообще образныхъ выраженій, разсѣянныхъ во всей пѣсни и особенно въ эпизодахъ о веснѣ, о достоинствахъ родной Италіи и прелестяхъ сельской жизни. Когда читаешь изображеніе весны, кажется, какъ будто чувствуешь легкое вѣяніе ея. Хвалы, воздаваемыя поэтомъ Италіи, далеки отъ холоднаго реторизма, напротивъ, онѣ проникнуты горячимъ чуствомъ любви поэта къ своей родинѣ. Даже вовсе не зная біографіи Виргилія, изъ одной этой пѣсни можно съ увѣренностью заключить, что онъ испыталъ много страданій, глядя на развращенные нравы *вѣчнаго города,* и что истинное успокоеніе души находилъ только среди вдохновенныхъ занятій поэзіей и наукою и среди сельской природы. Съ какимъ искусствомъ выражены всѣ эти чувства и мысли въ поэтическомъ словѣ, можно только узнать изъ самаго подлинника. Даже самое точное изложеніе дидактической части поэмы не можетъ передать и тѣни того впечатлѣнія, которое производитъ подлинникъ. Есть еще и другая причина, почему лучшія мѣста этой пѣсни не могутъ быть приведены здѣсь ни въ подлинникѣ, ни въ переводѣ: они требуютъ обширнаго коментарія, безъ котораго не понятна прелесть ихъ, и не вполнѣ ясенъ даже смыслъ. Поэтому мы совѣтуемъ читателю при чтеніи Георгикъ Виргилія въ подлинникѣ справляться съ коментаріемъ лучшаго изъ новѣйшихъ изданій нашего поэта, изданія Бенуа. (*)

Предметомъ третьей пѣсни Георгикъ служитъ скотоводство, находящееся подъ покровительствомъ Палеи, Аполлона и Пана. Другіе сюжеты поэзіи, говоритъ Виргилій, обработкою которыхъ занимались многіе поэты, утратили интересъ, поэтому я попытаюсь инымъ путемъ возвыситься надъ толпою. Этимъ родомъ поэзіи я надѣюсь прославить свое отечество Италію и свой родной городъ Мантую. Здѣсь я построю храмъ Цезарю (Октавіану) и при его посвященіи устрою цирковыя и сценическія игры. На дверяхъ храма будутъ рельефныя изображенія по-

(*) Oeuvres de Virgile par E. Benoist. 1876 г.

бѣдъ Октавіана, внутри храма помѣщу статуи, представляющія его Троянскихъ предковъ, и картину, изображающую низверженную въ адъ зависть (виновницу междуусобныхъ войнъ). Но пока это случится, займемся нашимъ сюжетомъ, который выбранъ мною по твоему настоянію, о Меценатъ! безъ тебя не паритъ моя фантазія. Но пора приступить къ дѣлу. Уже я слышу блеянье стадъ съ богатой скотомъ Беотійской горы Киѳерона, лай псовъ съ Лаконской лѣсистой горы Тайгета и ржаніе коней изъ Арголидскаго Епидавра. Вскорѣ впрочемъ я воспою подвиги Октавіана и прославлю имя его на вѣчныя времена.

Это вступленіе звучитъ эпическимъ тономъ и служитъ какъ бы предвѣстіемъ того, что скоро изъ устъ Виргилія польются иныя рѣчи, иные звуки. Оно напоминаетъ намъ обѣщаніе нашего поэта Гоголя вскорѣ заговорить другимъ, болѣе возвышеннымъ языкомъ и представить идеальную сторону Русской жизни. Къ сожалѣнію обѣщанію Гоголя не суждено было исполниться, Виргилій же дѣйствительно оставилъ потомству поэму, въ которой представлены идеальныя черты характера Римскаго народа.

Въ этомъ вступленіи нельзя не замѣтить также глубокой вѣры Виргилія въ свой поэтическій геній

Temptanda via est, quae me quoque possim
Tollere humo victorque virum volitare per ora (*)..

и той скромности поэта, съ которой онъ говоритъ о своей будущей славѣ, посвящая храмъ своей славы Августу.

In medio mihi Caesar erit templumque tenebit (**).

Скромное сознаніе своей будущей славы поэтъ представилъ въ художественныхъ образахъ. Онъ рисуетъ яркую картину своего торжества, заимствуя образы изъ Греческой миѳологіи, изъ дорогихъ воспоминаній о своей родной Мантуѣ, (***) и изъ священныхъ преданій и историческихъ

(*) Отважусь въ новый путь, и, славой окрыленный,
Промчусь изъ устъ въ уста и въ роды отдаленны. Раичъ.

(**) Посрединѣ будетъ у меня Цезарь (статуя), и онъ будетъ обладать храмомъ.

(***) Et viridi in campo templum de marmore ponam
Propter aquam, tardis ingens ubi flexibus errat
Mincius et tenera praetexit arundine ripas.
(И на зеленомъ лугу воздвигну возлѣ рѣки храмъ изъ мрамора, гдѣ извивается широкій Минцій (рѣка) и покрываетъ берега гибкимъ тростникомъ)

фактовъ Римскаго государства. Съ величайшимъ искусствомъ пользуется Виргилій послѣдними, чтобы прославить Августа, и, возвращаясь къ предмету своей пѣсни, обращается къ Меценату, какъ главному виновнику и вдохновителю Георгикъ. Поэтическій экстазъ, вызванный сознаніемъ будущей славы, не вдругъ покидаетъ Виргилія, и вотъ ему чудится блеянье стадъ, лай охотничьихъ собакъ, ржаніе коней и эхо лѣсовъ, повторяющее эти звуки, призывающіе его къ задуманному пѣснопѣнію; при этомъ все таки ему слышится и внутренній голосъ, который увѣряетъ поэта, что онъ спос обенъ создать нѣчто болѣе высокое—прославить дѣянія своего великаго народа.

Послѣ выспренняго паренія фантазіи Виргилій приступаетъ къ изложенію предмета третьей пѣсни въ спокойномъ дидактическомъ тонѣ. „Прежде всего, говоритъ онъ, и любитель лошадей, и любитель рогатаго скота долженъ позаботиться о выборѣ матокъ, обращая все свое вниманіе на ихъ тѣлосложеніе. Самая лучшая въ этомъ отношеніи корова должна имѣтъ свирѣпый видъ, безобразную голову, толстую шею съ висящимъ отъ подбородка до самыхъ голеней подгрудкомъ; затѣмъ у ней несоразмѣрно длинные бока, и все въ большихъ размѣрахъ, даже ноги; а подъ крутыми, загнутыми назадъ рогами, мохнатыя уши. На мой вкусъ лучше также, если она съ бѣлыми пятнами, противится ярму, иногда бодается, и по виду похожа на быка; если она высокаго роста и, выступая, бороздитъ слѣдъ хвостомъ“. При этомъ необходимо замѣтить, что Виргилій описываетъ только корову, наиболѣе годную для крупнаго, здороваго приплода, который предназначается для плуга и на убой, а не молочную корову, такъ какъ молочные продукты у древнихъ не имѣли того значенія, какое они имѣютъ у насъ. Къ этому описанію Виргилій присоединяетъ еще замѣчаніе о возрастѣ, въ какомъ наиболѣе пригоденъ рогатый скотъ и для приплода, и для плуга Такимъ возрастомъ онъ считаетъ время отъ 4 до 10 лѣтъ, и совѣтуетъ ежегодно подновлять стадо новымъ поколѣніемъ. Столь же тщательный подборъ долженъ быть относительно лошадей. „Уже съ самаго юнаго возраста нужно ухаживать за жеребенкомъ, котораго ты намѣтилъ оставить для завода Сейчасъ можно замѣтить благородную породу: онъ горделиво выступаетъ по полю и едва касается гибкими ногами земли. Онъ первый смѣло пролагаетъ дорогу, пускается черезъ грозные потоки, ввѣряетъ себя незнакомому мосту и не пугается пустаго шума. У него крутая шея, красивая голова, короткое брюхо, толстый задъ и широкая мускулистая грудь. Благородною мастью считается гнѣдая и сѣрая, самою

дурною—бѣловатая и пепельная. Если такой конь только издали заслышитъ звукъ оружія, онъ не въ силахъ спокойно стоять на мѣстѣ, прядетъ ушами, дрожитъ, ржетъ и пышетъ изъ ноздрей огнемъ. У него густая грива, которая вздымаясь лежитъ на правомъ плечѣ, а хребетъ толстъ и раздваивается на крестцѣ, онъ роетъ землю и глухо звучитъ его цѣльное роговое копыто".

Сдѣлавъ мастерское изображеніе типа породистой коровы и жеребца, Виргилій переходитъ къ практическимъ совѣтамъ. Такъ какъ лѣта имѣютъ большое вліяніе на годность жеребца для завода, то Виргилій совѣтуетъ прежде всего точно отмѣчать себѣ возрастъ жеребца и его энергію, затѣмъ другія качества, а также какихъ родителей онъ потомокъ, какія одержалъ побѣды и какія понесъ пораженія, и выбирать только такихъ для завода, которые отличаются молодостью, огнемъ и быстрымъ бѣгомъ.

Упомянувъ о пораженіяхъ и побѣдахъ, поэтъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы представить картину бѣга колесницъ въ циркѣ. „Развѣ не видишь, какъ въ стремительномъ состязаніи заняли колесницы арену и несутся выпущенныя изъ загородокъ, какъ возбуждены надежды юношей и задорный страхъ снѣдаетъ ихъ готовыя выпрыгнуть изъ груди сердца. Они стоятъ, погоняя скрученнымъ бичемъ, и наклонившись ослабляютъ возжи; летитъ стремительно горячая ось; вотъ кажется, будто они припали къ землѣ, вотъ будто поднялись вверхъ—летятъ по легкому воздуху, несутся къ небесамъ; ни остановки, ни отдыха; тотчасъ поднимается облако желтой пыли; они покрываются пѣною и паромъ слѣдующихъ за ними: такова любовь къ славѣ, такъ дорога ихъ сердцу побѣда". (*)

(*) Nonne vides, cum praecipiti certamine campum
Carripuere ruuntque effusi carcere currus,
Cum spes arrectae juvenum, exsultantiaque haurit
Corda pavor pulsans? Illi instaut verbere torto
Et proni daut lora; volat vi fervidus axis;
Jamque humiles, jamque elati sublime videntur
Aëra per vacuum ferri, atque adsurgere iu auras;
Nec mora, nec requies; at fulvae nimbus arenae
Tollitur; humescunt spumis flatuque sequeutum:
Tantus amor laudum, tautae est victoria carae.

Считаемъ нужнымъ привести здѣсь и переводъ Раича, такъ какъ переводъ этотъ довольно близокъ и довольно вѣрно передаетъ впечатлѣніе подлинника:

Только поэтъ древняго классическаго міра, выросшій среди ристалищъ Греціи или Рима, можетъ относиться къ нимъ съ такимъ увлеченіемъ, и потому—изобразить ихъ съ такою рельефностью, какъ это сдѣлали Виргилій и Гомеръ. (*)

Другой совѣтъ Виргилія относится къ лошадиной и бычьей породѣ вмѣстѣ. Онъ рекомендуетъ какъ жеребца, такъ и быка, оставленныхъ для завода, кормить хорошо, напротивъ кобылицъ и коровъ передъ случкою истощать голодомъ и жаждою, даже томить ихъ бѣгомъ и солнечнымъ жаромъ. Послѣ этого, въ свою очередь, начинается холя матокъ. Когда ожидаютъ отъ нихъ въ скоромъ времени потомства, тогда ихъ не слѣдуетъ запрягать въ тяжелыя телѣги, заставлять скоро бѣгать и переплывать быстрые потоки. Для нихъ нужно выбирать богатое пастбище вблизи ключевой воды и защищенное отъ солнечнаго жара. Для того же, чтобы уберечь матокъ отъ овода, слѣдуетъ выгонять ихъ на пастбище только раннимъ утромъ и позднимъ вечеромъ. Затѣмъ заботу переносятъ на юное поколѣніе. Тотчасъ кладутъ клеймо съ обозначеніемъ породы и отмѣчаютъ тѣхъ телятъ, которые предназначаются или для завода, или для жертвоприношенія, или для плуга. Тѣхъ, которые выкармливаются для полевыхъ работъ, подготовляютъ къ этому мало по

Отверзли гипподромъ,—сто быстрыхъ колесницъ,
Исторгшись изъ забралъ по манію возницъ,
Стекаются, шумятъ, за пальмою несутся;
Сердца младыхъ вождей надеждою біются,
И страхомъ зыблются, и жаромъ грудь кипитъ;
По ребрамъ ихъ коней извитый бичъ свиститъ,
Ослабленны бразды струятся надъ хребтами,
Отъ пламенныхъ осей бьетъ сизый паръ волнами;
Едва касаяся копытами земли,
Напрягшись, борзые, то долу прилегли,
То вдругъ поднялись вверхъ на крыліяхъ Зефира
Несутся въ пустотѣ бездоннаго эѳира,
И пышутъ, и дрожатъ, и съ ребръ клубится дымъ,
И облакомъ песокъ взвивается златымъ,
На побѣдителяхъ отъ побѣжденныхъ пѣна.
Такъ слава имъ мила, такъ пальма драгоцѣнна!
(*) см. Иліада, п. XXIII, 362—381 и 500—507.

малу, и притомъ съ самаго юнаго возраста. „Сначала надѣнь на шеи телятъ просторные ошейники изъ тонкихъ прутьевъ, затѣмъ соединяй одного роста попарно, связывая ихъ за ошейники, и заставляй ходить ихъ ровнымъ шагомъ; тогда уже можно впрягать бычковъ въ пустыя телѣги, и только послѣ этого заставляй ихъ возить тяжести. Между тѣмъ телятъ нужно кормить хорошо, не жалѣя иногда для нихъ и молодыхъ хлѣбныхъ растеній; да и молока не собирай по обычаю предковъ въ бѣлоснѣжные подойники, а все отдавай телятамъ."

Что касается жеребенка, то его нужно пріучать съ самаго юнаго возраста къ боевому шуму, къ звукамъ военной трубы, къ скрипу колесъ и бряцанью удилъ. Затѣмъ онъ долженъ радоваться, когда хозяинъ хвалитъ его или треплетъ по шеѣ, и охотно отдавать свои уста мягкому недоуздку. Но какъ скоро наступитъ четвертое лѣто, его начинаютъ обучать различнымъ алюрамъ и упражняютъ въ быстромъ бѣгѣ. Прекрасное сравненіе этого бѣга съ Аквилономъ, быстро несущимся по морямъ и полямъ. Такой только конь годенъ для гипподрома или для военной колесницы. Объѣздивъ коня, тогда только можно дозволить ему быть въ тѣлѣ; если же прежде сытно кормить его, то онъ сдѣлается неукротимымъ и откажется сносить удары гибкаго хлыста и повиноваться жесткому мундштуку.

Но ничто не способствуетъ столько укрѣпленію силъ быковъ и жеребцовъ, какъ удаленіе ихъ отъ преждевременныхъ удовольствій любви. Поэтому ихъ нужно до времени держать вдали отъ самокъ. Слѣдуетъ прекрасное описаніе боя быковъ—соперниковъ изъ за телки, и за тѣмъ сравненіе разъяреннаго быка съ морскою волною, которая, начинаясь далеко въ морѣ, растетъ по мѣрѣ приближенія къ берегу, и ударяясь о берегъ кипитъ, пѣнится и высоко подбрасываетъ поднятый съ глубины моря черный илъ. Въ этомъ описаніи замѣчается вмѣстѣ съ художественностью изображенія тонкая наблюдательность Виргилія. Онъ является здѣсь не только художникомъ—живописцемъ, но и тонкимъ наблюдателемъ природы, горячо ее любящимъ и изображающимъ ее съ поразительною до мельчайшихъ подробностей вѣрностью.

Страстность быковъ подаетъ поводъ Виргилію сказать вообще о силѣ половой любви у другихъ животныхъ и у самого человѣка. При этомъ Виргилій пользуется разсказами другихъ наблюдателей, изображеніями поэтовъ и даже народною молвою. При всей щекотливости подобнаго сюжета Виргилій съ особеннымъ искусствомъ съумѣлъ избѣжать всего, что могло бы оскорбить нравственное чувство читателя.

Затѣмъ онъ переходитъ къ трактату о мелкомъ скотѣ.

Прежде всего нужно позаботиться, чтобы овцы, пока возвратится обильное травою и листьями лѣто, имѣли мягкое стойло, застланное соломою и вязанками папоротника, иначе нѣжному скоту повредитъ холодная изморозь, отъ которой бываетъ у него короста и отвратительные нарывы у копытъ. Далѣе, необходимо давать козамъ въ достаточномъ количествѣ зеленые прутья дикой вишни и свѣжую воду, а также держать ихъ зимою въ защищенныхъ отъ вѣтра хлѣвахъ съ открытою стороною только къ полудню. Козы тоже заслуживаютъ не меньшей заботы, такъ какъ онѣ приносятъ намъ не менѣе выгоды, чѣмъ и овцы. Онѣ болѣе плодливы и больше даютъ молока. Кромѣ того шерсть ихъ идетъ на потребу воинамъ и бѣднымъ мореходамъ. Пасутся же онѣ по лѣсамъ и на вершинахъ горъ, довольствуясь щетинистою ежевикой и колючимъ терновникомъ, и сами возвращаются домой, ведя за собою свое потомство, едва переступая черезъ порогъ подъ бременемъ полнаго вымени.

„Итакъ, чѣмъ меньше онѣ нуждаются въ людскомъ попеченіи, тѣмъ съ большимъ стараніемъ защищай ихъ отъ мороза и снѣжныхъ вѣтровъ, приноси имъ вволю прутьевъ и во всю зиму не запирай своего сѣновала. Но когда веселое лѣто, улыбаясь привѣтствію зефировъ, пригласитъ стада въ заросли и на пастбища, спѣшите, пастыри, на прохладныя поля съ первымъ появленіемъ утренней звѣзды, когда только что занимается заря, когда еще бѣлѣютъ пажити, и нѣжная трава покрыта пріятнѣйшею для скота росою. Потомъ, какъ скоро начнется жара, и кузнечики огласятъ своимъ монотоннымъ пѣніемъ кустарники, прикажи непремѣнно гнать стадо къ колодцамъ или къ глубокимъ прудамъ, чтобы напоить ихъ чистою водою изъ дубовыхъ корытъ. Но въ полуденный зной ищи тѣнистой долины, гдѣ громадный старый дубъ во всѣ стороны протягиваетъ свои безпредѣльныя вѣтви, или гдѣ густая темная роща бросаетъ таинственную тѣнь; снова дай чистой воды и паси снова до захода солнца, когда прохладный вечеръ умѣритъ воздухъ и росистая луна уже снова начнетъ растить траву на пастбищахъ, когда морской берегъ огласится крикомъ гальціоны, а терновники чириканьемъ щегловъ."

Мы привели это мѣсто почти въ дословномъ переводѣ, чтобы дать почувствовать читателю всю изящную простоту и прелесть Виргиліевой поэзіи. Невольно переносишься въ эту сельскую жизнь, полную спокойствія и тихой радости, и переживаешь тѣ отрадныя минуты, когда нѣтъ

на душѣ никакой тревоги, и ты весь погруженъ въ созерцаніе кроткой природы.

Послѣ небольшихъ эпизодовъ о пастушеской жизни въ безпредѣльныхъ степяхъ знойной Ливіи и о содержаніи скота въ холодной Скиѳіи, гдѣ царствуетъ почти круглый годъ зима, Виргилій возвращается къ прежнему предмету, т. е. къ мелкому скоту, и сначала говоритъ объ овцахъ, потомъ о козахъ. Имѣя въ виду добываніе хорошей шерсти, нужно заботиться, чтобы на пастбищахъ не было колючихъ кустарниковъ, а также терній и волчцевъ, и чтобы пастбища не отличались богатою растительностью. Необходимо также дѣлать подборъ стада, оставляя только бѣлыхъ тонкорунныхъ овецъ. А баранъ долженъ быть не только безукоризненно бѣлаго цвѣта, но вмѣстѣ съ тѣмъ у него не должно быть даже чернаго языка, иначе его потомство можетъ оказаться съ черными пятнами. Кто же хлопочетъ о молокѣ, тотъ долженъ вволю давать козамъ медунки и донника, а также другихъ травъ, каждый разъ пересыпая ихъ солью. Отъ этого козы много пьютъ и растягиваютъ свое вымя. Да и самое молоко получаетъ болѣе пріятный, отчасти солоноватый вкусъ. Многіе также не допускаютъ козлятъ къ маткамъ уже тотчасъ послѣ рожденія, надѣвая на ихъ морду оброть съ желѣзными иглами. Обыкновенно молоко, выдоенное на зарѣ и днемъ, ночью кладутъ подъ прессъ, а то, которое выдоено въ сумерки и ночью, на зарѣ отвозятъ на продажу въ городъ; творогъ же, приправивъ умѣренно солью, оставляютъ на зиму.

Не послѣднею заботою должны быть для сельскаго хозяина и собаки; слѣдуетъ держать какъ охотничьихъ собакъ, такъ и овчарокъ, кормя ихъ жирной сывороткой. При такихъ сторожахъ не придется бояться ни ночнаго вора въ стойлахъ, ни набѣга волка, ни разбойниковъ. Часто также съ ними можно охотиться за робкими зайцами, дикими козами и громаднымъ оленемъ.

Полезно также курить въ стойлахъ, сожигая кедръ и пахучую смолу, запаха которыхъ не любятъ змѣи. Необходимо заботиться о чистотѣ и опрятности хлѣва, чтобы въ нечистотѣ не заводились змѣи, вредныя для скота. Нужно стараться истреблять ихъ всѣми средствами.

Описаніе нѣкоторыхъ вредныхъ змѣй, водящихся въ Италіи, не только отличается картиннымъ реализмомъ, но и проникнуто такимъ чувствомъ омерзенія и ненависти къ нимъ, какъ къ нарушителямъ спокойствія и счастья сельской - жизни, что нельзя не признать въ авторѣ тонкаго очевидца — наблюдателя и вмѣстѣ художника—

реалиста, способнаго живо передать непосредственное чувство данной минуты. (*)

Затѣмъ Виргилій говоритъ о причинахъ появленія коросты на овцахъ и о средствахъ противъ нея. Короста, по словамъ Виргилія, нападаетъ на овецъ, когда холодный дождь и иней проникнутъ до самаго ихъ тѣла, или когда у стриженныхъ овецъ не обмываютъ пота, и онѣ поранятъ себя колючимъ терновникомъ. Поэтому необходимо купать овецъ и намазывать тѣло ихъ отстоемъ деревяннаго масла, примѣшивая къ нему свинцовую окись, натуральную сѣру, смолу съ горы Иды, жирный воскъ, морской лукъ, вонючую чемерицу и черный асфальтъ. Но лучшее средство противъ болѣзни—это вскрыть нарывъ ножемъ. При безпечности же хозяина болѣзнь растетъ, охватываетъ весь организмъ и истощаетъ его страшнымъ внутреннимъ жаромъ. Впрочемъ уничтожить этотъ жаръ удавалось посредствомъ кровопусканія изъ ноги. Но если замѣтишь вообще, что овца очень часто ищетъ тѣни, лѣниво сощипываетъ только верхушки травы, послѣднею тащится въ стадѣ во время пастбы, лежитъ на полѣ и не пасется позднимъ вечеромъ со стадомъ, тотчасъ смертью ея прекрати заразу, прежде чѣмъ послѣдняя охватитъ все стадо. Эта болѣзнь губитъ не по одиночкѣ, но истребляетъ цѣлыя стада, все потомство, всю породу. Доказательствомъ тому могутъ служить Норикъ и Иллирикъ, (**) которыя, вѣроятно, еще на памяти Виргилія пострадали отъ эпизоотіи. Описаніемъ этого страшнаго бѣдствія Виргилій оканчиваетъ III пѣсню Георгикъ. Описаніе отличается конкретностью, живостью и искреннимъ чувствомъ состраданія къ несчастнымъ животнымъ. Не можемъ удержаться, чтобы не познакомить читателя съ этимъ эпизодомъ хотя въ общихъ чертахъ и не привести изъ него нѣкоторыхъ выдающихся мѣстъ.

Причиною чумы Виргилій считаетъ необыкновенно жаркую осень. Такая погода имѣла зловредное дѣйствіе на воды и пастбища и сдѣлала ихъ гибельными для животныхъ. Болѣзнь состояла въ страшномъ, истощающемъ жарѣ, вслѣдствіе котораго въ тѣлѣ животнаго являлось потомъ обиліе мокротъ, въ которыя переходили даже кости. Часто жертвенное животное до закланія вдругъ падало и издыхало. „Гибнутъ телята, не смотря на богатыя пастбища, и при наполненныхъ кормомъ ясляхъ; бѣсятся собаки, свиней мучитъ кашель и душатъ нарывы въ

(*) ст. 420—440.

(**) Нынѣшній Зальцбургъ, Штирія и Каринтія.

глоткѣ. Падаетъ побѣдоносный конь, забывая свою ретивость, кормъ и пойло, и часто ударяя копытомъ о землю.“ Сначала потъ, жаръ и сухость кожи, затѣмъ пылающіе глаза, глубокое, трудное дыханіе, сопровождаемое стономъ и хрипѣньемъ, черная кровь изъ ноздрей и жесткій языкъ въ опухшей глоткѣ. На первыхъ порахъ какъ будто помогало вливанье въ горло вина, но послѣдствія такого леченія были еще хуже: конь впадалъ въ бѣшенство и самъ предъ мучительною смертью терзалъ свои члены оскаленными зубами. „Вотъ падаетъ, дымясь отъ испареній быкъ, запряженный въ плугъ, и испускаетъ послѣдній вздохъ. Идетъ унылый пахарь, отпрегши опечаленнаго братнею смертью товарища, и, не окончивъ работы, бросаетъ врѣзавшійся въ землю плугъ. Не радуютъ скота ни луга, ни тѣнь лѣсовъ, ни ручьи, катящіе по камнямъ свои чистыя какъ серебро воды; обвисло тѣло, глаза неподвижны и тусклы, склонилась къ землѣ отяжелѣвшая выя. Что помогутъ ему его прежніе труды и заслуги? Какая польза ему, что онъ плугомъ бороздилъ тяжелую землю? Но и не дары Вакха или изысканныя яства повредили ему: питается онъ простыми листьями и травою, пьетъ онъ чистую воду изъ источниковъ и рѣкъ, и забота не тревожитъ его здороваго сна.“ Опустошеніе было столь велико, что явился недостатокъ въ рогатомъ скотѣ для религіозныхъ цѣлей; пришлось людямъ самимъ съ трудомъ зарывать сѣмена собственными пальцами, царапать граблями землю и, напрягши выи, тащить на высокія горы скрыпучія телѣги. Моръ распространился и между другими животными, даже рыбы, птицы и гады не избѣжали общей участи. Не помогаютъ никакія средства. Скотъ падаетъ массами, и люди не могутъ пользоваться отъ него ни мясомъ, ни кожею, ни шерстью. А если кто надѣвалъ такую зараженную одежду, то тотчасъ на тѣлѣ его появлялись жгучіе нарывы и вонючій потъ, и онъ вскорѣ погибалъ отъ *антонова огня*.

Окончивъ описаніе этой эпизоотіи, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что Виргилій такъ долго останавливается на ней не потому только, что придаетъ ей важное значеніе въ отношеніи къ человѣку, но также изъ чистаго чувства сострадательности ко всему живому и слѣд. искренней любви къ природѣ вообще. Хотя жизнь человѣка своими внѣшними нитями такъ тѣсно связана съ жизнью окружающихъ животныхъ, что такой страшный моръ этихъ послѣднихъ долженъ быть отнесенъ къ народнымъ бѣдствіямъ и долженъ вызвать въ человѣкѣ чувство страха за собственное существованіе; но Виргилій не останавливается на этомъ эгоистическомъ чувствѣ. Онъ только намекаетъ на тѣ послѣдствія, какія

повлекло это бѣдствіе для людей. Главное же чувство, которымъ проникнуто все описаніе—это живое участіе къ страданіямъ и мукамъ животныхъ, къ которымъ рокъ былъ столь незаслуженно несправедливъ. Не служитъ ли это свидѣтельствомъ не только поэтическаго такта Виргилія, но вмѣстѣ съ тѣмъ чистоты и непосредственности его натуры, которой былъ чуждъ эгоистическій узкій взглядъ на жизнь, и были присущи въ высшей степени чувство справедливости и нѣжность сердца. Эта нѣжность сердца нашла себѣ еще болѣе полное выраженіе въ IV пѣсни Георгикъ, къ которой мы теперь и переходимъ.

Въ четвертой пѣсни Георгикъ Виргилій говоритъ о пчеловодствѣ.

Приступая къ изложенію своего предмета, онъ проситъ благосклоннаго вниманія Мецената и къ этой части своего труда. Какъ ни маловаженъ кажется предметъ этой пѣсни, но придется повести здѣсь рѣчь о многихъ удивительныхъ вещахъ: и о великодушныхъ полководцахъ, и о нравахъ и стремленіяхъ цѣлаго племени, и о народахъ, и о битвахъ. Правда все это въ миніатюрныхъ размѣрахъ, поэтому и самый трудъ можетъ показаться микроскопическимъ; но и въ такомъ дѣлѣ возможно пріобрѣсть немалую славу тому, кому дозволятъ это завистливые боги, и къ кому благосклонно придетъ на помощь Аполлонъ. Этимъ Виргилій хочетъ сказать, что и негромкій сюжетъ можетъ быть обработанъ съ такимъ дарованіемъ и такимъ искусствомъ, что въ состояніи прославить автора.

Послѣ этого небольшаго вступленія Виргилій переходитъ къ главному предмету пѣсни, т. е. къ пчеловодству.

Сперва, говоритъ онъ, нужно позаботиться о выборѣ мѣста для пасѣки. Оно не должно быть открыто вѣтрамъ, ибо вѣтры мѣшаютъ пчеламъ носить пищу домой; оно должно быть вдали отъ пастбища, потому что скотъ уничтожаетъ цвѣты, мнетъ траву и сбиваетъ съ нея росу. Тамъ не должно быть ни ящерицъ, ни щуровъ, ни ласточекъ и другихъ пернатыхъ, потому что они истребляютъ пчелъ. Но весьма желательно, чтобы тамъ были или чистые ключи, или болото, зеленѣющее мхомъ, или мелкій ручеекъ, бѣгущій по травѣ, и чтобы жилище пчелъ осѣнялось тѣнью пальмы или громадной дикой маслины. Въ воду не дурно набросать ивовыхъ прутьевъ и большихъ камней, чтобы не тонули пчелы, случайно въ нее сброшенныя вѣтромъ. Возлѣ пасѣки пусть цвѣтутъ дикая корица и пахучія растенія—тминъ, чаберъ и фіалки. Самые же ульи,

будутъ ли они сдѣланы изъ коры или лозы, должны имѣть тѣсные входы (летки), для предохраненія ихъ какъ отъ холода, такъ и отъ жара, ибо отъ зимняго холода медъ сгущается, а отъ жара онъ дѣлается слишкомъ жидкимъ. Для пчелъ страшенъ въ равной мѣрѣ и холодъ, и жаръ; поэтому онѣ усердно заклеиваютъ воскомъ и цвѣточною мазью всѣ щели, а къ зимѣ даже и летки, собирая эту клейкую массу лѣтомъ. Часто даже, въ видахъ теплоты, онѣ устраиваютъ себѣ жилище, какъ говорятъ, въ вырытой подъ землею ямѣ, и ихъ находили иногда внутри полой пемзы или сгнившаго пня. Но какія предосторожности ни принимаютъ сами пчелы противъ холода и жара, ты все таки прими и съ своей стороны нужныя къ тому мѣры, и замажь жидкою глиною щели въ ульяхъ и наложи листьевъ наверхъ. Слѣдуетъ наблюдать также, чтобы вблизи пасѣки не росли тиссы, не пекъ кто-нибудь раковъ; равнымъ образомъ не удобна для пчелъ близость глубокаго болота, вонючей грязи и полыхъ, сильно звучащихъ отъ удара, камней и громкаго эха.

Сдѣлавъ указанія на то, въ какихъ мѣстахъ любятъ водиться пчелы, Виргилій изображаетъ затѣмъ жизнь пчелъ, ихъ нравы, свойства и видъ, а также подаетъ практическіе совѣты на счетъ ухода за ними.

Какъ только придетъ весна, и настанетъ ясная и теплая погода, пчелы начинаютъ свою дѣятельность, носясь по лѣсамъ и полямъ и собирая дань съ цвѣтовъ. Въ это время онѣ хлопочутъ о молодомъ поколѣніи; въ это время онѣ искусно устраиваютъ восковыя ячейки и наполняютъ ихъ тягучимъ медомъ. Вскорѣ вылетаютъ рои и подобно облакамъ носятся въ тепломъ воздухѣ. Зная, что пчелы любятъ тѣнистое дерево и сладкіе соки, ты, обрызгавъ дерево сокомъ благовонныхъ травъ мелиссы и вощанки, подними около шумъ, ударяя въ кимвалы: навѣрное, онѣ опустятся на это мѣсто и сами войдутъ въ приготовленный для нихъ улей.

Но если онѣ вышли изъ улья для битвы—это бываетъ при двухъ маткахъ въ ульѣ, что можно напередъ узнать по несомнѣннымъ признакамъ—то успокой волненіе, бросивъ на пчелъ горсть пыли. Послѣ этого одну изъ матокъ предай смерти, и именно ту, которая безобразнѣе на видъ. Ибо матки, какъ и пчелы, бываютъ двухъ родовъ: однѣ имѣютъ красивый видъ и блестятъ золотистыми чешуйками, другія

безобразны и пепельнаго цвѣта. (*) Отъ первыхъ и потомство лучше, и медъ не только сладокъ, но и чистъ и притомъ весьма пригоденъ для того, чтобы смягчить терпкій вкусъ вина.

Если же рой носится съ мѣста на мѣсто и проводитъ время въ праздности и пустыхъ играхъ, то слѣдуетъ прекратить такое безполезное шатанье. Сдѣлать это не трудно: стоитъ только оторвать крылья у матки. Безъ нея ни одна пчела не двинется въ походъ и не оставитъ своего лагеря. Хорошій хозяинъ долженъ посадить вблизи ульевъ сосны и тимьянъ, и вообще заняться разведеніемъ сада. При этомъ Виргилій, изобразивъ нѣсколькими мастерскими штрихами картину огорода и сада, даетъ почувствовать всю прелесть этихъ занятій, но такъ какъ онъ приближается къ концу своего труда, то не останавливается долго на этомъ предметѣ, предоставляя другимъ заняться имъ, и переходитъ къ описанію необыкновенныхъ свойствъ, которыя далъ Юпитеръ пчеламъ, въ награду за то, что онѣ кормили его, какъ гласитъ миѳъ, въ Диктейской пещерѣ.

Вотъ эти свойства. Пчелы однѣ имѣютъ общихъ дѣтей, совмѣстное жилище и повинуются непреложнымъ законамъ, онѣ однѣ знаютъ отечество и домашній очагъ и, помня о предстоящей зимѣ, трудятся лѣтомъ и добытое вносятъ въ общее достояніе. Нельзя не удивляться, что у пчелъ замѣчается самое строгое раздѣленіе труда. Такъ однѣ хлопочутъ о продовольствіи и какъ бы на основаніи заключеннаго договора работаютъ на поляхъ; другія, собирая вблизи ульевъ росу съ цвѣтовъ и тягучій клей съ коры деревьевъ, кладутъ первое основаніе сотовъ, къ которымъ привѣшиваютъ цѣпкія восковыя ячейки; иныя воспитываютъ подростающее поколѣніе—надежду рода; иныя собираютъ медъ и чистымъ нектаромъ наполняютъ ячейки. Есть и такія, которымъ выпало на долю стоять у входа въ улей и слѣдить за погодой или принимать ношу отъ прилетающихъ, или, составивъ изъ себя отрядъ, отгонять отъ сотовъ лѣнтяевъ трутней. Кипитъ работа и отдаетъ тимьяномъ благоухающій медъ.

У болѣе пожилыхъ пчелъ забота о своемъ городѣ, объ укрѣпленіи сотовъ и о сооруженіи искусныхъ построекъ, а помоложе только позднею ночью утомленныя возвращаются домой съ обножками, полными цвѣточ-

(*) Новые натуралисты считаютъ, что этими признаками различается не порода, а возрастъ одной и той же породы пчелъ, именно—молодыя пепельнаго цвѣта, а старыя золотистаго.

ной пыли, которую онѣ собираютъ и съ толокнянки, и съ сизыхъ ивъ, и съ дикой корицы, и съ темножелтаго шафрана, и съ сочной липы, и съ фіолетовыхъ гіацинтовъ. Для всѣхъ одно время отдыха, одинъ трудъ для всѣхъ. Утромъ онѣ устремляются изъ воротъ. нигдѣ не останавливаются, и только тогда летятъ домой и вспоминаютъ о себѣ, когда вечеръ напомнитъ имъ, что пора оставить поля. Возлѣ ульевъ поднимается шумъ и жужжанье; затѣмъ, какъ скоро улеглись на свои ложа, водворяется на ночь глубокая тишина, и сонъ овладѣваетъ ихъ усталыми членами. Если же угрожаетъ дождь, онѣ не удаляются далеко отъ своего жилища, но изъ предосторожности собираютъ воду вблизи стѣнъ своего города и, предпринимая небольшія экскурсіи, часто захватываютъ съ собою камешки, чтобы удобнѣе было балансировать по вѣтру. Нельзя не удивляться страннымъ свойствамъ пчелъ: онѣ не знаютъ брака, не истощаютъ своего тѣла въ наслажденіяхъ любви и не рожаютъ дѣтенышей, но сами приносятъ себѣ во рту будущее потомство, собирая его съ листьевъ и ароматныхъ травъ, (*) сами добываютъ себѣ царя и гражданъ, сооружаютъ дворцы и восковыя царства. Часто случается, что онѣ при снованіи туда и сюда портятъ себѣ крылья и испускаютъ духъ подъ бременемъ непосильной ноши: такъ велика любовь къ цвѣтамъ и желаніе производить медъ! Поэтому, хотя коротокъ ихъ вѣкъ—онѣ не живутъ долѣе седьмаго лѣта—не смотря на то родъ ихъ остается безсмертнымъ, благоденствіе семьи продолжается многіе годы, и можно насчитать много смѣнъ поколѣній. Кромѣ того, благоговѣніе къ маткѣ необыкновенное: такъ не почитаютъ царя своего ни Египетъ, ни громадная Лидія, ни Пароы, ни Персы. Естъ матка—среди пчелъ господствуетъ полнѣйшее единодушіе; погибла она—союзъ расторгнутъ и онѣ сами расхищаютъ собранный медъ и уничтожаютъ рѣшетчатыя соты. Она у нихъ стражъ ихъ трудовъ, ей удивляются, всѣ окружаютъ ее съ большимъ шумомъ и сопровождаютъ толпою, часто подымаютъ на своихъ плечахъ, своимъ тѣломъ защищаютъ ее отъ непріятелей и ради ея не боятся ранъ и съ радостью готовы пожертвовать своей жизнію. Замѣчая такія свойства пчелъ, нѣкоторые думаютъ, что пчелы обладаютъ частицею божественнаго ума и струею небеснаго эѳира, ибо по ихъ мнѣнію божество разлито во всемъ, отсюда все происходитъ и

(*) Древніе натуралисты не знали, что матка кладетъ въ ячейки яички, и думали, что ихъ приносятъ пчелы, собирая съ листьевъ и травъ.

сюда по разложеніи все возвращается, и нѣтъ мѣста смерти, но живымъ все несется къ звѣздамъ и достигаетъ высокаго неба.

Послѣ этого описанія свойствъ и дѣятельности пчелъ и ихъ вида Виргилій останавливаетъ также свое вниманіе на практическихъ совѣтахъ относительно подрѣзыванія сотовъ, лѣченія больныхъ пчелъ и искусственнаго воспроизведенія ихъ въ случаѣ гибели всѣхъ пчелъ въ пасѣкахъ извѣстной мѣстности.

Подрѣзывать соты для полученія меда можно 2 раза въ году, въ Маѣ и Ноябрѣ. Приступая къ этому, слѣдуетъ вымыть руки и ротъ, помня, что пчелы не любятъ дурнаго запаха, а при самой операціи нужно употреблять курушку для предохраненія себя отъ укушенія пчелъ, потому что, само собою разумѣется, пчелы не дозволяютъ грабить себя безнаказанно и съ ожесточеніемъ защищаютъ свое достояніе, даже жертвуя своею жизнію, такъ какъ ужаливая пчела обыкновенно умираетъ, ибо жало ея, отрываясь съ частію внутренности, остается въ тѣлѣ ужаленнаго. Впрочемъ необходимо и оставлять часть меда въ ульѣ для продовольствія пчелъ въ неблагопріятное время. Но какъ бы ни былъ сердоболенъ пасѣчникъ, онъ можетъ и даже долженъ, для пользы самыхъ пчелъ, подрѣзать сухую вощину, окуривъ соты благовоннымъ тимьяномъ, потому что иначе тамъ могутъ завестись различные враги пчелъ, какъ-то: ящерицы, тараканы, трутни, шершни, моль и пауки.

Пчелы, какъ и все живущее въ мірѣ, подвержены также болѣзнямъ. Вотъ признаки, по которымъ можно узнать, что пчелы больны: тотчасъ перемѣняется цвѣтъ ихъ; страшная худоба обезображиваетъ ихъ видъ; замѣчается частый выносъ изъ улья мертвыхъ тѣлъ; онѣ или, сцѣпивъ ножки, висятъ у выходовъ, или въ бездѣйствіи остаются оцѣпенѣлыя въ ульѣ. Тогда слышится въ ульѣ глухой шумъ и протяжное жужжаніе, подобно шуму вѣтра, или морскихъ волнъ, или пламени въ горнѣ. Въ это печальное для пчелъ время полезно подкурить ихъ благовонною смолою и поставить имъ медъ въ самое ихъ жилье. Полезно также примѣшать къ этому меду истолченнаго дубоваго яблочка и сушеной розы, или вывареннаго до густоты молодаго вина, или сушенаго сладкаго Пситійскаго винограда, а также тимьяна изъ Аттики, золототысячника и особенно астры. Корни этого послѣдняго растенія нужно сварить въ ароматномъ винѣ и поставить этотъ кормъ пчеламъ въ полныхъ корытцахъ предъ входомъ въ улей.

Но если у кого нибудь совершенно переведутся пчелы, и не отку-

да взять ихъ на разводъ, то слѣдуетъ прибѣгнуть къ тому средству, которое открыто пастыремъ Аристеемъ и въ которомъ весь Египетъ видитъ одно свое спасеніе. Средство это заключается въ слѣдующемъ. Сначала выбираютъ небольшое мѣсто (не болѣе 10 локтей въ длину и ширину); ограждается оно стѣнами и низкою (вдавленною внутрь) черепичною крышею; въ стѣнахъ дѣлаютъ люки съ косо срѣзанными боками, для того чтобы внутрь проникало какъ можно менѣе свѣта и свѣжаго воздуха. Каждое изъ этихъ отверстій обращено въ сторону одного изъ четырехъ вѣтровъ. Потомъ отыскиваютъ двухгодовалаго бычка и заткнувъ ему носъ и ротъ, бьютъ его до смерти, размягчая этими ударами мясо и внутренности, но не разрывая кожи. Тогда положивъ трупъ его въ описанной постройкѣ (на 20 дней замазываютъ глиною всѣ отверстія, и только послѣ этого на одинъ день допускается внутрь воздухъ и свѣтъ, но не вѣтеръ; затѣмъ отверстія опять закрываются), подкладываютъ подъ бока его зелень тимьяна и только что сорванной дикой корицы. Все это дѣлается раннею весною. Между тѣмъ (на 12-й день, послѣ того какъ сюда данъ былъ доступъ воздуху и свѣту), жидкость, образовавшаяся отъ разложенія крови, мяса и костей, становится горячею, закипаетъ и, удивительное дѣло, тамъ появляются насѣкомыя, сначала безъ ногъ (червячки), но вскорѣ съ крылышками, копошатся и все болѣе и болѣе обнаруживаютъ жизни, пока наконецъ не вырвутся на свѣтъ, какъ брызнувшій изъ лѣтнихъ облаковъ дождь, или какъ туча стрѣлъ, пускаемыхъ Пареянами въ началѣ боя.

Этимъ заканчиваетъ Виргилій дидактическую часть четвертой пѣсни. Хотя она не отличается такою полнотою содержанія, какъ прочія пѣсни, тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ не мало полезныхъ практическихъ совѣтовъ, а относительно наблюдательности автора даже превосходитъ предъидущія пѣсни. Наблюдательность Виргилія отличается впрочемъ особыми свойствами. Предъ нами не сухое изложеніе естествоиспытателя или хозяина о природныхъ свойствахъ пчелъ, а живое изображеніе ихъ жизни, какое можетъ сдѣлать только поэтъ. Читая четвертую пѣснь Георгикъ, мы живо представляемъ себѣ необыкновенно благоустроенное пчелиное царство, гдѣ граждане безъ устали трудятся для общаго блага, и гдѣ господствуетъ необыкновенный порядокъ, благодаря присутствію главы государства и строгому раздѣленію труда между членами его. Какъ ни удивительны это трудолюбіе и этотъ порядокъ въ жизни пчелъ, но еще удивительнѣе ихъ доблести, храбрость

и самоотверженіе для общаго блага. Всѣ эти поистинѣ достойныя удивленія качества пчелъ изображены Виргиліемъ съ такою живостью, что кажется, будто дѣйствительно видишь предъ собою общество разумныхъ существъ, одушевленныхъ тѣми же чувствами, которыми одарены и люди. Эта рельефность изображенія происходитъ главнымъ образомъ отъ искренней горячей любви Виргилія къ природѣ. Только такая любовь къ природѣ могла дать поэту возможность какъ бы переносить читателя въ среду изображаемаго имъ міра. Вотъ напр. картина весны, когда пчелы начинаютъ свою дѣятельность:

Ubi pulsam hiemem Sol aureus egit
Sub terras coelumque aestiva luce reclusit,
Illae continuo saltus silvasque peragrant
Purpureosque metunt flores et flumina libant
Summa leves. (*)

Въ этихъ стихахъ необыкновенно художественно передано впечатлѣніе ослѣпительнаго блеска весенняго солнца и легкости полета пчелъ, носящихся съ цвѣтка на цвѣтокъ по холмамъ, лѣсамъ и прудамъ. Таже легкость полета пчелъ изображена и въ слѣдующихъ стихахъ; въ которыхъ прекрасно выражено также насиліе, какое должно быть употреблено надъ ними:

At cum incerta volant coeloque examina ludunt
Contemnuntque favos et frigida tecta relinquunt,
Instabiles animas ludo prohibebis inani. (**)

А вотъ картина приготовленія къ бою и самой битвы пчелъ, въ которой даже сочетаніемъ звуковъ изображены главные моменты ея, быстро слѣдующіе одинъ за другимъ, и къ послѣднему присоединено весьма живописное сравненіе:

Tum trepidae inter se exeunt, pennisque coruscant,
Spiculaque exacuunt rostris, aptantque lacertos,

(*) Какъ скоро золотое Солнце, толкая зиму, загнало ее подъ землю, онѣ тотчасъ устремляются на холмы и въ лѣса, пожинаютъ пурпуровые цвѣты и захватываютъ воду, едва касаясь легкокрылыя поверхности ручьевъ.

(**) Но когда рои безцѣльно носятся то туда, то сюда, играютъ въ воздухѣ и, пренебрегая сотами, покидаютъ прохладный кровъ, то такое непостоянство умовъ необходимо обуздать, запретивъ имъ пустую игру.

Et circa regem atque ipsa ad praetoria deusae
Miscentur, magnisquo vocant clamoribus hostem.
Ergo ubi ver nactae sudum camposque patentes,
Erumpuut portis, concurritur, aethere in alto
Fit sonitus; magnum mixtae glomerantur in orbem,
Praecipitesque cadunt; non densior aëre grando,
Nec de coucussa tantum pluit ilia glandes. (*)

Нельзя не отмѣтить также превосходнаго эпизода о цвѣтникахъ и огородахъ. Поэтъ нѣсколькими стихами переноситъ насъ въ царство цвѣтовъ, овощей и садовыхъ деревьевъ и рисуетъ мирную картину довольства обладателя богатствами, которыя покупаются только трудомъ и любовью къ этимъ мирнымъ сельскимъ занятіямъ.

Regum aequabat opes animo, seraque revertens
Nocte domum dapibus mensas onerabati inemptis. (**)

Подобная же картина изображена Мицкевичемъ въ его Тадеушѣ, которой этотъ поэтъ придатъ еще болѣе граціи, помѣстивъ среди нея не старика, а дѣвушку,

Подъ вліяніемъ той же любви къ природѣ Виргилій выражаетъ самыя нѣжныя чувства сострадательности къ тѣмъ бѣдствіямъ, которыя неизбѣжны и въ жизни пчелъ, и склоняется къ вѣрѣ, что въ мірѣ нѣтъ мѣста смерти. Видимая смерть есть только разложеніе тѣла на составные элементы и возвращеніе ихъ къ первоначальному источнику. Такимъ образомъ всѣ эти элементы въ полной силѣ своего бытія, своей жизни несутся въ область звѣздъ и достигаютъ высокаго неба.

Изъ приведенныхъ описаній нельзя не заключить, что самый сухой по видимому предметъ подъ перомъ Виргилія получаетъ живость

(*) Тогда содрогаясь сходятся между собою, повертываютъ блестящими крылышками, острятъ въ хоботкахъ жала и расправляютъ члены, густою толпою окружаютъ матку у самыхъ ея палатокъ и громкимъ крикомъ вызываютъ непріятеля. Итакъ, какъ скоро настанетъ ясная весна съ безоблачнымъ небомъ, онѣ устремляются изъ воротъ, сшибаются, въ высотѣ слышится сильный шумъ, кружатся, смѣшавшись въ большой клубъ, и стремглавъ падаютъ; не такъ густо съ облаковъ падаетъ градъ, и не такъ сильно дождитъ желудями сотрясенный дубъ.

(**) Въ душѣ равнялся онъ богатствами царямъ и, возвращаясь позднею ночью домой, обременялъ столы некупленными яствами.

и поэтичность и, можно смѣло сказать, что этими свойствами отличается вся дидактическая часть этой пѣсни.

Въ остальной части ея Виргилій разсказываетъ миѳъ о томъ, какъ пастырь Аристей, послѣ того какъ лишился пчелъ, снова добылъ ихъ. Что касается этого разсказа, то онъ составляетъ перлъ поэтическаго созданія въ этой пѣсни. Здѣсь особенно замѣчательно изображеніе водянаго царства Нимфъ и подземнаго царства Плутона. Предъ нами рисуется картина безмятежной жизни Нимфъ, которыя, разметавъ золотистыя кудри по бѣлоснѣжной шеѣ, проводятъ время въ пряжѣ густо окрашенной въ зеленый цвѣтъ шерсти и веселыхъ поэтическихъ разговорахъ о любовныхъ похожденіяхъ боговъ. Прекрасно изображено это водное царство, гдѣ сосредоточены всѣ зачатки рѣкъ и въ пещерахъ котораго заключены источники всѣхъ озеръ міра. Живо представляется читателю картина покоевъ Нимфы Цирены и ея житейскихъ обычаевъ. Съ такою же живостью изображено и мѣстопребываніе другого водянаго божества Протея, этого Нептунова пастуха, который надзираетъ за безчисленными морскими стадами бога моря и которому въ награду за это далъ Нептунъ даръ пророчества. Эти изображенія проникнуты чувствомъ спокойствія и довольства. Но это настроеніе вскорѣ смѣняется чувствомъ скорби при изображеніи картины ада, которое еще усиливается изображеніемъ безъисходнаго горя Орфея, дважды потерявшаго нѣжно любимую имъ супругу Эвридику. Въ первый разъ Эвридика, рѣзвясь среди Нимфъ, подругъ своихъ, умерла отъ укушенія змѣи, которой она не замѣтила, когда въ испугѣ бѣжала отъ преслѣдованій Аристея. Зарыдали горы и рѣки окрестныхъ странъ. Загоревалъ и Орфей и запѣлъ свою печальную пѣсню, сопровождая ее игрою на лирѣ. (*) Съ пѣснью своею онъ прошелъ весь адъ и сю возвратилъ свою дорогую супругу. Но, увлеченный пламенною любовью, не могъ удержаться, вопреки условію, чтобы, выходя изъ подземнаго царства, не взглянуть на Эвридику. Тогда послышались три подземныхъ

(*) Ipse, cava solans aegrum testadine amorem,
Te, dulcis conjunx, te solo in litore secum
Te, veniente die, te decedante canebat.

(Самъ, врачуя уязвленную любовь лирою, тебя, дорогая супруга, одиноко воспѣвалъ онъ на пустынномъ берегѣ отъ восхода до захода солнца).

громовыхъ удара, и Эвридика, плача и простирая руки къ супругу, начала исчезать изъ глазъ его, какъ дымъ таетъ въ воздухѣ. Потерявъ во второй разъ, и уже безвозвратно, свою дорогую Эвридику, Орфей предался безутѣшному горю. Его жалобную пѣснь поэтъ сравниваетъ съ печальною пѣснью филомелы (соловья), у которой похитили безперыхъ птенцовъ. Ничто не могло утѣшить Орфея; постоянно раздавалась въ угрюмыхъ снѣжныхъ долинахъ Ѳракіи его жалобная пѣсня, пока не нашелъ онъ смерти среди неистовствующихъ Вакханокъ. Но и послѣ этого, когда оторванная голова его уже плыла по рѣкѣ, изъ холодныхъ устъ ея слышалось имя Эвридики, которое повторяли отдаленные берега рѣки.

Eurydicen vox ipsa et frigida lingua
Ah, miseram Eurydicen! anima fugiente vocabat;
Eurydicen toto referebant flumine ripae. (*)

Не напоминаетъ ли такое окончаніе Виргиліева разсказа объ Орфеѣ нашихъ романтиковъ поэтовъ?

Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.

(Пушкинъ „Полтава").

Эта нѣжность чувствъ Виргилія несомнѣнно сближаетъ его поэзію съ поэзіею новыхъ временъ. (**)

(*) Холодный языкъ, когда отлетѣла душа, произносилъ самъ собою имя Эвридики, ахъ, несчастной Эвридики! и это имя по всей рѣкѣ повторяло эхо береговъ.

(**) *Примѣчаніе.* Есть извѣстіе, что вмѣсто разсказа объ Аристеѣ, а по другимъ, только вмѣсто миѳа объ Орфеѣ, въ первоначальной редакціи Георгикъ Виргилій помѣстилъ похвалу своему другу поэту Галлу, который въ то время былъ правителемъ Египта, но что послѣ того, какъ Галлъ навлекъ на себя опалу Августа и лишилъ себя жизни, Виргилій въ угоду Августу выбросилъ изъ поэмы панегирикъ Галлу, замѣнивъ его миѳомъ объ Аристеѣ или, по другимъ, миѳомъ объ Орфеѣ. Извѣстіе это не заслуживаетъ вѣроятія по многимъ причинамъ, о которыхъ не считаемъ нужнымъ здѣсь распространяться. Самое большее, что можно предположить—это то, что можетъ быть Виргилій помѣстилъ нѣсколько стиховъ, въ которыхъ дружески упоминалъ о Галлѣ и которые потомъ выбросилъ, вѣроятно не желая нарушить общей успокоивающій мирный тонъ поэмы. Во всякомъ случаѣ миѳъ объ Аристеѣ и Орфеѣ не есть что нибудь пришитое и не вяжущееся со всѣмъ содержаніемъ пѣсни, но составляетъ органическую часть ея.

Свою послѣднюю пѣснь Виргилій оканчиваетъ весьма искусно написаннымъ послѣсловіемъ. Въ немъ онъ перечисляетъ кратко предметы своего настоящаго пѣснопѣнія, а также обозначается время и мѣсто созданія Георгикъ. При этомъ поэтъ пользуется случаемъ въ нѣсколькихъ словахъ изобразить величіе подвиговъ Августа, сопоставивъ ихъ съ своими ничтожными дѣлами и намекнувъ, что какъ прежде, такъ и теперь поэзія его, какихъ бы предметовъ ни касалась, имѣла самое близкое отношеніе къ Августу. И дѣйствительно Виргилій былъ искреннимъ поклонникомъ этого великаго человѣка и вдохновлялся его идеями. Удалить Римское общество отъ политики и сосредоточить его вниманіе на мирныхъ занятіяхъ сельской и городской общественной и семейной жизни было главнымъ стремленіемъ Августа, и Виргилій является вѣрнымъ пособникомъ ему въ этомъ дѣлѣ. Такимъ является впрочемъ Виргилій не изъ угодничества предъ высокопоставленнымъ лицемъ, не изъ желанія заслужить отъ него какія нибудь милости, (*) но въ силу своихъ искреннихъ убѣжденій, своего характера и своихъ природныхъ наклонностей. Чуждый шума политической дѣятельности, столкновенія страстей и борьбы партій, напротивъ искренно любя тишину селской жизни, природу и занятія науками, Виргилій въ своей поэзіи ни разу не измѣняетъ своимъ природнымъ наклонностямъ и своему призванію. Поэтому тамъ, гдѣ онъ воспѣваетъ предметы, имѣющіе близкую связь съ природою и съ ученостью, онъ является истиннымъ художникомъ. А сельское хозяйство, воспѣтое имъ въ Георгикахъ, и принадлежитъ именно къ такимъ предметамъ.

Напомнимъ же читателю тѣ главныя черты художественности этой поэмы, о которыхъ мы упоминали при передачѣ содержанія ея, и изложимъ ихъ въ болѣе систематическомъ порядкѣ, чѣмъ это можно было сдѣлать прежде.

Мысль Виргилія изобразить природу въ картинахъ сельской жизни отличается оригинальностью и вполнѣ соотвѣтствуетъ національному характеру Римскаго народа, обстоятельствамъ времени и личному настроенію поэта. До Виргилія ни одинъ изъ Римскихъ поэтовъ не затрогивалъ этого сюжета, и хотя Греческая литература обладала подобными произведеніями, но Виргилій отнесся къ нимъ вполнѣ самостоятельно,

---

(*) Есть извѣстіе, что Виргилій отказался отъ конфискованнаго имѣнія, предложеннаго ему въ подарокъ Августомъ.

наложивъ на свои заимствованія печать собственнаго генія. Эти заимствованія были необходимы: какъ въ ученомъ трактатѣ не можетъ писатель игнорировать своихъ предшественниковъ, такъ и въ дидактической поэмѣ поэтъ не можетъ не воспользоваться результатами трудовъ своихъ собратовъ. Но если эти необходимыя и невольныя заимствованія проникнуты инымъ духомъ, служатъ другой идеѣ, имѣютъ новую окраску, то они не умаляютъ оригинальности произведенія.

Подъ вліяніемъ какихъ же историческихъ и психологическихъ факторовъ сложилась оригинальность Георгикъ Виргилія?

Римлянинъ въ своемъ идеальномъ видѣ—это земледѣлецъ, воинъ и администраторъ. Земледѣліе въ первыя времена Римскаго государства было въ большомъ почетѣ. Истые Римляне времемъ республики не только не гнушались сельскимъ хозяйствомъ, но иногда сами собственноручно взрывали плугомъ родныя нивы. Съ расширеніемъ государства, увеличеніемъ богатствъ и упадкомъ нравовъ земледѣліе въ Италіи пришло въ упадокъ. Поднять эту отрасль промышленности, возбудить прежнюю охоту къ сельскому хозяйству было искреннимъ желаніемъ всѣхъ патріотовъ современной Виргилію эпохи и даже такихъ дальновидныхъ политиковъ, какъ Меценатъ и Августъ. Поэтому Виргилій, создавая Георгики, удовлетворялъ потребностямъ вѣка и высокимъ чувствамъ благороднаго патріотизма; онъ являлся истиннымъ сыномъ своего народа и вѣка. Но къ выбору сельскаго хозяйства предметомъ поэмы склонялъ также Виргилія и его личный характеръ. Онъ избѣгалъ города и его шума и горячо любилъ уединеніе, занятія науками и сельскую природу.

О, дайте подышать отрадою свободы
На лонѣ мирныхъ селъ, въ объятіяхъ природы!
На свѣтлыхъ берегахъ, въ зеленой древъ тѣни,
Безвѣстный проведу златые счастьемъ дни.
Гдѣ Сперхій?... гдѣ Тайгетъ, во дни священныхъ оргій
Въ сердца Спартанскихъ дѣвъ вливающій восторги?
О! кто на мшистый Гемъ меня перенесетъ;
И тѣни надъ главой прохладныя совьетъ? (*)

Почти вся жизнь его протекла среди полей и лѣсовъ родной Италіи. Эта любовь къ природѣ, сельской жизни и родинѣ кладетъ неиз-

(*) Георгики II, 485 и слѣд. въ переводѣ Раича.

гладимую печать оригинальности на его поэму. Въ поэмѣ ясно отразились также и другія основныя черты характера Виргилія. Чистая душа поэта была полна благоговѣнія къ богамъ и благодарности къ своимъ благодѣтелямъ Меценату и Августу, котораго онъ по глубокому искреннему убѣжденію считалъ и благодѣтелемъ всего Римскаго народа; она была полна также дѣвственной стыдливости, сострадательности не только къ людямъ, но и вообще къ живымъ существамъ, и наконецъ той грусти, той меланхоліи, которая роднитъ Виргилія съ поэтами романтической школы новаго времени. Всѣ эти чувства отразились въ его поэмѣ Георгикахъ и придали ей характеръ вполнѣ оригинальнаго произведенія.

Дидактическая часть поэмы стоитъ на высотѣ современнаго Виргилію состоянія знаній по сельскому хозяйству, обнаруживая въ авторѣ основательное знакомство съ тѣмъ, что было сдѣлано до него въ этой области знанія. Кромѣ того она заключаетъ въ себѣ много практическихъ совѣтовъ, доказывающихъ, что авторъ и въ жизни своей близко стоялъ къ этому дѣлу. Не смотря на обширность предмета, Виргилій не потерялся среди этого безпредѣльнаго океана и, придерживаясь, какъ онъ выражается, берега, съумѣлъ выбрать въ немъ такіе пункты, которые, составляя существенную часть предмета, представляли болѣе опредѣленности и интереса. Къ этому онъ присоединилъ эпизоды, которые, имѣя тѣсную связь съ главнымъ сюжетомъ поэмы и не нарушая цѣлости ея, придаютъ произведенію особенную прелесть. Такимъ образомъ содержаніе Георгикъ отличается основательностью, ясностью и занимательностью, а расположеніе этого содержанія—необыкновенною естественностью. Еще болѣе таланта обнаружилъ Виргилій относительно внѣшней формы своего произведенія. Не смотря на столь прозаическій по видимому сюжетъ, какъ сельское хозяйство, Виргилій изображаетъ его такъ, что читатель невольно увлекается. Подъ перомъ Виргилія даже неодушевленная природа часто получаетъ жизнь: вообще же изложеніе его отличается картинностью и нерѣдко проникнуто неподдѣльнымъ чувствомъ. Для большей живости изображенія Виргилій съ необыкновеннымъ искусствомъ пользуется миѳологіею. Картины его почти всегда начертаны съ такою рѣзкою опредѣленностью, что кажется, будто ихъ изображаетъ не перо поэта, а рѣзецъ ваятеля. Чувство, которымъ проникнуто все произведеніе, есть искренняя, горячая любовь къ природѣ, съ преобладаніемъ меланхолическаго настроенія. Тѣмъ не менѣе нельзя упрекнуть Виргилія за однообразіе тона въ Георгикахъ. Тонъ ихъ час-

то мѣняется сообразно разнообразію чувствъ, которыми полна душа поэта.

Языкъ поэмы, не смотря на изобразительность его, не страдаетъ напыщенностью. Для поэта часто достаточно въ цѣломъ стихѣ одного изобразительнаго слов . чтобы глазамъ читателя представилась цѣлая картина. Выраженія отличаются ясностью, простотою и удобопонятностью, такъ что слогъ и языкъ Георгикъ могутъ считаться образцовыми. Такая же рука мастера замѣтна и въ отдѣлкѣ стиха. Гекзаметры Георгикъ отличаются правильностью и гармоничностью. Такъ называемыя поэтическія вольности въ построеніи стиха допускаются Виргиліемъ весьма рѣдко и оправдываются почти всегда требованіемъ мысли или чувства, которыя хотѣлъ выразить поэтъ. Вообще форма поэмы соотвѣтствуетъ содержанію ея. Разнообразіе картинъ, чувствъ и настроеній находитъ соотвѣтственное выраженіе въ разнообразіи перелива тоновъ стиха посредствомъ разнообразнаго сочетанія краткихъ и долгихъ слоговъ, различнаго мѣста цезуры и разнообразнаго выбора словъ, которыя иногда составомъ своихъ звуковъ способствуютъ тому или другому впечатлѣнію. Такое полное соотвѣтствіе образовъ и звуковъ мыслямъ и чувствамъ поэта, какъ бы органическое сліяніе содержанія и формы произведенія, составляютъ главный признакъ его изящества. Поэтому Георгики Виргилія всегда считались образцовымъ произведеніемъ, дѣйствительно доставившимъ поэту ту славу, о которой онъ мечталъ.

Temptauda via est, qua me quoque possim.
Tollere humo victorque virum volitare per ora. (*)

(*) Нужно попытать путь, чтобы и я могъ подняться отъ земли и какъ побѣдитель витать на устахъ человѣчества.